

J. 3

10

СОБРАНИЕ ВОЛЖА

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

СЪВЪЩЕНІЕ

А. И. ПУШКИНА.

ТОМЪ I.

СОБРАНІЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

ТОМЪ II.

WYDZIAŁ FIZYKI

STOPIEŃ WYŻSZY

ROZPRAWY

WYDZIAŁ FIZYKI

1954

СОЧИНЕНИЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ П.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

Петровка, д. Михалкова, № 5.

1883.

<http://rcin.org.pl>

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ХОЗАРОВЪ

и

МАРИ СТУПИЦЫНА.

БРАКЪ ПО СТРАСТИ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Мелкія натуры только претендуютъ на любовь и неудачно драпируются плащомъ Ромео и Юліи.

Въ одномъ изъ московскихъ переулковъ вѣроятно еще и теперь стоитъ большой каменный домъ, на воротахъ коего нѣкогда красовалась вывѣска съ надписью: *Здѣсь отдаются квартиры со столомъ, спросить госпожу Замшеву.* Осеннее солнце (это было часу въ десятомъ утра) заглянуло, между прочимъ, и въ квартиры со столомъ, и въ комнатѣ, занимаемой хозяйкою, освѣтило обычную утреннюю сцену. Госпожа или, лучше сказать, дѣвица Замшева сидѣла передъ столомъ и пила чай; передъ нею, нѣсколько въ почтительномъ отдаленіи, стояла баба. Нельзя

сказать, чтобы объ эти женщины, хотя и были освѣщены волшебнымъ свѣтомъ солнца, представляли живописныя фигуры. Почтеннѣйшая хозяйка, дѣвица слишкомъ за сорокъ, одѣтая въ какой-то не совсѣмъ опрятный капоть-распашенку, имѣла лицо страшно рябое и очень тоненькую и жидкую косу, которыя, обыкновенно, называются мышинными хвостами. Костлявыя руки дѣвицы Замшевой, вообще немного плоской и худой, носили на себѣ остатокъ утренней возни съ провизіею. Про бабу и говорить нечего: это былъ какой-то грязный комокъ, — комокъ, впрочемъ, плотный и здоровый.

— Такъ ты сдѣлаешь супъ изъ телятины, — начала хозяйка: — сосиски подъ капустой и зажаришь голубей, да еще изъ вашей говядины выбери получше кусочекъ и свари щи и завари кашу.

— Всѣмъ всяво давать? спросила баба.

— Опять всѣмъ! Развѣ я тебѣ, глупая, не толковала, — возразила хозяйка: — во второй номеръ пошли всего и спроси, чего угодно. Сибариту дай только супу и сосисокъ. Терапонту Григорьичу пошли щей, сосисокъ и каши. Въ четвертый номеръ отошли только супу безъ телятины и кашу, да смотри, какъ можно меньше масла.

— Да, вчера и то чуть не прибили, — замѣтила баба.

— Вотъ прекрасно, рассуждаешь еще! Не твое дѣло, — возразила хозяйка.

— Да вѣдь дерутся; этта, черноволосый-то въ кухню прибѣжалъ, лаялся, лаялся, ажно ухватъ схватилъ!

— Велика важность, ухватъ схватилъ! Имъ же хуже!

Въ пятый номеръ ничего не посылай, кромѣ супу: человѣкъ больной, ему діета нужна. Въ шестой номеръ пошлешь всего и спросишь: чего хотятъ, да голубей отпраздуй парочку: онъ охотникъ.

— Не запомню, Татьяна Ивановна, вся ваша воля, не запомню,—отвѣчала кухарка.

— Ну, такъ и есть, перемѣшай опять.

— Вся ваша воля, памяти на алтынъ нѣтъ.

— Поди, этакій деревенскій неучъ! Еще не безъ чего четвертый годъ въ Москвѣ живешь,—возразила съ сердцемъ Татьяна Ивановна. —Дай мнѣ умыться,—сказала она и начала доставать изъ комода мыло, полотенце и угольный порошокъ. Кухарка, между тѣмъ, достала изъ-подъ кровати тазъ съ огромнымъ умывальникомъ. Распустивъ совершенно капоть-распашенку, Татьяна Ивановна первоначально натерла зубы угольнымъ порошокомъ, выполоскала ихъ потомъ и, вслѣдъ затѣмъ, принялась обмывать руки, лицо и даже грудь. Почти цѣлое ведро было издержано на омовеніе ея сокромѣлѣнныхъ прелестей, которыя потомъ, какъ водится, были старательно обтерты полотенцемъ, а кухарка отослана къ исполненію ея прямыхъ обязанностей. Оставшись одна, Татьяна Ивановна принялась убирать волосы. Приведя голову въ порядокъ, она вынула изъ комода пузырекъ съ бѣлою жидкостью и начала оною натирать лицо, руки и шею; далѣе, вынувъ изъ того же комода ящичекъ съ краснымъ порошкомъ, слегка покрыла имъ щеки. Украсивъ такимъ образомъ свое лицо и возложивъ на себя извѣстное число юпокъ, Татьяна Ивановна наконецъ надѣла свое холстинковое почти-новенькое платье и — странное дѣло, что значитъ женскій туалетъ! — передъ вами

какъ будто появилась другая женщина; не говоря уже о томъ, что рябины разгладились, стали гораздо незамѣтнѣе, что цвѣтъ лица сдѣлался совершенно другой, что самая худоба стана пополнила, но даже коса, этотъ мышинный хвостъ, сдѣлалась гораздо толще, роскошнѣе и весьма красиво сложилась въ нѣчто въ родѣ корзинки.

Одѣвшись совершенно, Татьяна Ивановна намѣревалась приступить къ подвигу хожденія по номерамъ для собиранія денегъ съ своихъ постояльцевъ.

Изъ послѣдующихъ сценъ мы убѣдимся, что это былъ дѣйствительно подвигъ, — подвигъ трудный и рѣдко сопровождавшійся должнымъ успѣхомъ. Въ эпоху предпринятаго мною разказа, у двѣицы Замшевой постояльцами были: какой-то малороссъ, человекъ еще молодой, который первоначально всякій день куда-то уходилъ, но вотъ уже другой мѣсяцъ сидѣлъ все, или, точнѣе сказать, лежалъ дома, хотя и былъ совершенно здоровъ, за что Татьяной Ивановной и прозванъ былъ сибаритомъ; другіе постояльцы: музыкантъ, старый помѣщикъ, двѣ неопредѣленные личности, танцевальный учитель, съ полгода болѣвшій какою-то хроническою болѣзнію, и, наконецъ, молодой помѣщикъ Хозаровъ. Татьяна Ивановна, какъ могли мы замѣтить изъ предъидущаго ея разговора въ отношеніи обѣда съ кухаркою, не одинакимъ образомъ третировала своихъ постояльцевъ. Она раздѣляла ихъ на три класса: на *милашекъ*, на *такъ-себъ* и на *гадкихъ*. Къ числу *милашекъ* принадлежали: двое помѣщиковъ и музыкантъ, который былъ, впрочемъ, тайный *милашка*, и о немъ она даже мало говорила; къ *такъ-*

себѣ относились: сибаритъ и танцовальный учитель; къ *гаджимъ*: двѣ неопредѣленные личности.

Постояльцы, съ своей стороны, именовали Татьяну Ивановну *почтеннѣйшая*. Выйдя изъ своей комнаты, Татьяна Ивановна подошла къ первому номеру, то есть къ сибариту.

— Чго, можно? — спросила она, пріотворивъ немного двери.

— Можно, — отвѣчалъ голосъ изнутри.

— Да вы въ постель?

— То-есть я на кровати.

— Ну, такъ прикройтесь.

— Войдите, прикрылся.

Для объясненія такого рода переговоровъ, я долженъ здѣсь замѣтить, что малороссъ, не смотря на громкое титуло сибарита, имѣлъ не совсѣмъ полный комплектъ утреннихъ и ночныхъ принадлежностей человѣка. Онъ ограничивался одною ваточною шинелью, которую онъ, обыкновенно, подстилалъ подъ себя, не прикрывая себя сверху ничѣмъ.

Не смотря на увѣренія постояльца, что онъ прикрылся, дѣвица Зашмева не вѣрила и входила въ комнату, стараясь быть къ кровати жильца спиною, и въ томъ же самомъ положеніи начинала съ нимъ вести дальнѣйшіе переговоры.

— Я къ вамъ.

— А что?

— Нѣтъ ли у васъ денегъ?

— Увы, Татьяна Ивановна, совершенно нѣтъ.

— Да какъ же мнѣ-то дѣлать?

— Не знаю, моя почтеннѣйшая!

— Вы за три мѣсяца не платили.

— Вы себя обсчитываете, почтеннѣйшая. Съ процентами больше, чѣмъ за три. Что дѣлать! Я бы вамъ сейчасъ отдалъ за четыре, но нема пенензы.

— Ахъ, какой вы смѣшной! Да что теперь я-то буду дѣлать?

— Одно только: выслушайте меня, почтеннѣйшая Татьяна Ивановна! Неужели же вы думаете, чтобы я, имѣя деньги, отказалъ себѣ въ трубкѣ табаку? Но я теперь не курю, слѣдовательно теперь у меня нѣтъ денегъ.

— А третьяго дня на что въ трактиръ ходили, и пьяный еще Матрену, безстыдникъ этакой, обругалъ?

— Ахъ, Татьяна Ивановна, не растравляйте раны! Это былъ сонъ, и сонъ прекрасный, но онъ миновался и сегодня не повторится.

— Да не со сна же вы опьянѣли? Гдѣ денегъ-то взяли?

— Денегъ у меня не было, но ко мнѣ явился благодѣтельный геній и сказалъ: надѣнь мой сюртукъ, мои калоши, пойдемъ въ трактиръ, пей и ѣшь.

— Все вы лжете: откуда вамъ денегъ-то пришлютъ?

— Ну, это другой вопросъ. Денегъ должны мнѣ прислать: во-первыхъ, отецъ, во-вторыхъ тетки, въ третьихъ, братья, въ-четвертыхъ, сестры.

— Да, вотъ, такъ и ждите.

— Непремѣнно пришлютъ.

— Ну, смотрите, больше нынѣшняго мѣсяца не стану ждать, — отвѣчала Татьяна Ивановна и съ тою же предосторожностію начала выходить изъ номера.

— Татьяна Ивановна, а Татьяна Ивановна! — кри-

чалъ ей вслѣдъ сибарить:—пришлете мнѣ сегодня обвѣдать?

— Не знаю.

— Пришлите, пожалуйста, да чтобы супъ-то былъ немного повкуснѣе, а то въ простой водѣ больше жиру; хоть хлѣба присылайте побольше.

Татьяна Ивановна на эти слова ничего не отвѣтила и слѣдующій за тѣмъ номеръ прошла мимо; въ немъ проживалъ секретный ея милашка, музыкантъ; она къ нему никогда не заходила по утрамъ. Въ ближайшій номеръ дѣвица Замшева вошла безъ всякихъ предосторожностей, съ выраженіемъ лица болѣе веселымъ, совершенно добрымъ и нѣсколько даже почтительнымъ. Въ этомъ номерѣ жилъ милашка — старый помѣщикъ, значительно толстый и сильно обросшій усами и бакенбардами. Комната его, по своему убранству, совершенно не походила на предъидущій номеръ: во-первыхъ, на кровати лежала трехпудовая перина и до пяти подушекъ; по стѣнамъ стояли: ящики, ящички, два тульскія ружья, нѣсколько черешневыхъ чубуковъ, висѣли четверня московскихъ шлей съ оголовками и калмыцкій тулупъ; по окнамъ стояли чашки, кофейникъ, судокъ для винъ, графинъ съ водой и фунта два икры, московскій калачъ и десятокъ редиски. Самъ помѣщикъ, въ толсто-настеганномъ шерстяномъ халатѣ, сидѣлъ передъ новенькимъ огромнымъ самоваромъ изъ красной мѣди и кушалъ чай. Сзади его лакей въ домотканномъ чепанѣ поправлялъ на оселкѣ бритву.

— Кто тамъ? — закричалъ милашка-помѣщикъ, услышавъ скрипъ дверей.

— Хозяйка, — отвѣчалъ лакей.

— А!... — произнесъ помѣщикъ: — что скажете, голубушка? Не хотите ли чаю?... Ванька, подай ей чаю.

— Я пришла навѣдаться, хорошо ли вамъ.

— Ничего... идетъ; только клоповъ или блохъ много.

— Блохи, должно быть, беспокоили васъ. Клоповъ здѣсь совершенно нѣтъ. Я, вотъ, здѣсь третій годъ живу, а никогда ни одного клопа въ глаза не видала, — отвѣчала Татьяна Ивановна: — не знаю, какъ бы вамъ помочь въ этомъ: крапивы развѣ подъ простыню подложить? Говорятъ, это помогаетъ.

— Ничего не надо, и такъ сойдетъ; а вотъ что, голубушка, суповъ-то мнѣ своихъ не подавай: мерзость страшная.

— Я думала, что вы изволите любить.

— Какого тутъ чорта любить! Вари мнѣ щи, да и голубями не изволь потчивать: я этой мерзости совсѣмъ не ѣмъ.

— Слышала, батюшка Ферапонтъ Григорьичъ, слышала: съ сегодняшняго же дня велѣла приготовить столъ по вашему вкусу. У насъ, вѣдь, нельзя-съ, стоять больше иностранцы.

— Ну, иностранцевъ и корми супами; а мнѣ этихъ помой не надобно.

— Слушаю-съ, — отвѣчала хозяйка: — а вы, я вижу, еще покупку сдѣлали, — прибавила она, оглядывая комнату: — хомутики изволили купить?

— На цѣлую четверню хватилъ, матушка. Ванька, покажи хозяйкѣ хомуты. Ну, посмотри, во сколько оцѣнишь?

— Не могу сказать, Ферапонтъ Григорьичъ: совершенно неопытна въ конскихъ вещахъ.

— Да ты посмотри, какой ремень-то: совершенный бархатъ.

— Вижу, батюшка, ремень отличившій; но, признаться сказать, мнѣ больше всего нравится шляпка, что для супруги изволили купить.

— Ха, ха, ха!.. ты вѣдь думала, что я ее на Кузнецкомъ купилъ?

— Да вы и то безпремѣнно на Кузнецкомъ купили, но фасону видно.

— Ха, ха, ха!.. на Ильинкѣ за двадцать пять рублей. Даромъ, матушка, что деревенщина, не надуютъ.

— А я было къ вамъ пришла, Ферапонтъ Григорьевичъ...

— А что?

— Да деньжонокъ...

— Вотъ тебѣ на! Я, вѣдь, тебѣ и те за цѣлый мѣсяцъ далъ впередъ.

— Нужно, батюшка, видить Богъ, нужно; ну, хочется, чтобы всѣмъ было покойно.

— Нѣтъ, мадамъ, больше не дамъ.

— Батюшка, Ферапонтъ Григорьевичъ, не погубите, совершенно погибаю: все перезаложила, съ позволенія сказать, ювку третьяго дня продала на толкучкѣ.

— Да, вѣдь, и то я тебѣ задавалъ впередъ.

— Благодаритель мой, вы еще здѣсь пробудете. Сдѣлайте божескую милость: дайте.

— Экая, вѣдь, ты нуня! ну, на, десять рублей.

— Одолжите, благодаритель, двадцать.

— Не дамъ, пошла вонъ! — закричалъ, осердившись.

помѣщикъ: — дармовды этикіе московскіе! — прибавилъ онъ вполголоса.

— Багюшка, Ѳерапонть Григорьичъ, нужно. Неужели бы я осмѣлилась васъ беспокоить, если бы не крайность моя?

— Ну, ладно, прощай: мнѣ бриться пора.

Татьяна Ивановна пошла.

Для объясненія грубаго тона, который имѣлъ съ Татьяной Ивановной Ѳерапонть Григорьичъ, — человекъ вообще порядочный, — я долженъ замѣтить, что онъ почтеннѣйшую хозяйку совершенно не отдѣлялъ отъ хозяекъ на постоянныхъ дворахъ, и единственное находилъ между ними различіе въ томъ, что тѣ русскія бабы и ходятъ въ сарафанахъ, а эта пзъ нѣмокъ и рядится въ платье, но что всѣ онѣ ужасныя плутовки и подхалимки.

Въ ближайшемъ номерѣ помѣщались двое гадкихъ ея постояльцевъ. Въ комнатѣ ихъ, какъ и въ будуарѣ сибарита, ничего не было, кромѣ двухъ дивановъ, одного стола и стула. Эти два человекъ жили, кажется, очень дружно между собою и цѣлые дни играли въ преферансъ, принимаясь за это дѣло съ самаго утра и продолжая оное до поздней ночи. По наружности они были частію схожи: оба были одѣты въ страшно запачканные халаты; ноги одного покоились въ валежныхъ сапогахъ, а у другаго — въ калошахъ; лица были у обоихъ испитыя, нечистыя, съ небритыми бородами и съ взъерошенными — у одного черными, а у другаго бѣлокурыми — волосами.

Во время прихода Татьяны Ивановны они были за обычнымъ своимъ дѣломъ, то-есть играли въ пре-

терансь. Хозяйка вошла къ нимъ въ номеръ съ физиономією гордою и строгою.

— А вы ужь съ раннего утра и за карты! И праздника-то на васъ нѣтъ, грѣхководники этакіе, — сказала она, подходя къ столу.

На эти слова игроки ничего не отвѣчали.

— Ты въ чемъ игралъ? — спросилъ одинъ изъ нихъ товарища.

— Въ червахъ безъ одной, — отвѣчалъ другой.

— Нечего тутъ въ червахъ; денегъ давайте лучше, — проговорила хозяйка.

— Кушилъ, — сказалъ одинъ игрокъ.

— Бубны, — перебилъ его партнеръ.

— Да что это, глухи, что ли, вы стали? Я пришла за деньгами.

— Пасъ и не приглашаю, — сказалъ игрокъ.

— Безстыдники этакіе! Еще благородные, а хотятъ чужой хлѣбъ даромъ ѣсть.

— Ну, ну, потише, почтеннѣйшая! — сказалъ одинъ изъ постояльцевъ: — куплю!

— Нечего потише... Что вы, племянники, что ли, мнѣ, васъ даромъ держать?

— Пикендрасы, — проговорилъ его товарищъ.

— Да что я вамъ на смѣхъ, господа, что ли, далась? — сказала, начиная не на шутку сердиться, Татьяна Ивановна: — сегодня же извольте съѣзжать, когда не хотите платить денегъ, а не то, право, въ полицію пойду, разорители этакіе!

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучныхъ дней!

— Безкозырная, — прибавилъ онъ.

— Вистъ съ болваномъ, — отвѣчалъ другой и тоже запѣлъ:

Среди богатства, чести, славы!

Татьяна Ивановна совершенно вышла изъ себя и плюнула.

— Провалиться мнѣ сквозь землю, если я дамъ вамъ сегодня обѣдать; топить не стану; вьюшки оберу, разбойники этакіе... грабители!.. Туда же въ карты играютъ; милостинками, что ли, другъ другу платить станете? — говорила она, выходя изъ номера.

— Ваня, — сказалъ одинъ изъ постояльцевъ: — гривенникъ есть у тебя?

— Есть, — отвѣчалъ другой.

— Ладно; а то, братъ, дура-то не пришлетъ обѣдать.

— Ничего... хлѣба купимъ... Пики!

Между тѣмъ Татьяна Ивановна отправилась въ другой номеръ, въ которомъ проживалъ ея постоялецъ *такъ-себѣ* — танцевальный учитель; онъ, худой какъ мертвецъ, лежалъ на диванѣ подъ изорваннымъ тулупомъ.

— Что, вамъ лучше ли? — сказала, войдя, Татьяна Ивановна.

Больной кивнулъ отрицательно головой.

— Да вы бы въ больницу ѣхали.

— Завтра.

— Да что завтра? Вотъ уже третій мѣсяць говорите все: завтра.

— Денегъ нѣтъ!

— Продали бы что-нибудь.

— Все уже продано.

— То-то и есть, все продано; денегъ нѣтъ, а еще рому покупали въ семь рублей, да еще и пьяны напились.

— Для испарины.

— Да для испарины не допьяна пьютъ. Больной человекъ, а туда же кутите. Марсютка сказывала, что едва васъ оттерла.

— Я всю бутылку выпилъ. Что дѣлать? съ горя!

— Ну, а мнѣ-то какъ же? За цѣлый мѣсяцъ ни копѣйки не платили, а вѣдь, я думаю, я каждый день нарочно для васъ супъ варю.

— Дайте поправиться.

— Полноте съ вашимъ поправленьемъ. Ноги-то, я знаю, у васъ хороши, да губы-то къ вину очень лакомы. Нѣтъ ли хоть сколько-нибудь?

— Ни копѣйки нѣтъ.

Татьяна Ивановна махнула рукой и вышла изъ комнаты.

Въ сосѣднемъ номерѣ проживалъ третій ея милашка. Мало этого: онъ былъ, какъ сама она рассказывала, ея другъ и повѣрялъ ей всѣ свои секреты. Занимаемый имъ номеръ былъ самый чистый, хотя и не совсѣмъ теплый. Въ самомъ тепломъ номерѣ проживалъ скрытный ея милашка — музыкантъ. Въ то время, какъ Татьяна Ивановна вошла къ другу, онъ сидѣлъ и завивался. Марсютка, толстая и довольно неопрятная дѣвка, исправлявшая, по распоряженію хозяйки, обязанность камердинера милашки, держала передъ нимъ накаленные компасы.

— А вы все франтите? сказала Татьяна Ивановна, входя въ комнату.

— Съ добрымъ утромъ, почтеннѣйшая! Прошу принять мѣсто и побесѣдовать, — отвѣчалъ тотъ, старательно укладывая свои волосы въ щипцы.

— Мареа вамъ нужна?

— Нѣтъ, я самъ завьюсь... А что?..

— То-то, я хотѣла вамъ велѣть кофею привести.

— Мерсі, тысячу разъ мерсі, почтеннѣйшая. Съ большимъ удовольствіемъ выпью, — сказалъ милашка, протягивая хозяйкѣ руку.

— Для милаго дружка и сережка изъ ушка, — сказала Татьяна Ивановна.

— Поди, свари, — прибавила она, обратясь къ Марей. Та вышла.

Такъ какъ этотъ другъ Татьяны Ивановны долженъ въ моемъ разсказѣ играть главную роль, то и обязаннымъ себя считаю поподробнѣе познакомить читателя съ его наружностію, отчасти біографіею и главными наклонностями. Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, поручикъ въ отставкѣ, былъ лѣтъ двадцати семи; лицо его было одно изъ тѣхъ, про которыя говорятъ, что они похожи на парижскія журнальныя картинки: и носъ, на примѣръ, у него былъ немного орлиный, и губы тонкія и розовыя, и румянецъ на щекахъ свѣжій, и голубые, правильно-очерченные и подернутые влагою глаза, а надъ ними тонкою дугою обведенныя брови, и, наконецъ, усы не такъ большіе и не очень маленькіе. Про прическу я говорить нечего: она была совершенно по модѣ того времени, то-есть на теменіи приглажена, а на вискахъ и на затылкѣ разбита въ букля. Въ лицѣ его, если хотите, все было хорошо, свѣжо, даже правильно и гармонировало одно съ другимъ; но въ то же время чего-то недоставало, что вы желаете и любите ви-

дѣтъ въ лицѣ человѣка. О подобныхъ физіономіяхъ существуютъ два совершенно противоположныя мнѣнія. Одни говорятъ, что это красавцы, миленькіе, даже молодцы, мало этого, Аполлоны Бельведерскіе; другіе же называютъ ихъ смазливыми рожицами, масками, росписными купидонами и даже форрейторами, смотря потому, какой у кого эпитетъ ближе на языкъ. О героѣ моемъ предоставляю вамъ, читатель мой, избрать какое будетъ угодно изъ вышеупомянутыхъ мнѣній. Кромѣ своей пріятной наружности, Сергѣй Петровичъ владѣлъ еще многими другими достоинствами. Служа въ полку, онъ слылъ за славнаго малаго, удивительнаго мастера танцовать и вообще за человѣка хорошо образованнаго, потому что имѣлъ очень приличныя манеры, говорилъ по-французски, владѣлъ перомъ и сочинялъ стихи, изъ коихъ двое даже были напечатаны въ какомъ-то журналѣ, но главное, — онъ имѣлъ необыкновенно много вкуса. При первой возможности, молодой поручикъ такъ мило отдѣлывалъ и меблировалъ свою квартиру, что пріѣзжавшія къ нему, разумѣется съ мужьями, дамы ахали отъ восторга и удивленія; экипажъ у него былъ одинъ изъ первыхъ между всѣми господами офицерами; жѣнку Хозаровъ умѣлъ варить классически, и вообще съ неподражаемымъ умѣньемъ распорядился пріятельскими пирушками и всегда почти, по просьбѣ помѣщиковъ, устраивалъ у нихъ балы, и балы выходили отличныя. Двѣ только слабости имѣлъ молодой человѣкъ: во-первыхъ, онъ былъ очень влюбчивъ, такъ что не проходило мѣсяца, чтобы онъ въ кого-нибудь не влюбился, и влюблялся обыкновенно искренно, но только ненадолго; во-вторыхъ

имѣлъ сильную склонность и большую въ то же время способность — брать займы деньги. Надъ первую его слабостью товарищи подтрунивали и называли его *Сердечкинымъ*, вторымъ же недостаткомъ даже тяготились, особенно въ послѣднее время, такъ какъ эта склонность въ немъ со дня на день болѣе и болѣе развивалась. По выходѣ въ отставку, Хозаровъ года два жилъ въ губерніи и здѣсь успѣлъ заслужить то же реноме; но такъ какъ въ небольшихъ городахъ вообще любятъ дѣлать изъ мухи слона и, по преимуществу, на недостатки человѣка смотреть сквозь увеличительное стекло, то и о поручикѣ начали разсуждать такимъ образомъ: онъ человѣкъ ловкій, свѣтскій и даже, если вамъ угодно, ученый, но только мотыга, любитъ жить не по средствамъ и что все свое состояньишко пропилъ да пробарствовалъ, а теперь вотъ и ждетъ, не выпадетъ ли на его долю какой-нибудь дуры невѣсты съ тысячею душами, но такихъ будто нынче совсѣмъ и на свѣтѣ нѣтъ. Конечно, читатель изъ одного того, что герой мой, надѣленный, по волѣ судебъ, такимъ прекраснымъ вкусомъ, проживалъ въ номерахъ Татьяны Ивановны, — изъ одного этого можетъ уже заключить, что обстоятельства Хозарова были не совсѣмъ хороши; я же, съ своей стороны, скажу, что обстоятельства его были никуда не годны. Имѣніе его уже окончательно было продано, въ Москву онъ пріѣхалъ съ двумя тысячами на ассигнаціи; но что значатъ эти деньги для человѣка со вкусомъ? Капля въ морѣ! Въ настоящее время Хозаровъ жилъ старымъ кредитомъ во всевозможныхъ мѣстахъ, гдѣ только ему вѣрили. Къ Татьянѣ Ивановнѣ онъ явился послѣ не совсѣмъ прі-

ятной исторіи съ Мг. Шевалдышевымъ, у котораго онъ первоначально стоялъ, и явился, какъ говорится, съ форсомъ, а именно, въ отличномъ пальтѣ и съ эффектною палкою, у которой на ручномъ концѣ красовалась позолоченная головка одного изъ греческихъ мудрецовъ. Первоначально онъ потребовалъ лучшей нумеръ, раскритиковалъ его какъ слѣдуетъ, а потомъ, разговорившись съ хозяйкою, нанялъ, и въ дальнѣйшемъ разговорѣ такъ очаровалъ Татьяну Ивановну, что она не только не попросила денегъ въ задатокъ, но даже послѣ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, держала его безъ всякой уплаты и, все-таки, считала милашкою и даже передавала ему заимообразно рублей до ста ассигнаціями изъ своихъ собственныхъ денегъ. Любитъ его, нѣсколько корыстно для самой себя, она не смѣла и подумать, но чувствовала къ нему дружбу и гордилась этимъ. Милашка же, съ своей стороны, высказывалъ сорокалѣтней дѣвицѣ самыя задушевные свои тайны. Что касается до помѣщенія Сергѣя Петровича, то и оно обнаруживало главныя его наклонности, то-есть представляло видимую замашку на франтовство, комфортъ и опрятность; даже постель молодого человѣка, не смотря на утреннее время, представляла величайшій порядокъ, который царствовалъ и во всемъ остальномъ убранствѣ комнаты: нѣсколько гравюръ, представляющихъ охоту, Тальма въ костюмѣ Гамлета, арабская лошадь, четыре дамы очень недурныя собой, изъ коихъ подъ одной было написано: *весна*, подъ другой: *лѣто*, подъ третьей: *осень*, подъ четвертой: *зима*. Всѣ онъ развѣшаны были совершенно симметрично. Въ углу стояло что-то въ родѣ горки, въ

которую было вставлено нѣсколько чубуковъ съ трубками, въ числѣ коихъ было до пяти черешневыхъ съ янтарными мундштуками. На столѣ, передъ которымъ сидѣлъ Сергѣй Петровичъ въ старыхъ, но все-таки волтеровскихъ креслахъ, были размѣщены тоже въ величайшемъ порядкѣ различныя принадлежности мужскаго туалета: въ срединѣ стояло складное зеркало, съ одной стороны коего помѣщалась щетка, съ другой — гребенка; потомъ опять съ одной стороны: помада въ фарфоровой банкѣ, съ другой, фиксатуаръ въ своей серебряной шкуркѣ; около помады была стеклянка съ о-де-колономъ; около фиксатуара флакончикъ съ духами; на столѣ лежалъ небольшой портфель, передъ которымъ красовались двѣ неразлучныя подруги: чернильница съ песочницей. По одну сторону портфеля лежалъ преспалье, изображающій лягавую собаку, который придавливалъ какія-то бумаги; съ другой стороны находился тоже преспалье съ изображеніемъ кабаньей головы; подъ нимъ ничего уже не было и онъ, видимо, поставленъ былъ для симметріи. Много еще было другихъ предметовъ, обличающихъ стремленіе къ модному комфорту; такъ, на примѣръ, по стѣнѣ стоялъ турецкій диванъ, подъ ногами хозяина лежала медвѣжья шкура и тому подобное.

— Вы сегодня ѣдете куда-нибудь? — спросила Татьяна Ивановна.

— Не знаю еще, отвѣчалъ Хозаровъ.

— А вчера были тамъ?

— Былъ.

— Ну, что?

— Ничего хорошаго; я недоволенъ вчерашнимъ вечеромъ.

— Что такое?

— Она не любитъ меня!

— Ой, не говорите этого, Сергѣй Петровичъ, не говорите; ни за что не повѣрю: вы просто скрываете. Вы, мужчины, прескритный народъ въ этихъ вещахъ.

— Нѣтъ, вы выслушайте напередъ и растолкуйте мнѣ, какъ это понять. Приѣзжаю я, какъ вы знаете, въ семь часовъ. Въ залѣ никого. Я прошелъ къ Катеринѣ Архиповнѣ. Она сидитъ одна; разумѣется, сажусь и начинаю рассказывать разные разности, какъ можно громче смѣюсь, хохочу, — не тутъ-то было! Прошелъ цѣлый часъ, наконецъ являються двѣ старшія дядды; а ея все-таки нѣтъ. Я просто думалъ, что больна; но сами согласитесь, не ѣхать же домой. Усѣлся съ барышнями въ карты; смѣюсь, шучу, а внутри, знаете, такъ и кипитъ, — ничего не помогаетъ; проходить еще часъ, два — не является. Наконецъ ужъ я не вытерпѣлъ. «Здорова ли, я говорю, Марья Антоновна?» И какъ бы вы думали, что мнѣ отвѣтили? «Кошку свою, говорятъ, сегодня цѣлый вечеръ моетъ съ мыломъ.» Я чуть не лопнулъ отъ досады. Во-первыхъ, это глупо, а во-вторыхъ, неприлично. Хорошо, думаю, мадемуазель, и вамъ отплачу, и тотчасъ же началъ говорить любезности Анетѣ. Та, какъ водится, принялась закатывать свои оловянные глаза, и пошла писать... Вдругъ является, немного, знаете, блѣдная, грустная, поклонилась и сѣла около матери, почти напротивъ меня. Я ни слова и продолжаю любезничать съ Анетой. Та совсѣмъ растаяла, только-что не обнимаетъ...

— Послушайте, Сергѣй Петровичъ, — перебила Тать-

яна Ивановна:—вы ужасный человекъ. Зачто вы мучите этого ангела?

— Помилуйте, Татьяна Ивановна, что вы говорите? Она меня мучить.

— Нѣтъ, вы этого не говорите,—возразила хозяйка:—она, бѣдненькая, вѣроятно это время мечтала о васъ, а вы, злой человекъ, сейчасъ ужъ и стали заниматься другой.

— Но послушайте, Татьяна Ивановна: любя человекъ, развѣ вы въ состояніи были бы въ какихъ-нибудь трехъ шагахъ просидѣть два часа и не выйти, и чѣмъ же въ это время заниматься: дурацкимъ мытьемъ какой-нибудь мерзкой кошки!

— Конечно, я бы этого не въ состояніи была сдѣлать, потому что никогда кокетства не имѣла.

— Вотъ видите, вы сами проговорились; стало быть, она только кокетничаетъ со мной.

— Этого не смѣйте при мнѣ и говорить, Сергѣй Петровичъ! Она васъ любитъ.

— Да изъ чего вы видите?

— Изъ всего; во-первыхъ, вы говорите—она пришла немного блѣдная и потомъ сѣла напротивъ, чтобы глядѣть на васъ.

— Ну, нѣтъ... Такимъ образомъ перетолковывать можно все,—произнесъ Сергѣй Петровичъ, которому, впрочемъ, послѣднія слова хозяйки, кажется, очень были пріятны.

— Послушайте,—начала Татьяна Ивановна, одушевившись:—я любила одного человекъ... полюбила его съ самаго перваго раза, какъ увидѣла. Онъ жилъ въ одномъ со мною домѣ, и что же вы думаете? я цѣ-

дую недѣлю не имѣла духу войти къ нему въ комнату.

— Это о сосѣдѣ вы говорите?—спросилъ съ улыбкою Хозаровъ.

— Ой, нѣтъ! О другомъ,—возразила, вспыхнувъ, Татьяна Ивановна.

— Не можетъ быть! Вѣрно о немъ.

— Нѣтъ, право о другомъ; про этого только такъ говорятъ... Конечно, онъ ко мнѣ равнодушенъ, да нѣтъ, не по моему вкусу!

— Все это прекрасно, Татьяна Ивановна, да мои-то дѣла плохи.

— Вовсе не плохи. Головой моей отвѣчаю, что она васъ любитъ, и очень любитъ. Это, вѣдь, очень замѣтно: вотъ иногда придешь къ нимъ; ну, разумѣется, Катерина Архиповна сейчасъ спроситъ о васъ, а она, миленькая этакая, какъ цвѣточекъ какой, тотчасъ и вспыхнетъ.

— Вы когда къ нимъ пойдете, Татьяна Ивановна? — спросилъ Хозаровъ.

— Право, не знаю. Катерина Архиповна ужасно проситъ бывать у нихъ почаще; сегодня думаю вечеромъ сходить, показать имъ одной моей знакомой продажную брошку; недавно еще подарена ей, да не нравится фасонъ.

— А что, еслибъ я попросилъ васъ сдѣлать для меня большое, пребольшое одолженіе?

— Что такое?

— Вотъ дѣло въ чемъ: надобно же узнать рѣшительно, любитъ ли она меня, или нѣтъ?

— Объяснитесь.

— Объясниться я не могу, потому что мнѣ рѣ-

нительно не удастся говорить съ ней. Эти двѣ старшія дуры, Пашеть и Анетъ, просто аттакують меня, и я вотъ что выдумалъ: недѣли двѣ тому назадъ, она спросила меня, чѣмъ я занимаюсь дома? Я говорю, что дневникъ писалъ. Она, знаете, немного сконфузившись, вдругъ начала меня просить, чтобы я его показалъ ей; я обѣщался; дневника впрочемъ у меня никакого не бывало никогда; однако, придя домой, засѣлъ и накагалъ за цѣлые полгода; теперь только надобно передать. Возьмитесь-ка, передайте.

— А что вы въ дневникъ написали?

— Ничего особеннаго. Пишу, какъ я увидѣлъ ее, полюбилъ; записаны всѣ ея слова.

— Вѣдь вы этакъ ее, Сергѣй Петровичъ, совсѣмъ погубите! — возразила Татьяна Ивановна: — это ужасно для дѣвушки получить такое письмо, особенно отъ человѣка, котораго любить!

— Это не письмо, а дневникъ; тутъ она нигдѣ прямо не называется.

— Догадается, Сергѣй Петровичъ, сейчасъ догадается.

— Конечно, догадается. Для того и написано, чтобъ догадалась. Сдѣлайте одолженіе, Татьяна Ивановна, передайте.

— Охъ, Сергѣй Петровичъ, въ грѣхъ вы меня вводите.

— Не въ грѣхъ, почтеннѣйшая, а въ доброе дѣло, — возразилъ Хозаровъ.

— Конечно, про васъ я не могу ничего сказать, — отвѣчала хозяйка: — вы имѣете благородныя намѣренія, а другіе мужчины, ахъ! какъ они бѣдныхъ женщинъ жестоко обманываютъ.

Сергѣй Петровичъ между тѣмъ бережно поднялъ пресспапье, изображавшее лягавую собаку, и, вынувъ изъ-подъ него чисто переписанную тетрадку, началъ ее перелистывать.

— Почитайте, пожалуйста, Сергѣй Петровичъ, что вы тутъ написали.

— Нельзя, Татьяна Ивановна, тайна.

— Вотъ прекрасно! Да развѣ у васъ можетъ быть отъ меня тайна? Не пойду же, когда вы такъ поступаете.

— Ну, слушайте. Вотъ, на примѣръ, начало: «Перваго января я увидѣлъ въ собраніи одну дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, съ голубымъ поясомъ и съ незабудками на головѣ.»

— Это она самая; я ее видѣла въ этомъ платьѣ; еще, кажется, подолъ воланами отдѣланъ.

— Можетъ быть; но слушайте: «Она меня такъ поразила, что я сбился съ такта, танцуя съ нею *вальсъ*, и, совершенно растерявшись, позвалъ ее на кадрили. Ахъ, какъ она прекрасно танцуетъ, съ какою легкостію, съ граціею! Я заговорилъ съ нею по-французски; она знаетъ этотъ языкъ въ совершенствѣ. Я цѣлую ночь не спалъ и все мечталъ о ней. Дня черезъ три я ее видѣлъ у С... и опять танцевалъ съ нею. Она сказала, что со мною очень ловко вальсировать. Что значать эти слова? Что хотѣла она этимъ сказать?...» Ну, довольно.

— Ахъ, какой вы плутъ! Вы, просто, оболъститель! Почитайте, батюшка, почитайте еще.

— Да что вамъ любопытнаго?

— Почитайте, пожалуйста! Я очень люблю, какъ про любовь этакъ пишутъ.

— Ну, вотъ вамъ еще одно мѣсто: «Сегодня ночью я видѣлъ сонъ; я видѣлъ, будто она явилась ко мнѣ и подала мнѣ свою лилейную ручку; я схватилъ эту ручку, покрылъ милліонами пламенныхъ поцѣлуетъ и вдругъ проснулся. «О, если бы,»—сказалъ самъ съ собою:— я вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ могъ произнести: *сонъ въ руку!*» Я проснулся съ растерзаннымъ сердцемъ и написалъ стихи. Вотъ они:

Прощай, мой ангелъ свѣтлоокій!
 Мнѣ не любить, не обнимать
 Твой гибкій станъ во тьмѣ глубокой,
 Съ тобой мнѣ счастья не видать.
 Я знаю, ты любить умѣешь,
 Но не полюбишь ты меня:
 Мечту иную ты лелѣешь;
 Но буду помнить я тебя.
 Ты мнѣ явилась, какъ видѣнье,
 Какъ свѣтозарный херувимъ.
 Но то прошло, какъ сновидѣнье,
 И снова я теперь одинъ.»

— Прекрасно! неподобно! — крикнула Татьяна Ивановна: — батюшка, Сергѣй Петровичъ, спишите мнѣ эти стишки!

— Послѣ, Татьяна Ивановна, послѣ; я наизустъ ихъ знаю.

— Ну, что послѣ? Напишите теперь.

— Право, послѣ. Теперь лучше потолкуемте о дѣлѣ. Я запечатаю вамъ въ пакетъ; вы поѣдете, хоть часу въ седьмомъ, сегодня; ну, сначала, обыкновенно, посидите съ Катериной Архиповной, а тутъ и ступайте наверхъ, къ барышнямъ. Она, можетъ быть, сидитъ тамъ одна, старшая все больше внизу.

— Это можно; я у нихъ по всѣмъ комнатамъ вхожа; онѣ меня, признаться, съ перваго раза, какъ вы меня отрекомендовали, очень хорошо приняли. Будто сначала выйду въ дѣвичью, а тамъ и пройду наверхъ.

— И прекрасно! Только что же вы скажете? Какъ отдадите?

— Да что сказать? Скажу: отъ Сергѣя Петровича дневникъ, который вы просили. Не безпокойтесь, пойметъ...

— Конечно, пойметъ. Чудесно, почтеннѣйшая! Дайте вашу ручку, — сказала Сергѣй Петровичъ и крѣпко сжалъ руку друга-хозяйки.

— Только какой вы для женщинъ опасный человекъ, — сказала Татьяна Ивановна послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія: — изъ молодыхъ, да раннѣй.

— А что? — спросилъ съ довольною улыбкою постоялецъ.

— Да такъ. Вы можете, просто, женщину очаровать, погубить.

— Мясникъ, Татьяна Ивановна, пришелъ, — сказала Марья, входя въ комнату.

— Ахъ, батюшки, какъ я съ вами заболталась! Прощайте; я было за деньгами къ вамъ приходила.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, ей-богу, нѣтъ.

— Ну, нѣтъ, такъ и нѣтъ; пакетъ вашъ теперь отдадите?

— Черезъ часъ пришлю.

— Ну, хорошо, прощайте!

Выйдя отъ Хозарова, Татьяна Ивановна остановилась передъ номеромъ скрытнаго милашки и нѣсколько времени пробыла въ раздумьѣ; потомъ, какъ-бы не выдержавъ, приотворила немного дверь.

— Придете обѣдать? — сказала она какимъ-то черезчуръ нѣжнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ голосъ изнутри.

— Почему же?

— Ноты пишу.

— Ну, вотъ, ужь съ этими нотами! А чай придете пить?

— Нѣтъ, пришлите водки.

Татьяна Ивановна затворила дверь, вздохнула и прошла къ себѣ, велѣвъ, впрочемъ, попавшейся навстрѣчу Марѣѣ отнести во второй номеръ водки.

Сергѣй Петровичъ, оставшись одинъ, принялся писать къ пріятелю письмо, которое отчасти познакомить насъ съ обстоятельствами настоящаго повѣствованія и отчасти послужить доказательствомъ того, что герой мой владѣлъ перомъ, и перомъ прекраснымъ. Письмо его было таково:

«Любезный другъ, товарищъ дня и ночи!

«Я увѣдомлялъ тебя, что ѣду въ Москву опредѣляться въ статскую службу; но теперь я тебѣ скажу философскую истину: человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; капризная фортуна моя повернула колесо иначе: вмѣсто службы, кажется, выходитъ, что я женюсь, и женюсь, конечно, какъ благородный человекъ, по страсти. Представь себѣ, mon cher, невинное существо въ девятнадцать лѣтъ, розовое, свѣжее, — однимъ словомъ, чудная майская роза; сношенія наши весьма интересны: со мною, можно сказать, случился романъ на большой дорогѣ. Прошедшаго года, въ этой дурацкой провинціи, въ которой я имѣлъ глупость прожить около двухъ лѣтъ, я разъ

на балѣ встрѣтилъ молоденькую дѣвушку. Просто чудо, mon cher, какъ она меня поразила! Въ ней было что-то непохожее на другихъ, что-то восточное, какая-то грезовская головка. Я съ нею протанцовалъ нѣсколько кадрили и тутъ убѣдился, что она необыкновенно милое, рѣзвое дитя, которое можетъ нашего брата ветерана одушевить, завлечь, однять словомъ, унести на седьмое небо; однако тѣмъ и кончилось. Повхавъ въ Москву изъ деревни, на станціи съѣзжаю съ однимъ баринномъ; слово за слово, вижу, что человѣкъ необыкновенно добродушный и даже простой; съ перваго же слова началъ мнѣ рассказывать, что семейство свое онъ проводилъ въ Москву, что у него жена, три дочери, изъ коихъ младшая красавица, которой двоюродная бабушка отдала въ приданое подмосковную въ триста душъ, и знаешь что, mon cher, какъ узналъ я послѣ по разговорамъ, эта младшая красавица — именно моя грезовская головка! Я не могъ удержаться и тогда же подумалъ: «о, судьба, судьба! видно, отъ тебя нигдѣ не уйдешь.» Онъ снабдилъ меня письмомъ къ его семейству, съ которымъ я теперь уже и сошелся по-дружески, познакомясь вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣмъ ихъ кружкомъ. Дѣла идутъ недурно; одно только меня немного смущаетъ — что у нихъ каждый день присутствуетъ какой-то жирный баринъ, Рожновъ, потому что кто его знаетъ, съ какими онъ тутъ бываетъ намѣреніями, а лицо весьма подозрительное и непріятное.

«Такъ-то, mon cher, я женюсь, и непременно женюсь! Да, мой другъ, я теперь убѣдился, что наша прошлая жизнь — все пустяки! На что мы, холостяки, похожи? Грязь, грязь и больше ничего! Нѣтъ ни

одного отраднаго явленія, нѣтъ человѣка, съ кѣмъ бы раздѣлить чувства. Такое ли счастіе человѣка, который сидитъ въ прекрасномъ кабинетѣ, сладко полудремлетъ, близко него милое прелестное существо,— вотъ это жизнь! Кромѣ сихъ и оныхъ моихъ дѣлишекъ, я здѣсь въ порядочномъ кругу; особенно одинъ домъ Мамиловыхъ. Представь себѣ аристократическій тонъ во всемъ: мужъ, страшный богачъ, болѣе полугода живетъ въ южныхъ губерніяхъ и занимается торговыми операціями, жена красавица и, говорятъ, удивительная фантазерка и философка. Теперь я съ ними еще не такъ коротокъ, но однако очень дорожу ихъ знакомствомъ и постараюсь сблизиться.

«Прими увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, съ коими и остаюсь покорный къ услугамъ

Хозаровъ.»

II.

Въ залѣ, о которой упоминалъ Хозаровъ, за большимъ круглымъ столомъ, гдѣ помѣщался самоваръ съ его принадлежностями, сидѣли Катерина Архиповна и ея семейство, то-есть: Пашетъ, Анетъ и Машетъ. Впрочемъ, въ средѣ этого семейства помѣщалось новое лицо, какой-то необыкновенно высокій мужчина, который, конечно, кинулся бы вамъ въ глаза по своему огромному носу, клыкообразнымъ зубамъ и большимъ, сѣрымъ, на выкатѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего невыражающимъ, глазамъ. По загорѣлому его лицу нетрудно было догадаться, что онъ недавно изъ дороги. Это подтвердилось и тѣмъ, что

въ комнатѣ было разставлено нѣсколько дорожныхъ вещей. Катерина Архиповна, дама лѣтъ около пятидесяти, черноволосая, немного сердитая на видъ и съ довольно крупными чертами лица, была, кажется, въ весьма дурномъ расположеніи духа. Двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, представляли рѣзкое сходство съ высокимъ мужчиной, какъ по высокому росту, такъ и по клыкообразнымъ зубамъ, съ тою только разницею, что глаза у Пашетъ были, какъ и у маменьки, сухіе и черные; глаза же Анетъ, сѣрые и на выкатъ, были самый точный образецъ глазъ папеньки (читатель, вѣроятно, ужь догадался, что высокій господинъ былъ супругъ Катерины Архиповны); но третья дочь, Машетъ, была совершенно другой наружности. Это была небольшого роста брюнетка, съ выразительными чертами лица, съ роскошными волосами, убранными для вящаго очарованія *à l'enfant*, съ черными и живыми глазами и съ веселой улыбкой.

При внимательномъ, впрочемъ, наблюденіи, въ дѣвущкѣ можно было замѣтить сходство съ матерью, замаскированное, конечно, молодостью, здоровьемъ, невинностью и какимъ-то еще чуднымъ началомъ, не замѣчаемымъ ни въ одномъ изъ членовъ семейства. Катерина Архиповна, какъ я прежде объяснилъ, была не въ духѣ: какъ-то порывисто разлила она чай по чашкамъ и подала ихъ дочерямъ, а предназначенный для супруга стаканъ даже пихнула къ нему. Антонъ Ѳедотычъ Ступицынъ (имя родоначальника семейства) принялъ довольно равнодушно такъ невѣжливо препровожденный къ нему стаканъ и принялся пить чай съ большимъ аппетитомъ. Отпивъ половину стакана,

онъ потихоньку всталъ, взялъ трубку и закурилъ.

— Фу, батюшки, опять съ своимъ куреньемъ! — сказала Катерина Архиповна, отмахивая отъ себя табачный дымъ.

— Ничего, душа моя, я такъ... немножко, — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ, тоже размахивая дымъ.

— Это у него ничего, какъ изъ трубы... Жили бы тамъ себѣ, въ деревнѣ, и курили, сколько хотѣлось: такъ нѣтъ, надобно въ Москву было пріѣхать.

— Нельзя было, душа моя. Генералъ, просто, меня прогналъ; встрѣтилъ въ лавкахъ: «что вы, говорить, сидите здѣсь? Я, говорить, давно для васъ мѣсто приготовилъ.» Я говорю: «ваше превосходительство, у меня хозяйство». «Плюньте, говорить, на ваше хозяйство; почтенная супруга ваша съ часу на часъ васъ ждетъ», а на другой день даже письмо писалъ ко мнѣ; жалко только, что дорогою затерялъ.

Въ продолженіе всей этой рѣчи, Катерина Архиповна едва сдержала себя.

— Я хочу васъ, Антонъ Ѳедотычъ, спросить только одно: перестанете вы когда-нибудь лгать, или нѣтъ?

— Что лгать-то? — отвѣчалъ немного смѣшавшійся Ступицынъ: — спроси Пиронова; при немъ вся эта исторія была.

— Нечего мнѣ Пиронова спрашивать; двадцать пятый годъ я, милый другъ мой, васъ знаю; передъ кѣмъ-нибудь ужь другимъ выдумывайте и лгите. Ну, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Для какой надобности?

— Да, вѣдь, я тебѣ говорилъ, душа моя, что генералъ...

— Не говорите вы мнѣ, Бога ради, про генерала,

и не заикайтесь про него, не сердите хоть по крайней мѣрѣ этимъ. Вы все наггали, совершенно-таки все наггали. Я сама его, милостивый государь, просила; онъ мнѣ прямо сказалъ, что невозможно, потому что мѣста у нихъ даютъ тѣмъ, кто былъ по крайней мѣрѣ годъ на испытаніи. Разсудили ли вы, ѣхавъ сюда, что вы дѣлаете? Деревню оставили безъ всякаго присмотра, а здѣсь — гдѣ мы васъ помѣстимъ? Всего четыре комнаты: здѣсь я, а наверху дѣти.

— Да много ли мнѣ мѣста надобно. Я вотъ, хоть здѣсь...

— Скажите на милость: онъ здѣсь — въ залѣ — расположится; одна чистая комната, онъ и въ той дортуаръ себѣ хочетъ сдѣлать. Вы о семействѣ никогда не думали и не думаете, а только о себѣ; только бы удовлетворять своимъ глупымъ наклонностямъ: наѣсться, выспаться, накурить полную комнату табакомъ, и больше ничего; ѣхать бы потомъ въ гости, наггать бы тамъ что-нибудь — вотъ въ Москву, напримѣръ, съѣздить. Сдѣлали ли вы хоть какую-нибудь пользу для дѣтей; выхлопотали, приобрѣли ли что-нибудь?

— Да я думалъ... — началъ-было Антонъ Ѳедотычъ.

— Ничего вы не думали, — перебила Катерина Архиповна: — солгали гдѣ-нибудь, что въ Москву ѣдете, да послѣ и стыдно было отказаться.

Послѣднія слова очень сконфузили Ступицына.

— Мнѣ нечего стыдиться, — проговорилъ онъ.

— Знаю, что вы давно стыдъ-то потеряли. Двадцать пятый годъ съ вами маюсь. Все сама, вездѣ сама. На какія-нибудь сто душъ выростила и воспи-

тала всѣхъ дѣтей; старшихъ, какъ помоложе была, сама даже учила, а вы, отецъ семейства, что сдѣлали? За рабочими не хотите хорошенько присмотрѣть, только конфузите вездѣ. Того и жди, что гдѣ-нибудь въ порядочномъ обществѣ нажмете и заставите покраснѣть до ушей.

— Бранитесь, бранитесь, какъ хотите; эту пѣсню я уже двадцать пять лѣтъ слушаю, — проговорилъ, махнувъ рукой, Антонъ Федотычъ.

— Да вы хоть кого изъ терпѣнія выведете, — возразила Катерина Архиповна. — Не сидѣлось вамъ въ деревнѣ, въ Москву прискакали; на почтовыхъ, я думаю, ѣхали. Вотъ я посмотрю оброчный счетъ. Привезли ли счетъ-то по крайней мѣрѣ?

— Привезъ; сто рублей всего собрано.

— Знаю я васъ, милостивый государь, сто рублей. Я, впрочемъ, учитаю. Хоть бы вы то разсудили, что я, для удовольствія, что ли, живу здѣсь?

— Кто васъ знаетъ, зачѣмъ вы здѣсь живете.

— Какъ же, — для любовниковъ! Посмотрите-ка, сколько ихъ въ пятьдесятъ-то лѣтъ завела. Скажите на милость: онъ не знаетъ, зачѣмъ я здѣсь живу. Знаете-ли, по крайней мѣрѣ, что у насъ, въ Москвѣ, тяжба. Это-то вы хоть знаете-ли?

— Конечно, знаю.

— Такъ, что же-съ, вамъ, что ли, мнѣ поручить хлопотать? Фамилію свою хорошенько не умѣете подписать.

— Вы ужь очень учены; гдѣ намъ! — возразилъ Антонъ Федотычъ.

— Конечно, лучше вашего все понимаю; какъ угорѣлая ѣзжу по добрымъ знакомымъ, да кланяюсь и

прошу, чтобъ растолковали да научили. Вотъ, съ завтрашняго дня все вамъ передамъ; хлопочите, ходатайствуйте. Слава Богу, свой стряпчій пріѣхалъ, можно успокоиться: обдѣляетъ дѣло.

— Я военный человекъ, статскихъ дѣлъ не знаю.

— Скажите, какой воинъ,— ветеранъ заслуженный; много ли изволили ранъ получить? Въ какихъ сраженіяхъ были?

— Ругайтесь, какъ хотите ругайтесь, я ужь не стану и говорить,— произнесъ со вздохомъ Антонъ Федотычъ и опять махнулъ рукой.

— Ну, думала,— продолжала Катерина Архиповна:— пріѣхала въ Москву, наняла почище квартиру, думала, дѣло дѣломъ, а можетъ быть Богъ приведетъ и дочерей устроить. Вотъ тебѣ теперь и чистота. Одними окурками насорить все комнаты. Вотъ въ залъ здѣсь съ своимъ прекраснымъ гардеробомъ расположится,—принимай постороннихъ людей. Подумали-ли вы хоть о гардеробѣ-то своемъ? Въдъ здѣсь столица, а не деревня; въ засаленномъ фракѣ на васъ все пальцемъ будутъ показывать.

— Что мнѣ гардеробъ-то? Въдъ я не молодой,—возразилъ Антонъ Федотычъ.

— Да вы отецъ семейства; по вашей наружности будутъ судить и о прочихъ.

— Я сошью себѣ фракъ; всего сто рублей.

— Конечно, какъ вамъ не сшить? Сто рублей для васъ пустяки. Въместо того, чтобы жить въ деревнѣ да сколачивать копейку, чтобы какъ-нибудь, да по-благороднѣе поддерживать семейство,—не тутъ то было: въ Москву прискакалъ, франтомъ хочеть быть; мѣсто онъ пріѣхалъ получать. Вотъ, не угодно ли,

есть свободное: въ нашей будкѣ будочникъ померъ.

— Ну, Богъ съ тобой, расписывай, — проговорилъ уже потерявшій совсѣмъ терпѣніе Антонъ Федотычъ, махнулъ рукой, вздохнулъ и вышелъ изъ комнаты на крыльцо.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что всю предыдущую сцену между папенькой и маменькой двѣ старшія дочери, Пашеть и Анеть, выслушивали весьма хладнокровно, какъ-бы самый обыкновенный семейный разговоръ, и не принимали въ немъ никакого участія; онѣ сидѣли, поджавъ руки: Анеть поводила изъ стороны въ сторону свои большіе сѣрые глаза, взглядывая повременамъ то на потолокъ, то на сложенные свои руки; Пашеть свои глаза не поводила, а держала ихъ постоянно устремленными на маменьку, или на лежавшій около нея бѣлый хлѣбъ, — доподлинно я не знаю; одна только Машеть волновалась родительскою размолвкою, или покрайней мѣрѣ ей было это скучно.

Все, что ни говорила Катерина Архиповна своему супругу, — все была самая горькая истина: онъ ничего не сдѣлалъ и не приобрѣлъ для своего семейства дурно присматривалъ за рабочими, потому что, вмѣсто того, чтобы заставлятъ ихъ работать, онъ начиналъ имъ, обыкновенно, рассказывать, какъ онъ служилъ въ полку, какія у него тогда были славныя лошади и тому подобное. Генерала онъ только видѣлъ, но тотъ ему ни слова не говорилъ о мѣстѣ; а прѣхалъ въ Москву единственно потому, что, бывъ въ одной холостой у казначея компаніи и выпивъ нѣсколько рюмокъ водки, прихвастнулъ, что онъ на другой же день ѣдетъ къ своему семейству въ Москву,

не сообрази, что въ числѣ посѣтителей былъ нѣкто Климовъ, его сосѣдъ, имѣвшій какую-то странную привычку ловить Антона Ѳедотыча на словахъ, а потомъ уличать его, что онъ не совсѣмъ правду сказалъ. Услышавъ, что Ступицынъ возвѣстилъ о поѣздкѣ въ Москву, сосѣдъ не упустилъ случая и возгласилъ во всеуслышаніе: «солгалъ, братъ Антоша, не поѣдешь ты въ Москву.» «Это ужь предоставьте мнѣ лучше знать,» возразилъ уклончиво Ступицынъ. «Опять повторяю при всей честной компаніи: не поѣдешь ты въ Москву,» проговорилъ еще громче Климовъ. «А вотъ увидимъ,» отвѣчалъ опять уклончиво Ступицынъ. «Нечего тутъ видѣть, а вотъ что,» — продолжалъ Климовъ: — «ты сказалъ, что завтра поѣдешь; завтра, братъ, я самъ ѣду въ Москву; ѣдемъ вмѣстѣ, и вотъ пари: поѣдешь — моя дюжина шампанскаго, не поѣдешь — твоя!» «Идетъ,» отвѣчалъ Ступицынъ, и тутъ же два сосѣда ударили по рукамъ. На другой день Ступицынъ пораздумалъ и уже рѣшился-было потихоньку уѣхать въ деревню; но Климовъ пріѣхалъ къ нему со всей честной компаніей. Не ѣхать, значить, надобно было отдать пари. «Что будетъ, то будетъ, лучше поѣду,» подумалъ Антонъ Ѳедотычъ. Къ этому рѣшенію его еще болѣе подстрекали имѣвшіеся въ карманѣ сто рублей, привезенные-было для отправленія къ супругѣ.

Климовъ проигралъ: Антонъ Ѳедотычъ, сильно подгулявъ, поѣхалъ съ нимъ въ Москву.

Для большаго уясненія характера этого человека, и долженъ сказать, что Ступицынъ вовсе не могъ быть отнесенъ къ тѣмъ неприличнымъ дгунамъ, которые несутъ Богъ знаетъ какую чушь, ни съ чѣмъ

несообразную. Напротивъ того, онъ говорилъ весьма быточные и обыкновенныя вещи, но только онъ съ нимъ не случались и не могли даже случаться. Судьба или, лучше сказать, Катерина Архиповна держала его, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ; очень любя разсвѣаніе, онъ жилъ постоянно въ деревнѣ, и то безъ всякихъ комфортавъ, то есть: ему никогда не давали водки выпить, что онъ очень любилъ, на томъ основаніи, что будто бы водка ему ужасно вредна; не всегда его снабжали табакомъ, до котораго онъ былъ тоже страстный охотникъ; продовольствовались бѣлѣе на молочномъ столѣ, тогда какъ онъ молока терпѣть не могъ, и, наконецъ, заставляли щеголять почти въ единственномъ фракѣ, сшитомъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Всѣмъ этимъ лишеніямъ Антонъ Федотычъ покорялся терпѣливо и не предпринималъ ничего къ выходу изъ подобнаго положенія. Невиннымъ и единственнымъ его развлеченіемъ было то, что онъ, сидя въ своей комнатѣ, создавалъ различные пріятные способы жизни, среди которыхъ онъ могъ бы существовать: напримѣръ, въ одно холодное утро, на ухарской тройкѣ, онъ ѣдетъ въ городъ; у него тысяча рублей въ карманѣ; онъ садится играть въ карты, проигрываетъ цѣлую ночь. На другой день зоветъ къ себѣ гостей; до пріѣзда еще ихъ выпиваетъ крѣпкой очищенной водки. Друзья съѣзжаются; онъ угощаетъ ихъ превосходнымъ обѣдомъ, съ шампанскимъ и съ мороженымъ; вечеромъ заставляетъ играть своихъ музыкантовъ, которыхъ у него тридцать человекъ. Пошавъ такимъ образомъ, на другой день принимается за дѣло: ходитъ по постройкамъ, а вечеромъ, пишетъ

письма въ Петербургъ, чтобы ему выслали четыре ящика вина. Словомъ, живетъ на широкую руку, русскимъ бариномъ. Всѣ такого рода мечтанія такъ укоренялись въ головѣ Ступицына, что онъ самъ начиналъ въ нихъ вѣрить, какъ въ дѣйствительность, и очень любилъ ихъ высказывать себѣ подобнымъ; но, увы! эти себѣ подобные, если они хоть немного знали Антона Ѳедотыча, не говоря уже о семейныхъ, эти себѣ подобные обрѣзывали его на первомъ словѣ: «полно, братъ, врать, Антонъ Ѳедотычъ,» «замололи вы, Антонъ Ѳедотычъ». Болѣе же деликатные, особенно изъ дамъ, отходили отъ него, обыкновенно, въ самомъ началѣ разговора. Были и такіе проказники, которые говорили: «Поври что-нибудь, Антонъ Ѳедотычъ.»—«Сами извольте врать,» отвѣчалъ добросердый Ступицынъ.

Катерина Архиповна была прекрасная семьянинка, потому что, не смотря на все неуваженіе къ мужу, котораго она считала самымъ пустымъ и несноснымъ человѣкомъ въ мірѣ, сохранила свою репутацію въ обществѣ и, по возможности, старалась скрыть между посторонними людьми недостатки супруга; но когда онъ бывалъ боленъ, то даже сама неусыпно ухаживала за нимъ. Пилъ его, какъ говорится, каждодневно, она всегда относилась къ нему во второмъ лицѣ множественнаго числа и прибавляла частичку: съ. Кроме того, надобно отдать ей честь, она была самая расчетливая и неутомимая хозяйка и добрая мать: при весьма ограниченныхъ средствахъ, она умѣла жить чистенько и одѣвала дочерей хотя не богато, но, право, весьма прилично. Двухъ старшихъ она любила такъ себѣ, посредственно,

но младшая была ея идолъ; для нея она готова была принести въ жертву двухъ старшихъ дочерей, мужа, все свое состояніе и самоё себя. Надъ всѣми и надъ всѣмъ она была госпожей въ домѣ и только въ отношеніи Мари дѣлалась рабою, и рабою безпрекословию. Постоянныя хлопоты по хозяйству, одѣтяхъ, вѣчная борьба съ нуждою, каждодневныя головомойки нигуда негодному супругу, — все это развило въ Катеринѣ Архиповнѣ желчное расположеніе и значительно испортило ея характеръ; она брюжжала, обыкновенно, цѣлые дни, то на людей, то на дочерей, а главное — на мужа. Двѣ старшія дочери, Пашеть и Анеть, очень любили новыя платья, молодыхъ мужчинъ и питали самое страстное желаніе выйти поскорѣе замужъ; кромѣ того, онѣ были очень завистливаго характера. Анеть, какъ и папенька, любила сказать красное словцо, Пашеть же была очень молчалива и наслѣдовала отъ папеньки только сильный аппетитъ. Обѣ эти дѣвицы были влюблены по нѣскольку разъ, хотя и не совсѣмъ съ успѣхомъ; маменьки онѣ боялись, слушались ее и уважали; вслѣдствіе того и въ отношеніи папеньки раздѣляли вполне ея мнѣніе, то есть считали его совершенно за нуль и только иногда относились къ нему съ жалобами на младшую, Машеть, которую обѣ онѣ терпѣть не могли, потому что она была идоломъ маменьки, потому что ей шили лучшія платья, и у ней было уже до пятка жениховъ, тогда какъ имъ не досталось еще ни одного. Что касается до Мари, то она, по словамъ Катерины Архиповны, еще не сформировалась, была совершенный ребенокъ и нѣсколько мѣсяцевъ только перестала играть въ куклы и начала читать романы.

Антонъ Ѳедотычъ, котораго мы оставили на крыльцѣ, все еще сидѣлъ тамъ и не входилъ въ комнату. Средство это онъ, особенно въ холодное время года, употреблялъ издавна и всегда почти для себя съ успѣхомъ. Во-первыхъ, уходя на крыльцо, онъ удалялся отъ супруги; во-вторыхъ, освѣжался на воздухъ отъ головомойки и, наконецъ, въ третьихъ, возбуждалъ къ себѣ въ Катеринѣ Архиповнѣ участіе. Спустя четверть часа, она обыкновенно говорила: «что сумасшедшій-то тамъ стоитъ? — простудится еще; эй, дѣвочка, мальчикъ! Подите, скажите барину, что онъ тамъ стоитъ?» Барину сказывали, и онъ возвращался торжествующій и спокойный, потому что Катерина Архиповна послѣ этого, обыкновенно, его уже не журила и даже иногда говорила, чтобы онъ выпилъ водки. Въ настоящее время Катерина Архиповна, видно, очень разсердилась; прошло уже болѣе четверти часа, какъ Ступицынъ сидѣлъ на рундучкѣ крыльца, а она не высылала; Антону Ѳедотычу становилось очень холодно; единственный предметъ его развлеченія — луна — скрылась за облаками. Вдругъ въ темнотѣ послышались шаги.

— Ахъ! — вскрикнулъ вслѣдъ за тѣмъ женскій голосъ.

— Ухъ, чортъ возьми! — произнесъ съ своей стороны Ступицынъ, схватившись за животъ, въ который ударила чья-то нога.

— Кто это? — спросилъ тотъ же голосъ.

— А ты кто? — спросилъ Ступицынъ.

— Я пришла къ знакомымъ моимъ, — сказалъ женскій голосъ: — вы здѣшній?

— Здѣшній. Кто вамъ надо?

— Катерину Архиповну.

— Жену мою?

— Вы супругъ Катерины Архиповны?

— Точно такъ.

— Ахъ, Боже мой, извините, я очень хорошая знаваемая Катерины Архиповны. Честь имѣю рекомендоваться: Татьяна Ивановна Замшева.

— Позвольте и мнѣ, съ своей стороны, представиться: Антонъ Ѳедотычъ Ступицынъ. Что мы здѣсь стоимъ? Милости прошу!

Хозяинъ и гостя вошли въ залу, въ которой никого уже не было. Татьяна Ивановна и Антонъ Ѳедотычъ смотрѣли нѣсколько времени другъ на друга съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Обоихъ ихъ поразили нѣкоторыя странности въ наружности другъ друга. Антону Ѳедотычу кинулись въ глаза необыкновенныя рябины Татьяны Ивановны, а Татьяна Ивановна удивлялась клыкообразнымъ зубамъ и сврымъ на выкатъ глазамъ Ступицына. Оба простояли нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Могу ли я видѣть почтеннѣйшую Катерину Архиповну?—проговорила Татьяна Ивановна.

— Не знаю-съ; она тамъ у себя Я сейчасъ спрошу, —отвѣчалъ Ступицынъ и вышелъ. Къ супругъ, впрочемъ, онъ не пошелъ, но, постоявъ нѣсколько времени въ темномъ корридорѣ, вернулся.

— Она чѣмъ-то занята, милости прошу садиться. —проговорилъ онъ и, указавъ гостя мѣсто, самъ сѣлъ на диванъ.

— По семейству, вѣроятно, соскучились и изволили пріѣхать повидаться? — начала Татьяна Ивановна.

— Да, повидаться захотѣлось, — отвѣчала Антонъ Федотычъ: — раньше нельзя было; у меня нынче лѣтомъ были большія постройки: тысячь на шесть построилъ.

— На шесть тысячь?

— Почти на шесть. Два скотныхъ двора на каменныхъ столбахъ — тысячи въ двѣ каждый, да кухню новую построилъ въ пять сотъ рублей. Нельзя, знаете, усадьба требуетъ поддержекъ.

— Безъ всякаго сомнѣнiя; однако, у васъ и усадьба должна быть отличная.

— Изрядная. Хлѣбопашество, главное дѣло, въ хорошемъ видѣ: рожь родится самъ-десять; это, не хвастаясь, можно сказать, что я устроилъ. Прежде, бывало, какъ самъ-пять придетъ, такъ Бога благодарили.

— Скажите, что значить хозяйство!

— Хозяйство — вещь важная, глубокомысленная въ то же время, — сказалъ Ступицынъ.

— Нынче безъ ума нигдѣ нельзя, — замѣтила Татьяна Ивановна.

Разговоръ на нѣсколько минутъ остановился.

— Да это бы ничего, — началъ опять Ступицынъ: — за хозяйствомъ бы я не остановился, да балотировка была, такъ, знаете, нельзя.

— Вы изволили балотироваться?

— Нѣтъ, то есть меня очень просили въ предводители, да не могъ — отказался.

— Отчего же это не захотѣли послужить?

— Нельзя-съ, семейныя обстоятельства; впрочемъ, на одномъ обѣдѣ мнѣ очень выговаривали... совѣстно, а дѣлать нечего.

— Конечно, Антонъ Федотычъ, въ семействѣ иногда и не хочешь, а дѣлаешь.

— Не иногда, а всегда. Вы имѣете дѣтей?

— Я дѣвица.

— А бабушка живъ?

— Померъ. Я живу одна — сиротой... Каковы дороги?

— Кажется, хороши: шоссе отличное, а проселковъ я почти и не замѣтилъ. У меня очень покойный экипажъ.

— Бричка, вѣрно?

— Нѣтъ, коляска; совершенная люлька; прочности необыкновенной и, вообразите, я ее купилъ у сосѣда за полторы тысячи, и вотъ уже третій годъ ѣзжу, ни одинъ винтъ не повредился.

— Пріятно въ такихъ экипажахъ ѣздить, — замѣтила Татьяна Ивановна: — вотъ мнѣ здѣсь случилось съ знакомыми ѣздить, такъ просто прелесть. Нынче, я думаю, такихъ экипажей прочныхъ не дѣлаютъ.

— Есть и нынче, только дороги. Нынче, впрочемъ, все вздорожало. Вотъ, хоть бы взять съ поваровъ: я платилъ въ англійскомъ клубѣ за выучку повара по триста рублей въ годъ; за три года вѣдь это девятьсотъ рублей.

— Легко сказать: девять-сотъ рублей! Впрочемъ, я думаю, и поваръ вышелъ отличный?

— Безподобный. Онъ у насъ теперь въ деревнѣ; такъ вотъ бѣда: захочешь иногда такой для знакомыхъ сдѣлать обѣдецъ, закажешь ему: придетъ, — вся ваша воля, говоритъ, я не могу: запасовъ нѣтъ. Мы думаемъ его сюда привезти. Вотъ здѣсь онъ покажетъ себя; милости прошу тогда къ намъ отобѣдать.

— Покорнѣйше васъ благодарю, я ужъ и такъ много обласкана вниманіемъ Катерины Архиповны. А я заговорила и не спросила: здоровы ли Прасковья Антоновна, Анна Антоновна и Марья Антоновна?

— Слава Богу. Я, признаться сказать, очень радъ, что онѣ сюда переѣхали, а то въ деревнѣ отъ жениховъ отбою нѣтъ.

— Ну, этимъ для родителей тяготиться нечего.

— Даша! — слышался голосъ Катерины Архиповны: — гдѣ баринъ?

— Въ залѣ, съ Татьяной Ивановной разговариваютъ, — отвѣчала горничная.

— Теперь, я думаю, можно къ Катеринѣ Архиповнѣ? — спросила гостя.

— Можно, я думаю, — отвѣчалъ Антонъ Федотычъ, остановленный голосомъ супруги.

Татьяна Ивановна ушла. Антонъ Федотычъ сидѣлъ нѣсколько минутъ въ какомъ-то пріятномъ довольствѣ оттого, что успѣлъ себя показать новому лицу и еще дамѣ. Посидѣвъ нѣсколько времени, онъ вдругъ всталъ, осмотрѣлъ всю комнату и вынулъ изъ-подъ жилета висѣвшій на шеѣ ключъ, которымъ со всевозможною осторожностію отперъ свой дорожный ларецъ и, вынувъ оттуда графинъ съ водкою, вынулъ торопливо изъ него почти половину и съ тѣми же предосторожностями заперъ ларецъ и спряталъ ключъ, а потомъ, закуривъ трубку, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

Подобнаго рода контрабанду Антонъ Федотычъ употреблялъ въ своей безотрадной жизни при всякомъ удобномъ случаѣ, то есть, когда у него случалось хоть сколько-нибудь денегъ. Для этой собственно цѣли

имѣлъ онъ особую шкатулку, которую тщательно запералъ и никому не показывалъ, что въ ней хранится.

Татьяна Ивановна, войдя въ хозяйкѣ, которая со всѣми своими дочерьми сидѣла въ спальнѣ, тотчасъ же разсыпалась въ разговорахъ: поздравила всѣхъ съ прїѣздомъ Антона Федотыча, засвидѣтельствовала почтеніе отъ Хозарова, и затѣмъ начала разсказывать, какъ ее однажды, когда она шла отъ одной знакомой вечеромъ, остановили двое мужчинъ и такъ напугали, что она послѣ недѣли двѣ была больна горячкою, а потомъ принялась въ этомъ же родѣ за разные анекдоты: описала несчастіе одной ея знакомой, на которую тоже вечеромъ кинулись изъ одного купеческаго дома двѣ собаки и укусили ей ногу; разсказала объ одномъ знакомомъ ей мужчинѣ — молодцѣ и смѣльчакѣ, котораго ночью мошенники схватили на площади и раздѣли до-нага.

— Ахъ, какіе вы ужасы разсказываете! — сказала Катерина Архиповна.

— Какъ же вы отъ насъ пойдете? — замѣтила Мари.

— А какъ Богъ приведетъ; признаться сказать, очень потрушиваю, да ужъ повидаться очень хотѣлось, — отвѣчала Замшева.

— Вы извозчика возьмите, — сказала хозяйка.

— Ай, нѣтъ, Катерина Архиповна, ни за что въ свѣтъ, — возразила гостя и здѣсь разсказала происшествіе, случившееся съ одной какой-то важною дамою, которая ѣхала домой на извозницѣ, и которую не только обобрали, но даже завезли въ такой домъ, о которомъ она прежде и понятія не имѣла. Послѣ этого разсказа ужасъ овладѣлъ всѣми дамами.

— Хорошо, что мы никогда на извозникахъ не

вздимъ, — сказала мать. — Когда мы выѣзжаемъ, — прибавила она, обращаясь къ Татьянѣ Ивановнѣ: — то знакомые, обыкновенно, на своихъ лошадяхъ насъ возятъ.

— Мамаша! Татьяну Ивановну, пожалуй, оберутъ, — сказала Мари, принимавшая больше всѣхъ участія въ гостѣхъ: — она бы у насъ ночевала.

— Въ самомъ дѣлѣ, ночуйте у насъ, — проговорила хозяйка: — да только гдѣ?

— У меня въ комнатѣ, — отвѣчала Машетъ.

— Ахъ, Боже мой, что вы беспокоитесь; мнѣ просто совѣстно, что доставлю столько хлопотъ, отвѣчала жеманно Татьяна Ивановна. — Какой у васъ ангельской доброты Марья Антоновна! — прибавила она вполголоса Катеринѣ Архиповнѣ.

— Очень добра, — отвѣчала мать, съ удовольствіемъ глядя на дочь: — вы ночуете въ ея комнатѣ; у ней наверху особый кабинетъ.

— Ночую, Катерина Архиповна, — отвѣчала Татьяна Ивановна: — я очень боюсь идти.

Передъ ужиномъ Антонъ Ѳедотычъ вошелъ наконецъ въ комнату жены и усѣлся на отдаленное кресло. Впрочемъ, онъ ничего не говорилъ и только, облизываясь языкомъ, весело на всѣхъ посматривалъ. За вѣтный ящикъ еще разъ имъ былъ отпертъ.

— Что это глаза у васъ какіе странные? — замѣтила Катерина Архиповна.

— Вѣтромъ надуло, — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ.

За ужиномъ Катерина Архиповна ничего не ѣла, потому что все еще была разстроена. Машетъ отучили ужинать въ пансіонѣ; Анетъ никогда не имѣла аппетита, а Татьяна Ивановна отказывалась изъ деликатности. Одна только Машетъ съ папенькой ра-

тоборствовали: они съѣли весь почти супъ, соусъ, жареное и покончили даже хлѣбъ и огурцы. Послѣ ужина барышни и Татьяна Ивановна, простившись съ хозяевами, отправились наверхъ. Антону Ѳедотычу, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, повелѣно было спать въ залѣ на диванѣ, съ строжайшимъ запрещеніемъ сорить. Пашетъ и Анетъ, не простившись съ сестрою, ушли къ себѣ наверхъ въ общую ихъ спальню. Татьянѣ Ивановнѣ было послано въ кабинетъ Мари на кушеткѣ. Гостя за причиненныя хлопоты еще разъ извинилась передъ Катериною Архиповною, которая не утерпѣла и пришла поцѣловать и перекрестить своего идола.

— Ахъ, какія вы, Марья Антоновна, хорошенькія, — сказала Татьяна Ивановна, когда дѣвушка раздѣлась. Та, улыбувшись, прыгнула въ постель и начала укутываться въ теплое одѣяло.

— Я къ вамъ съ порученіемъ, — начала Татьяна Ивановна, подойдя къ кровати: — я принесла вамъ отъ Сергѣя Петровича дневникъ, который вы просили, — прибавила она, подавая конвертъ.

Мари сначала съ какимъ-то испугомъ взглянула на посредницу, а потомъ, вся вспыхнувъ, схватила пакетъ и спрятала его подъ подушки.

Татьяна Ивановна хотѣла было говорить, но Мари показала ей на сосѣднюю комнату сестеръ и положила въ знакъ молчанія пальчикъ къ губамъ. Татьяна Ивановна поняла, что это значить: она кивнула головой, отошла отъ кровати и улеглась на своемъ ложѣ. Прошло болѣе часа въ совершенномъ молчаніи. Татьянѣ Ивановнѣ показалось, что Мари заснула, ее самое началъ сильно <http://arin.org> Вдругъ видитъ, что

дѣвушка, потихоньку вставъ съ постели, начала прислушиваться; Татьяна Ивановна захрапѣла. Мари, видно, этого и поджидавшая, потихоньку встала съ постели, вынула изъ-подъ подушекъ дневникъ и на цыпочкахъ подошла къ лампадѣ. Дрожащими руками она распечатала пакетъ, поцѣловала тетрадку и быстро начала читать. Съ каждою строчкою волненіе ея увеличивалось; щеки ея то блѣднѣли, то горѣли яркимъ румянцемъ. Она, кажется, готова была заплакать. До читавъ до конца, она схватила себя за голову и потомъ снова начала перечитывать. Въ срединѣ тетрадки, а именно на томъ самомъ мѣстѣ, какъ могла замѣтить Татьяна Ивановна, гдѣ были написаны знакомые намъ стихи, она еще разъ поцѣловала листокъ. Прочитавъ другой разъ, дѣвушка опять на цыпочкахъ подошла къ своей кровати и улеглась въ постель; но не прошло четверти часа, она снова встала и принялась будить Татьяну Ивановну, которая, будто съ просонья, открыла глаза.

— Возьмите, — сказала шопотомъ Мари, подавая ей тетрадку.

— А что же? — спросила Татьяна Ивановна.

— Здѣсь сестрицы найдутъ.

— Да вы сами-то напишите ему что-нибудь.

— Не могу.

— Такъ что же мнѣ ему сказать?

— Скажите, что merci.

Проговоря это, дѣвушка сунула дневникъ подъ подушку Татьянѣ Ивановнѣ и тотчасъ же улеглась въ постель.

— Какая миленькая и умненькая дѣвушка, — проговорила сама съ собою Татьяна Ивановна и совер-

шенно осталась довольна своимъ успѣхомъ: она видѣла и все очень хорошо поняла.

Возвратившись домой раннимъ утромъ, дѣвица Замшева тотчасъ же разбудила своего милашку Сергѣя Петровича и пересказала ему все до малѣйшей подробности, и даже съ нѣкоторыми прибавленіями.

III.

Четвертаго декабря, то есть въ Варваринъ день, Хозаровъ, вмѣстѣ съ Татьяною Ивановною, былъ въ большихъ хлопотахъ: ему предстоялъ утренній визитъ съ поздравленіемъ и танцевальный вечеръ въ домѣ Мамиловыхъ, знакомствомъ которыхъ онъ такъ дорожилъ. Туалетомъ своимъ онъ занялся съ самаго утра, въ чемъ приняла по своей дружбѣ участіе и Татьяна Ивановна. Первая забота Хозарова была направлена на завивку волосъ, коими уже распорядилась не Марѳа, а подмастерье отъ парикмахера, который дѣйствительно и завилъ мастерски. Дѣвица Замшева, исполненная дружескихъ чувствованій къ Хозарову, не смотря на свойственную ей полу стыдливость, входила во всѣ подробности мужскаго туалета.

— Что хотите, Сергѣй Петровичъ, — говорила она, — а сорочка нехороша: полотно толсто и сине; декось гораздо былъ бы виднѣе.

— Какія вы, Татьяна Ивановна, говорите несообразности! — возразилъ Хозаровъ: — кто же носить декось?

— Всѣ носятъ: я жила въ одномъ графскомъ домѣ, тамъ вездѣ декось.

— Ошибаетесь, почтеннѣйшая, вѣрно батистъ: это другое дѣло.

— Славу Богу, ужь этого-то мнѣ не знать, просто декосъ; декосъ и на графѣ, декосъ и на графинѣ.

— Заблуждаетесь, почтеннѣйшая, и сильно заблуждаетесь. Голландское полотно лучше всего.

— Лучше бы вы, Сергѣй Петровичъ, не говорили мнѣ про полотно, — возразила Татьяна Ивановна: — полотно — полотно и есть: никакого виду не имѣетъ... Въ какомъ вы фракѣ поѣдете? — спросила она, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ продолженіе коихъ постоялецъ ея нафабривалъ усы.

— Разумѣется, въ черномъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Надѣньте коричневый; вы въ томъ нарядѣ, да у чернаго у васъ что-то сзади оттопыриваетъ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, вы въ мужскомъ нарядѣ, извините меня, просто ничего не понимаете, — сказалъ Хозаровъ. — Нынче люди порядочнаго тона цвѣтное рѣшительно перестаютъ носить.

— Что и говорить! Вы, мужчины, очень много понимаете, — отвѣчала Татьяна Ивановна: — а не одинъ не умѣетъ къ лицу одѣться. Хотите, дамъ булавку; у меня есть брилліантовая.

— Нѣтъ, не нужно; а лучше дайте мнѣ денегъ хоть рублей десять; не шлютъ, да и только изъ деревни, — что прикажете дѣлать! Нужно еще другія перчатки купить.

— Право, нѣтъ ни копѣйки.

— Ни-ни-ни, почтеннѣйшая, не извольте этого и говорить.

— Да мнѣ-то гдѣ взять, проказникъ этакой?—говорила Татьяна Ивановна, опуская впрочемъ руку въ карманъ.

— Очень просто: взять да вынуть изъ кармана, отвѣчалъ постоялецъ.

— Ахъ, какой вы уморительный человекъ,—сказала она, пожавъ плечами:—какія вамъ послать?—прибавила она.

— Къ Ліону, почтеннѣйшая, къ Ліону; въ два цѣлковыхыхъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Хорошо. Скоро будете одѣваться?

— Сейчасъ.

— Ну, такъ прощайте.

— Adieu, почтеннѣйшая!

— Зайдете показаться одѣтые?

— Непремѣнно.

— А туда зайдете?

— Нѣтъ.

— Прекрасно... очень хорошо! Ахъ вы, мужчины, мужчины, вѣтренники этакіе; не стойте, что бы васъ такъ любили. Сегодня же пойду и насплетничаю на васъ.

— Ну, нѣтъ, почтеннѣйшая, вы этого не дѣлайте.

— То-то и есть, испугались! А въ самомъ дѣлѣ, что сказать?... Я сегодня думаю сходить... Катерина Архиповна очень просила придти помочь барышнямъ собираться на вечеръ. Она сегодня будетъ въ розовомъ-газовомъ и, должно быть, будетъ просто чудо! Къ ней очень идетъ розовое.

— Вы скажите, почтеннѣйшая, что я цѣлый день сегодня мечтаю о балѣ.

— Хорошо... впрочемъ, вы, кажется, все лжете, Сергѣй Петровичъ.

— Вотъ чудесно!.. Не дай Богъ вамъ, Татьяна Ивановна, такъ лгать. Я просто безъ ума отъ этой дѣвочки.

— Ну, ужь меньше, чѣмъ она, позвольте сказать; она не говоритъ, а въ сердцѣ обожаетъ. Прощайте.

— Adieu, почтеннѣйшая; да кстати, пошлите извощика нанять.

— Какого?

— Пошлите къ Ванькѣ Неронову; онъ у Тверскихъ воротъ стоитъ: рыжая этакая борода, или постоитъ: я къ нему записочку напишу.

«Иванъ Семенычъ! сдѣлай, братъ, дружбу, пришли мнѣ на день сани съ полостью, и хорошо если бы одолжилъ сѣраго рысака, въ противномъ же случаѣ — непременно вороную кобылу, чѣмъ несказанно меня обяжешь. — Хозаровъ.»

Р. С. О деньгахъ, дружище, не безпокойся, на слѣдующей недѣлѣ разочтусь совершенно.»

Взявъ эту записочку, и еще разъ попросивъ постояльца зайти и показаться одѣтымъ, Татьяна Ивановна ушла. Хозаровъ между тѣмъ принялся одѣваться. Туалетъ продолжался около часа. Натянувъ перчатки и взявъ шляпу, Хозаровъ началъ разыгрывать какую-то мимическую сцену. Сначала онъ отошелъ къ дверямъ и началъ отъ нихъ подходить къ дивану, прижавъ обѣими руками шляпу къ груди, и немного, и постепенно наклоняя голову; потомъ сѣлъ на ближайшій стулъ, и сѣлъ не то, чтобы развалясь, и не въ струнку, а свободно и прилично, какъ садятся порядочные люди, и началъ затѣмъ мимическій разго-

воръ съ кѣмъ-то сидящимъ на диванѣ: кинулъ нѣсколько словъ къ боковому сосѣду, заговорилъ опять съ сидящимъ на диванѣ, сохраняя, въ продолженіе всего этого времени, самую пріятную улыбку. Посидѣвъ немного, всталъ, поклонился сидящему на диванѣ, кинулъ общій поклонъ прочимъ, должно быть, гостямъ, и началъ выходить... Прекрасно, неподобно! Это была репетиція грядущаго визита, и она, какъ видитъ самъ читатель, удалась моему герою какъ нельзя лучше.

Въ домѣ Мамидовыхъ, тоже съ ранняго утра, происходили хлопоты: натирали воскомъ полы, выбивали мебель, заливали масломъ конкетки, вставляли въ люстру свѣчи, официантъ раскладывался въ особо отведенной комнатѣ съ своею посудю. Въ одной только спальнѣ хозяйки происходила не совсѣмъ праздничная сцена: Варвара Александровна Мамилова, по словамъ Хозарова, красавица и философка, въ утреннемъ капотѣ и чепчикѣ, сидѣла и плакала; передъ ней лежало развернутое письмо и браслетъ. Варвара Александровна, дама лѣтъ около тридцати, дѣйствительно была хорошенькая; по крайней мѣрѣ имѣла очень нѣжныя черты лица, прекрасныя и чисто-небеснаго цвѣта голубые глаза; но главное: она владѣла удивительно-маленькой, и какъ бы совершенно безъ костей, ручкою и таковыми же ножками. Лежавшее передъ ней письмо было отъ мужа, отъ этого страшнаго богача, занимающагося въ южныхъ губерніяхъ торговыми операціями, и оно-то заставило именинницу плакать. «Поздравляю васъ, другъ мой, Варвара Александровна, писалъ супругъ, со днемъ вашего ангела и посылаю вамъ напой только могу найти лучшей брас-

леть, а вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденнымъ нахожусь, хотя это вамъ будетъ и непріятно, высказать мое неудовольствіе. Начну съ прошедшаго. Во-первыхъ, заискивали во мнѣ вы, а не я въ васъ; во-вторыхъ, въ самый день сватовства я объяснилъ, что желаю видѣть въ женѣ только семьянинку, и вы поклялись быть такой; я, сорокапятилѣтній простакъ, повѣрилъ, потому что и вамъ уже было за двадцать-пять; въ женихахъ вы не зарылись, кромѣ того, я зналъ, что вы не должны быть избалованы, такъ какъ жили у вашего отца въ положеніи какой-то гувернантки за его боковыми дѣтьми, а сверхъ того вы и сами вначалѣ показывали ко мнѣ большую привязанность; но какія же теперь всего этого послѣдствія? Черезъ какой-нибудь годъ вы заболѣли нервною болѣзнію, хотя по лицу этого совершенно было незамѣтно, и начали ко мнѣ приступать, чтобы я переѣхалъ съ вами въ Москву, — я и это сдѣлалъ. Столичный воздухъ пришелся вамъ, какъ нельзя лучше, по комплекціи: съ другой же недѣлй мы стали ѣздить по собраньямъ и по театрамъ. Такого рода жизнь, хотя была и убыточна, но при мнѣ позволительна; теперь же другое дѣло: вы живете одна и повторяете то же самое и безъ меня; открыли даже въ вашемъ домѣ, какъ я слышалъ, на цѣлую зиму вечера, и въ два мѣсяца прожили пять тысячъ рублей. Во избѣжаніе всего этого, съ будущей весны, то есть по окончаніи квартирнаго контракта, я намѣренъ переѣхать съ вами на постоянное жительство въ К....., гдѣ сосредоточу все мои дѣла. Цѣлуя васъ, пребываю — такой-то....»

Вотъ какое было поздравительное письмо страшнаго богача, и, конечно, всякій согласится, что это

дерзкое и оскорбительное посланіе могло заставить плакать даму и съ болѣе крѣпкими нервами, чѣмъ Варвара Александровна. Сначала она бросила было на полъ присланный ей въ подарокъ браслетъ и велѣла отказать официанту, которому заказанъ былъ вечеръ, но потомъ, проплакавшись, распорядилась снова о вечерѣ и подняла съ полу браслетъ, а часу въ первомъ, одѣвшись, и одѣвшись очень мило и къ лицу, надѣла даже и браслетъ и вышла въ гостиную, чтобы принимать пріѣзжающихъ гостей съ поздравленіемъ. Впрочемъ, впечатлѣніе письма было, видно, довольно сильно, потому что, какъ Варвара Александровна ни старалась переломить себя, все-таки оставалась нѣсколько грустна и взволнована. Всѣ почти перебивали у ней изъ ея круга; былъ и Бобыревъ, образованный купецъ, и статскій совѣтникъ Желюзовъ, и пріѣзжали трое офицеровъ вмѣстѣ; наконецъ прислала и Катерина Архиповна своего супруга поздравить именинницу.

Антонъ Федотычъ, вымытый, выбритый, напомаженный и весь, такъ сказать, по волѣ супруги, обновленный, то есть въ новой фракной парѣ, въ жилетѣ съ иголочки и даже въ новыхъ сапогахъ, не замедлилъ показать себя новой знакомой, и на особый вопросъ, который Варвара Александровна сдѣлала ему о Мари, потому что та нравилась ей болѣе изъ всего семейства, онъ не преминулъ пояснить, что воспитаніе Мари стоило имъ десять тысячъ.

Послѣ всѣхъ пріѣхалъ мой герой Хозаровъ. Мило было посмотреть, какъ вошелъ молодой человекъ въ своемъ черномъ фракѣ, бархатномъ жилетѣ и лакированныхъ сапогахъ! Какія у него были прекрасныя

перчатки; какъ свободно, какъ даже граціозно онъ раскланялся, даже гораздо лучше, чѣмъ сдѣлалъ это на репетиціи. Кромѣ того, онъ былъ такъ свѣжъ, такія имѣлъ миленькіе усы, такъ кстати заговорилъ съ хозяйкою о погодѣ, что, конечно, читатель мой, глядя на него, вы никакъ бы не догадались, что онъ выѣхалъ изъ номеровъ Татьяны Ивановны, по ея только великодушію имѣлъ перчатки и писалъ дружескую записку къ извозчику о снабженіи его экипажемъ: вы скорѣе бы подумали, что заговаривать по-французски и дѣлать утренніе визиты его нарочно возили учиться въ Парижъ. Родятся же люди съ подобными свѣтскими способностями! Ну, какое, на примѣръ, особѣе получилъ воспитаніе мой герой? Сначала родители держали его въ деревнѣ, и то больше въ дѣвичьей или въ лакейской; потомъ, на десятомъ или одиннадцатомъ году, отдали въ корпусъ, гдѣ онъ почти самоучкой выучился немного говорить по-французски и въ совершенствѣ овладѣлъ танцевальнымъ искусствомъ, — но, вѣдь, только и всего! Потомъ поступилъ онъ въ полкъ, гдѣ, конечно, старался постоянно быть въ хорошемъ обществѣ, и, стремясь докончить свое воспитаніе, читалъ очень много романовъ, и романовъ по преимуществу переводныхъ, чтобы уже имѣть окончательно ясное понятіе о свѣтско-европейской жизни.

Барвара Александровна въ этотъ разъ обратила на молодаго человѣка должное вниманіе. Отличнымъ танцоромъ она знала его и прежде; но разговаривать съ нимъ ей какъ-то еще не удавалось. Поговоря же съ нимъ въ настоящій визитъ, она увидѣла, что онъ необыкновенно милый и даже умный молодой человекъ, потому что Хозаровъ такъ мило ей рассказалъ

повѣсть Бальзака «*Старикъ Горіо*», что заинтересовалъ ее этимъ романомъ до невѣроятности.

— Гдѣ вы сегодня обѣдаете?— спросила она гостя.

— Дома,— отвѣчалъ тотъ.

— Voulez-vous manger notre soupe?

— Avec grand plaisir,— отвѣчалъ Хозаровъ.

— Mais, outre cela, passerez-vous avec nous la soirée?

— Votre très-humble serviteur!

Послѣ пріѣзжали еще кое-кто: являлся, между прочимъ, и толстякъ Рожновъ, внушавшій такія опасенія Хозарову; но никого хозяйка не удостоила приглашеніемъ на обѣдъ и звала только на простенькій вечеръ.

Такимъ образомъ, Сергѣй Петровичъ и Варвара Александровна обѣдали почти вдвоемъ, въ присутствіи только весьма молчаливой экономки изъ нѣмокъ.

Время шло очень пріятно; хозяйка окончательно развеселилась и была очень любезна съ гостемъ; бесѣда ихъ, какъ водится между образованными людьми, началась о театрѣ, о гуляньяхъ, о романахъ и, наконецъ, склонилась на любовь.

— Любви нѣтъ! — сказалъ Хозаровъ.

— Отчего же вы такъ думаете?—спросила хозяйка.

— Потому что женщины не умѣютъ любить.

— Скажите лучше: мужчины не въ состояніи чувствовать любви; они — эгоисты, грубы, необразованны; они въ женщинѣ хотятъ видѣть себѣ рабу, которая только должна повиноваться имъ, угождать ихъ при-

хотямъ и рѣшительно не имѣть собственныхъ желаній, или, лучше сказать, совершенно не жить.

— Однакожь мы видимъ, что всѣ мужчины угождаютъ женщинамъ?

— Да, это бывало во времена рыцарства, когда мужчины были нравственны, благородны, великодушны, храбры.

— Напротивъ...—возразилъ-было Хозаровъ.

— А какими вы женитесь, господа?—перебила хозяйка:—какими-то нравственными стариками, неспособными не только чувствовать, но даже понимать чувствъ! У васъ въ головѣ только дѣла и деньги. Вамъ дается молодое и свѣжее существо, которое стремится васъ любить, жить любовью, новы,—ахъ, Боже мой!—и говорить смѣшно, что вы видите въ женѣ: комфортъ, удобство, ключницу!... Что же остается бѣдной женщинѣ? Съ кѣмъ ей раздѣлить свое сердце, гдѣ истратить эту юную жизнь, которая кипитъ въ ней? И вотъ она, разумѣется, кидается въ свѣтъ и начинаетъ утѣшать себя мишурными пустяками: нарядами, балами, театрами; но развѣ можетъ занять это ея умъ и сердце? Она весела только по наружности, но внутри страдаетъ. Но этого еще мало: вы, мужья, хотите отнять у нихъ и эти воображаемыя развлечения; вамъ жаль денегъ, которыми вы, по всѣмъ правамъ, должны бы были платить за отсутствіе чувствъ; вы, господа, называете насъ мотовками, вѣтреницами, и оканчиваете тѣмъ, что увозите куда-нибудь въ глушь, въ деревню! и тогда прощай, бѣдное существо — оно заживо погребено.

— Я на это имѣю другой взглядъ,—возразилъ Хозаровъ:—женщины сами скрываютъ свои чувства; онѣ

сами холодны, или притворяются такими. Я знаю одну дѣвушку; она любитъ одного человѣка; онъ это знаетъ вѣрно; но до сихъ поръ эта дѣвушка себя маскируетъ: когда онъ написалъ къ ней письмо, она прочитала, цѣловала даже безчувственную бумагу, но все-таки велѣла въ отвѣтъ сказать одно холодное *merci*.

— Я не понимаю этого, — сказала Мамилова: — и думаю, что она не любитъ.

— Вы думаете?

— Даже увѣрена, потому что, когда женщина любитъ, она вся — откровенность; не чувствуя сама, она выскажется во всемъ: во взглядѣ, во всѣхъ своихъ поступкахъ, даже въ словахъ!

— Однакожь это случилось!

— Не съ вами ли?

— А если бы со мной?

— Жалѣю о васъ!

— Почему?

— Потому что васъ не любятъ.

— Можетъ быть! По крайней мѣрѣ, я люблю.

— А если вы любите, такъ и спѣшите любить, не теряйте ни минуты; ищите, старайтесь нравиться, сватайтесь, а главное, — не откладывайте въ дальній ящикъ и женитесь. Пройдетъ время, вы растеряете всѣ ваши чувства, мысли, всего самого себя; тогда будетъ худо вамъ, а еще хуже — вашей будущей женѣ.

— Я могу еще любить, — возразилъ Хозаровъ.

— Можетъ быть, вы молоды... Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать семь.

— Да!... но только ужъ пора жениться — и очень пора!... Пройдетъ годъ, другой, и вы будете похожи на другихъ. — Боже мой! — продолжала хозяйка одушев-

леннымъ голосомъ: — даже на самыхъ первыхъ порахъ брака какими вы бываете, мужчины! Вамъ скучны ласки этого юнаго существа, и вотъ — вы начинаете обманывать: жалуетесь на желчь, на сплинъ; но прѣвзжаетъ пріятель, съ которымъ какія-нибудь у васъ есть дѣла, и сейчасъ все проходитъ: отсюда является энергія, дѣятельность, потому что тутъ говорятъ ваша собственная корысть. Вы всѣми вашими помышленіями посвящены только вашей меркантильной жизни, а женѣ остается одинъ только труиъ, остовъ челоуѣка, безъ чувствъ, безъ мысли. Нашу любовь, нашу живость, нашу даже, если хотите, болтливость, — вы не хотите понять; называете это глупостями, ребячествомъ и на червыхъ порахъ тушите огонь страсти, который горѣлъ бы для васъ, и горѣлъ бы всю жизнь.

— Вы говорите все это весьма справедливо про браки, которые совершаются по расчету; но другое дѣло — бракъ по страсти.

— Но гдѣ вы возьмете въ сорокъ лѣтъ страсти, — возразила хозяйка: — когда уже вы въ тридцать лѣтъ чувствуете, какъ говорятъ иные, разочарованіе? И что такое ваше разочарованіе? Это не усталость души поэта, испытавшей все въ жизни; напротивъ — матеріализмъ, загрубѣлость чувствъ, апатія сердца — и больше ничего!

— Въ отношеніи разочарованія я совершенно съ вами согласенъ, — сказалъ Хозаровъ: — это такая нелѣпость, которой я рѣшительно не допускаю. Последнія слова герой мой произнесъ искренно: онъ, дѣйствительно, въ самомъ себѣ не чувствовалъ ничего подобнаго разочарованію; ему даже весьма не нравились

знаменитые романы: «*Онъгинъ*» и «*Печоринъ*.» Онъ всегда называлъ ихъ баснями. Долго еще разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ; наконецъ, хозяйка, ваяется, утомилась резонерствовать. Хозаровъ, какъ свѣтскій человекъ, тотчасъ же замѣтилъ это и потому раскланялся и уѣхалъ. Домой прибылъ онъ нѣсколько взволнованный; на него сильное впечатлѣнiе произвела философа-именинница. Раздѣвшись и усѣвшись въ свое волтеровское кресло, онъ погрузился въ тихую задумчивость. Вошла Татьяна Ивановна.

— А вы не будете обѣдать?—спросила она.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ: — я обѣдалъ у именинницы. Вотъ, Татьяна Ивановна, я встрѣтилъ женщину, такъ женщина!

— Кого это?

— Варвару Александровну Мамилову... Чудо! Вообразите себѣ: говорить, какъ профессоръ; что за чувства, что за страсти! И вмѣстѣ съ тѣмъ эти синiе чулки бываютъ, обыкновенно, страшные уроды; а эта, представьте себѣ, красавица, образована и учена такъ, что меня просто втупикъ поставила.

Татьяна Ивановна покачала головою.

— Лучше вашей Мари никого нѣтъ на свѣтѣ, — сказала она.

— Мари не идетъ тутъ въ сравненiе, — отвѣчалъ Хозаровъ:—Мари ангелочекъ-дѣвочка: на ней можно жениться, любить ее, знаете, какъ жену; но эта — другое дѣло: эту надобно слушать и удивляться.

— Лучше бы вы этого не говорили. Досадно слушать! — возразила Татьяна Ивановна. — Просто, вы повѣса, волокита. Вотъ бы вамъ завлечь бѣдную дѣ-

вущку, потомъ бросить ее и влюбиться въ другую даму.

— Нѣтъ, это не то, — проговорилъ Хозаровъ и снова задумался.

Посидѣвъ немного, Татьяна Ивановна простилась съ постояльцемъ и отправилась къ Катеринѣ Архиповнѣ помогать барышнямъ одѣваться. Мы оставимъ моего героя среди его мечтаній и перейдемъ, вмѣстѣ съ почтеннѣйшею хозяйкою, въ квартиру Ступицныхъ, у которыхъ была тоже страшная суетня. Двѣ старшія, Пашетъ и Анетъ, начали хлопотать еще съ самаго обѣда о своемъ туалетѣ; онѣ примѣривали башмаки, мѣнялись корсетами и почти до ссоры спорили, которой изъ нихъ надѣть на голову виноградъ съ французской зеленью: имъ обѣимъ его хотѣлось.

— Тебѣ совсѣмъ нейдетъ зелень, — говорила Анетъ съ сѣрыми глазами: — ты брюнетка; ты гораздо лучше будешь въ пунцовыхъ шу.

— Извините, я уже и то на трехъ вечерахъ была въ лентахъ, а вы всегда въ цвѣтахъ.

Споръ двухъ дѣвушекъ дошелъ до маменьки, которая ихъ помирила тѣмъ, что разломала виноградную вѣтку на двѣ и, каждой отдавъ по половинѣ, приказала имъ надѣть, вмѣстѣ съ зеленью, и пунцовые шу.

Объ сестры, спора между собою, вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовали страшное ожесточеніе противъ младшей сестры и имѣли на это полное право: Катерина Архиповна еще за два дня приготовила своему идолу весь новый туалетъ: платье ей было сшито новое, газовое, на атласномъ чухлѣ; башмаки были куплены въ магазинѣ, а не въ рядахъ; а на голову была при-

готовлена прекрасная коронка отъ m-ше Анетъ; но еще не все: сегодня на вечеръ эта дѣвочка, какъ именовали ее сестры, явится и въ маменькиныхъ брилліантахъ, которые нарочно были передѣланы для нея по новой модѣ. Весьма естественно, что Мари, имѣя въ виду такого рода исключительныя заботы со стороны матери, сидѣла очень спокойно въ залѣ и читала какой-то романъ. Антонъ Федотычъ такъ же, какъ старшія дочери, былъ искренно озабоченъ своимъ туалетомъ: онъ самъ лично — своею особою — наблюдалъ, какъ гладилась его манишка, которая и должна была составлять перемѣну въ его костюмѣ противъ того, въ которомъ онъ являлся къ имейниці утромъ.

Между тѣмъ какъ происходили всѣ эти хлопоты, и между тѣмъ какъ волновались ими Пашетъ, Анетъ и Антонъ Федотычъ, Катерина Архиповна сидѣла и разговаривала съ Рожновымъ.

— Что мнѣ дѣлать, Иванъ Борисычъ? — говорила хозяйка.

— Я самъ не знаю, что дѣлать и вамъ, и мнѣ, — отвѣчалъ тотъ:—но я вамъ опять повторю: я богатъ, не совсѣмъ глупъ, дочь ваша мнѣ нравится, а потому, можетъ быть, и сумѣю сдѣлать ее счастливою.

— Все это я знаю; но она еще замужъ не хочетъ, — отвѣчала Катерина Архиповна.

— Нѣтъ-съ, это не то: она замужъ хочетъ, только не за меня.

— Я васъ очень хорошо понимаю, Иванъ Борисычъ, и очень была бы рада, — отвѣчала Катерина Архиповна.

— Я знаю, что вы-то бы рады, — отвѣчалъ Рож-

новъ: — впрочемъ, подождемъ, не сдѣлаеть ли чего время?

— Подите, поговорите съ ней, полюбезничайте, — сказала старуха: — вы къ ней очень невнимательны.

— Вотъ еще что выдумали! Стану я любезничать! Она и безъ того, кажется, видѣть меня равнодушно не можетъ, — проговорилъ толстякъ и задумался.

Явилась Татьяна Ивановна. Мари, увидѣвъ свою повѣренную, взяла ее за руку и посадила около себя.

— Что вы не собираетесь?

— У меня все готово, — отвѣчала дѣвушка.

— Какъ васъ ждетъ одинъ человекъ, такъ, просто, ужась: сегодня цѣлое утро только и говорилъ, какъ увидѣться съ вами, — сказала Татьяна Ивановна.

Дѣвушка покраснѣла, однако ничего не отвѣчала и принялась читать романъ. Татьяна Ивановна начала нѣсколько разъ опять заговаривать о Хозаровѣ, но отвѣтомъ ей было только смущеніе, и потому дѣвица Замшева рѣшилась отправиться къ двумъ старшимъ. Здѣсь она нашла обширное поле для своей дѣятельности. Обѣ дѣвицы были въ совершенномъ отчаяніи отъ дурно выглаженныхъ кисейныхъ платьевъ, но Татьяна Ивановна взялась помочь горю: со свойственнымъ только ей искусствомъ спрыснула весьма обильно платья, начала ихъ гладить черезъ тонкую простыню, и, такимъ образомъ, платья вышли отличныя. Часа за два началось одѣванье трехъ сестеръ. Татьяна Ивановна безпрестанно перебѣгала изъ комнаты двухъ старшихъ въ кабинетъ младшей, которую, впрочемъ, одѣвала сама мать. Толстякъ все это время сидѣлъ одинъ въ залѣ. Антонъ Федотычъ тоже одѣвался. Старуха, одѣвъ своего идола, снаря-

дидась сама очень скоро, и къ девяти часамъ всѣ были готовы. Рожновъ предложилъ всему семейству ѣхать въ его возкѣ, а самъ, съ Антономъ Федотычемъ, отправился на извозчикѣ. Татьяна Ивановна проводила всѣхъ до крыльца, и на этотъ разъ, не боясь мошенниковъ, отправилась домой.

Когда семейство Ступицыныхъ, въ сопровожденіи Рожнова, вошло въ залу Варвары Александровны, тамъ было уже довольно гостей. Хозаровъ стоялъ, прислонясь къ косяку дверей въ гостиную, и рисовался. Среди всей этой новоприбывшей семьи по преимуществу кинулась всѣмъ въ глаза Мари; она была очень мила въ своемъ розовомъ новомъ платьѣ и въ маменькиныхъ передѣланныхъ брилліантахъ. Двѣ старшія, поздоровавшись съ хозяйкою, тотчасъ же адресовались къ моему герою, и адресовались такъ провинціально, съ такими непріятными и странными ужимками, что Хозаровъ совершенно сконфузился и, сдѣлавъ, сколько возможно, насмѣшливую улыбку, пробормоталъ нѣсколько словъ и ретировался въ залу; но и здѣсь ему угрожала опасность: Антонъ Федотычъ схватилъ его за обѣ руки и началъ изъяслять, — тоже весьма глупо и неприлично, — восторгъ, что съ нимъ увидѣлся. Хозаровъ окончательно растерялся и не нашелъ ничего болѣе сдѣлать, какъ выйти изъ залы. По возвращеніи его, кадрили уже началась. Двѣ старшія дѣвицы Ступицыны были ангажированы офицерами; слѣдовательно, отъ нихъ не могла ему угрожать опасность. Его беспокоилъ одинъ только Антонъ Федотычъ, который стоялъ въ противоположномъ углу и съ улыбкою поглядывалъ на всю публику. Увидѣвъ Хозарова, онъ, видимо, замышлялъ подойти

къ нему; но, къ счастію сего послѣдняго, Ступицынъ былъ со всѣхъ сторонъ заставленъ стульями, а потому не могъ тронуться съ мѣста и ограничился только тѣмъ, что не спускалъ съ Хозарова глазъ и улыбался ему.

«Какое милое существо, а въ какомъ дурачкѣ семействѣ родилось!» подумалъ про себя Сергѣй Петровичъ, глядя на хорошенькую Мари, танцовавшую съ третьимъ офицеромъ. Осмотрѣвъ внимательно ея роскошный станъ, ея пухленькія ручки и, наконецъ, замѣтивъ довольно таинственные и много говорящіе взгляды, онъ не выдержалъ, подошелъ къ ней и позвалъ ее на кадрили.

Между тѣмъ, хозяйка, осматривавшая въ лорнетъ всѣхъ гостей, увидѣла во второй кадрили Хозарова, танцующаго съ Мари, и съ той поры исключительно занялась наблюденіемъ надъ ними. Она видѣла все; но ни Хозаровъ, ни Мари не замѣтили ничего. Въ герою моемъ вдругъ воскресла на-время усыпленная впечатлѣніемъ Варвары Александровны, страсть къ Мари, тѣмъ болѣе, что онъ, взявъ ручку *грёзовской* головки, почувствовалъ, что эта ручка дрожала.

— Вы меня ненавидите, — сказалъ поручикъ, становясь съ своей дамой на избранное мѣсто.

Мари ничего не отвѣчала; она только взглянула на него, но взглянула такъ, что Сергѣй Петровичъ понялъ многое и потому слегка пожалъ ея ручку. Ему отвѣчали тоже легкимъ пожатіемъ.

— Вы не сердитесь на меня за мою тайну, которую писалъ я вамъ въ дневникъ? — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала дѣвушка.

— А вы знаете, о комъ я писалъ?

— Не знаю.

— О васъ.

Мари вся вслыхнула.

— Могу я васъ любить? — спросилъ онъ шопотомъ.

— Да, — отвѣчала тоже шопотомъ дѣвушка.

— А вы?

Молчаніе...

— А вы? — повторилъ Хозаровъ.

— Да.... — едва проговорила она и стремительно бросилась дѣлать шень.

По окончаніи кадрили, Хозаровъ, разстроенный, и разстроенный въ такой мѣрѣ, что даже взъерошилъ свою прическу, всталъ опять у косяка. Къ нему подошла хозяйка.

— Я всевидѣла, — сказала она: — васъ любить, вы напрасно сомнѣваетесь, и любяте васъ такъ, какъ только умѣетъ любить молоденькая дѣвушка; но знаете, что мнѣ тутъ отрадно: вы сами любите, вы сами еще не утратили прекрасной способности любить. Поздравляю и радуюсь за васъ.

Хозаровъ на такого рода лестные отзывы ничего не могъ даже отвѣтить и только молча и съ внутреннимъ самодовольствомъ прижалъ къ груди своей шляпу и поклонился.

Ступицыны скоро уѣхали съ вечера. Катерина Архиповна замѣтила, что идола ея немного поблѣднѣлъ, и потому тотчасъ же пристала къ Мари съ разспросами, что такое съ ней? Мари объявила, что у нея голова болитъ, и что ей бы очень хотѣлось ѣхать домой. Старуха тотчасъ же повелѣла

всей остальной семьѣ собраться. Какъ это ни было горько Пашетѣ и Анетѣ, такъ какъ обѣ онѣ были приглашены тѣми же офицерами на мазурку; какъ, наконецъ, ни неприятно было такое распоряженіе супруги Антону Федотычу, который прислѣлъ уже къ статскому совѣтнику Желюзову и началъ-было ему рассказывать, какіе у него въ деревнѣ сформированы прекрасные музыканты, — однако всѣ они покорились безотмѣнному повелѣнію Екатерины Архиповны и отправились домой.

IV.

Спустя недѣлю послѣ Варварина дня, Ступицынъ вознамѣрился всеѣмъ знакомымъ Екатерины Архиповны сдѣлать визиты. Многое породило въ головѣ Антона Федотыча подобное желаніе: во-первыхъ, ему хотѣлось еще разъ показать почтеннѣйшей публикѣ свой новый фракъ; во-вторыхъ, поговорить съ некоротко-знающими его лицами и высказать имъ нѣкоторыя свои душевныя убѣжденія, и, наконецъ, въ-третьихъ, набѣжать гдѣ-нибудь на завтракъ или на закуску съ двумя сортами водки съ какимъ-нибудь канальскимъ портвейномъ и на курить табаку. Последняя причина едва ли была не главная, потому что завѣтный погребецъ его, увы! — давно уже былъ безъ содержанія; наполнить же его не было никакой возможности: расчетливая Катерина Архиповна, шивъ супругу новое платье, — такъ какъ въ старомъ невозможно уже было показать его добрымъ людямъ, — поклялась пять лѣтъ не давать ему ни копѣйки и даже не покупала для него та-

баку. Рѣшившись, на основаніи вышеупомянутыхъ причинъ, дѣлать визиты, Антонъ Федотычъ имѣлъ въ виду одно только не совсѣмъ пріятное обстоятельство: онъ долженъ былъ ходить пѣшкомъ, потому что Катерина Архиповна и на извозчика не давала денегъ. Это заставило Ступицына рѣшиться посѣтить не вдругъ всѣхъ, а дѣлать визиты по два или по три въ день, рассказывая при этомъ случаѣ, что ему докторъ велѣлъ каждое утро ходить верстъ по пяти пѣшкомъ. Въ первый день зашелъ онъ къ статскому совѣтнику Желюзову, но здѣсь его не приняли, и онъ направилъ стопы къ Хозарову. Можетъ быть, его и здѣсь не приняли бы, но онъ вошелъ вдругъ и засталъ хозяина за туалетомъ.

— Боже мой! извините вы меня! — вскрикнулъ Хозаровъ, запахивая халатъ и стараясь прибрать туалетныя принадлежности.

— Сдѣлайте милость, не беспокойтесь, — возразилъ гость: — иначе я лишу себя пріятнаго удовольствія побесѣдовать съ вами и уйду.

— Какъ это возможно! — возразилъ съ своей стороны хозяинъ: — но все-таки мнѣ очень совѣстно: я теперь живу на бивакахъ; мое отдѣленіе передѣлываютъ; я сюда перешелъ на-время въ этотъ сарай.

— Я этого не скажу, — говорилъ Ступицынъ, усаживаясь на ближайшій къ хозяину стулъ. — Комната мнѣ нравится, очень веселенькая. Обоями нынче все больше оклеиваютъ.

— Да, но это что за помѣщеніе!... Семейство ваше какъ въ своемъ здоровьѣ?

— Благодарю васъ, слава Богу. Мари что-то

все хмурится. Позвольте мнѣ попросить у васъ трубки.

— Ахъ, сдѣлайте милость! — вскрикнулъ хозяинъ и самъ-было бросился набивать гостю трубку; но тотъ, конечно, не допустилъ его и самъ себя выбралъ самую огромную трубку, старательно продулъ ее, наложилъ, закурилъ и сѣлъ, съ цѣлью вполне насладиться любимымъ, но не всегда доступнымъ ему удовольствіемъ.

— Безподобный табакъ! — сказалъ онъ, втягивая дымъ.

— Очень радъ, что вамъ нравится.

— Какъ, однако, свѣжо на дворѣ! — сказалъ гость, усладившись куреніемъ: — я хожу, вѣдь, пѣшкомъ: докторъ велѣлъ; нельзя, знаете, безъ моціона, — такія ужъ лѣта; чего добраго, пожалуй, и ударъ хватить.

— Такъ на дворѣ, вы изволите говорить, холодно?

— Весьма свѣжо. Я такъ, знаете, прозябъ, что даже и теперь не могу согрѣться.

— Не прикажете ли чаю, или кофе?

— Нѣтъ-съ, благодарю покорно: то и другое мнѣ строжайше запрещено докторомъ. Рюмку водки, если есть, позвольте!

— Ахъ, пожалуйста! — сказалъ хозяинъ и вышелъ, чтобы попросить у Тагьяны Ивановны для гостя водки. Дѣвица Замшева, услышавъ, что у Хозарова Антонъ Ѳедотычъ и желаетъ выпить водочки, тотчасъ захлопотала.

— Дайте водочки, почтеннѣйшая, да нѣтъ ли графинчика получше, да и закусить чего-нибудь —

сыру или сельдей, — знаете, подайте понаряднѣе: на подносъ велите постлатъ салфетку, и хлѣбъ нарѣзать и разложить покрасивѣе.

— Знаю, Сергѣй Петровичъ, знаю. Ужь не безпокойтесь. Велю подать водки, миногъ, сыру и колбасы; да не худо бы винца какого-нибудь?

— Очень хорошо, и винца — рубля въ полтора серебромъ бутылку, — отвѣчалъ Хозаровъ. — Ахъ, вы, милѣйшая моя хозяйшка! — говорилъ онъ, трепля ее по плечу.

— То-то и есть, — отвѣчала Татьяна Ивановна: — дай вамъ Богъ другую нажить такую. Вотъ, посмотримъ, какъ-то вы отблагодарите меня какъ жени-тесь.

— Тысячу рублей подарю вамъ, — отвѣчалъ Сергѣй Петровичъ.

— Хорошо, посмотримъ, — отвѣчала хозяйка и побѣжала хлопотать о закускѣ. Хозаровъ, между тѣмъ, возвратился къ гостю, который закурилъ уже другую трубку и, развалясь на диванѣ, пускалъ мастерскія кольца.

— Извините меня, — сказалъ хозяинъ: — я захопотадся. Вотъ наша холостая жизнь: вообразите себѣ, двое у меня людей въ горницѣ и ни одного на лицо нѣтъ, такъ что принужденъ былъ просить подать завтракъ хозяйскую дѣвушку.

— Это часто случается и у насъ; у меня, вотъ, здѣсь немного людей, а въ деревнѣ ихъ человекъ пятнадцать, а случается иногда, что даже по цѣлому дню трубку некому приготовить.

Въ это время Марea, одѣтая, по распоряженію

Татьяны Ивановны, въ новое ситцевое платье, принесла закуску, водку и вино.

— Прощу покорнѣйше, — сказалъ хозяинъ.

— А я васъ прошу не беспокоиться: распоряджусь, — отвѣчалъ гость и залпомъ выпилъ рюмку водки, закусивъ миногю.

— Прекрасная закуска эти миноги! И кислотовато, и пріятно, — сказалъ онъ, прожевавъ кусокъ:— говорятъ, это маленькія змѣи?

— Не знаю. Не прикажете ли винца?

— Нѣтъ, позвольте мнѣ еще рюмку водки: все какъ-то не могу хорошенько согрѣться! Это штригтеровская?

— Нѣтъ, домашняя.

— Скажите, какая прекрасная, — замѣтилъ гость, закусывая сыромъ. — Теперь можно трубки покурить и винца потомъ выпить, — проговорилъ онъ и, закуривъ трубку, хотѣлъ было налить себѣ въ рюмку.

— Не прикажете ли лучше въ стаканъ? Это вино совѣстно пить рюмками, — сказалъ хозяинъ, желавшій угостить гостя, замѣтивъ, что сей послѣдній нелюбитъ выпить.

— Не много ли будетъ стаканчиками?—сказалъ гость, выпивъ рюмку. — Вы сами не кушаете; надобно начинать, вѣдь, съ хозяина.

— А вотъ я и самъ выпью, — сказалъ тотъ, наливъ стаканъ и ставя его передъ Ступицынымъ, а себѣ рюмку.

Антонъ Ѳедотычъ пришелъ въ совершенно блаженное состояніе отъ такого любезнаго приема.

— Какъ мнѣ пріятно, что я имѣлъ честь съ вами познакомиться. Съ перваго раза, изведите ли помнить,

какъ мы встрѣтились, я почувствовалъ къ вамъ какое-то особенное влеченіе.

— Благодарю васъ покорно; я, съ своей стороны, также дорожу знакомствомъ вашимъ и всего вашего милаго семейства.

— Да-съ, я могу похвалиться моимъ семействомъ, — началъ Ступицынъ, у котораго въ головѣ начало уже шумѣть: — одно только... ахъ, какъ мнѣ тутъ неприятно! Даже и говорить про это больно!

— Что такое-съ?

— Такъ, знаете-съ: свои семейныя несообразности.

— Но... въ чемъ же?

— Это, я вамъ доложу, большая исторія, — проговорилъ Ступицынъ, вздыхая и махнувъ рукой. — Я, пожалуй, вамъ расскажу; но прежде, нежели начну, позвольте мнѣ васъ попросить выпить со мной по стаканчику мадеры.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ хозяинъ и наполнивъ себѣ и гостю по стакану вина, которыми они чокнулись и выпили.

— Я, васъ, Сергѣй Петровичъ, съ перваго раза полюбилъ, какъ сына, а потому могу открыть вамъ душу. Катерина Архиповна моя... я про нее ничего не могу сказать... Семейнянка прекрасная, только неровна къ дочерямъ: двухъ старшихъ не любитъ, а младшую боготворитъ.

— Скажите пожалуйста!

— Да-съ, вотъ какой случай. А что прикажете дѣлать? Я хоть и отецъ, а помочь не могу. Короче вамъ сказать: была у насъ двоюродная бабка, и, замѣтьте, бабка съ моей стороны; меня просто, обожала,

всего своего имущества, еще при жизни, хотѣла сдѣлать наслѣдникомъ; но, вѣдь, я отецъ: куда же бы все пошло?... Все бы, конечно, дѣтямъ, — только бы поровну, никто бы изъ нихъ обиженъ-то не былъ. Такъ какъ бы вы думали, что сдѣлала супруга? Передъ самою почти смертью подбилась къ старухѣ да уговорила ее, обойдя меня, отдать одной младшей, Машетъ, а мы и сидимъ теперь на бобахъ. Вотъ что значить неравная-то любовь! Но, вѣдь, я отецъ: мнѣ горько и обидно... и себя, конечно, жалко, да и старшія-то чѣмъ же согрѣшили?

— Скажите пожалуйста! — произнесъ Хазаровъ: — большое имѣніе?

— Триста душъ въ кружкѣ, какъ на ладони, да и каменная усадьба.

— И всѣмъ ужъ теперь владѣетъ Марья Антоновна?

— Давно, по всѣмъ актамъ, но этого еще мало: имѣніе теперь подъ опекою у матери; ни копейки, сударь вы мой, изъ доходовъ не издерживаетъ, — все въ ломбардъ на имя идола: тысячъ тридцать ужъ засыпано.

— Тридцать тысячъ! — воскликнулъ въ восхищеніи Хазаровъ.

— Ровнехонько тридцать. Но, вѣдь, мнѣ горько: я отецъ... Я равнодушно видѣть старшихъ не могу, хуже чѣмъ сироты. Ну, хотъ бы съ воспитанія взять: обѣихъ ихъ въ деревнѣ сама учила — ну, что она знаетъ? — а за эту платила въ пансіонъ по тысячѣ рублей...но и это еще не все...

— Что же еще такое? — спросилъ Хазаровъ, болѣе и болѣе начинавшій интересоваться разговоромъ Ступицына.

— И это еще не все: нашла ей жениха, почти

насилно влюбила его въ нее; онъ полгода уже какъ интересовался старшей; передѣлала, сударь ты мой, это дѣло въ свою пользу — да и только! Теперь тотъ неотступно сватается къ Машенькѣ.

— Сватается къ Марьѣ Антоновнѣ?

— Неотступно! Сюда за ними нарочно прѣхалъ: вы, вѣрно, его знаете, — Рожновъ!

— Этотъ толстякъ! — воскликнулъ Хозаровъ.

— Да что такое толстякъ? тысяча, вѣдь, душъ-съ... человекъ добрейшій... умница такая, что у насъ въ губерніи никто съ нимъ и не схватывается.

— Такъ, стало быть, Марья Антоновна помолвлена?

— Кажется, еще нѣтъ. Я, признаться, и не знаю, потому что я и входить не хочу въ ихъ дѣла: грустно, знаете, очень грустно, право; а нечего дѣлать: мать... кто ее можетъ судить и разбирать. А и теперь Пашеть и Анеть все я содержу — это я могу прямо сказать. Но у меня небольшое состояніе: всего сто душъ; я самъ еще люблю пожить, — ну, вотъ, напримѣръ, въ карты играю, и играю по большой; до лошадей охотникъ, и знакомыхъ тоже имѣю; а она изъ своихъ ста душъ ни сinya пороха не даетъ старшимъ, а все на своего идола. Обидно, Сергѣй Петровичъ, невыносимо обидно... Позвольте мнѣ еще водки выпить.

Ступицынъ выпилъ еще водки и началъ немного погачиваться.

— Что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ быть? — разсуждалъ онъ, какъ-бы самъ съ собою: — къ несчастію, онъ и собой-то хуже той. Но, вѣдь, я отецъ: у меня сердце равно лежитъ ко всѣмъ. Вы теперь еще не понимаете, Сергѣй Петровичъ, <http://scis.org.pl> а вотъ возьмемъ

съ примѣра: пять пальцевъ на рукѣ; который ни тронь — всѣ больно. Жаль мнѣ Пашеть и Анеть, — а онѣ предобрѣя, — да что дѣлать! — родная мать! Вы извините меня: можетъ быть, я васъ обезпокоилъ.

— Ахъ, какъ вамъ не совѣстно! Напротивъ, мнѣ очень пріятно, — отвѣчалъ хозяинъ.

Гость принялся-было отыскивать картузъ, но остановился.

— Не могу идти домой, не могу видѣть неравенства — и въ комъ же? — въ родной матери, которая носила всѣхъ въ утробѣ своей девять мѣсяцевъ. — Здѣсь Ступицынъ немного остановился. — Сергѣй Петровичъ, милый ты человекъ! — продолжалъ онъ: — я обожаю васъ, т. е., кажется, готовъ за васъ умереть. Позвольте мнѣ васъ поцѣловать!

— Съ большимъ удовольствіемъ...

Новые пріатели облобызались.

— Сергѣй Петровичъ! позвольте мнѣ у васъ отдохнуть: не могу видѣть неравенства.

— Сдѣлайте одолженіе, — сказала Хозаровъ, въ душѣ обрадованный такому намѣренію Ступицына, потому что тотъ, придя въ такомъ видѣ домой, могъ въ оправданіе свое рассказать, что былъ у него, и такимъ образомъ поселить въ семействѣ своемъ не весьма выгодное о немъ мнѣніе. Онъ предложилъ гостю лечь на постель; тотъ сейчасъ же воспользовался предложеніемъ и скоро захрапѣлъ.

Въ какой мѣрѣ были справедливы вышесказанные слова Ступицына, мы увидимъ впоследствии; но Хозаровъ имъ повѣрилъ.

— Триста душъ, тридцать тысячъ и каменная усадьба... недурно, очень недурно, — повторилъ онъ самъ

съ собой, и между тѣмъ, какъ гость его начиналъ ужь храпѣть на третью ноту, Хозаровъ отправился къ Татьянѣ Ивановнѣ.

— Ну, что, ушелъ? — спросила хозяйка.

— Нѣтъ, пьянъ напился, и водку, и вино, все выпилъ и легъ спать, — отвѣчалъ постоялецъ. — Богъ дастъ какъ женюсь, такъ и въ лакейскую къ себѣ не стану пускать: пренесносная скотина! Впрочемъ, Татьяна Ивановна, намъ, въ отношеніи Маріи, угрожаетъ опасность, и большая опасность.

— Что вы это? Какая опасность?

— Датакая опасность, что врядъ ли она помолвлена!

— Не можетъ быть, ой, не можетъ быть. Да за кого, Сергѣй Петровичъ? Не за кого быть помолвленной...

— А за Рожнова?

— За этого толстаго господина? Постойте, батюшка, Сергѣй Петровичъ, пожалуй, это и на дѣло похоже. Когда онѣ собирались на вечеръ, Марья Антоновна была такая грустная, а этотъ господинъ сидѣлъ съ Катериной Архиповной, и все шопотомъ разговаривали...

— Это скверно, — произнесъ Хозаровъ: — впрочемъ, у нихъ въ этотъ день ничего не могло быть рѣшительнаго, потому что я въ этотъ же вечеръ объяснился ей въ любви и получилъ признаніе.

— Ну, вотъ, видите! Стало быть, пустяки. Можетъ быть мнѣ только такъ показалось. Она не вѣтреница какая-нибудь: этого про нее, кажется, никто не скажетъ, — но только все-таки, Сергѣй Петровичъ, скажу

вамъ: напрасно теряете время, пропустите вы эту красотку.

— Не слыхали ли вы, Татьяна Ивановна, что у него есть усадьба?

— Какъ не быть усадьбы! Отличнѣйшее помѣстье. Нынче одни дворы конюшенные выстроить стоило пять тысячъ; хлѣбъ родится самъ-десять.

— И это вѣрно вы знаете?

— Какъ самое-себя.

— Вы дѣйствительно, почтеннѣйшая, говорите справедливо, — сказала Хозаровъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія. — Я глупо и безрасудно теряю время.

— Глупо, Сергѣй Петровичъ, и совершенно безрасудно, — повторила Татьяна Ивановна.

— Помолюсь-ка я Богу да пойду, объяснюсь съ Катериной Архиповной. Этому болвану и говорить нечего: онъ, кажется, ничего не значить въ семействѣ.

— Именно такъ, — утвердила Татьяна Ивановна.

Хозаровъ нѣсколько времени ходилъ по комнатамъ въ задумчивости.

— Знаете, что мнѣ пришло въ голову? Я сдѣлаю предложеніе письмомъ: говорить объ этихъ вещахъ какъ-то щекотливо.

— Письмомъ гораздо лучше, и они пунктуальнѣе отвѣтятъ, — отвѣчала Татьяна Ивановна.

— Жалко, что у меня въ комнатѣ эта свинья спитъ. Развѣ идти въ кофейную Печкина и оттуда послать съ человѣкомъ? Тамъ у меня есть пріятель-мальчикъ, чудный малый! славно такъ одѣтъ и собой прехорошенькій. Велю назваться моимъ крѣпостнымъ

камердинеромъ. Оно будетъ очень кстати, даже можетъ произвести выгодный эффектъ: явится, знаете, франтоватый камердинеръ; можетъ быть, стануть разспрашивать, а онъ ужь себя не ударить въ грязь лицомъ: мастерски говорить.

— Превосходно вы выдумали, — сказала Татьяна Ивановна. — А то отсюда даже и послать некого: вѣдь, не Мареутку же? Въ такомъ дѣлѣ черную дѣвку посылать и неловко.

— Ну, куда ваша Мареутка годится! Ей впору и въ лавочку бѣгать. Я думалъ-было попросить васъ, но какъ-то нейдетъ, не принято въ свѣтъ.

— Миѣ совершенно невозможно. Я бы, конечно, душой рада, да не принято. Послѣ, пожалуй, схожу, хоть сегодня вечеркомъ, и поразузнаю, какъ между ними это принято; можетъ быть и сами скажутъ что-нибудь.

— Это, дѣйствительно, вы сходите и поразвѣдайте. Adieu, почтеннѣйшая!

Возвратясь въ своей номеръ, Хозаровъ тотчасъ же одѣлся, взялъ съ собою почтовой бумаги, сургучъ, печать и отправился въ кочегурную, гдѣ въ самой отдаленной комнатѣ сочинилъ предложеніе, которое мы прочтемъ впоследствии. Письмо было отправлено съ чуднымъ малымъ, которому поручено было назваться крѣвостнымъ камердинеромъ и просить отвѣта; а если что будутъ спрашивать, то ни себя, ни барина не ударить лицомъ въ грязь.

Между тѣмъ какъ Антонъ Федотычъ, подгулявъ у Хозарова, посвящалъ его во всѣ семейныя тайны, и какъ тотъ, на основаніи полученныхъ имъ свѣдѣній рѣшился въ тотъ же день просить руки Марьи Ан-

тововны, Рожновъ лежалъ въ кабинетѣ и читалъ какой-то англійскій романъ. Прислуга толстяка сидѣла въ лакейской и пила чай: у него ихъ было человѣка три въ горницѣ и человѣка четыре въ кухнѣ, и то потому только, что выѣхалъ въ Москву налегкѣ, а не со всѣмъ еще дономъ. Про лакеевъ Рожнова обыкновенно говорили въ губерніи, что этакихъ оболтусовъ и никуда негодныхъ лентяевъ надобно заводить вѣвами, а то вдругъ, какъ будто бы какой кабинетъ рѣдкостей, не составишь. Въ настоящее время вся эта братія хохотала во все горло надъ молодымъ, съ глуповатою физиономіею, парнемъ, который, въ свою очередь, хотя тоже смѣялся, но, видимо, былъ чѣмъ-то оконфуженъ.

— Эй, сеньеры, чему вы тамъ смѣтесь?— сказалъ баринъ. Отвѣта не было.

— Григорій, а Григорій!

— Чего-съ?— отозвался, наконецъ, голосъ изъ лакейской.

— Соблаговолите, сеньерь, сюда пожаловать.

Появился самый младшій изъ лакеевъ.

— Чему вы тамъ смѣялись?— спросилъ Рожновъ.

— Надъ фореиторомъ, — отвѣчалъ тотъ и снова захохоталъ во все горло.

— Чѣмъ же это онъ васъ насмѣшилъ?

— Влюбленъ-съ, — едва выговорилъ отъ смѣха лакей.

— Скажите, пожалуйста, какой злодѣй, — сказалъ Рожновъ: — въ кого же онъ влюбился?

— Въ горничную Марьи Антоновны. Все спрашиваетъ насъ, скоро ли вы изволите на нихъ жениться.

— А она что же?

— И она равнодушна-съ: большія между собой откровенности имѣють, — отвѣчалъ лакей. — Она меня тоже все спрашиваетъ, скоро ли будетъ ваша свадьба, а не то, говоритъ, у барышни есть другой женихъ, — какъ его, проклятаго? Хозаровъ, что ли? — въ котораго она влюблена.

— Влюблена въ Хозарова? — спросилъ толстякъ.

— Должно быть, такъ, — отвѣчалъ лакей.

Рожновъ тотчасъ же всталъ, въ нѣсколько минутъ одѣлся, сѣлъ въ сани и очутился у Катерины Архиповны, которая сидѣла у себя въ комнатѣ одна.

— То, что я предугадывалъ, — началъ Рожновъ: — случилось: Мари влюблена въ эту восковую рожу, Хозарова.

— Мари влюблена въ Хозарова? Что это... съ чего это пришло вамъ въ голову? Откуда вы почерпнули эти извѣстія? — сказала Катерина Архиповна нѣсколько даже обиженнымъ голосомъ.

— Не могу вамъ сказать именно, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ эти извѣстія, но все-таки повторяю, что это вѣрно, — вѣрно по моему собственному наблюденію, вѣрно и по слухамъ, которые до меня дошли.

— Мари влюблена... ребенокъ, который еще ничего не понимаетъ: она влюблена? — говорила мать.

— Вотъ это-то мнѣ досаднѣе всего, — возразилъ Рожновъ: — какъ же вы, женщина, и не понимаете другую женщину, и еще дочь свою? Хоть бы, напримѣръ, себя-то припомнили: неужели въ восемнадцать лѣтъ вы ничего не понимали?

— Она исключеніе, Иванъ Борисычъ, — перебила Катерина Архиповна, это необыкновенный еще ре-

бенокъ; въ ней до сихъ поръ я не замѣчала кокетства, а еслибы вы знали, какія вещи она иногда спрашиваетъ, такъ мнѣ совѣстно даже рассказывать,

— Все-таки я вамъ разъ скажу, что она влюблена. Но, впрочемъ, что же я васъ предостерегаю? Можетъ быть, вамъ самимъ нравится эта наклонность?

— Вамъ грѣхъ это думать, Иванъ Борисычъ. Вы очень хорошо знаете, что мое единственное желаніе, чтобы Мари была вашею женою. Можетъ быть, нѣтъ дня, въ который бы я не молила объ этомъ Бога со слезами. Я знаю, что вы сдѣлаете ее счастливою. Но что мнѣ дѣлать? Она еще такъ молода, что боится одной мысли быть чьей-либо женой.

Въ продолженіе этой рѣчи у старухи навернулись слезы.

— Ну, полноте, не огорчайтесь, — сказалъ толстякъ: — я это сказалъ такъ... пускай ее теперь влюбляется въ кого угодно; авось придетъ очередь и до меня.

— Мамаша! записочка отъ Сергѣя Петровича, — сказала Анетъ, входя въ комнату и подавая матери письмо. — Камердинеръ ихъ пришелъ и проситъ отвѣта, — прибавила она и вышла.

Старуха и Рожновъ вздрогнули; та принялась читать, но на половинѣ письма остановилась, поблѣднѣла, какъ полотно, и передала его Рожнову, который, прочитавъ посланіе моего героя, тоже смутился.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Старуха какъ будто бы не помнила сама себя. Рожновъ тоже; но, впрочемъ, онъ скоро опомнился и, взглянувъ насмѣшливо на Катерину Архиповну, началъ снова перечитывать письмо.

— Вы со вниманіемъ ли прочли это прекрасное посланіе? — сказалъ онъ.

— Я еще опомнисься, Иванъ Борисычъ, не могу; этакой наглости, этакого безстыдства я и вообразить не могла. Мари въ него влюблена! Скажите, пожалуйста! Мари дала ему слово!

— Мари дѣйствительно въ него влюблена и дѣйствительно дала ему слово, — перебилъ Рожновъ: — только мы-то съ вами, маменька, немного поошиблись въ расчетъ: Мари, видно, не ребенокъ, и надобно полагать, что не боится выйти замужъ. Я не знаю, чему вы тутъ удивляетесь; но, по-моему, все это очень въ порядкѣ вещей.

— Но, Иванъ Борисычъ, я этого не желаю, — возразила Катерина Архиповна.

— Да, если вы не желаете, это другое дѣло; но, впрочемъ, дѣйствительно ли вы не желаете, когда желаетъ этого Марья Антоновна? Однако, погодите! Я намѣренъ вамъ вслухъ прочитать это письмо; оно такъ прекрасно написано, что, можетъ быть, и убѣдитъ васъ перемѣнить ваше намѣреніе. «Милостивая государыня, Катерина Архиповна! — началъ читать толстякъ: — робко и несмѣлою рукою берусь я за перо, чтобы начертить эти роковыя для меня строки. Давно, очень давно, Катерина Архиповна, люблю я вашу младшую дочь; сердце мое мени не обмануло: она меня тоже любитъ и уже почти дала мнѣ слово.»

— Удивительно, какъ красно написано! — сказалъ толстякъ, остановясь читать. — Неужели эти «роковыя строки» не трогаютъ вашего материнскаго сердца, Катерина Архиповна?

Старуха ничего не отвѣчала и сидѣла, какъ уличен-

ная преступница. Толстякъ продолжалъ читать: «Ваше слово, ваше слово, почтеннѣйшая Катерина Архиповна! Одного вашего слова недостаетъ только для того, чтобы обоихъ насъ сдѣлать блаженными.»

— Перестаньте, Иванъ Борисычъ, пожалуйста, перестаньте, — перебила Катерина Архиповна: — лучше скажите — что мнѣ дѣлать?

— Сдѣлать ихъ блаженными.

— Имѣйте, Иванъ Борисычъ, сожалѣніе къ моимъ чувствамъ, — возразила старуха. — Гдѣ же тутъ любовь съ вашей стороны? Это, я думаю, и до васъ касается; а вы, вмѣсто того, чтобы посовѣтовать мнѣ, только смѣветесь.

— Что же мнѣ вамъ совѣтовать?

— Да, вѣдь, я должна что-нибудь рѣшительно отвѣтить; мнѣ должно отказать, а я теперь ничего и не понимаю.

— А вы думаете отказать?

— Конечно, отказать.

— А! это другое дѣло! Я берусь даже вамъ продиктовать письмо.

— Сдѣлайте божескую милость, войдите въ мое положеніе! — сказала Катерина Архиповна и тотчасъ же принялась подъ диктовку толстяка писать письмо къ моему герою. Оно было слѣдующаго содержания:

«Милостивый государь, Сергѣй Петровичъ! За ваше предложеніе я, изъ вѣжливости, благодарю васъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю пояснить вамъ, что я не могу изъявить на него моего согласія, такъ какъ вполне убѣждена въ несправедливости вашихъ словъ о данномъ будто бы вамъ моею дочерью словѣ, и

считаю ихъ за клевету съ вашей стороны, во избѣжаніе которой прошу васъ прекратить ваши посѣщенія въ мой домъ, которыя уже, конечно, не могутъ быть пріятны ни вамъ, ни моему семейству.»

Вотъ какой отвѣтъ получилъ мой герой съ чуднымъ малымъ и сначала, пришедъ въ сильное ожесточеніе, тотчасъ же вознамерился ѣхать къ Катеринѣ Архиповнѣ и объясниться съ ней, но, сѣвъ въ сани, раздумалъ и велѣлъ везти себя къ Мамиловой.

Варвара Александровна была дома и сидѣла въ своемъ кабинетѣ одна. Она очень обрадовалась пріѣзду гостя.

— Какъ вы млы, monsieur Хозаровъ, — сказала хозяйка: — что посѣтили затворницу.

Monsieur Хозаровъ на этотъ разъ не былъ, по обыкновенію, любезенъ, потому что, поклонившись, и поклонившись, разумѣется, довольно граціозно, сѣлъ и задумался.

— Что съ вами? — спросила внимательная хозяйка.

— Сегодня одна изъ лучшихъ надеждъ моихъ лопнула и взорвана на воздухъ, — сказалъ онъ и прибавилъ: — о люди! люди!

— Вы хандрите, ха, ха, ха! и васъ посѣтила желчь. Поздравляю вашу будущую жену, — сказала Мамилова.

— Я не хандрю, но я ожесточенъ.

— Проигрались, вѣрно, — замѣтила хозяйка: — мужчины всегда приходятъ въ отчаяніе, когда проигрываютъ.

— Я проигрывалъ въ жизнь мою полсостоянія, но оставался такъ же спокоенъ, какъ издержавъ цѣлковый. — отвѣчалъ Хозаровъ съ благороднымъ негодо-

ваніемъ: — но сегодня я проигралъ мою лучшую надежду.

— Не понимаю васъ, — сказала хозяйка.

— Потому что вы не вѣрите въ чувства мужчинъ, — возразилъ Сергѣй Петровичъ.

— Да, я и забыла: вы влюблены... Скажите, Бога ради, что съ вами? Мнѣ очень интересно узнать, какъ мужчины страдаютъ отъ любви. Я объ этомъ читала только въ романахъ, но, признаюсь, никогда не видала въ жизни.

— Если вамъ угодно будетъ говорить въ этомъ тонѣ, то вы, конечно, ничего не узнаете отъ меня: я буду молчаливъ, какъ могила.

— Ну, не сердитесь. Я знаю, что вы лучше другихъ, лучше многихъ. Вы еще молоды. Скажите, что васъ такъ растрогало?

— Вы знаете мои отношенія къ Мари Ступицыной.

— Да, знаю: она влюблена въ васъ!

— Можетъ быть; но сегодня я узналъ, что ее хотятъ выдать замужъ, и знаете ли за кого? — за Рожнова, котораго она терпѣть не можетъ, который скорѣе походитъ на быка, нежели на человѣка, и все оттого, что у него до тысячи душъ.

— Но что же вы-то дѣлаете?

— Что же мнѣ дѣлать? Я, любя ее и желая спасти отъ этого ужаснаго для нея брака, сегодня же сдѣлалъ ей предложеніе.

— Bravo! Такъ и слѣдуетъ поступить благородному человѣку! Какой же результатъ?

— Результатъ... стыдно и говорить. Прочтите сами, — сказалъ Хозаровъ, подавая Варварѣ Александровнѣ письмо.

— Результатъ обыкновенный, — сказала она, прочитавъ письмо. — Вотъ вамъ отцы и матери... Какъ они безумно располагаютъ счастьемъ дочерей: тысяча душъ — и довольно! Что имъ за дѣло, что это бѣдное существо можетъ задохнуться въ этомъ бракѣ? Какъ не быть счастливой при тысячѣ душахъ! Что за дѣло, что нѣтъ тысячи первой души, которая одна только и нужна для счастья женщины? А эту любовь, которая живетъ въ ней, она должна умергвить ее... Ничего, это очень легко; все равно, что снять башмакъ... И что такое значить разлучить на вѣки два существа, которыя, можетъ быть, созданы другъ для друга?... На этихъ словахъ Варвара Александровна остановилась и задумалась.

Сергѣй Петровичъ, созданный для Марьи Антоновны, въ продолженіе всего этого монолога сидѣлъ, тоже задумавшись.

Долго еще Варвара Александровна говорила въ томъ же тонѣ. Она на этотъ разъ была очень откровенна. Она рассказала исторію одной молодой дѣвушки, съ прекраснымъ, пылкимъ сердцемъ и съ умомъ образованнымъ, которую родители выдали замужъ, по расчету, за человѣка богатаго, но отжившаго, желчнаго, въ которомъ только и были двѣ страсти: честолюбіе и корысть, — и эта бѣдная дѣвушка, какъ южный цвѣтокъ, пересаженный изъ-подъ роднаго неба на бѣдный свѣтъ оранжереи, сохнетъ и вянетъ съ каждымъ днемъ.

Варвара Александровна такъ живо рассказала эту исторію, что герой мой положительно догадался, что этотъ южный цвѣтокъ ни кто иной, какъ она сама.

Прощаясь съ гостемъ, Мамилова общалась побы-

валъ на другой день у Ступицыныхъ и поговорить тамъ о немъ.

Молодой человекъ съ чувствомъ благодарности пожалъ руку у новаго своего друга.

Въ номеръ своемъ онъ нашелъ маленькую записку отъ Ступицына слѣдующаго содержанія:

«Душевно благодарю васъ за угощеніе и надѣюсь, что все останется между нами втайнѣ.

«А. Ступицынъ.»

Кромѣ того онъ засталъ тамъ Татьяну Ивановну.

— Сергѣй Петровичъ, что это у васъ надѣлалось? — начала хозяйка, видимо чѣмъ-то весьма взволнованная: я сегодня такой странный пріемъ получила у Екатерины Архионовны, что, просто, понять не могу: меня совсѣмъ не пустили въ домъ; а эготъ толстякъ Рожновъ подъ носомъ у меня захлопнулъ двери и сказалъ еще, что меня даже не вѣжливо принимать.

— Все кончено, Татьяна Ивановна, — сказалъ герой мой, садясь въ кресла.

— Нѣтъ, не кончено и не можетъ быть кончено, — возразила Татьяна Ивановна: — Марья Антоновна будетъ ваша, если захотите.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто... увезите.

— Увезите?... Да, конечно, можно: но, впрочемъ, утро вечера мудренѣе: мнѣ очень хочется спать.

Герой мой, утомленный ощущеніями дня, дѣйстви-тельно очень усталъ и потому, выпроводивъ Татьяну Ивановну, тотчасъ же раздѣлся, бросился въ постель и скоро заснулъ.

V.

Существует на свѣтъ довольно старинное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма справедливое мнѣніе, — мнѣніе, доказанное многими романами, — что для любви нѣтъ ни заторовъ, ни препятствій, ни даже враждебныхъ стихій; все она поборааетъ и надъ всеми торжествуетъ. Это старинное мнѣніе подтвердилось еще разъ и въ настоящемъ моемъ разсказѣ.

Послѣ сдѣланнаго Хозарову отказа, Катерина Архиповна долго еще совѣщалась съ Рожновымъ, и между ними было положено: предложеніе молодаго человека скрыть отъ всѣхъ, а главное — отъ Мари; сдѣлать это, какъ казалося имъ, было весьма возможно. Хозарову уже отказано отъ дома, и теперь только надобно было выпроводить Татьяну Ивановну, которая, пожалуй, будетъ переносить какія-нибудь вѣсти. Почтеннѣйшая дѣвица не замедлила явиться въ этотъ же день, и Рожновъ взялся самъ отказать гостя и, видно, исполнилъ это дѣло весьма добросовѣстно, потому что Татьяна Ивановна, послѣ довольно громкаго разговора, который имѣла съ нимъ первоначально въ залѣ, потомъ въ лакейской и, наконецъ, на крыльцѣ, вдругъ выскочила оттуда, какъ сумасшедшая, и цѣлые почти два переулка бѣжала, какъ будто бы за ней гналась цѣлая стая бѣшеныхъ собакъ.

Мало этого: чтобы прескратить всякую возможность для Мари видѣться съ Хозаровымъ и въ постороннихъ домахъ, Катерина Архиповна рѣшилась притвориться на нѣкоторое время больною и никуда не выѣзжать съ семействомъ. Но что значать челове-

чекія усилія противъ могущества всепреображающей и надъ всѣмъ торжествующей любви? Между тѣмъ, какъ мать и влюбленный толстякъ думали, что они предостерегли себя со всѣхъ сторонъ отъ опасности, опасность эта имъ угрожала отсюда.

Проснувшись на другой день, Хозаровъ внимательно разсмотрѣлъ свое положеніе. Во-первыхъ, онъ убѣдился въ томъ, что рѣшительно влюбленъ въ Мари; во-вторыхъ, тридцать тысячъ, каменная усадьба и триста душъ, — какъ хотите, это вовсе не такого рода вещи, отъ которыхъ можно бы было отказаться равнодушно. Но что предпринять? На совѣщаніе о томъ, что предпринять, была приглашена Татьяна Ивановна, очень хорошо еще поминившая ужасный пріемъ въ домъ Ступицыныхъ, вслѣдствіе чего и была противъ всѣхъ ихъ — разумѣется, кромѣ Мари — въ какомъ-то ожесточенномъ состояніи. Она совѣтовала Хозарову увезти Мари и подать просьбу на мать за управленіе имѣніемъ; а Рожнова сама обещалась засадить въ тюрьму за то, что будто бы онъ обругалъ ее, благородную дѣвиду, и обругалъ такими словами, которыхъ она даже и не слыхивала.

Но Хозаровъ смотрѣлъ на это съ другой стороны и хотѣлъ дѣйствовать въ болѣе логическомъ порядкѣ. Первоначально ему хотѣлось написать къ Мари письмо и получить отъ нея отвѣтъ.

Но какимъ образомъ передать письмо? Татьянѣ Ивановнѣ, какъ видитъ и самъ читатель, не было уже никакой возможности идти къ Ступицынымъ; но она такъ ненавидѣла Катерину Архиповну, такъ была оскорблена на ея крыльцѣ, что, на зло ей, готова была рѣшиться на все и взялась доставить письмо.

Какъ ни вѣрилъ Хозаровъ въ способность Татьяны Ивановны передавать письма, но все-таки онъ пожелалъ знать, какое именно она избираетъ для этого средство. Оказалось, что средство было очень легкое и весьма надежное: у дѣвицы Замшевой есть пріятельница — тоже дѣвица — торговка, которая ходитъ почти во весь дома и была уже нѣсколько разъ у Ступицыныхъ, и будто бы очень дружна съ горничною Марьи Антоновны и даже кой-что про эту голубушку не совсѣмъ хорошее знаетъ. Объ остальномъ догадаться не трудно: стоить Хозарову написать письмо, вручить его дѣвицѣ-торговкѣ, а та уже свое дѣло сдѣлаетъ и принесетъ даже отвѣтъ и за весь этотъ подвигъ возьметъ какіе-нибудь два цѣлковыхъ.

— Вы напишите ей письмо почувствительнѣе, а главное дѣло — напишите ей про мать: какая она ей злодѣйка и какого счастья лишаетъ ее на всю жизнь.

— Знаю, какъ написать, — отвѣчалъ Хозаровъ и, разставшись съ хозяйкою, тотчасъ же принялся сочинять посланіе, на изложеніе котораго героемъ мѣсяцъ былъ употребленъ добросовѣстный трудъ. Три листа почтовой бумаги были перемараны, и, наконецъ, уже четвертый, розовый и надушенный, удостоился остаться бѣловымъ. Письмо было написано съ большимъ чувствомъ и прекраснымъ языкомъ.

Вотъ оно:

«Маря! я осмѣливаюсь называть васъ этимъ отряднымъ для меня именемъ, потому что вашимъ наивнымъ да, сказаннымъ на вечерѣ у Мамиловой, вы связали вашу судьбу съ моею. Но люди хотятъ расторгнуть насъ: ваша мать приготовила другаго же-

вѣха. Вы его, конечно, знаете, и потому я не хочу въ этихъ строкахъ называть его ужаснаго для меня имени; ово, конечно, ужасно и для васъ, потому что въ немъ заключается ваша и моя гибель.

«Вчерашній день, я не знаю, сказано ли вамъ, я просилъ вашей руки. Простите, что сдѣлалъ это, не сказавъ предварительно вамъ; но когда любишь, то вѣришь и надеешься. Мнѣ отказано, Мари, — отказано самымъ жесточайшимъ манеромъ!... О Мари! мнѣ отказано въ надеждѣ владѣть вами, мой ангелъ; отказано и въ домѣ... Не знаю, какъ остался я вчерашній день въ своемъ умѣ и имѣю сегодня силы начертить эти грустные строки. Теперь все зависитъ отъ васъ. Васъ не отдають мнѣ люди, отдайте мнѣ сами себя и напишите мнѣ отвѣтъ. Одно слово, моя ненаглядная Мари, одно слово твое воскреситъ въ душѣ моей умершія надежды. Остаюсь влюбленный Х.....въ».

P. S. «Та же женщина, которая доставитъ вамъ это письмо, можетъ принести мнѣ и отвѣтъ вашъ.»

Не меньшая опасность для сердца Мари, — и сердца, уже нѣсколько, какъ мы видѣли изъ предыдущихъ сценъ, влюбленнаго, — угрожала и съ другой стороны, это со стороны Варвары Александровны. Въ самое то утро, какъ Хозаровъ писалъ письмо къ предмету его любви, Маилова писала таковое же къ предмету ея дружбы, какой-то двоюродной сестрѣ, съ которою она была въ постоянной перепискѣ. Такъ какъ письмо это было написано тоже прекраснымъ перомъ и отличалось глубиною мыслей, а главное, — близко относилось къ предмету моего разсказа, то я и его наметрѣнъ здѣсь изложить съ буквальною точностію.

«Ma chère Claudine!

«Давно я не писала къ тебѣ, потому что писать было нечего. Ты знаешь, что я не имѣю собственной жизни: сердце мое, это нѣкогда страстное и пылкое сердце, оно какъ будто бы перестало уже биться; я ѣзжу въ оперу, даю вечера, наряжаюсь, если хочешь, но это только одни пустыя разсѣянія, а жизни, самой жизни — нѣтъ и нѣтъ... тысячу разъ нѣтъ... Ты, конечно, теперѣ не узнала бы меня: я сдѣлалась какая-то мизантропка; но я люблю людей, я могу жить счастьемъ другихъ, этимъ единственнымъ утѣшеніемъ для людей, лишенныхъ собственнаго счастья, и вотъ тебѣ примѣръ. Есть у меня одинъ знакомый, нѣкто monsieur Хозаровъ. Представь себѣ, chère Claudine, юношу въ полномъ значеніи этого слова, хорошенькаго собой, съ пылкими и благородными чувствами, которыя у него выражаются даже въ его прекрасныхъ черныхъ глазахъ; онъ влюбленъ, и влюбленъ страстно, въ молоденькую дѣвушку, Мари Ступицыну, которая тоже, кажется, его *обожаетъ*, и знаешь, какъ обыкновенно *обожаютъ* пансіонерки. Чего, подумаешь ты, недостаетъ для того, чтобы, для обоюднаго счастья, связать этихъ людей, созданныхъ одинъ для другаго, узами брака? Но ихъ расторгаютъ, — расторгаютъ съ тѣмъ, чтобы одну продать за золотой мѣшокъ сорокалѣтнему толстяку, въ которомъ столько же чувствъ, какъ и въ мраморной статуѣ, а другаго... другаго заставить, въ порывѣ отчаянія, можетъ быть, броситься въ омутъ порока и утратить тамъ свою молодость, здоровье, сердце и умъ, однимъ словомъ: — все, все, что есть въ немъ прекраснаго. Но я, испытавшая горе на самой себѣ,

— Должно быть, испугъ,—замѣтилъ Антонъ Федотычъ: — она крысь очень боится, вѣроятно, крысь испугалась.

Мамылова сомнительно покачала головой.

— Вы, я думаю, Катерина Архиповна, знаете, или, по-крайней-мѣрѣ, догадываетесь о причинѣ болѣзни Мари. Можетъ быть, еще и не то будетъ, — проговорила она.

Катерина Архиповна посмотрѣла нѣсколько минутъ на гостью, какъ-бы желая догадаться, что та хочетъ сказать и къ чему именно склоняетъ разговоръ.

— Я не понимаю васъ, Варвара Александровна,— сказала она.

— По моему мнѣнію, очень немудрено, — подхватилъ Ступицынъ:—она у насъ, знаете, такой нервной комплекціи.

— Перестаньте, пожалуйста, вы съ вашими мнѣніями, — перебила Ступицына:—лучше бы посидѣли въ залѣ: можетъ быть, кто-нибудь подѣдетъ, а тамъ нивого нѣтъ, потому что Ивана я послала за флёрдоранжемъ.—Антонъ Федотычъ поднялся со стула.— Пашеть и Анеть, подите наверхъ, въ вашу комнату, — продолжала старуха:— и послушайте, покойно ли спитъ Мари.

Получивъ такое приказаніе, паленька и двѣ старшія тотчасъ же отирались къ своимъ постамъ.

Катерина Архиповна съ умысломъ распорядилась такимъ образомъ, чтобы остаться наединѣ съ гостею и послушать, что она еще скажетъ про Мари, и если это про сватовство Хозарова, то отдѣлать эту госпожу хорошенько, такъ какъ страстная мать во-

обще не любила участія постороннихъ людей въ ея семейныхъ дѣлахъ, особенно въ отношеніи идола, за исключеніемъ, впрочемъ, участія Рожнова, въ разсужденіи котораго она, какъ мы знаемъ, имѣла свою особую цѣль.

— Я все слышала, — начала Мамилова тотчасъ же, какъ онѣ остались наединѣ: — и, признаюсь, отъ васъ, Катерина Архиповна, и тѣмъ болѣе въ отношеніи Мари, я никогда этого не ожидала: очень натурально, что она, бѣдненькая, страдаетъ, узнавъ, какъ жестоко вчерашній день рѣшена ея участь.

— А, вы это говорите, — сказала Ступицына самымъ обидно-насмѣшливымъ голосомъ: — про это глупое предложеніе этого мальчишки Хозарова? Ужъ не оттого ли, вы полагаете, Мари больна, что я вчерашній день отказала этому вертопраху даже отъ дома? Въ такомъ случаѣ я могу сказать вамъ, что вы ошибаетесь, Варвара Александровна: Мари даже не знаетъ ничего; я не сочла даже за нужное говорить ей объ этомъ.

— Вы ей не говорили, — возразила, съ своей стороны, тоже довольно насмѣшливо гостья, — но она знаетъ. Повѣрьте мнѣ: женщина, которая любитъ, говоритъ ея инстинктъ, ея предчувствіе.

— Мнѣ очень странно, Варвара Александровна, — сказала мать, — слышать отъ васъ такое, даже обидное для дѣвушки, заключеніе, тѣмъ болѣе, что Мари еще ребенокъ, который даже, можетъ быть, и не понимаетъ этого.

— Не сердитесь на меня, Катерина Архиповна, и поймите, что я хочу вамъ сказать: дочь ваша лю-

бить, и любить до безумія, и вы, страстная мать, припомните мои слова: вы сведете ее въ могилу.

— Сдѣлайте милость, Бога ради, прошу васъ, не говорите подобныхъ ужасныхъ вещей! — перебила мать, начавшая уже выходить изъ терпѣнія.

Но Мамилова продолжала:

— Я говорю, что чувствую; выслушайте меня и взгляните на предметъ, какъ онъ есть. Я знаю: вы любите вашу Мари, вы обожаете ее, — не такъ-ли? Но какъ же вы устраиваете ее счастье, ее будущность? Хорошо, покуда вы живы: я ни слова не говорю — все пойдетъ прекрасно; но если, чего не дай Богъ слышать! съ вами что-нибудь случится, — что тогда будетъ съ этими бѣдными сиротами и особенно съ бѣдною Мари, которая еще въ такихъ лѣтахъ, что даже не можетъ правильно управлять своими поступками?

— Я опять вамъ скажу, Варвара Александровна, что я не понимаю, къ чему вы все это говорите, — возразила Катерина Архиповна. — Мнѣ пророчите смерть, дочь мою, говорите, я сведу въ могилу, и Богъ знаетъ что такое! Я мать и если отказала какому-нибудь жениху, то имѣю на это свои причины.

— Мнѣ извѣстны эти причины, — сказала гостя. — У васъ въ виду другой женихъ: старый, толстый, богатый. Но что такое значить богатство? Что такое деньги? Это ядъ, который отравляетъ жизнь женщины. Не губите, Катерина Архиповна, вашей дочери, не продавайте ее за деньги, если не хотите отравить ее жизнь.

Катерина Архиповна потеряла уже всякое терпѣ-

нѣ и готова была выйти изъ границъ приличія, въ которыхъ старалась себя держать, какъ хозяйка дома.

— Я не продавала и не продамъ моей дочери, Варвара Александровна, и не хочу ея губить. Для васъ, кажется, наши семейныя дѣла должны бы быть постороннія, и потому прошу васъ, прекратите этотъ невпріятный для меня разговоръ.

— Извольте, если онъ вамъ невпріятенъ, я прекращу, но все-таки скажу, что дочь ваша любитъ Хозарова.

— А я вамъ скажу, что она его не любитъ, потому что получила не такое романическое и ученое воспитаніе. Нельзя же, Варвара Александровна, по себѣ судить о другихъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, Катерина Архиповна, что вы, бывъ такой страстной матерью, не умѣли отъ вашей дочери заслужить довѣрія.

— Я двадцать пять годъ, какъ мать, и мать троихъ дочерей. Вы, я полагаю, не можете и судить объ этихъ чувствахъ, потому что никогда не имѣли дѣтей.

— Не смѣю и равняться съ вами въ этомъ отношеніи, я сказала только изъ желанія счастья Мари.

— Никто, конечно, какъ мать, не пожелаетъ болѣе счастья дочери.

— И съ этимъ я вполне согласна, что онѣ желаютъ, но всегда ли умѣютъ устроить это счастье дѣтей? Впрочемъ, я, дѣйствительно, можетъ быть, дурно поступаю, что вмѣшалась въ совершенно постороннее для меня дѣло.

— Оно, конечно, Варвара Александровна, вамъ будетъ гораздо лучше предоставить мнѣ самой знать мои дѣла.

— Совершенно согласна и прошу у васъ извиненія, — сказала опять насмѣшливымъ голосомъ Варвара Александровна.

— И меня тоже извините, — отвѣчала хозяйка: — и я, какъ мать, можетъ быть, сказала вамъ что-нибудь лишнее.

Здѣсь разговоръ двухъ дамъ прекратился. Варвара Александровна изъ приличія проспѣла нѣсколько минутъ у Ступицыныхъ и потомъ уѣхала, давъ себѣ слово не переступить впередъ даже порога въ этотъ необразованный домъ. Вечеромъ къ ней явился Хозаровъ; онъ былъ счастливъ и несчастливъ: онъ получилъ съ торговкою отъ Мари отвѣтъ, короткій, но исполненный отчаянія и любви.

«Я васъ буду любить всю жизнь, — писала она. — Мамашѣ какъ угодно; я не пойду за этого гадкаго Рожнова. Васъ ни за что въ свѣтѣ не забуду, стану писать къ вамъ часто, и вы тоже пишете. Я сегодня цѣлый день плачу и завтра тоже буду плакать и ничего не буду ѣсть. Пускай мамаша посмотритъ, что она со мной дѣлаетъ».

— Не правда ли, — сказалъ Хозаровъ, прочитавъ это письмо Варварѣ Александровнѣ: — повидимому, это письмо небольшое, но какъ въ немъ много сказано!

— Тутъ неподвѣльный языкъ природы и наивность сердца, — отвѣчала та. — Впрочемъ, — продолжала она: — вамъ все-таки надобно отказаться отъ вашей страсти, потому что это такое дикое, такое необразованное семейство! Я даже не воображала никогда, чтобы въ наше время могли существовать люди съ такими ужасными понятиями.

— Все семейство никуда не годится; но Маря между ними исключеніе: она непохожа ни на кого изъ нихъ.

— Это правда. Отецъ еще ничего — очень глупъ и собою уродъ. сестры тоже ужасныя провинціалки и очень глупы и гадки. но мать. — эта Архиповна, — я не знаю. съ чѣмъ ее сравнить. И какъ въ то же время дерзка! Даже мнѣ наговорила колкостей. Конечно, надъ всѣмъ этимъ я смѣюсь въ душѣ, но. во всякомъ случаѣ, знакома уже больше не буду съ ними.

— Но что же я долженъ предпринять? — возразилъ Хозаровъ.

— Не знаю. *Entre nous soit dit*. вамъ остается одно — увезти.

— Увезти? Да, это правда!

— Непремѣнно увезти, — подхватила Мамилова: — вы даже обязаны это молоденькое существо вырвать изъ душной атмосферы, которая теперь ее окружаетъ и въ которой она можетъ задохнуться, и знаете ли, какъ вамъ обонимъ будетъ отрадно вспомнить впоследствии этотъ смѣлый вашъ шагъ?

— Знаю, Варвара Александровна, очень хорошо знаю; но теперь еще куда есть препятствіе для этого.

— Для любви не можетъ быть препятствія, не можетъ быть препонъ; ну, скажите мнѣ, въ чемъ вы видите препятствіе?

— Препятствіе въ томъ отношеніи, если жена моя послѣ будетъ чувствовать раскаяніе, будетъ укорять меня.

— Никогда! Парю моею жизнію, никогда. Женщины раскаиваются только въ тѣхъ бракахъ, въ ко-

торые онъ вступаютъ по расчету, а не по любви. Въ чемъ ваша Мари будетъ чувствовать раскаяніе?

— Конечно...

— Нѣтъ, вы скажите, въ чемъ и почему именно она будетъ раскаиваться?

Герой мой не нашелъ, что отвѣчать на этотъ вопросъ. Говоря о препятствіи, онъ имѣлъ въ виду весьма существенное препятствіе, а именно: рѣшительное отсутствіе въ карманѣ презрѣннаго металла, столь необходимаго для всѣхъ романическихъ предприятий; но, не желая покуда открыть этого Варварѣ Александровнѣ, свернулъ на какое-то раскаяніе, котораго, какъ и самъ онъ былъ убѣжденъ, не могла бы чувствовать ни одна въ мірѣ женщина, удостоившаяся счастія сдѣлаться его женою.

Пріѣхавъ домой, Хозаровъ имѣлъ съ Татьяной Ивановной серьезный разговоръ и именно въ отношеніи этого предмета, то-есть какимъ бы образомъ достать подъ вѣксель презрѣннаго металла. Сообразительная Татьяна Ивановна первоначально стала вступилъ.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула она потомъ горлосомъ, исполненнымъ радости и самой тонкой и далекой прозорливости. — Ахъ, Боже мой! — повторила она: — совсѣмъ изъ головы вонъ! Нельзя ли напасть на Ѳерапонта Григорьича? Ихъ человѣкъ мнѣ свазывалъ, что они отдають капиталъ въ вѣрныя руки.

— Но дасть ли онъ? — замѣтилъ недоувѣрчиво Хозаровъ.

— Да отчего бы, какъ я по себѣ сужу, не дать? Вы, вѣроятно, какъ женитесь, такъ не возьмете на свою совѣсть. <http://rcin.org.pl>

— Конечно; но, знаете, онъ, какъ я могъ замѣтить, долженъ быть ужасный провинціалъ; пожалуй, потребуеть залога, а гдѣ его вдругъ возьмешь? У меня есть и чистое имѣнье, да въ недѣлю его не заложить.

— Это, пожалуй, можетъ случиться, замѣтила Татьяна Ивановна:—нынѣче въ такихъ случаяхъ ужасно стало дурно: прежде, когда я жила въ графскомъ домѣ, я въ одинъ день достала, у одной моей знакомой, десять тысячъ, а нынѣче десять рублей попрошиться. Но что за дѣло? — Попробуйте!

— Именно попробую и попробую сейчасъ же, — сказалъ Хозаровъ, вставая.

— Что-жь? можно и сейчасъ, — подтвердила Татьяна Ивановна:—онъ дома; только чай еще началъ пить.

Герой мой, довольно опытный въ дѣлѣ занимаія денегъ, рѣшился, дѣйствительно, тотчасъ же приступить къ этому дѣлу. Съ этою цѣлю, одѣвшись сколько возможно франтоватѣе, онъ, нимало не медля, отправился къ старому милашкѣ Татьяны Ивановны и засталъ того за самоваромъ.

— Честь имѣю представиться, — сказалъ, входя, Хозаровъ.

— А! наше вамъ почтеніе, — отвѣчалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ.

— Я давно желалъ имѣть честь быть у васъ и засвидѣтельствовать вамъ почтеніе, но, знаете, столица... удовольствія... дѣла... По крайней мѣрѣ теперь, если я буду не въ тягость...

— Помилуйте-съ... ничего... прошу покорно садиться... не угодно ли чаю?

— Благодарю, — и пилъ. Какъ вы проводите время?

— Понемногу. Вы, кажется, к...й помѣщикъ?

— Точно такъ, т. е. имѣніе мое тамъ, но самъ я живу рѣдко.

— Большое ваше имѣніе?

— Нельзя сказать, что большое: пять-сотъ душъ.

— А... однако, пять-сотъ душъ. А здѣсь вы изволите по какимъ причинамъ проживать?

— Какъ вамъ сказать? Я живу теперь здѣсь по причинамъ, если можно такъ выразиться, сердечнымъ: я женюсь!

— Въ бракъ изволите вступать? А... доброе дѣло: нашего полка прибудетъ. Я самъ также женатый человекъ; пятнадцать лѣтъ живу семьяниномъ.

Въ дальнѣйшемъ затѣмъ разговорѣ Хозаровъ видимо старался поддѣлаться подъ тонъ помѣщика. Онъ разспросилъ его подробно о его семействѣ и самъ о своемъ тоже рассказалъ довольно подробно; переговорили и объ охотѣ, и о лошадяхъ, и о какомъ-то общемъ знакомомъ Вондюшинѣ, который, по мнѣнію обоихъ собесѣдниковъ, былъ прекрасный человекъ для общества, но очень дурной для себя. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, которыя имѣлъ Хозаровъ объ этомъ прекрасномъ для общества человекѣ, сей послѣдній былъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что для пропитанія своего игралъ на гитарѣ и плясалъ по трактирамъ.

Герой мой замѣтно началъ нравиться Оерапонту Григорьячу своими интересными разговорами.

— Я къ вамъ имѣлъ бы одну маленькую просьбу, — началъ довольно смѣло Хозаровъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Въ чемъ могу служить? — спросилъ помѣщикъ.

— Вы, кажется, имѣете свободныя деньги?

— То есть, какъ деньги? — спросилъ удивленный
Ферапонтъ Григорычъ.

— По случаю женитьбы, я имѣю надобность въ деньгахъ; не можете ли вы мнѣ ссудить тысячи три на ассигнаціи?—проговорилъ Хозаровъ опять довольно смѣло, устремивъ на соседа испытующій взоръ, такъ что тотъ потупился.

— Съ большимъ бы удовольствіемъ, но я не имѣю денегъ,—отвѣчалъ, приди нѣсколько въ себя, Ферапонтъ Григорычъ.

— Можетъ быть, вы сомнѣваетесь, — началъ снова Хозаровъ;— такъ какъ я еще имѣю честь такъ мало времени пользоваться вашимъ знакомствомъ, но я могу представить вамъ поруку.

— Нѣтъ-съ... помилуйте, вовсе не потому; но я вовсе не имѣю денегъ, и даже самъ-бы у васъ съ большимъ удовольствіемъ занялъ.

— Но это, сами согласитесь, Ферапонтъ Григорычъ, пустячная сумма, я могу вамъ представить благонадежную поруку и дать хорошіе проценты.

— Помилуйте-съ... я не понимаю, къ чему вы такъ беспокоитесь; честію моею завѣряю, что я не имѣю денегъ:

— Но какъ же мнѣ говорили?

— Вѣроятно съ вами пошутили!

— Какъ же пошутили: подобными вещами не шутятъ.

— Нѣтъ-съ, иногда шутятъ, мало ли есть проказниковъ. Да не хозяйка-ли вамъ наврала? она ужасная врунья... Не прикажете ли трубки?

— Благодарю... я курить, позвольте вамъ пожелать покойной ночи.

— Уже?

— Спать пора.

— Не смѣю удерживать, благодарю за посѣщеніе; завтрашній день постараюсь быть у васъ.

— Весьма много обяжете. До пріятнаго свиданья.

— И съ моей стороны также, — проговорилъ помѣщикъ, раскланиваясь.

— Этакой, подумаешь, московскій франтъ, — сказалъ онъ самъ съ собой, по уходѣ Хозарова. — Видишь, на кавихъ колесахъ подъѣхалъ: дай ему, чу, денегъ — пустяшную сумму, три тысячи рублей, а самому, я думаю, перекусить нечего. Ну — Москва!... этакой здѣсь отчаянный народъ... приломилъ къ совершенно незнакомому человѣку и на горло наступаетъ: дай ему денегъ въ заемъ; поручителя, говорить, представляю; хорошъ долженъ быть поручитель; какой-нибудь франтъ безъ штановъ! Ай да Москва! нечего сказать — бьетъ съ носка!... Удивительно, какой здѣсь смѣлый народъ живетъ!

— Это такой скотина вашъ Ферапонтъ Григорьичъ, — сказалъ Хозаровъ, входя къ Татьянѣ Ивановнѣ, что ему невообразимо! Какой онъ дворянинъ... онъ, чертъ его знаетъ, что такое! Какой-то кулакъ... выжима. Какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣчалъ? Въ подобныхъ вещахъ порядочные люди, если и не желаютъ дать, то отговариваются какъ-нибудь по деликатнѣе; говорятъ обыкновенно, позвольте подумать... я скажу вамъ дня чрезъ два, и тому подобное, а этотъ медвѣдь съ перваго слова заладилъ: нѣтъ денегъ, да и только.

— Скажите, какой странный человекъ,— сказала Татьяна Ивановна:— я и прежде замѣчала, долженъ быть скупецъ, и скупецъ жадный.

— Онъ мало, что скупецъ, онъ человекъ нетерпимый въ обществѣ. Мнѣ очень жаль, что я ходилъ къ нему, а все по милости вашей.

— Да вѣдь и, Сергѣй Петровичъ, этого не думала, что онъ такъ поступить. Я навѣрное думала, что онъ дастъ. Хорошо ли вы просили? Надобно съ нимъ говорить поубѣдительнѣе.

— Вотъ прекрасно! Обыкновенно, какъ берутъ деньги въ заемъ: не въ ноги же ему кланяться, мнѣ еще не до зарѣзу пришло; я найду денегъ; завтрашній же день возьму на какіе-нибудь мѣсяцы у Маммиловой.

— Чего же вамъ лучше... и прекрасно!— сказала Татьяна Ивановна.— Давно бы вамъ это придумать.

— Конечно такъ. Женщины въ этомъ отношеніи гораздо благороднѣе; онъ какъ-то деликатнѣе, лучше понимаютъ эти вещи, а ужъ про Варбу Маммилову и говорить нечего: это какой-то феноменъ-женщина, и по сердцу и по уму — совершенный феноменъ.

Хозаровъ еще нѣсколько времени бесѣдовалъ съ Татьяной Ивановной, и между ними положено было подождать нѣсколько времени; къ Мари написать завтрашній день записку, а между тѣмъ во всевозможныхъ мѣстахъ стараться занять денегъ.

Въ продолженіе слѣдующихъ за тѣмъ двухъ дней, Марья Антоновна сдержала свое обѣщаніе, то есть, плакала, лежала въ постелѣ и ничего не вѣла. До сихъ поръ и еще ничего, съ своей стороны, не

говорила о героинѣ моего романа, и не говорила, долженъ признаться, потому, что ничего не могу рѣзкаго и опредѣлительнаго сказать о ней. Что можно сказать о характерѣ женщины, которая не совсѣмъ еще сформировалась? А Мари, дѣйствительно, была ребенокъ, и весьма многого не понимала. Учившись въ пансіонѣ, напримѣръ, она рѣшительно не понимала, ни второй части ариметики, ни грамматики и даже не понимала что это такое за науки, и для чего ихъ учать. Бывши разъ въ театръ, она съ удивленіемъ смотрѣла на даму, сидѣвшую въ сосѣдней ложѣ, которая обливалась горькими слезами, глядя на покойнаго Мочалова въ «Гамлетѣ». Простодушная Маря ничего тутъ не понимала и ей было даже скучно до тѣхъ поръ, пока въ послѣднемъ актѣ не начали биться на рапирахъ: тогда ей сдѣлалось страшно. Въ музыкѣ Мари тоже не совсѣмъ все понимала и любила больше обращать вниманіе на виньетки и рисунки, которыми обыкновенно украшаются нотныя обертки. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, мы вполне можемъ согласиться съ Катериной Архиповной, что Мари еще развивалась, что покуда была совершенный ребенокъ. Противъ одного только я протестую, что будто-бы молодая дѣвушка не имѣла никакого кокетства, до сихъ поръ не знаетъ что такое любовь и боится одной мысли выдти за кого бы то ни было замужъ. Во-первыхъ, она имѣла кокетство, потому что еще съ двѣнадцати лѣтъ очень любила вертѣться передъ зеркаломъ и умѣла весьма лукаво потуплять глаза, когда въ танцъ-классъ привозили какого-нибудь Ва

сынъку или Ваничку, не по днямъ, а по часамъ
вырастающихъ изъ спиваемыхъ имъ курточекъ. Въ
настоящее время она очень любила читать романы
и весьма ясно понимала любовь; еще года два тому
назадъ была влюблена въ учителя исторіи, кото-
раго, впрочемъ, обожалъ весь классъ, но Мари ис-
ключительно. Во всю бытность въ пансіонѣ она по-
стоянно рисовала голову Париса, на которую похо-
дилъ обожаемый учитель. Къ Хозарову она чув-
ствовала страсть, и только о томъ и помышляла, какъ
бы выдти за него замужъ. Узнавъ, что Катерина
Архиповна отказала ему, она очень разсердилась на
мать и дала себѣ слово, во что бы ни стало, за-
ставить старуху переменить свое намѣреніе. Впро-
чемъ, Мари была, право, добраго характера; она
умѣренно пользовалась исключительною любовью ма-
тери, не весьма часто капризничала, сестеръ своихъ
она не ненавидѣла, какъ ненавидѣли тѣ ее, и вмѣстѣ
съ тѣмъ страстно любила кошекъ. Но обратимся къ
моему разсказу. Я уже прежде сказалъ, что идолъ
другія сутки ничего не ѣлъ. Страстная мать была
какъ сумасшедшая: она рѣшительно не знала что
ей сдѣлать и что предпринять. Старуха очень хоро-
шо догадывалась, что бѣдное дитя сердится на нее
за то, что она отказала Хозарову, но ей, матери,
другу ничего не говорить. Горько и обидно было ей
материнскому сердцу; цѣлыя ночи она проплакивала
и промаливалась, а по днямъ всѣ свои огорченія
принималась вымѣщать на старшихъ дочеряхъ, а
главное — на Антонѣ Фодотычѣ. Пашетъ и Анетъ
начинали тоже приходиться въ отчаяніе, и проплакавъ,
послѣ маменькиной нотации, цѣлое утро, онѣ при-

нимались потихоньку въ своей комнатѣ ругать маменьку, папеньку и попреимуществу чертенка Машеть, изъясняя общее желаніе, чтобы она поскорѣе или замужъ выходила, или умирала. Антону Ѳедотычу просто житья не было: мало того, что ему строжайшимъ образомъ было запрещено курить трубку. на томъ основаніи, что будто бы табачный дымъ проходитъ наверхъ къ идолу и беспокоитъ его; мало того, что Катерина Архиповна всей семьѣ, вмѣсто обѣда, предоставила одну только, три дня тому назадъ, жареную говядину, — этого мало: у Антона Ѳедотыча былъ отобранъ даже матраць и положень подъ перину Машеть; про выговоры и говорить нечего: его бранили за все, и за то, что онъ говоритъ громко и каблуками стучить, и даже за какое-то бессмысленное выраженіе лица, совершенно неприличное для отца, у котораго такъ больна дочь. Все это Антонъ Ѳедотычъ переносилъ первоначально со свойственнымъ ему терпѣніемъ, и даже, стараясь принять участіе въ семейныхъ хлопотахъ, самъ бѣгалъ, по нѣскольку разъ въ день, въ аптеку; но, наконецъ, не выдержалъ и, махнувъ рукой, куда-то отправился на цѣлый день. Катерина Архиповна, въ самомъ дѣлѣ, была не похожа сама на себя: она даже наговорила дерзостей добряку Рожнову, когда тотъ началъ было ее утѣшать и успокоивать. Она прямо ему сказала, что онъ никогда не былъ матерью. и потому не можетъ понимать ея горя, и что если онъ и любитъ Мари, то любитъ ее какъ мужчина. — Рожновъ замолчалъ и скоро уѣхалъ. Такимъ образомъ страстная мать была оставлена всѣми. На третій день поутру она, наконецъ, рѣшилась объ-

ясниться съ дочерью и узнать, что такое съ нею. Въ переводѣ это значило: узнать, чего хочется идолю, и исполнить по ея желанію. Что дѣлать? Такова ужь натура всѣхъ страстныхъ матерей.

— Что, душа моя, лучше ли тебѣ? — сказала Катерина Архиповна, тихонько входя въ комнату больной и садясь на ближайшій стулъ.

— Не знаю, — отвѣчала идоля, повернувъ голову въ подушку.

— Ты бы покушала чего-нибудь, а то желудокъ ослабнетъ, — повторила мать.

— Не хочу-съ.

— Но, другъ мой! что такое съ тобою, — позволь мнѣ послать за докторомъ.

— Не хочу-съ.

— Но... другъ мой!

— Не хочу-съ... пожалуй, посылайте! я ничего не буду принимать и только еще буду плакать больше.

— Но за что же ты, Машенька, на меня сердишься, что же я тебѣ, другъ мой, сдѣлала? — сказала мать почти сквозь слезы.

— Я не сержусь.

— Нѣтъ, ты сердишься — я вижу; если ты что-нибудь чувствуешь, такъ кому же ты можешь сказать, какъ не матери: ты вспомни, мой другъ, когда я тебѣ въ чемъ отказывала? Мнѣ горько, Машенька, что ты такъ перемѣнилась ко мнѣ. — Другъ мой, что такое съ тобою? — проговорила Катерина Архиповна, уже совершенно въ слезахъ и, взявъ руку дочери, поцѣловала ея.

Мари тоже поцѣловала руку матери, но не говорила ни слова. На глазахъ ея опять показались слезы.

— Ну, полно, другъ мой, Бога ради, не плачь; а то пожалуй, опять начнется пстерика,—я сдѣлаю, какъ хочешь, ты только скажи. Развѣ онъ очень нравится?

— Да, мамаша.

— Но отъ кого ты узнала, что онъ сватался?

— Онъ мнѣ самъ сказалъ.

— Гдѣ же онъ тебѣ сказалъ?

— Не помню гдѣ.

— Ты выслушай меня, другъ мой, но только не плачь, — это я говорю не серьезно, а такъ: — онъ совершенно неизвѣстный человѣкъ; можетъ быть, онъ какой-нибудь развратный.... мотъ... можетъ быть, даже тебя обманываетъ?

— Нѣтъ, извините, мамаша, онъ меня любитъ.

— Развѣ онъ тебѣ говорилъ?

— Говорилъ.

— Гдѣ же?

— Не помню гдѣ.

Старуха задумалась.

— Вы ему напишите, мамаша, записочку, чтобы онъ прѣхалъ сегодня, а то онъ очень разсердится... Пожалуй, не будетъ къ намъ и ѣздить.

— Но, другъ мой, къ чему это поведетъ: неужели ты хочешь выдти за него замужъ?

— Неиремѣнно за него, мамаша! Кромѣ его, ни за кого не пойду.

— А Иванъ Борисычъ, Машенька?... За что ты этого человѣка хочешь лишиться? Онъ очень добрый и благородный человѣкъ... тысяча душъ, другъ мой... ты будешь счастлива съ нимъ,—тебѣ и теперь уже все завидуютъ.

— А вы что мнѣ, мамаша, обѣщали, чтобы никогда не говорить про этого гадкаго чловѣка: я опять плакать начну.

— Ну, ну, я замолчу, не стану говорить, только ты встань, другъ мой, и покушай...

— Нѣтъ, мамаша, не хочу.

— Но если я напишу ему записочку и буду звать къ себѣ,—встанешь?

— Встану.

Старуха вздохнула, и глубоко вздохнула: всѣ надежды ея рушились. Долѣе уже не въ состояніи была она продолжать разговора съ дочерью, и придя въ свою комнату, зарыдала и почти безъ чувствъ упала на голыя доски кровати Антона Ѳедотыча. Живое и ясное предчувствіе говорило ей, что въ этомъ бракѣ ея идолу угрожаетъ погибель, и что она сама отрываетъ дочь свою отъ счастія, которое суждено бы ей было въ бракъ съ Рожновымъ, и сама отдаетъ ее какому-то пустому щеголю, и отдаетъ, можетъ быть, на бѣдность, на нелюбовь и тому подобное. Велико ли состояніе Мари? Всего сто душъ послѣ бабки, да тысячь десять деньгами; десять тысячь, накопленныя ея бережливостію. Изъ имѣнія идола, дѣйствительно, какъ говорилъ Ступицынъ, не издерживала Катерина Архиновна ни копѣйки. Отказывая во всемъ себѣ, Антону Ѳедотычу и двумъ старшимъ дочерямъ, страстная мать изъ своихъ малыхъ средствъ воспитывала Машеньку въ пансіонѣ, одѣвала ее гораздо лучше прочихъ и даже исполняла ея пустыя прихоти, но за кого теперь она принуждена, выдать свою любимицу — что это за чловѣкъ? Вотъ что занимало теперь старуху послѣ разговора ея съ дочерью: ос-

таться въ прежнемъ намѣреніи, то есть отказать Хозарову, она уже не имѣла силъ, она уже не въ состояніи была видѣть, какъ Машенька плачетъ, страдаетъ и ничего не вѣсть. Но отъ кого бы, по крайней мѣрѣ, узнать подробнѣе о женихѣ? Поручить Антону Федотычу, но онъ не умѣетъ, да и налжетъ. Долго старуха думала, и наконецъ рѣшилась обратиться къ Рожнову. Она и въ этомъ случаѣ рассчитывала на великодушіе отвлѣченнаго искателя и полагала, что его можно будетъ упросить съѣздить и разузнать о счастливомъ соперникѣ. Съ этою цѣлю она сама поѣхала къ толстяку и застала его, по обыкновенію, лежащимъ на диванѣ и читающимъ книгу.

— А! сердитая маменька, — сказалъ тотъ, приподнимаясь: — какими судьбами?

— Я къ вамъ съ просьбой.

— Слушаю-съ

— Вы такъ любите наше семейство, я такъ обязана много вамъ, что даже не въ состояніи, кажется, и отблагодарить васъ, и надѣюсь, что вы не откажете въ моей просьбѣ.

— У васъ нѣтъ денегъ? — сказалъ толстякъ.

— Ахъ, нѣтъ, но у меня Маша очень страдаетъ.

— Ваша Маша не страдаетъ, а сантиментальничаетъ; — страдаете тутъ вы... Ну-съ, что же вамъ угодно?

— Я къ вамъ съ просьбою.

— Это я слышалъ.

— Она любитъ его.

— То есть: она влюблена въ него, и это я знаю.

— Что мнѣ дѣлать?

— Выдать ее за того, въ кого она влюблена.

— Пожалуйста, не говорите очень насмѣшливо.

— Прикажете плакать?

— Ахъ, нѣтъ... что вы это говорите: мнѣ хотѣлось бы узнать, что это за человѣкъ?

— Зачѣмъ же вамъ это знать?

— Что это вы говорите, Иванъ Борисычъ, зачѣмъ мнѣ знать? Я мать!

— Послушайте, Катерина Архиповна, въ подобныхъ вещахъ нужно выбирать два полюса: или рѣшительно не выдавать дочь, если это не выгодно по вашимъ понятіямъ, или выдавать безъ всякаго размышленія, а такъ, потому только, что дочкѣ этого желается.

— Но мнѣ хочется узнать, что это за человѣкъ. Узнайте, Иванъ Борисычъ, и скажите, я вамъ вѣрю.

— Премного благодаренъ за ваше довѣріе; только я не поѣду узнавать.

— Но какъ же я узнаю?

— Это ужъ ваше дѣло.

— Вы сердитесь, Иванъ Борисычъ, но чѣмъ же я-то виновата?

— И я не сержусь, и вы не виноваты, — отвѣчалъ онъ: — но только не поѣду.

— Иванъ Борисычъ!

— Не поѣду-съ.

У старухи покатались сначала слезы, потомъ она начала даже рыдать.

— О чемъ же вы плачете?—спросилъ толстякъ.

— Всѣ меня оставили; никто не хочетъ мнѣ помочь,—говорила она:—никто не хочетъ даже узнать, что это за человѣкъ?

— Да зачѣмъ же вамъ?

— Какъ зачѣмъ!...

— Ну, а если я вамъ скажу, что онъ мерзавецъ?

— Какъ же это мерзавецъ?

— Да такъ, какъ обыкновенно бываютъ мерзавцы.

— Какъ вы это такъ говорите, въ такомъ дѣлѣ, Иванъ Борисычъ; это, я думаю, на всю жизнь.

— Ну, не вѣрите и прекрасно; вы оставайтесь при своемъ убѣжденіи, а я при своемъ.

Катерина Архиповна больше не возражала: она догадалась, что Рожновъ не могъ быть безпристрастнымъ исполнителемъ ся порученія, и потому тотчасъ же отправилась домой.

Толстякъ, оставшись одинъ, нѣсколько времени ходилъ задумавшись, взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Григорій!—закричалъ онъ.

Явился лакей.

— Вели собираться.

— Куда съ? — спросилъ тотъ.

— Въ деревню.

— Вотъ тебѣ на... да зачѣмъ съ?

— А тебѣ зачѣмъ знать, дуралей? — вскрикнулъ, сверхъ обыкновенія, разсердившійся баринъ.

— Извѣстное дѣло, что мнѣ; да колыска-то еще у кузнеца.

— Я дамъ вамъ у кузнеца, остолопы! Чтобъ сегодня же у меня было все готово.

— Да что вы на меня кричите: спрашивайте съ кучеровъ; мнѣ что? — мое дѣло състь да поѣхать.

— Ну, не разсуждать! Пошелъ... собируйтесь.

Слуга впрочемъ не пошелъ собираться, а надѣвъ

шапку и позвавъ другаго лакея, отправились вмѣстѣ въ трактиръ.

Впрочемъ, какъ прислуга ни лѣниво собиралась, какъ ни представляла барину тысячу препятствій, но на другой день въ одной изъ московскихъ заставъ былъ записанъ выѣхавшимъ: Надворный Совѣтникъ Рожновъ въ К...

VI.

На другой же день послѣ описанной въ предыдущей главѣ сцены, Катерина Архиповна, наконецъ, рѣшилась послать мужа къ Хозарову съ тѣмъ, чтобы онъ первоначально осмотрѣлъ хорошенько, какъ молодой человѣкъ живетъ и, поразузнавъ стороною о его чинѣ и состояніи, пердалъ бы ему отъ нея письмо. Страстная мать уже окончательно не въ состояніи была бороться съ желаніемъ дочери, тѣмъ болѣе, что Маря все еще ничего не ѣла и лежала въ постели. Посланіе Катерины Архиповны, если не высказывало полного согласія на предложеніе моего героя, то въ тоже время было совершенно написано въ другомъ духѣ, чѣмъ прежде ея письмо, — это была ласковая приглашительная записка пріѣхать и переговорить объ интересномъ и важномъ дѣлѣ. Цѣлый день былъ употребленъ на отысканіе Антона Ѳедотыча, скрывавшагося гдѣ-то отъ семейныхъ непріятностей; наконецъ, онъ былъ найденъ у трехъ офицеровъ, жившихъ на одной квартирѣ. Первоначально онъ, какъ водится, получилъ достодолжный выговоръ за свое, ни съ чѣмъ несообразное, поведеніе, а потомъ уже ему было объявлено и самое порученіе, которому Антонъ Ѳедотычъ,

съ своей стороны, очень обрадовался. Пояснивъ супругъ, что онъ все очень хорошо понялъ, и потому прекрасно обдѣляетъ это дѣло, тотчасъ же отправился къ Хозарову, и даже отправился, сверхъ ожиданія, по распоряженію Катерины Архиповны, на извозчикъ.

Въ этотъ же самый день, часу въ четвертомъ по полудни, Хозаровъ вбѣжалъ такъ нечаянно и такъ быстро въ нумеръ Татьяны Ивановны, что она, лежа въ это время на своей кровати и начавъ уже немного засыпать послѣ-обѣденнымъ сномъ, даже испугалась и вскрикнула.

— Что это, почтеннѣйшая, вы изволите такъ бездѣйствовать, тогда какъ я обдѣлываю великія дѣла!— вскрикнулъ онъ, стаскивая хозяйку за руку съ постели. Онъ былъ, видно, въ весьма хорошемъ расположеніи духа и, какъ кажется, немного на-веселѣ.

— Постойте, проказникъ, дайте поправиться. Ахъ! какой вы шалунъ! ну, что такое тамъ у васъ случилось?

— Случился случай случайнѣйшій. Во-первыхъ: *voyez-vous, madame!*—сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана футляръ и раскрывъ его передъ глазами Татьяны Ивановны.

— Ахъ, какіе прекрасные брилліанты. Батюшка, ай, батюшка, посмотрите, средній-то съ орѣхъ... Какія отличнѣйшія вещи! Гдѣ это вы взяли, купили что ли?

— Это еще не все, мадамъ; я вамъ сказалъ прежде во-первыхъ, но теперь во-вторыхъ: *voyez!*—и онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, въ которомъ было положено съ тысячу рублей ассигнаціями.

— Да что вы, проказникъ этакой, кладъ что-ли нашли?

— Погодите, погодите, терпѣніе, мадамъ, это еще не все: regardez! И онъ сдернулъ перчатку съ руки, на большомъ пальцѣ которой врасовался богатый перстень.

— Ахъ, какой отличный солитеръ! батюшка Сергій Петровичъ, да гдѣ вы все эти богатства приобрѣли?

— Ужъ конечно не у вашего скота, Ферапонта Григорьяча, позаимствовался. Всѣмъ этимъ богатствомъ, что видите, наградила меня заимообразно моя милая фея, моя безцѣнная Barbe Мамилова.

— Варвара Александровна? скажите, какая превосходнѣйшая женщина!

— Да-съ, найдите-ка другую въ нашемъ свѣтѣ! Съ перваго слова, только что заикнулся о нуждѣ въ трехъ тысячахъ, такъ даже сконфузилась, что нѣтъ у ней столько наличныхъ денегъ; принесла свою шкатулку и отперла. «Берите, говорить, сколько тутъ есть.» Вотъ такъ женщина! вотъ такъ душа! истинно будешь благоговѣть передъ ней, потому что она, кажется, то существо, о которомъ именно можно сказать словами Пушкина: *«въ ней все гармонія, все диво, все выше міра и страстей.»*

— Ну, я думаю, и вещи тоже цѣнные? — сказала Татьяна Ивановна: — ахъ, какая прелестная работа, — продолжала она, съ любопытствомъ разсматривая бауль.

— Да-съ, я вамъ скажу — что для этой женщины нѣтъ словъ на языкѣ, чтобы выразить все ея добродѣтели: мало того, что отсчитала чистыми деньгами

тысячу рублей; я бы, безъ сомнѣнія, и этимъ удовлетворился, и это было бы для меня величайшее одолженіе, такъ нѣтъ, этого мало: принесла еще вещи и говорить: «возьмите и достаньте себѣ денегъ подѣ нихъ; это, я полагаю, говорить, самое лучшее употребленіе, какое только можетъ женщина сдѣлать изъ своего украшенія.» А?... какъ вамъ покажется? Сколько въ этихъ словахъ благородства, великодушія! Я, разумеется, наирѣнь ей отплатить тѣмъ же, и потому тотчасъ же поѣхалъ къ маклеру и написалъ ей въ три тысячи вексель; такъ, даже, и этого не хотѣла взять. Я убѣдилъ ее только тѣмъ, что я человѣкъ, и человѣкъ смертный, могу умереть, и потому за ея великодушіе не хочу на тотъ свѣтъ унести черной неблагодарности. Вотъ какова эта женщина, Татьяна Ивановна!

— Прекрасная должна быть дама! Вотъ, какъ я, по всѣмъ словамъ вашимъ, вижу, такъ, должно быть, предобрѣйшее она имѣетъ сердце!

— И говорить нечего, она выше всякихъ словъ. Но постойте, я никогда и нигдѣ не позволялъ себѣ забывать людей, сдѣлавшихъ мнѣ какое-либо одолженіе: сегодняшнее же первое мое дѣло будетъ, хоть часть, заплатить моей Татьянѣ Ивановнѣ, и потому не угодно ли вамъ взять покуда полтораasia рублей!—сказалъ Хозаровъ.—Примите, почтеннѣйшая, съ моею искреннею благодарностью,—продолжалъ онъ, подавая хозяйкѣ пачку ассигнацій, и затѣмъ первоначально сжалъ ея руку, а потомъ поцѣловалъ въ щеку.

— Что это вамъ не совѣстно?..—сказала, конфузившись, но съ явнымъ удовольствіемъ, дѣвица

Замшева:— да постоитъ еще, повѣса этакой, расплачиваться, дайте прежде сосчитаться.

— Безъ счетовъ, почтеннѣйшая!— воскликнулъ Хозаровъ:— сегодня для меня такой веселый и торжественный день, что я рѣшительно не могу вести никакого рода счетовъ. Будемъ жить и веселиться, не надолго жизнь дана!— произнесъ онъ и, вскочивъ, схватилъ Татьяну Ивановну и началъ съ нею вальсировать по комнатамъ.

— Перестаньте, проказникъ этакой! Ай, батюшки, завертели... посмотрите, гребенка выпала,— говорила сорокалѣтняя дѣвица, дѣлая быстрые туры съ ловкимъ танцоромъ.

— *C'est assez, M-me, merci, grand merci,*— сказалъ Хозаровъ, останавливая и сажая даму на стулъ.

Походя по комнатъ, онъ остановился передъ хозяйкой.

— Мнѣ пришла въ голову прекрасная идея,— сказалъ онъ:— я хочу вашимъ постояльцамъ дать маленькую вечеринку.

— Ой, Сергѣй Петровичъ, не совѣтовала бы я вамъ, — возразила Татьяна Ивановна: — народъ-то знаете, такой, все пустой, не вашего сорта люди; да и зачѣмъ вамъ?

— Нѣтъ, очень есть зачѣмъ; у меня тутъ есть особые виды. Вотъ, на примѣръ, если я вздумаю увезти Мари, а это очень можетъ случиться, въ такомъ случаѣ эти господа могутъ оказать мнѣ великую помощь; то есть, одни будутъ свидѣтелями, другой господинъ кучеромъ, третій лакеемъ. Подобныя вещи всегда дѣлаются въ присутствіи благородныхъ людей; а во-вторыхъ, если будетъ оттуда, для спроса

обо мнѣ, какой-нибудь подсылъ, теперь они на меня могутъ Богъ знаетъ что наболтать; но побывавъ на пирушкѣ, другое дѣло; тутъ они увидятъ, что я живу не по-ихнему, и невольно, знаете, по чувству этакого уваженія и даже благодарности, отзовутся въ пользу мою. Я намѣренъ позвать ихъ всѣхъ, кромѣ этого свиньи, вашего Терапонта Григорьяча.

— Позовите и его: онъ хорошій человекъ, только знаете, этакой деревенскій, грубъ немного на словахъ.

— Ну, и то дѣло, — здѣ не надобно помнить.

— А музыканта позовете?—спросила Татьяна Ивановна не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Непремѣнно; какъ же могу я его не позвать? Это было бы, кажется, низко и неблагородно съ моей стороны.

— Онъ прекрасный человекъ и васъ чрезвычайно любить. Резнуетъ даже меня къ вамъ.

— Скажите, какой Отелло,—сказалъ Хозаровъ съ улыбкой.

— Вы, мужчины, всѣ таковы... Что же у васъ будетъ на вечеринкѣ?... Когда думаете, такъ ужь время приготовляться.

— Да, это правда. Впрочемъ я большаго не думаю: подать сперва чай, потомъ сварю жженку, а тутъ можно подать мороженное и какіе-нибудь фрукты.

— Ой, не годится... совсѣмъ не годится... вовсе будетъ не по гостямъ вечеръ. Это вѣдь хорошо для какихъ-нибудь модныхъ дамъ, а этимъ гораздо будетъ приличнѣе, велѣть приготовить чаю съ ромомъ, да послѣ велѣть подать закуску съ водкой и винца побольше.

— Но это будетъ какъ-то гадко, пошло... что то такое купеческое.

— Вовсе не купеческое, а такъ, какъ обыкновенно между мужчинами.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, между мужчинами другого сорта это бываетъ нетакъ; но впрочемъ хорошо... будь по вашему; однако таки-все безъ шампанскаго нельзя.

— Ну, шампанское, конечно, будетъ очень прилично.

— Итакъ, почтеннѣйшая, первоначально отправляйтесь и возьмите, сколько по вашему соображенію нужно будетъ, вина и извольте готовить чай, а я между тѣмъ пойду сзывать братію, и вотъ еще кстати: свѣчей возьмите по-больше, чтобы освѣщеніе было приличное. я терпѣть не могу темноты. А propos: мнѣ пришла въ голову счастливая мысль! По всѣмъ нумерамъ таскаться и всякаго звать особо — скучно; да и не принято въ свѣтъ, а потому я всѣмъ этимъ господамъ напишу пригласительныя записки, какъ обыкновенно это дѣлается.

— Что же, можно и такъ,—сказала Татьяна Ивановна.—Ахъ, Сергѣй Петровичъ, какъ я вотъ посмотрю на васъ, живали вы видно въ богатствѣ, владели вы людей.

— Да, почтеннѣйшая моя, живалъ и видалъ людей. да и опять такъ заживу... Однако, сважите мнѣ имена и фамиліи этихъ господъ: на адресъ надобно будетъ означить имена ихъ и фамиліи.

— А какъ ихъ фамиліи-то. Въ первомъ номерѣ: сибариту — Викторъ Прохорычъ Казаненко, во-второмъ — Семенъ Дмитричъ Мазаневскій; въ третьемъ... этого вы знаете, — Ѳерапонгъ Григорычъ Телятинъ, въ четвертомъ ужъ и позабыла, да! черноволосый,

Разумникъ Антиохычъ Рушевичъ, бѣлокурый — Эсперъ Аркадычъ Нумизмацкій. Но впрочемъ лучше бы вы не приглашали ихъ... непріятный такой народъ.

— Нельзя, почтеннѣйшая, этого между порядочными людьми не принято: если приглашать, такъ приглашать *всѣхъ*. Дальше?...

— Да что дальше?... этотъ, я думаю, не придетъ... больной человекъ.

— Но все-таки, какъ его?...

— Клементій, кажется, Иванычъ или Кузмичъ, должно быть Иванычъ.

— Ну, положимъ Иванычъ, а фамилія?

— Фамилія — Сидоровъ.

— Ну, Сидорѡвъ, такъ Сидоровъ. Прощайте, почтеннѣйшая, хлопочите и приготовляйте, — проговорилъ Хозаровъ и, соображаясь съ составленнымъ реэстромъ, придя въ свой номеръ, началъ писать пригласительные билеты, утвердившіе заключеніе Татьяны Ивановны касательно знанія свѣтской жизни, знанія, которымъ безспорно владѣлъ мой герой. Во-первыхъ, эти билеты, какъ повелѣваетъ приличіе свѣта, были все одинаковаго содержанія; а во-вторыхъ, они были написаны самымъ краткимъ, но правильнымъ и удобопонятнымъ языкомъ, именно:

«Сергѣй Петровичъ Хозаровъ покорнѣйше проситъ васъ пожаловать къ нему, сего же числа, на холостую пирушку, въ семь часовъ вечера.» На оборотѣ были написаны, какъ водится, имена и фамиліи приглашаемыхъ. Такого рода распоряженіе Хозарова, исполненное тонкой, свѣтской вѣжливости, произвело на его сожильцевъ довольно странное и весьма раз-

нообразное впечатлѣніе. Сибаритъ, прочитавъ пригласительную записку, сначала очень обрадовался. Ему уже заранѣе началъ представляться холостой вечеръ съ винами, съ ужиномъ, но вдругъ задумался, потому что всякому хозяину недостаточно было пригласить сибарита, но ему надобно было вмѣстѣ съ тѣмъ прислать гостю сюртукъ, галстухъ и нѣкоторыя другія принадлежности мужскаго костюма. Позови Хозаровъ такъ, просто, не по билетамъ, сибаритъ къ нему рискнулъ бы отправиться въ своемъ единственномъ другѣ — шинели. Но этотъ вечеръ долженъ быть, хотя и холостой, но парадный. Всю свою надежду гость возложилъ на Татьяну Ивановну и рѣшился покорнѣйше просить ее доставить ему отъ Хозарова приличный костюмъ и такимъ образомъ дать ему возможность быть на вечерѣ.

Секретный милашка Татьяны Ивановны — музыкантъ, по скромности характера, на своемъ лицѣ, покрытомъ угрями, не выразилъ никакого чувства по прочтеніи пригласительнаго билета, а только лаконически отвѣтилъ: «приду» и принялся писать ноты. Ферапонтъ Григорьичъ, получивъ приглашеніе, расхохотался. «А... каковъ въ Москвѣ народецъ,» началъ онъ разсуждать самъ съ собой, «вчера денегъ просилъ взаймы, а сегодня вечеръ даетъ... Ну — мотыга же видно! Еще не мошенникъ ли какой-нибудь? нѣтъ, братъ, не надуешь, не пойду: пожалуй и въ карманъ залѣзутъ.

— Ванька! не слыхалъ ли ты, что такое у этого франта?

— Балъ даетъ, сказывала хозяйка... Меня звали

служить; — полтинникъ, говорятъ, дадутъ-съ, — отвѣчалъ, возившійся около чемодана, Ванька.

— Ну, такъ что-жь? Ступай, дуракъ, — коли ты будешь, такъ и я схожу, — сказалъ Оерапонтъ Григорьичъ: — да смогри у меня не зъвай; посматривай на меня. и какъ мигну тебѣ, такъ не выдавай!

— Зачѣмъ выдавать, — отвѣчалъ лакей.

— Схожу... ничего, схожу... и посмотрю, что тамъ такое, — говорилъ Оерапонтъ Григорьичъ. — Этакія, подумаешь, на свѣтъ есть ухарскія головы! Вчера безъ копѣйки былъ, а сегодня вечеръ даетъ, и Богъ его знаетъ, гдѣ взялъ: можетъ быть, кого-нибудь ограбилъ?...

Двѣ неопредѣленные личности тоже не обратили должнаго вниманія на приглашеніе, по-крайней-мѣрѣ въ первую минуту его полученія. Это, можетъ быть, произошло вслѣдствіе того, что черноволосый, оставшійся прежде почти въ постоянномъ выигрышѣ, на этотъ разъ заремизился, а потому очень разгорячился. Бѣлокурый, въ надеждѣ выиграть, тоже разгорячился.

По окончаніи пульки, они, хотя довольно односложно, но переговорили о вечерѣ.

— Это зовутъ, — сказалъ черноволосый.

— Да, — отвѣчалъ бѣлокурый.

— Будутъ ли картишки-то, — замѣтилъ черноволосый.

— Я думаю... только ты смотри дѣлай пальцами-то этакъ знаки.

— Извѣстное дѣло, — не маленькій, понимаю немного игру-то. Ты пойдешь въ пальто?

— Въ пальто.

— Ну, ладно, а я во фракъ.

Радужнѣе всѣхъ принялъ приглашеніе танцеваль-
ный учитель: не смотря на сильную ломоту, которую
чувствовалъ во всемъ тѣлѣ, онъ, прочитавъ записку,
тотчасъ же вскочилъ съ одра болѣзни и началъ на-
пѣвать извѣстный куплетъ:

„Кума шень, кума крестъ;

„Кума дальше отъ комоду;

„Кума чашки разобьешь,

выдѣлывая въ то же время мастерскія па изъ фран-
цузской кадрили. Но духъ его, стремящійся къ раз-
сѣянію, недолго торжествовалъ надъ болѣющимъ тѣ-
ломъ. Ревматизмъ отъ сильнаго движенія разыгрался:
учитель повалился на постель и началъ первоначально
охать, потомъ стонать и наконецъ плакать.

Почтеннѣйшая Татьяна Ивановна, не ограничивая
свои заботы хозяйственными приготовленіями, успѣла
объязать всѣ нумера и всѣмъ объявить, что у Хоза-
рова будетъ пріятельская пирушка, потому что онъ
скоро женится на миллионеркѣ, и потому хочетъ
всѣхъ своихъ знакомыхъ угостить. Сибариту достала
сюртукъ; даже въ Оерапонтѣ Григорьичѣ успѣла по-
селить совершенно другое мнѣніе о Хозаровѣ; а мп-
лашкѣ музыканту, не знаю почему, сочла за нужное
весьма подробно объяснить, сколько и какого именно
рода приготоовлено винныхъ питій. На лицѣ, покры-
томъ угрями, появилось самое пріятное выраженіе.

Между тѣмъ хозяинъ задумавшись сидѣлъ въ
своемъ номерѣ.

Ему было грустно, что у него такая дрянная
квартира, а потому онъ не можетъ дать вечера сво-

имъ знакомымъ дамамъ, какъ дѣлывалъ это нѣсколько разъ въ полку.

Настоящую же пирушку онъ затѣвалъ такъ, безъ всякаго особаго удовольствія, потому только, что привыкъ жить хорошо и, почувствовавъ въ карманѣ деньги, хотѣлъ показать себя этой дряннѣ въ настоящемъ свѣтѣ.

Татьяна Ивановна, просто, совершала чудеса: зная наклонность своего милашки имѣть все въ порядочномъ видѣ, она достала гдѣ-то подсвѣчники изъ серебра и серебряную сахарницу; у Ферапонта Григорыча выпросила, на свое собственное имя, совершенно новенькій судокъ для водки и у одной знакомой достала гирную и прекрасную скатерть и дюжины полторы салфетокъ.

Въ восемь часовъ все было готово. Хозаровъ принималъ всѣхъ въ легонькомъ пальто и, какъ надобно ожидать отъ свѣтскаго человѣка, былъ очень вѣжливъ къ гостямъ. Сибариту, одѣтому въ его собственный сюртукъ, онъ сжалъ дружески обѣ руки, съ музыкантомъ даже поцѣловался; Ферапонту Григорычу, поблагодаря за лакея, какъ и слѣдуетъ, оказалъ исключительное почтеніе и тотчасъ же просилъ его сѣсть на диванъ. У каждой изъ неопредѣленныхъ личностей пожалъ по рукѣ съ прибавленіемъ: «очень радъ васъ видѣть, господа!» Что касается до гостей, то Ферапонтъ Григорычъ сохранялъ какую-то намѣшливую мину и былъ очень лаленъ; музыкантъ немного дикъ: поздоровавшись съ хозяиномъ, онъ тотчасъ же усѣлся въ уголъ; двѣ неопредѣленные личности, одна въ тепломъ пальто, а другая во фракѣ бутылочнаго цвѣта, были таинственны; сибаритъ ве-

селъ и только немного женировался тѣмъ, что хозяйскій сюртукъ былъ не совсѣмъ въ пору и сильно тянулъ его руки назадъ. Ванька, въ сопровожденіи Татьяны Ивановны, внесъ чай со стаканами, между которыми уже красовалась бутылка съ ромомъ.

— Прямо пригласите пуншемъ, — шепнула Хозарову Татьяна Ивановна, зная лучше его наклонности своихъ жельцовъ.

Хозаровъ сдѣлалъ гримасу.

— Господа, прошу начинать съ пунша, сказалъ онъ: — я человѣкъ холостой; у меня чай дурной, но ромъ долженъ быть порядочный. Ферапонтъ Григорьичъ, сдѣлайте одолженіе.

— Нѣтъ-съ, благодарю; я не пью пуншу, — отвѣчалъ Ферапонтъ Григорьичъ. «Нѣтъ, братъ, не надуешь, — думалъ онъ самъ про себя: — ты пожалуй напишь, да и обдѣлаешь. Этакой здѣсь народецъ, — продолжалъ разсуждать самъ съ собой помѣщикъ, осматривая гостей: — какія у всѣхъ рожи-то нечеловѣческія: образина на образинѣ! — хозяинъ лучше всѣхъ съ лица: хватъ малый; только, должно быть, страшная плутина!» Другіе гости не отказались, подобно Ферапонту Григорьичу; они всѣ сдѣлали себѣ по пуншу и принялись пить.

Хозаровъ, какъ человѣкъ порядочнаго тона, началъ чувствовать скуку въ подобномъ обществѣ; съ досады на себя, что, ни съ того, ни съ сего, затѣялъ подобный глухой зовъ, онъ и самъ рѣшился пить и спросилъ себѣ пуншу. Черезъ нѣсколько минутъ стаканы были пусты, по окончаніи которыхъ почти у всѣхъ явилось желаніе покурить. Довольно полный комплектъ хозяйскихъ чубуковъ мгновенно былъ разо-

бранъ, и комната въ нѣсколько минутъ наполнилась непроницаемымъ дымомъ. Между тѣмъ распорядительная Татьяна Ивановна поднесла гостямъ новый пуншъ, который тоже былъ принятъ всеми и даже Оерапонть Григорьичъ соблазнился и рѣшился выпить съ ромашкой. Самъ хозяинъ тоже не отставалъ отъ гостей. Разговоръ оживился.

Черноволосая личность подошла къ Хозарову и просила составить для него и для бѣловолосаго пріятеля партію въ преферансъ. Хозаровъ съ своей стороны былъ готовъ, но только не отыскалось третьяго партнера. Сибаритъ началъ ходить по комнатѣ и мурлыкать вакую-то пѣсню. Оерапонть Григорьичъ тоже оживился и, подозвавъ къ себѣ своего Ваньку, велѣлъ подать себѣ еще пуншу. Но неусыпная дѣвица Замшева видѣла и замѣчала все; она, сама въ собственныхъ рукахъ, поднесла старому милашкѣ стаканъ съ крѣпчайшимъ пуншемъ, одѣля таковымъ же и прочую компанію. Всѣ сдѣлались неимоверно живы и веселы; всѣ закурили и заговорили, даже музыкантъ началъ что-то нашептывать на ухо Татьянѣ Ивановнѣ. Хозаровъ тоже замѣтно подгулялъ.

— Господа!—сказалъ онъ, вставая съ своего мѣста, —я вамъ очень обязанъ за сегодняшнее посѣщеніе и надѣюсь, что съ этого дня могу васъ считать своими товарищами.

— Идетъ!—отвѣчалъ Оерапонть Григорьичъ, уже окончательно перемѣнившій свое мнѣніе о Хозаровѣ.

— Конечно можете,—отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

— Господа! я, можетъ быть, на дняхъ буду имѣть нужду въ вашей помощи, потому что думаю увезти

дѣвушку, и васъ, какъ товарищей, буду просить помочь мнѣ.

— Bravo!..—закричалъ сибарить, оканчивая уже третій стаканъ.

— Я готовъ, замѣтилъ разговорившейся музыкантъ, который, по расположенію Татьяны Ивановны, справлялся уже съ пятымъ стаканомъ.

— Пожалуй, — проговорили вмѣстѣ двѣ неопредѣленные личности.

— Ну, знаете, я бы и готовъ, но вѣдь, мнѣ быть... — сказалъ Ѳерапонтъ Григоричъ.

— Я не смѣю васъ и беспокоить. Вы женатый человекъ; а всѣ женатые для меня священные особы: они не прикосновенны! Но дѣло въ томъ, что я въ одну прекрасную лунную ночь...— На этомъ словѣ Хозаровъ остановился, потому что въ комнату вбѣжала Татьяна Ивановна.

— Антонъ Ѳедотычъ,—сказала она.

— Бога ради, господа, ни слова о томъ, что говорилъ! Это отецъ моей невѣсты.

Едва успѣлъ проговорить эти слова хозяинъ, какъ въ дверяхъ нумера, сквозь табачный дымъ, обрисовалась колоссальная фигура Антона Ѳедотыча.

— Фу! какъ накурено,—сказалъ гость,—видно, что кавалерійская компанія. Здравія желаемъ,—проговорилъ онъ, подходя къ хозяину.—Мое почтеніе, господа—проговорилъ онъ, раскланиваясь съ гостями.—Очень радъ, что имѣлъ удовольствіе застать васъ дома и, какъ вижу, въ такомъ пріятномъ обществѣ.

— Очень радъ, мой драгоценнѣйшій Антонъ Ѳедотычъ,—проговорилъ хозяинъ.—Прошу садиться. Не прикажете ли трубку... цуншу.

— Трубки и пуншу, т. е. того и другаго?... можно-съ... — проианесь Ступицынъ. — Извините, прибавилъ онъ, немного задѣвъ музыканта, который съ большимъ любопытствомъ осматривалъ новаго гостя и вертѣлся около него.

— Иванъ! трубки и пуншу сюда! — сказалъ хозяинъ. Позвольте мнѣ вамъ представить: Терапонтъ Григоричъ Телятинъ!... Антонъ Федотычъ Ступицынъ!... — проговорилъ хозяинъ, желая познакомить двухъ помѣщиковъ.

— Очень пріятно, — сказалъ Ступицынъ.

— Весьма радъ вашему знакомству, — отвѣчалъ Телятинъ; и оба они помѣстились на диванѣ.

Антону Федотычу сейчасъ были представлены и трубка, и пуншъ; но онъ на этотъ разъ былъ нѣсколько страненъ, потому что, вмѣсто того чтобы приняться за пуншъ и войти въ разговоры съ Терапонтомъ Григоричемъ, онъ всталъ, кивнулъ какъ-то таинственно головою хозяину и вышелъ изъ комнаты. Хазаровъ, разумѣется, тотчасъ же послѣдовалъ за нимъ.

— Извините меня, — сказалъ Ступицынъ: — я имѣю къ вамъ маленькій секретъ: я слышалъ — на дняхъ вы дѣлали честь моей младшей дочери, и жена моя ничего вамъ не сказала окончательнаго. Я, конечно, какъ только узналъ, тотчасъ все это рѣшилъ. Теперь она сама пишетъ къ вамъ и проситъ васъ завтрашній день пожаловать къ намъ...

Съ этими словами Ступицынъ подалъ Хазарову записку Катерины Архиповны, который, прочитавъ ее, бросился обнимать будущаго тестя.

— Вамъ бы надобно было дѣйствовать не такъ,

говорилъ Ступицынъ, — вамъ бы прямо тогда же свазать мнѣ; я бы сдѣлалъ это сейчасъ; но, вѣдь знаете, онѣ женщины—очень мнительны, боятся и сомнѣваются во всякихъ пустякахъ.

— Антонъ Ѳедотычъ!—началъ съ чувствомъ Хозаровъ.—Я не могу теперь вамъ выразить, какъ я счастливъ и какъ одолженъ вамъ; а могу только просить васъ выпить у меня шампанскаго. Сегодня я этимъ господамъ дѣлаю вечерокъ; хочется ихъ немного потѣшить: нельзя!... люди очень добрые, но бѣдные!.. живутъ безъ всякаго почти развлеченія... наша почти обязанность, — людей съ состояніемъ, — доставлять удовольствія этимъ бѣднякамъ.

— Я тоже такого характера,—отвѣчалъ Ступицынъ,—и мнѣ очень пріятно, что мы сходимся съ вами въ этомъ отношеніи. Богъ дастъ, современемъ, мы будемъ затѣвать такія, знаете, маленькія ипрушки; это, по моему мнѣнію, очень пріятно.

— Послушайте, Антонъ Ѳедотычъ, я сегодня такъ счастливъ, что даже ничего не понимаю. Пойдемте!... я надѣюсь, что вы у меня будете пить.

— Выпьемъ-съ, потому что я въ жизнь мою еще не отказывалъ ни въ чемъ моимъ знакомымъ; но только напередъ ваше честное слово: Катерина Архиповна велѣла непремѣнно просить васъ, завтрашній день откушать у насъ. Будете?

— Буду, конечно буду. Неужели же вы думаете, что я не буду. Меня зовутъ въ рай, а я не пойду... Это было бы сумашествіе съ моей стороны.

Будущій тестъ и зять еще разъ поцѣловались и вошли въ номеръ.

— Шампанскаго!—закричалъ Хозаровъ.

— Напередъ бы водки,—замѣтилъ Ступицынъ, принимаясь за свой стаканъ пуншу.

— Ахъ, да... Татьяна Ивановна!... почтеннѣйшая! Пожалуйста намъ водки! — Водка и закуска, конечно, были давно уже приготовлены, и приготовлены самымъ порядочнымъ образомъ: кромѣ того, что закуска состояла изъ колбасы, сельдей, сыру, миногъ, къ ней поданы были еще роскошное блюдо сосисокъ подъ капустою и подюжены жареныхъ голубей. Антонъ Федотычъ первый принялся за водку; пожелавъ всемъ гостямъ всякаго счастья въ мѣрѣ, онъ залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки, затѣмъ рюмку вина, еще рюмку вина, и потомъ, освѣжившись рюмкою водки, принялся за роскошное блюдо съ сосисками. Прочіе гости тоже не положили охулки на руку. Два графина водки, четыре бутылки вина, колбаса, сельди и все прочее мгновенно было уничтожено. Очередь, наконецъ, дошла и до шампанскаго. Хозаровъ распорядился первоначально только на три бутылки вдовы Кликю, но, разгулявшись, велѣлъ принести еще полдюжины. — Антонъ Федотычъ разговорился донельзя и, познакомившись накороткую ногу со всеми и рассказавъ каждому что нибудь интересное про себя объявилъ, что у него на дняхъ будетъ особенный случай, и что онъ тогда поставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность просить всѣхъ господъ пожаловать къ нему откушать, надѣясь угостить ихъ удивительною бѣлорыбцею, купленною чрезъ одного давнишняго его комиссіонера въ самомъ устьѣ Волги. Окончаніе вечера было очень весело: всѣ пѣли хоромъ; музыкантъ единогласно былъ избранъ въ регенты. Сибариты и Татьяна Ивановна тянули дис-

канта; двѣ неопредѣленные личности пѣли теноромъ; хозяинъ изображалъ альту; Антонъ Ѳедотычъ и Ѳерапонтъ Григорьичъ, равнымъ образомъ какъ и самъ регентъ, держали баса. Пѣли первоначально: «въ старину живали дѣды», потомъ «лучинушку» и наконецъ «мы живемъ среди полей и лѣсовъ дремучихъ»; все это несовсѣмъ удавалось хору, который однако весьма хорошо поладилъ на старинной, но прекрасной пѣсенѣ: «въ темномъ лѣсѣ, въ темномъ лѣсѣ» и проч. Антонъ Ѳедотычъ началъ отпускать удивительныя штуки: не ограничиваясь тѣмъ, что пилъ со всѣми очередную, онъ схватилъ цѣлую бутылку шампанскаго и взялся ее выпить, не переводя духа, залпомъ, — и дѣйствительно всю почти вытянулъ мгновенно; но на самомъ уже концѣ поперхнулся, фыркнулъ на всю честную компанію, пошатнулся и почти безъ памяти упалъ на диванъ. Къ Татьянѣ Ивановнѣ всѣ были необыкновенно вѣжливы: даже черноволосая личность начала съ нею заигрывать; но ревнивый музыкантъ остановилъ его и чуть было не сочинилъ исторіи. Гости разошлись часу въ пятьмъ. Антонъ Ѳедотычъ прежде всѣхъ уснулъ на диванѣ. Всѣ вообще были очень довольны: даже Ѳерапонтъ Григорьичъ ушелъ въ самомъ миротворномъ расположеніи духа и, при прощаніи, цѣловался со всѣми.

VII.

Какъ ни подгулялъ Антонъ Ѳедотычъ, но, озабоченный порученіемъ Катерины Архиповны, проснулся гораздо ранѣе своего хозяина и началъ дотать свою голову,

какую бы выдумать передъ женой благовидную причину, вслѣдствіе которой онъ не ночевалъ дома. Но, увы! голова Антона Федотыча имѣла то несчастное свойство человѣческихъ головъ, что, послѣ всякой пирушки, не только не въ состояніи была ничего порядочнаго изобрѣсть, но даже съ толкомъ отвѣчать на вопросы. Долго Антонъ Федотычъ дѣлалъ усиліе, чтобы заставить вмѣстителище разума мыслить, но оно не повиновалось и только болѣло во всевозможныхъ углахъ.

— Что будетъ, то будетъ, — подумалъ Ступицынъ и, проведя, сколько возможно, свою наружность въ приличный видъ, отправился держать отвѣтъ передъ супругой.

Катерина Архиповна была въ сильномъ безпокойствѣ и страшномъ ожесточеніи противъ мужа, который вмѣсто того, чтобы, по ея приказанію, отдать Хозарову письмо и развѣдать аккуратнѣе, какъ тотъ живетъ, есть ли у него состояніе, какой у него чинъ, — не только ничего этого не сдѣлалъ, но даже и самъ куда-то пропалъ. Ощущаемое ею безпокойство тѣмъ было сильнѣе, что и Мари, знавшая куда и за чѣмъ посланъ папенька, ожидала его возвращенія съ большимъ нетерпѣніемъ и даже всю ночь, бѣдненькая, не спала, и заснула только къ утру.

Часу въ девятсмъ Антонъ Федотычъ, наконецъ, явился и, предчувствуя неминуемую грозу, хотѣлъ приласкаться къ Катеринѣ Архиповнѣ, и подошелъ было къ ея рукѣ, но рука была отдернута.

— Это что такое значитъ? откуда вы изволили пожаловать?... Боже мой! что это у васъ за лицо?

посмотрите, пожалуйста, въ зеркало, какова ваша физиономія.

— Что физиономія?...— спросилъ Ступицынъ.

— Да то физиономія; совершенно, какъ у мужика послѣ праздника. Пили, что ли, вы всю ночь?

— Ничего физиономія.

— Вотъ прекрасно — ничего... весь опухъ... и ничего!

— Я угорѣлъ, — отвѣчалъ невпопадъ Ступицынъ.

— Онъ угорѣлъ; скажите ради Бога, онъ угорѣлъ!... Гдѣ же это вы изволили угорѣть? гдѣ вы ночевали-то? Отчего вы домой не пришли?

— Угорѣлъ...

— Да что вы такое говорите! мнѣ кажется, вы ничего не понимаете; я васъ спрашиваю, гдѣ вы ночевали?

— У Хозарова.

— Да развѣ я васъ ночевать туда посылала?...! Что я вамъ говорила? что поручила? Помните ли вы это?... Отдали, по крайней мѣрѣ, письмо, которое я съ вами посылала?

— Письмо?... письмо отдалъ.

— А узнали ли, что я вамъ говорила?

— Извѣстно, что узналъ.

— Ну, рассказывайте!

Какъ ни ломалъ Антонъ Федотычъ свою странную голову для того, чтобы изобрѣсть какой-нибудь приличный отвѣтъ, но ничего не могъ придумать.

— Что рассказывать-то?... — произнесъ онъ.

— Господи Боже мой! — воскликнула, всплеснувъ руками, Катерина Архиповна, — это превосходитъ всякое терпѣніе: человекъ вы или нѣтъ, мило-

стивый государь? похожи-ли вы хоть на животное-то? и тѣ о щенкахъ своихъ попеченіе имѣютъ, а въ васъ и этихъ-то чувствъ нѣтъ... подите вы отъ меня куда-нибудь; не терзайте по крайней мѣрѣ вашей физиономіей. Великое дѣло поручила отцу семейства: подробнѣе разсмотрѣть, какъ живетъ, гдѣ, и что, и какъ? Такъ и этого-то не сумѣлъ и не хотѣлъ сдѣлать.

— Я вамъ говорю, что я разсмотрѣлъ... — возразилъ Антонъ Федотычъ.

— Что же вы разсмотрѣли?

— Все разсмотрѣлъ, все отлично.

— Велика квартира?

— Велика.

— Сколько комнатъ?

— Одна.

— Какъ? Велика—и одна? да что вы такое говорите? съ ума, что ли, вы сошли? или еще не проспались?

— Ну, ладно-съ! возразилъ Антонъ Федотычъ, всталъ и пошелъ.

— Пойдите!... куда же вы идете! Скажите по крайней мѣрѣ: будетъ ли Сергѣй Петровичъ сегодня?

— Будетъ, непременно приѣдетъ, отвѣчалъ Антонъ Федотычъ и вышелъ.

Странная голова его мало того, что ничего не понимала, но начала еще кружиться, такъ что Ступицынъ почувствовалъ необходимую потребность выдти на свѣжій воздухъ.

— Этакой отвратительный человѣкъ, говорила Катерина Архиповна:— вѣроятно, тотъ обрадовался и послалъ за шампанскимъ, а этотъ безобразный уродъ и напился.

Часовъ въ десять Мари проснулась, и первый ея вопросъ, который она сдѣлала матери, былъ: возвратился ли папенька и пріѣдетъ ли сегодня Сергѣй Петровичъ?

— Пріѣдетъ, другъ мой, непременно пріѣдетъ, — отвѣчала старуха.

Мари тотчасъ встала, спросила себѣ чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ и потомъ начала одѣваться. Она потребовала себѣ свое любимое шелковое платье, и вообще туалетомъ своимъ очень много занималась: Пашеть и Анеть, интересовавшіяся знать, что такое происходитъ между папенькой, маменькой и Мари, подслушивали то у тѣхъ, то у другихъ дверей и, наконецъ, начали догадываться, что врядъ ли дѣло идетъ не о сватовствѣ Хозарова къ Мари, и объ почувствовали страшную зависть, особенно Анеть, которая все время оставалась въ пріятномъ заблужденіи, что Хозаровъ интересуется собственно ею. Катерина Архиповна ушла къ себѣ въ комнату, затворилась и начала молиться. Антонъ Федотычъ, чѣмъ болѣе странная голова его приходила въ нормальное состояніе, тѣмъ яснѣе началъ сознавать, въ какой мѣрѣ онъ дурно исполнилъ возложенное на него порученіе, и что ему непременно послѣдуетъ отъ супруги брань, и брань такого сорта, какой онъ никогда еще не получалъ, потому что дѣло шло объ идолѣ, а въ этомъ случаѣ Катерина Архиповна не любила шутить.

Пораздумавшись, онъ рѣшился на цѣлый день дать куда-нибудь тягу и явиться домой въ то время, когда у Катерины Архиповны поуходится сердце.

Въ одиннадцатъ часовъ всѣ дамы, въ ожиданіи

торжественнаго представленія жениха, были одѣты наряднѣе обыкновеннаго и сидѣли по своимъ обычнымъ мѣстамъ. Всѣ онѣ, конечно, испытывали весьма различныя ощущенія. Старуха въ своей комнатѣ была грустна, Мари сидѣла съ нею; она была весела, но взволнована; въ сердцахъ Пашеть и Анеть, сидѣвшихъ въ залѣ, бушевали зависть и досада.

Женехъ подъѣхалъ въ шегольской парной каретѣ, изъ которой проворно выскочилъ и, взбѣжавъ на крыльцо, сбросилъ свою шубу сопровождавшему его лакею и вошелъ. Пашеть и Анеть сухо ему поклонились; онъ прошелъ къ Катеринѣ Архиповнѣ. При появленіи его, Мари вся вспыхнула; старуха силилась улыбнуться. Герой мой былъ тоже нѣсколько взволнованъ и даже сѣлъ на предлагаемый ему стулъ, не съ обычною ему ловкостью и свободою. Катерина Архиповна посмотрѣла на дочь; та поняла и вышла. Нѣсколько минутъ мать и женихъ сидѣли молча. Хозаровъ, очень хорошо уже понявъ, что въ семействѣ рѣшено дать ему слово, рѣшился не начинать первый; а старухѣ, кажется, было тяжело начать говорить о томъ, чего она не желала бы даже и во снѣ видѣть.

— Вы сердитесь на меня, Сергѣй Петровичъ, проговорила она.

— Напротивъ: я считаю за счастье, отвѣчалъ Хозаровъ.

— Вы такъ меня тогда удивили, что я даже вдругъ хорошенько сообразиться не могла и, какъ мать, даже испугалась.

— Я очень понимаю, Катерина Архиповна, ваши чувства — и даже самъ бы на вашемъ мѣстѣ поступилъ точно такимъ же образомъ. Въ настоящемъ

случаѣ позвольте мнѣ, Катерина Архиповна, попросить у васъ извиненія въ моей дерзости. Что дѣлать. Любовь заставляеть насъ иногда забывать общественныя условія.

— Скажите мнѣ одно, Сергѣй Петровичъ, вы любите Мари? спросила Ступицына.

— Катерина Архиповна! — отвѣчалъ Хозаровъ, прижавъ руку къ сердцу: — есть чувства, которыхъ человекъ не въ состояніи выразить словами. Мнѣ не выразить моихъ чувствъ словами, я могу только сознавать ихъ въ сердцѣ.

— Да постоянно ли вы будете любить ее, не перемѣнитесь ли?

— Перемѣна во мнѣ можетъ произойти тогда только, когда изъ этой груди вынуть мое сердце и вмѣсто его поставятъ чье-нибудь другое.

— Это всѣ женихи, Сергѣй Петровичъ, говорятъ такъ, а какъ женятся, такъ и выходятъ другое.

— Зачѣмъ же смѣшивать себя съ толпою? почему же не быть исключеніемъ? Я, Катерина Архиповна, не мальчикъ; я много жилъ и много размышлялъ. Я видѣлъ уже свѣтъ и людей, и убѣдился, что человекъ можетъ быть счастливъ только въ семейной жизни... Да и неужели же вы думаете, что кто бы это ни былъ, женись на Марьѣ Антоновнѣ, можетъ разлюбить это дивное существо: для этого надо быть не человекомъ, а какимъ-то звѣрѣмъ безчувственнымъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, это и не звѣри, а люди дѣлають: мало ли мы видимъ примѣровъ: мужья разлюбляютъ прекрасныхъ женъ и мѣняють ихъ, Богъ знаетъ, на кого.

— Клянусь моей любовью къ Марьѣ Антоновнѣ,

которая, конечно, для меня дороже всего, клянусь этою любовью, что я всю жизнь буду любить ихъ! произнесъ Хозаровъ.

Разговоръ на нѣсколько времени прекратился.

— Вотъ еще что я хотѣла сказать, Сергѣй Петровичъ, начала старуха, мы небогаты: у Мари всего бабушкина усадьба съ какими-нибудь...

— Бога ради, Катерина Архиповна, не говорите мнѣ объ этихъ вещахъ, которыхъ я и знать не хочу,— перебилъ Хозаровъ, очень впрочемъ довольный, что услышалъ о бабушкиномъ состояніи: —я женюсь только на вашей дочери и желаю только владѣть ими, а больше мнѣ ничего ненадобно.

— Очень вѣрю, Сергѣй Петровичъ, вашему благородству, и повѣрьте, что я награжу Машеньку, и награжу больше, чѣмъ даже слѣдуетъ по нашему состоянію; но достаточно ли это будетъ для семейной жизни?... имѣете ли вы сами состояніе?

— Я имѣю и свое состояніе... вы видите, я живу, — и живу въ столицѣ,—отвѣчалъ Хозаровъ, — но этого мало: имѣю же я нѣкоторыя способности, которыя могу употребить на службу?... и наконецъ, у меня, Катерина Архиповна, двѣ здоровыя руки, которыя готовы носить камень для того только, чтобы сдѣлать Марью Антоновну счастливою.

— Не обманывайте меня, Сергѣй Петровичъ, вся моя жизнь, все мое счастье только въ ней. Я не знаю, что со мною будетъ, если увижу, что я ошиблась; она еще молода, она сама не понимаетъ, какой дѣлаетъ теперь важный шагъ, но я мать; я должна ее руководить.

Въ продолженіе этой рѣчи у старухи навернулись

на глазахъ слезы. Хозаровъ тоже былъ, кажется, разстроенъ и прижалъ къ глазамъ платокъ.

— Я ничего не могу говорить и только благоговѣю передъ вашими материнскими чувствами,—отвѣчалъ онъ.

— Поклянитесь мнѣ еще, что вы сдѣлаете ее счастливою,—сказала Катерина Архиповна, взявъ героя моего за руку.

— Еще разъ клянусь моею любовію сдѣлать вашу дочь счастливою! — произнесъ Хозаровъ.

— Берите ее — она ваша,—сказала старуха и, зарыдавъ, упала на диванъ. Хозаровъ, между тѣмъ, взявъ руку будущей маменьки и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ. Далѣе затѣмъ призвана была Мари. Катерина Архиповна, не переставая плакать, объявила дочери о предложеніи Хозарова. Мари сконфузилась и бросилась обнимать мать и потомъ подала жениху руку, которую тотъ, какъ водится, страстно поцѣловалъ. Въ слѣдующей затѣмъ бесѣдѣ Сергѣй Петровичъ, бывъ нѣженъ съ невестою, въ то же время старался, какъ можно болѣе изъяснять почтенія и глубокаго уваженія къ Катеринѣ Архиповнѣ и началъ ее уже именовать *belle mère*. Онъ не позабылъ также и своихъ будущихъ *belles soeurs* и съ ними, по родственному, очень мило шутилъ, общаясь на будущее время подмѣчать, кто имъ нравится, и нынѣшнею же зимою выдать ихъ замужъ. На это обѣдѣвцы объявили, что онѣ еще не хотятъ замужъ; но Хозаровъ, по правамъ близкаго родственника, общалъ, какъ дѣлалось это встарину, выдать ихъ насильно и уморительно описалъ эту сцену, какъ повезетъ онъ ихъ съ связан-

ными руками въ церковь вѣнчать. Обѣ дѣвицы, не смотря на чувствуемую зависть, расхохотались и утвердительно сказали, что не дадутъ себя связывать; однимъ словомъ, въ это утро, герой мой успѣлъ до невѣроятности всемъ понравиться. Невѣста, какъ мы и прежде еще знали, его обожала; Пашеть и Анегъ остались весьма довольными его любезностію и вниманіемъ; даже сама Катерина Архиповна начала его понимать въ другомъ смыслѣ: изъ предъидущей сцены она убѣдилась, что будущій зять очень любить Мари, потому что онъ не только самъ не спросилъ о приданомъ, но и ей не далъ договорить объ этомъ предметѣ. Запскавъ такимъ образомъ во всехъ членахъ семейства, Сергѣй Петровичъ началъ просить позволенія — съѣздить на нѣсколько времени домой и распорядиться по нѣкоторымъ экстреннымъ, домашнимъ дѣламъ, обѣщаясь въ шесть часовъ вечера явиться на пріятнѣйшее для него дежурство у ногъ невѣсты.

Откровенно говоря, Хозаровъ не имѣлъ никакихъ экстренныхъ дѣлъ; но ему хотѣлось побывать у Варвары Александровны, рассказать ей, что съ нимъ случилось, и порисоваться передъ нею своими пылкими чувствами.

Мамилова очень обрадовалась пріѣзду друга.

— Гдѣ вы и что съ вами?— спросила она гостя, подавая ему руку.

— Судьба моя рѣшена—я женюсь,—отвѣчалъ тотъ.

— Право? Какимъ же образомъ это случилось?

— И самъ не знаю; вчера получилъ приглашительную записку, а сегодня дано и слово.

— Слава Богу, <http://reinc.org.ru> это было бы съ ихъ

стороны просто сумасшествіе — отказать вамъ. Ну, что же вы, счастливы теперь?

— Я не понимаю еще хорошенько, что со мною; у меня какъ-то замерло сердце, и я ничего ясно не могу ни чувствовать, ни понимать.

— Вотъ вы мужчина, а говорите, что у васъ замерло сердце; что же должна чувствовать женщина въ эти страшныя для нея минуты! Что ваша невѣста — весела?

— Да, она очень весела; она еще очень молода и потому безпечна.

— Нѣтъ, это не потому, что молода, но она любитъ васъ... ахъ, какъ это первое время тяжело для тѣхъ женщинъ, которыя идутъ не по любви! Послѣ какъ-то свыкнешься съ этою мыслию, но вначалѣ — это ужасно.

— Что вы, Варвара Александровна, чувствовали въ это время?

— Что я чувствовала?...—отвѣчала со вздохомъ и нѣсколько смутившись хозяйка: —я ничего не чувствовала; я была тогда глупа, слѣпа, нѣма; я выходила, или лучше сказать, это выходила замужъ не я, а кто-то другая; я не понимала, что я для жениха моего такъ, игрушка, временная забава, и уже послѣ, гораздо позже, когда воротить было невозможно, я поняла, что такое мужчина, и особенно мужчина въ сорокъ лѣтъ. Но, впрочемъ, не спрашивайте меня: зачѣмъ вамъ знать исторію моего сердца, она скучна и неинтересна: я могу только сказать, что я не живу, а прозябаю.

— Знаете ли, что я думаю? Вамъ, съ вашей поэтической душой, не слѣдовало бы выходить замужъ.

— Это почему вы такъ думаете?

— Потому, что вы такъ умны; ваше сердце столько возвышенно, что вамъ изъ мужчинъ нѣтъ равнаго: они все ниже васъ.

— Ахъ, какъ вы ошибаетесь, Сергѣй Петровичъ! Какъ мало нужно для моего великаго ума и для моего возвышеннаго сердца—одна любовь и больше ничего... любовь, если хотите, среди бѣдности, но живая, страстная любовь; чтобы человѣкъ понималъ меня, чувствовалъ каждое бѣненіе моего сердца, чтобы онъ, изъ симпатіи, скучалъ, когда мнѣ скучно, чтобы онъ былъ веселъ моимъ весельемъ. Вотъ что бы надобно было, и я сочла бы себя счастливѣйшей въ мірѣ женщиной.

— Неужели же Левъ Павловичъ не отвѣчаетъ на ваши прекрасныя требованія? неужели онъ вашимъ благороднымъ стремленіямъ не сочувствовалъ?

— Левъ Павловичъ?... Левъ Павловичъ, какъ и все мужчины: онъ, съ самыхъ первыхъ поръ или скучалъ, или даже смѣялся надъ моими стремленіями. Онъ окружалъ меня богатствомъ, удовлетворялъ мои прихоти, впрочемъ всегда съ оговорками, и потому полагалъ, что уже все сдѣлалъ, что я даже не должна смѣть ничего желать болѣе. Но, Бога ради, не спрашивайте меня: видите во мнѣ вашего друга... старуху, которая вамъ желаетъ счастья... и больше ничего! Расскажите мнѣ лучше что-нибудь про себя: когда вы думаете назначить свадьбу?

— Я, съ своей стороны, буду настаивать какъ можно скорѣе: знаете, любовь нетерпѣлива...

— Да, кончайте эту скучную процедуру скорѣе,

будутъ толки, сплетни, и зачѣмъ вамъ допускать подобныя пошлости въ вашемъ бракѣ, который не долженъ походить на другія свадьбы? Гдѣ вы думаете послѣ жить?

— Безъ сомнѣнія, въ Москвѣ, — отвѣчалъ Хозаровъ. Неужели же ѣхать въ эту ужасную провинцію?

— Не забывайте вашихъ старыхъ друзей, а въ томъ числѣ и меня, — сказала Мамилова.

Хозаровъ всталъ и поцѣловалъ у ней руку.

— То, что вы сдѣлали для меня, — сказалъ онъ съ чувствомъ, — такъ заключено глубоко въ моемъ сердцѣ, такъ срослось съ этимъ сердцемъ, что одна только смерть можетъ уничтожить чувства благодарности: одно это одолженіе деньгами...

— Не говорите, пожалуйста, объ этихъ пустякахъ, — перебила хозяйка. — Знаете ли что? Я не люблю денегъ и считаю ихъ рѣшительно за какіе-то пустяки: по моему, кажется, отдать кому деньги или самому у кого-нибудь взять, — это такая обыкновенная вещь, о которой не стоитъ и думать.

— Я въ этомъ не согласенъ съ вами. Деньги — рычагъ всего. При деньгахъ можно все сдѣлать.

Мамилова сомнительно покачала головой.

— Не спорьте, Варвара Александровна, въ этомъ, а лучше скажите мнѣ: чего нельзя сдѣлать для своего удовольствія на деньги!

— А, напримѣръ, найти, милостивый государь, друга, — перебила рѣзко хозяйка. — Найдите съ вашими всемогущими деньгами друга!

— Да, это другое дѣло; но, впрочемъ, есть половица, что съ деньгами и друзей много.

— Не друзей, Сергѣй Петровичъ, а льстецовъ,

вы хотите вѣрно сказать. Но друга, истиннаго друга не купите вы на деньги.

— Зачѣмъ же такъ углубляться въ жизнь. Мы можемъ и льстецовъ считать за друзей; есть прекрасныя на этотъ предметъ стихи: *«у дружбы есть двойчатка лестъ: онъ съ лица отчасти схожи.»*

— Ну, Богъ съ ними, — и съ деньгами, и съ лестію, — все это не моего романа. Скажите лучше мнѣ; какъ вы думаете вести себя съ вашей будущей женой?

— То есть какъ? — спросилъ Хозаровъ: — какъ, обыкновенно, я полагаю, обращаются люди образованные, когда они любятъ.

— Бога ради, не обращайтесь такъ, какъ обращаются образованные и умные мужья. Это значить, съ перваго же раза, начать передѣлывать молоденькое и покорное существо на свой ладъ. Оно, конечно, будетъ повиноваться и поддѣлываться подъ ваши понятія; но въ то же время оно будетъ убивать самое себя. Ведите себя просто, какъ Богъ васъ создалъ, занимайтесь съ этимъ молоденькимъ созданиемъ пустяками, которые ее занимаютъ, болтайте съ ней, играйте. Что вы смотрите на меня съ удивленіемъ? Если вы любите ее, то вамъ самимъ будетъ весело; а если нѣтъ, то и говорить нечего. Повѣрьте мнѣ, что если вы хотите быть счастливымъ въ вашемъ бракѣ, то и не должны себя вести иначе.

— Я люблю мою невѣсту, — и изъ этого слова можете ясно заключить, какъ я буду вести себя.

Долго еще продолжалась бесѣда между женихомъ и Варварой Александровной. Брачныя отношенія были разобраны ими въ самыхъ мельчайшихъ подробно-

стяхъ: много, конечно, Варвара Александровна, обладающая такимъ умомъ, высказала глубокихъ и серьезныхъ истинъ; много и герой мой, тоже обладавшій даромъ слова, сдѣлалъ прекрасныхъ замѣчаній; но я не рѣшаюсь передать во всей подробности разговоръ ихъ, потому что боюсь утомить читателя, и скажу только, что Хозаровъ отобѣдалъ у Мамиловой и уѣхалъ отъ нея часу въ шестомъ. Домой заѣхалъ онъ на минуту для того только, чтобы, пользуясь свободою жениха, переѣмнить свой фракъ на сюртукъ. Здѣсь, конечно, явилась къ нему, другой его другъ, — Татьяна Ивановна, и, конечно, Сергѣй Петровичъ поставилъ себѣ въ обязанность и ей объявить весьма подробно о всемъ томъ, что касалось до женитьбы.

— Вотъ ваше дѣло обдѣлалось, слава Богу, хорошо, сказала Татьяна Ивановна грустнымъ голосомъ: — а я все-таки осталась обижена; меня, можетъ быть, не будутъ и въ домъ къ себѣ пускать.

— Вотъ пустяки, — кто изъ нихъ смѣетъ это подумать, я всѣхъ ихъ заставлю васъ уважать!

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, это невозможно, — возразила Татьяна Ивановна.

— А вотъ посмотрите, — отвѣчалъ Хозаровъ.

Въ шесть часовъ онъ отправился на пріятнѣйшее для него дежурство, гдѣ невеста и Катерина Архиповна ожидали его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Впрочемъ, герой мой, какъ слѣдуетъ влюбленному жениху, заѣхалъ первоначально къ Люке и взялъ тамъ фунтовъ десять различныхъ сортовъ конфетъ. Пріѣхавъ, онъ былъ неимоверно милъ; зная изъ прежнихъ разговоровъ, что Катерина Архиповна очень любитъ грецкіе орѣхи въ сахарѣ, будущій зять не пре-

минулъ отобрать для тещи штукъ тридцать конфетъ именно этого сорта; невѣстѣ были привезены цѣлые пять фунтовъ и сверхъ того въ прекрасномъ картонѣ; для Пашетъ и Анетъ у Хозарова тоже были приготовлены конфеты, но онъ имъ ихъ не показалъ, а объявилъ, что привезъ имъ жениховъ, которыхъ и держать покуда въ карманѣ. Пашетъ и Анетъ сначала помирали со смѣху, а потомъ приступили къ нему, чтобы онъ показалъ и не держалъ бы несчастныхъ жениховъ въ карманѣ.

Хозаровъ долго мучилъ любопытныхъ двухъ дѣвицъ и, наконецъ, вынулъ и представилъ имъ жениховъ. Оказалось, что они были изъ краснаго леденца. Одинъ изъ нихъ, для Пашетъ, былъ, кажется, французскій кирасиръ въ шишагѣ и съ руками, сложенными на груди крестообразно; для Анетъ же — въ круглой шляпѣ и державшій руки наподобіе ферта. Кромѣ сего, къ обоимъ женихамъ было приложено по цѣлому фунту конфетъ.

Посмѣявшись и пошутивъ такимъ образомъ съ своими belles soeurs, Хозаровъ началъ заниматься съ невѣстою и вступилъ во всѣ права жениха. Первоначально онъ увелъ ее въ залу и, взявъ за талію, началъ съ нею ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Разговоръ между ними былъ слѣдующій:

— Итакъ, Маря, наши желанія увѣличиваются успѣхомъ, — сказалъ Сергѣй Петровичъ, — теперь я могу васъ спросить, давно ли вы меня любите?

— Давно... постойте... это именно съ того вечера, какъ помните въ Ко... на вечерѣ я танцевала съ вами польку.

— Вообразите, Маря, что значитъ симпатія! Въ

этотъ же вечеръ рѣшилась и моя участь: увидя васъ, я какъ будто переродилась; во мнѣ вдругъ явилось желаніе жениться, чего мнѣ прежде и не снилось... Вся моя прошлая жизнь показалась мнѣ такъ пошла, такъ глупа, что я возненавидѣлъ самого себя.

— Что это значитъ симпатія? спросила Мари.

— О! это слово имѣетъ большое въ жизни значеніе, сказала Хозаровъ:—симпатія значитъ родство душъ; такъ что, если расторгнуть эти двѣ души, между которыми существуетъ симпатія, то жизнь ихъ будетъ неполна: въ каждой изъ нихъ какъ будто бы будетъ чего-то не доставать. Возьмите этотъ билетикъ,—продолжалъ онъ, развертывая конектнѣй билетикъ:—тутъ написано: *«Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ, до гроба ты хранитель мой.»* Тутъ есть полная мысль, но разорвите его пополамъ; на одной половинѣ остались: *«я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ, а на другой — «до гроба ты хранитель мой.»* Хоть въ каждой есть смыслъ, но неполный, — таковъ смыслъ и двухъ разрозненныхъ душъ, связанныхъ симпатическимъ родствомъ.—Здѣсь герой мой остановился, замѣтя, что ужъ черезчуръ забрался въ отвлеченности, которыя Мари совсѣмъ не понимала, да и самъ онъ не очень ясно уразумѣвалъ то, о чемъ говорилъ.

— Кто живетъ на лунѣ?—спросила вдругъ Мари, неужели и тамъ есть люди? имъ, я думаю, холодно.

— Ну, Мари, этотъ вопросъ могутъ рѣшить только ученые.

— Неужели же они знаютъ, что тамъ дѣлается!.. это очень далеко.

— У нихъ для этого есть трубы, въ которыя они наблюдаютъ.

— Кисъ, кисъ, кисъ!...—вскрикнула Мари и, оставивъ жениха, бросилась къ двери, въ которой показался огромный рыжій котъ.—Сергій Петровичъ, посмотрите, какіе у него маленькіе глазки — и какія онъ славныя лѣсни поетъ,—прибавила она, взявъ кота на руки и поднося его къ Хозарову, которой сначала погладилъ кота, а потомъ взялъ его за усы и потихоньку потянулъ. Котъ оскорбился и цапнулъ дерзкую руку. Хозаровъ отдернулъ. Маша покатила съ смѣху. Возня съ котомъ продолжалась около четверти часа: Мари гладила его, заставляла танцовать, поднявъ на заднія лапки, и, наконецъ, повязала ему голову носовымъ платкомъ, отчего у кота дѣйствительно сдѣлалась преуморительная физиономія, такъ что даже Сергій Петровичъ расхохотался.

Послѣ исторіи съ котомъ, рѣчь зашла о новой полькѣ-мазуркѣ, которую Сергій Петровичъ уже щегольски танцевалъ, но невѣста еще не знала. Хозаровъ началъ ее учить, и оказалось, что Мари весьма способна и понятлива для танцевальнаго дѣла: съ двухъ, трехъ разъ она выдѣлывала на правильно и отчетливо. Отъ танцевъ щечки ея разгорѣлись; шелковая мантилья спала и открыла полную, бѣлую шею и грудь; черные глазки разгорѣлись еще живѣе, роскошныя волосы, распустившимися кудрями, падали на плеча и на лобъ. Герой мой затрепеталъ, созерцая свою невѣсту, и потому, на правахъ жениха, посадилъ ее съ собою на диванъ, обнялъ и началъ цѣловать ее ручки, щечки, глазки, шейку и грудь. Мари слабо сопротивлялась. Въ это время чрезъ залу прошла Катерина Архиповна. Женихъ и невѣста сконфузились.

Катерина Архиповна ничего имъ не сказала, но, пройдя въ другую комнату, крикнула Анетъ и велѣла той идти сидѣть въ залъ, и если куда нужно будетъ выдти, то послать туда сестру. Когда Анетъ пришла въ залу, женихъ и невѣста сидѣли все еще рядомъ, и Хозаровъ держалъ Мари за руку. Зависть, усиленная на время любезностію Хозарова, снова закралась въ сердце дѣвушкѣ: съ серьезнымъ лицомъ усѣлась она на дальній стулъ и устала свои глаза на оконный переплетъ, чтобы только не видѣть счастья другой — счастья, о которомъ она когда-то сама мечтала.

— *Ma belle soeur!* сказалъ Хозаровъ: — что подѣлываетъ вашъ сладкій женихъ?

— Не знаю, отвѣчала сухо дѣвушка, — я его куда-то засунула.

— А Павлы Антоновны?

— Она своему голову скусила, отвѣчала съ улыбкою Анетъ. Сергѣй Петровичъ и Мари померли со смѣху.

— *O Dieu, mon Dieu,* воскликнулъ Хозаровъ, — какая же жалкая участь вашихъ жениховъ! Вы своего затеряли, а Павла Антоновна даже скусила своему голову! Не поступайте вы, Мари, со мною такъ жестоко, — прибавилъ онъ, обращаясь къ невѣстѣ, которая, съ своей стороны, ничего не отвѣчала и только крѣпко пожала руку жениху.

Пашетъ въ самомъ дѣлѣ жестоко распорядилась съ подаркомъ Хозарова: наследуя отъ папеньки прекрасный аппетитъ ко всему съѣдомому, она первоначально съѣла доставшіяся на ея долю конфекты, а потомъ принялась и за жениха; сначала откусила ему ноги,

а потомъ, не утерпѣвъ, покончила и всего, и послѣдній остатокъ — женихову голову въ шишакъ, вѣроятно съ цѣлю продлить наслажденіе, очень долго сосала. Анетъ не засунула своего жениха; она его, вмѣстѣ со всѣми подаренными конфектами, прибрала далеко, въ самый потайной своей ящикъ, имѣя въ виду, современемъ, показать ихъ какою-нибудь задушевною пріятельницѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказать, что эти конфекты подарилъ ей одинъ человекъ, который любилъ ее, но теперь уже не любитъ, потому что умеръ. Намъ извѣстно, что Анетъ, какъ и папенька, любила сказать красное слово, то есть задушевные свои мечтанія выдать за дѣйствительность.

Далѣе, въ этотъ вечеръ, ничего уже не случилось болѣе достопримѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что Анетъ была смѣнена съ своего дежурства пришедшимъ папенькою, и потому тотчасъ же ушла къ себѣ наверхъ. Антонъ Ѳедотычъ явился домой съ головой, окончательно приведенною въ нормальное состояніе, и потому сильно трусилъ предстоящаго ему объясненія съ супругою. Увидѣвъ Хозарова, онъ очень обрадовался, потому что по опыту уже зналъ, что Катерина Архиповна, въ присутствіи постороннихъ, не входила въ крайности и ограничивалась только тѣмъ, что развѣ скажетъ ему небольшую колкость. Увидѣвъ, что Хазаровъ сидитъ рядомъ съ Мари и даже держитъ ее за руку, — онъ сообразилъ, что дѣло уже покончено, вслѣдствіе чего и рѣшился передъ будущимъ зятемъ немного поважничать.

— Здравствуйте, Антонъ Ѳедотычъ, сказалъ женихъ довольно фамильярно.

— А... наше вамъ почтеніе. <http://foin.org.ru> Отчего не накрыва-

ютъ на столъ; развѣ не знаютъ, что я въ одиннадцать часовъ ужинаю?... — сказалъ Антонъ Ѳедотычъ, садясь на стулъ. — Нѣтъ ли, Сергѣй Петровичъ, съ вами сигарокъ? Я свои захватилъ все съ собою и потерялъ портсигаръ дорогой.

Хозаровъ подалъ тестю сигару, которую Антонъ Ѳедотычъ тотчасъ же и закурилъ.

— Ты не давай папенькѣ сигаръ, сказала шепотомъ Мари: — маменька терпѣть не можетъ, чтобы онъ курилъ, потому что онъ все соритъ.

Ужинъ Ступицыныхъ на этотъ разъ не походилъ на обычные ихъ ужины. Катерина Архиповна распорядилась, чтобы къ нему были приготовлены котлеты изъ телятины, и вѣчно-жареная говядина замѣнена тетерью. Кромѣ того, передъ ужиномъ была подана вода и потомъ поставлена на столъ бутылка съ мадерою. Антонъ Ѳедотычъ, разумѣется, воспользовался случаемъ: онъ почти залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки, заставя то же сдѣлать и Сергѣя Петровича. За ужиномъ Ступицынъ очень боялся того, чтобы жена не начала выговаривать, но все-таки сохранилъ присутствіе духа и, вмѣстѣ съ Пашетой, уничтожилъ большую часть каждаго блюда и выпилъ почти полбутылки вина. Прочіе ничего не ѣли: Хозаровъ пилъ мадеру и разговаривалъ съ невѣстой, которая, вѣроятно, отъ волненія, тоже пила очень много воды. Катерина Архиповна и Анетъ были скучны.

VI.

«Chère Claudine!

«Опять я давно не писала къ тебѣ и опять по

той же причинѣ, что нечего писать. Каждый день мой есть томительное повтореніе вчерашняго, а вчерашніе дни мои ты знаешь очень хорошо. Послѣднее время меня развлекала и занимала свадьба Хозарова, о которой я тебѣ уже писала. Наконецъ они женились. Стыдно сказать, Claudine, но я люблюсь и завидую ихъ счастію. О, какъ должно быть полно это счастіе! Они такъ любятъ, такъ стоятъ друга, они восторжествовали надъ препятствіями, которыя ставили имъ свѣтъ и люди. Вотъ уже болѣе недѣли, какъ они обвѣнчаны и живутъ въ маленькомъ, но прелестномъ домикѣ на Гороховомъ полѣ. Я у нихъ провожу почти цѣлые дни. Если хочешь, они немного смѣшны: представь себѣ, цѣлые дни цѣлуются; но я, опять повторю тебѣ, радуюсь за нихъ; холодные свѣтскіе умы, можетъ быть, назовутъ это неприличнымъ; но Боже мой! неужели для этого несноснаго благоразумія мы должны приносить въ жертву самыя лучшія минуты нашей жизни!... а сколько на свѣтѣ людей, для которыхъ даже и не существовало и не будетъ существовать этого поэтическаго времени! Я моимъ птенцамъ сочувствую. Для самой мени, какъ я ни желала, какъ я ни мечтала объ этомъ, не существовало подобныхъ минутъ. На самыхъ первыхъ порахъ я сама была, да и заставили меня быть благоразумною и приличною! Прощай, мой другъ! Твоя Варѣ Мамилова.»

Вскорѣ за симъ письмомъ, въ маленькомъ, но прелестномъ домикѣ, происходила, по-крайней-мѣрѣ-вначалѣ, самая утѣшительная, самая отрадная семейная сцена. Этобыловечеромъ: Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, въ бархатномъ халатѣ, сидѣлъ на краю мягкаго дивана, на которомъ полулежала Марья Антоновна, сложивъ

прекрасную головку свою на волѣни супруга, идремала. Хозаровъ тоже полудрѣмалъ. Одна только Катерина Архиповна бодрствовала и вязала чулокъ. Страстная мать уже переселилась къ молодымъ и спровадила Антола Федотыча съ двумя старшими дочерями въ деревню.

— Мари, а Мари! вставай, другъ мой, сказалъ Хозаровъ, которому, видно, наскучило спдѣть въ положеніи подушки.

Мари открыла не надолго глаза, улыбнулась и опять задремала. Хозаровъ наклонился и поцѣловалъ жену.

— Перестаньте, Сергѣй Петровичъ, тормошить ее... что это, какой вы странный! не дадите успокоиться, сказала Катерина Архиповна.

— Но что-жь такое, мамаша? я полагаю, что по вечерамъ спать очень вредно, возразилъ Хозаровъ.

— Какъ это вы смѣшно говорите: вредно! развѣ вы знаете, въ какомъ она теперь положеніи; можетъ быть, ей это даже нужно; можетъ быть, этого сама природа требуетъ.

— Мнѣ самому бы, мамаша, встать хотѣлось.

— Да, воть это справедливѣе, что вамъ самому скучно. Ну это, Сергѣй Петровичъ, не большое доказательство любви.

— Помилуйте, Катерина Архиповна, любовь доказывается не въ подобныхъ вещахъ.

— Къ чему же вы все это говорите такъ громко?... Ввроятно, чтобы разбудить ее. Я этого, признаюсь, не ожидала отъ васъ, Сергѣй Петровичъ!

— Я не знаю, почему вамъ, мамаша, угодно такимъ образомъ перетолковывать мои слова.

— Я не перетолковываю вашихъ словъ, и очень

странно, если бы я, мать, стала перетолковывать что бы то ни было... А я все очень хорошо вижу и все очень хорошо понимаю.

— То есть, вамъ угодно видѣть и понимать все въ дурную сторону.

Катерина Архиповна хотѣла было возразить, но остановилась, потому что Мари проснулась и съѣла.

— Что ты, другъ мой, видѣла во снѣ? сказалъ Хозаровъ, беря жену за руку.

— Ничего... снились только премиленькіе черные котятки — и пресмѣшные; я ихъ кормила все молокомъ, а они не ѣли.

— Развѣ ты думала, другъ мой, о котяткахъ?

— Нѣтъ, сегодня не думала.

— Ты ужасное еще, Мари, дитя, сказалъ Хозаровъ.

— Самъ ты дитя! почему же я дитя?

— Да, такъ, мой другъ, ты дитя; но только милое дитя, даже во снѣ видишь котятъ; это очень мило и наивно!

— Сами вы наивный. Куда же ты всталъ?

— Мнѣ, другъ мой, надобно съѣздить въ клубъ.

— Вотъ прекрасно... не извольте ѣздить; я сижу дома, а онъ поѣдетъ въ клубъ, — и я съ тобой поѣду...

— Другъ мой, это не принято.

Катерина Архиповна, слушавшая всю эту сцену съ лицомъ сердитымъ и неприятнымъ, наконецъ, вмѣшалась въ разговоръ.

— Я не знаю, Сергѣй Петровичъ, какъ вы поѣдете въ клубъ, — жена ваша не такъ здорова, а вы

ее хотите оставить одну... тѣмъ болѣе, что она этого не желаетъ.

— Но' сами согласитесь, мамаша, что это странно.

— Для васъ, можетъ быть, дѣйствительно это странно; но что же дѣлать, если она васъ любитъ и желаетъ быть съ вами.

— Господи Боже мой! я самъ ее люблю; но все-таки могу съѣздить въ клубъ.

— Поѣзжайте!.. Кто же васъ удерживаетъ? — сказала, наконецъ, Мари:—мнѣ все равно; я и съ мамашей буду сидѣть.

— Другъ мой, нельзя же совершенно отказаться отъ общества! — возразилъ Хозаровъ.

— Поѣзжай, — сказала Машетъ и надулась.

— Семьянинъ, мнѣ кажется, не долженъ и думать объ обществѣ,—замѣтила рѣзко Катерина Архиповна: —кромѣ того, Сергѣй Петровичъ, чтобы ѣздить по клубамъ, для этого надобно, мнѣ кажется, имѣть деньги, а вы еще не совершенно устроили себя, у васъ еще нѣтъ и экипажа, который вы даже обѣщались имѣть.

Хозаровъ ничего не отвѣчалъ на этотъ намекъ и вышелъ въ залу, по которой началъ ходить взадъ и впередъ задумавшись. Спустя четверть часа, къ нему вышла Катерина Архиповна.

— Что же вы, Сергѣй Петровичъ, оставили вашу жену? что вы хотите этимъ показать?

— Помилуйте-съ... я дома и, какъ слѣдуетъ семьянину, не уѣхалъ въ клубъ, — отвѣчалъ Хозаровъ.

— Все равно: вы ушли отъ нея; вы подите посмотрите: она почти въ истерикѣ отъ вашихъ фарсовъ. Это безчеловѣчно, Сергѣй Петровичъ...

Зачѣмъ же вы женились, когда такъ любите свѣтскую жизнь?

Хозаровъ ничего не отвѣчалъ тещѣ и пошелъ въ гостиную, гдѣ дѣйствительно нашель жену въ слезахъ.

— Не плачьте, Мари, что это за ребячество, — сказалъ онъ, садясь около нея на диванъ и обнимая ее.

— А зачѣмъ же вы въ клубъ сбিরались? Мнѣ, я думаю, одной скучно, — отвѣчала Мари.

— Ну, не извольте же плакать отъ всякихъ пустяковъ; я не поѣхалъ — и довольно; лучше давай въ ладошки играть. Затѣмъ молодые начали играть въ весьма занимательную игру, которую Сергѣй Петровичъ назвалъ въ ладошки; она состояла въ томъ, что оба они первоначально ударяли другъ друга правой ладонью въ правую и лѣвой въ лѣвую; потомъ правой въ лѣвую и лѣвой въ правую и, наконецъ, снова правой въ правую, лѣвой въ лѣвую и такъ далѣе.

Такого рода замысловатую игру молодые продолжали около получаса. Марья Антоновнѣ было очень весело. Катерина Архиповна, увидѣвъ, что молодые начали заниматься игрою въ ладошки, ушла въ свою комнату. Хозаровъ первый покончилъ играть.

— Ну, довольно! — сказалъ онъ.

— Давай, Сержъ, еще играть.

— Будетъ, милочка! мнѣ еще надобно съ тобой поговорить о серьезномъ предметѣ. Послушай, другъ мой! — началъ Хозаровъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица: — Катерина Архиповна очень дурно себя ведетъ въ отношеніи меня: за всю мою вѣжливость и по-

чтеніе, которое я оказываю ей на каждомъ шагу, она говоритъ мнѣ безпрестанно колкости; да и къ тому же, къ чему ей мѣшаться въ наши отношенія: мы мужъ и жена; между нами никто не можетъ быть судьею.

— Она на тебя сердится, Сержъ. Она говоритъ, что ты обманщикъ,—и все неправду сказалъ, что у тебя есть состояніе.

— И это не ея дѣло, есть ли у меня состояніе, или нѣтъ; она должна только отдать тебѣ твое и наградить тебя, какъ слѣдуетъ,—и больше ничего! Я даже полагаю, что ей гораздо было бы приличнѣе жить съ своимъ семействомъ, чѣмъ съ нами.

— Она говоритъ, что низачто этого не сдѣлаетъ; сама будетъ управлять имѣніемъ и жить съ нами, а намъ давать двѣ тысячи въ годъ.

— Вотъ тебѣ на!... прекрасно... неподобно... сама будетъ твоимъ имѣніемъ управлять и намъ будетъ выдавать по копѣйкамъ... Надзирательница ка-вая, скажите, пожалуйста! Ты сдѣлай милость, Мари, поговори ей, что это невозможно: я для свадьбы задолжалъ и у меня ни копѣйки уже нѣтъ; мнѣ нужны деньги; не безъ обѣда же быть.

— Я ужь ей говорила, Сержъ, по твоей просьбѣ; она говоритъ, что все у насъ будетъ: только деньги тебѣ въ руки не хочетъ давать; она говоритъ, что ты вѣтренъ еще, въ одинъ годъ все промотаешь.

— О, чортъ возьми! Опять это не ея дѣло! Состояніе твое,—и кончено... Что же мы—такъ—цѣлый вѣкъ — и будемъ на маменькиныхъ помочахъ ходить? Ну, у насъ будутъ дѣти, тебѣ захочется въ театръ, въ собраніе, вздумается сдѣлать вечеръ: каж-

дый разъ ходить и кланяться: «маменька, слѣшайте милость, одолжите полтинничекъ!» Фу, чортъ возьми! — да изъ чего же? изъ-за своего состоянія! Ты, Мари, еще молода; ты, можетъ быть, этого не понимаешь, а это будетъ не жизнь, а какая-то адская мука.

— Что дѣлать, Сержъ! Она очень разсердилась, что ты состояніемъ-то своимъ обманулъ, и на прошедшей недѣлѣ цѣлый день плакала.

— Что-жъ такое, что я, можетъ быть, и прибавилъ, или, лучше сказать, что, любя тебя, скрылъ, что имѣніе мое разстроено. Катерина Архиповна сама меня обманула чрезъ Антона Ѳедотыча; онъ у меня, при постороннихъ людяхъ, говорилъ, что у тебя триста душъ, тридцать тысячъ, а гдѣ онъ?

— Ай, нѣтъ, Сержъ! у меня нѣтъ трехъ сотъ душъ; всего только сто.

— Ну, а денегъ сколько?

— Денегъ я не знаю; тебѣ мамаша подарила сколько-то?

— Да что она мнѣ подарила? Полторы тысячи; это до тридцати тысячъ еще очень далеко. Стало быть, мы всѣ неправы.

— Да тебѣ кто это, Сержъ, говорилъ?... Папаша?

— Антонъ Ѳедотычъ.

— Ну, вотъ видишь, онъ все говоритъ неправду. Меня сколько онъ разъ маленькую обманывалъ: поидетъ въ городъ куда-нибудь: «погоди, Мари, говоритъ, я принесу тебѣ конфектъ», — и воротится съ пустыми руками. Я ужъ и знаю, но нарочно и при-

стану: «дай, папаша, конфетъ»; «забылъ», говорить, и все каждый разъ забываетъ, такой смѣшной!

— Все-таки, Мари, мнѣ ужасно нужны деньги. Сдѣлай милость, поди и попроси для себя у Катерины Архиповны хоть рублей семьсотъ, — проговорилъ Хозаровъ.

— А если она спроситъ, зачѣмъ мнѣ деньги?

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ!... Ну, скажи, что хочешь бѣднымъ дать.

— Нѣтъ, не повѣрять! семьсотъ рублей бѣднымъ — этого много!

— Да, это правда — неловко. Скажи просто, что ты меня очень любишь и что завтрашній день — мое рожденіе.

— А развѣ въ самомъ дѣлѣ завтра твое рожденіе?

— Кажется, завтра, — ну, такъ какъ въ рожденіе, обыкновенно, дарятъ, то и ты скажи, что хочешь подарить мнѣ семьсотъ рублей; только смотри, непременно настаивай, чтобы деньгами; вещей мнѣ никакихъ не надо. Неужели она въ этихъ пустякахъ откажетъ?

— Не знаю, Сержъ; семьсотъ рублей очень много; мамаша безпрестанно мнѣ говоритъ, чтобы я берегла деньги, а тутъ скажетъ, что тебѣ на какіе-нибудь пустяки дать столько денегъ.

— Ну, такъ ты вотъ какъ, мой ангелъ, объясни ей: скажи, что завтрашній день мое рожденіе и что ты непременно хочешь подарить мнѣ семьсотъ рублей, потому что я тебѣ признался въ одномъ срочномъ долгѣ пріятелю, и скажи, что я вотъ третью ночь глазъ не смынаю. // А я тебѣ скажу прямо, что

я дѣйствительно имѣю долгъ, за который меня, можетъ быть, въ тюрьму посадятъ.

— За что же это въ тюрьму посадятъ?

— За то, что я несостоятельный должникъ.

— Ахъ, Сержъ, это страшно!

— Еще бы... но что же дѣлать? Я тебя такъ любилъ, что готовъ былъ занять не только семьсотъ рублей, но даже семь тысячъ, чтобы только обладать тобой. Знаешь ли ты, другъ мой, что въ самую нашу помолвку я былъ безъ копѣйки! — Кажется, не велика бѣда! Это можетъ случиться съ первымъ богачемъ въ мірѣ. Я, конечно, занялъ эту пустячную сумму; потомъ получилъ изъ деревни тысячу рублей. Вотъ и всѣ деньги. Желалъ бы я знать, гдѣ Катерина Архиповна могла найти болѣе расчетливаго зятя, который на какія-нибудь полторы тысячи рублей сыгралъ бы свадьбу; такъ нѣтъ: подобнаго самоотверженія не хотятъ даже и видѣть, и понимать. Пришла въ голову ложная мысль, что мотъ, и больше знать ничего не хотятъ. Чувства жалости даже не имѣютъ и, можетъ быть, за ничтожные семьсотъ рублей заставятъ идти въ тюрьму.

— Нѣтъ, Сержъ, какъ это возможно! я пойду, выпрошу у мамаша.

— Сдѣлай милость, Мари, и если ты меня любишь, то попроси Катерину Архиповну—быть справедливѣе и великодушнѣе ко мнѣ, и скажи прямо ей: «если вы, мамаша, отдали ему меня, то неужели пожалѣете какихъ-нибудь семисотъ рублей, чтобы сохранить его честь.» Проговоря это, Хозаровъ обнялъ и страстно расцѣловалъ жену, которая тотчасъ же отправилась къ матери. Во время прихода Мари, Катерина

Архиповна была занята чѣмъ-то очень-серьезнымъ. Передъ ней стояла отпертая шкатулка и она пересматривала какия-то бумаги, очень похожія на ломбардные билеты. Услышавъ скрипъ двери, она хотѣла было все спрятать, но не успѣла.

— Что это, мамаша, такое? спросила Мари.

— Ничего, мой другъ, разные документы.

— А деньги тутъ есть, мамаша?

— Нѣтъ, другъ мой, это все бумаги.

— А въ бумажникѣ что?

— Ничего, — тоже бумаги.

— Ахъ, мамаша! Зачѣмъ вы неправду говорите? дайте мнѣ посмотреть.

— Зачѣмъ тебѣ? Тутъ, право, ничего нѣтъ.

— Дай мнѣ, мамаша, денегъ; мнѣ очень нужно семьсотъ рублей.

— Тебѣ семьсотъ рублей! Для кого же это тебѣ?

— Завтра Сергѣя Петровича рожденіе, и я хочу ему подарить семьсотъ рублей.

— Другъ мой! съ чего это тебѣ пришло въ голову? Кто же даритъ деньгами и особенно мужа? Если завтра дѣйствительно день его рожденія, такъ мы поѣдемъ и купимъ ему какую-нибудь вещь по твоему вкусу.

— Нѣтъ, мамаша, пожалуйста, я не хочу дарить вещами, да и онъ не возьметъ; у него очень много вещей, а вы дайте мнѣ семьсотъ рублей.

— Послушай, Мари, это вѣрно онъ научилъ тебя, — сказала Катерина Архиповна, понявъ очень хорошо, съ какой стороны ее атакуютъ: — я вижу, что ты любишь его, — это прекрасно; но ты пойми, другъ мой, что онъ вѣтренникъ и тебя въ глаза обманыв-

ваецъ. Ну, скажи мнѣ, зачѣмъ ему семьсотъ рублей? Квартира у васъ есть, столомъ я распоряджаюсь, нарядовъ я тебѣ сдѣлала, кромѣ того еще прибавлю; самъ онъ одѣтъ очень прилично. Ну зачѣмъ ему деньги? Больше не зачѣмъ, какъ на мотовство. Ты разсуди только сама: состояніе у тебя небольшое; можетъ быть, будутъ у васъ дѣти, а у него вѣдь ничего нѣтъ. Онъ насъ во всемъ обманулъ. Ну, чѣмъ и на что вы будете жить? Служба, Богъ знаетъ, еще когда будетъ, а ты, не видя, что называется, съ его стороны ничего, станешь дарить ему по семисотъ на рожденіе.

— Мамаша, его посадятъ въ тюрьму.

— Кого въ тюрьму?

— Сержа.

— За что же въ тюрьму?

— Онъ занялъ, мамаша, семьсотъ рублей... всѣ ночи теперь не спитъ.

— Лжетъ, мой другъ! Безстыдно лжетъ; у него, можетъ быть, долгу и не семьсотъ рублей, но и за то не посадятъ его въ тюрьму, а деньги просто ему вужны на мотовство.

— Да, мамаша, вамъ хорошо говорить, а если его посадятъ?

— Не посадятъ, другъ мой; клянусь моею честью, не посадятъ.

— Нѣтъ, мамаша, вы этого сами не знаете и не понимаете. Онъ говоритъ: неужели вы пожалѣете семисотъ, когда вы отдали ему меня?....

— Ахъ, другъ мой, — перебила Катерина Архиповна вздыхая: — не отдавала я тебя, не желала я этого; Богу такъ угодно. Не то бы было, если бы

ты вышла за Ивана Борисыча: тотъ не сталъ бы тянуть деньги и самъ бы еще свои употребилъ для твоего счастья. Ну, если онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ, такъ пусть скажетъ: кому?

— Онъ долженъ, мамаша, одному пріятелю.

— Ну, что же, пріятелю? Не долги онъ, другъ мой, хочетъ выплачивать, а ему самому нужны деньги: въ клубъ да по кофейнямъ не на что ѣздить, ну и давай ему денегъ; можетъ быть, даже и возлюбленную заведетъ, а жена ему приготовляй денегъ. Мало того что обманулъ рѣшительно во всемъ, еще хочетъ и твое состояніе проматывать.

Въ продолженіе этого монолога у Мари навернулись на глазахъ слезы.

— Другъ мой, Машенька, не огорчайся, не плачь, --проговорила старуха, тоже со слезами на глазахъ. Я перемѣню его по-своему: я не дамъ ему сдѣлать тебя несчастной и заставлю его думать о семействѣ. Я все это предчувствовала и согласилась только потому, что видѣла, какъ ты этого желаешь. Слушайся только, другъ мой, меня и, Бога ради, не вѣрь ему ни въ чемъ. Если только мы не будемъ его держать въ рукахъ и будемъ ему давать денегъ, онъ забудетъ и измѣнить тебѣ.

— Онъ, мамаша, въ самомъ дѣлѣ, какой-то странный! или цѣлуетъ меня, или собирается куда-нибудь уѣхать.

— Этимъ ты, другъ мой, не огорчайся; мужчины всё таковы. Но главное дѣло: ему не надобно давать денегъ и надо заставить служить для того, чтобы онъ имѣлъ какое-нибудь занятіе, — и я берусь это устроить; только, пожалуйста, не слушайся его и будь

благоразумиѣе. Ну, вотъ хоть бы теперь: вѣрно, вѣдь, онъ тебя научилъ попросить у меня денегъ?

— Онъ, мамаша!

— Вотъ, видишь, — я это знала напередъ; ты ему скажи, или лучше ничего не говори; я съ нимъ за тебя поговорю.

— Мамаша! да отчего же онъ перемѣнился ко мнѣ?

— Онъ не перемѣнился, другъ мой! Мужчины все таковы. Въ женихахъ они, обыкновенно, умираютъ отъ любви, а какъ женятся, такъ и начнутъ обманывать. Это, другъ мой, ничего: его надобно заставить, чтобы онъ любилъ тебя, — и я его заставлю, потому что ни копѣйки не стану давать ему денегъ, Повѣрь ты мнѣ, онъ опомнится и начнетъ слушаться и любить.

— А что же, мамаша, я завтрашній день ему подарю?

— Объ этомъ ты не безпокойся. Я сама куплю приличную для него вещь, а сегодня съ нимъ поговорю. Гдѣ онъ теперь, въ гостиной, что ли? Ты посиди здѣсь, а я съ нимъ поговорю.

Мари осталась въ кабинетѣ, а Катерина Архиповна отправилась для объясненія съ зятемъ.

— Ваше завтра рожденіе, Сергѣй Петровичъ? сказала она, входя въ гостиную.

— Да, кажется, что завтра, — отвѣчалъ Хозаровъ.

— Вы даете вѣрно вечеръ или что-нибудь такое для вашихъ знакомыхъ?

— Я ни о какомъ вечерѣ и не думалъ.

— Для чего же вамъ такъ нужны семьсотъ рублей?

— Какіе семьсотъ рублей?

— Да такіе, которые вы присылали свою жену требовать отъ меня.

— Мнѣ вашихъ семисотъ рублей никогда не было, да конечно и не будетъ нужно.

— Перестаньте, Сергѣй Петровичъ, притворяться; это еще возможно было въ женихахъ, но не для мужа; теперь уже все ясно, и я пришла васъ спросить, зачѣмъ вамъ такъ нужны семьсотъ рублей, за которыми вы присылали жену вашу ко мнѣ?

— Жены моей я къ вамъ, Катерина Архиповна, не посылаю, а если она сама знаетъ, что мнѣ нужны семьсотъ рублей, такъ это, я полагаю, весьма извинительно, — потому что между мужемъ и женою не должно быть тайны.

— Вы должны какому-то пріятелю?

— Да-съ, я долженъ.

— Кому же это?

Хозаровъ смутился и молчалъ.

— Если ужъ я вамъ долженъ отвѣчать на это, — сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, — то извольте: человекъ, который обязалъ меня, не желаетъ, чтобы это знали всѣ.

— Я, кажется, платя за васъ деньги, могу же спросить, кому я должна ихъ отдать?

Хозаровъ совершенно сконфузился.

— Если вы, мамаша, не вѣрите, то какъ вамъ угодно; я впрочемъ, кажется, и не просилъ у васъ вашихъ денегъ.

— Все равно, вы присылали жену вашу просить у меня денегъ.

— Если жена моя желала снабдить меня деньгами,

то конечно не вашими, а своими, которыми она, такъ какъ вышла уже изъ малолѣтства, имѣетъ, я думаю, право располагать, какъ ей угодно.

— А... такъ вотъ вы къ чему все ведете, Сергѣй Петровичъ! Теперь я понимаю,—сказала Катерина Архиповна, поблѣднѣвъ отъ досады:—только этого-то съ вашей стороны и не доставало. Теперь я васъ узнала и поняла, какъ нельзя лучше, — и повѣрьте, что себя и дочь предостерегу отъ вашихъ козней. Нѣтъ, милостивый государь, вы не думайте, что имѣете дѣло съ женщинами и потому можете, какъ вамъ угодно, обманывать. Я сама живу пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ; видала людей и, позвольте вамъ сказать, имѣю нѣкоторыя связи, которыя съумѣютъ васъ ограничить.

— Я даже не понимаю, Катерина Архиповна, къ чему вы все это говорите.

— Нѣтъ, вы очень хорошо понимаете, а также и я понимаю; но вы ошибаетесь, очень ошибаетесь въ вашихъ расчетахъ, и теперь я отъ васъ настоятельно требую объяснить мнѣ, для какой собственно надобности вы подсылали ко мнѣ вашу жену требовать денегъ?

— Я опять вамъ объявляю, что не подсылалъ къ вамъ жены, но я ей только открылся.

— И вы утверждаете, что не подсылали ее ко мнѣ?

— Я молчу-съ и предоставляю вамъ думать, что угодно.

— Да, Сергѣй Петровичъ, конечно ужъ лучше молчать, когда говорить нечего; можно обмануть молоденькую женщину, но я старуха.

Последнихъ словъ Сергѣй Петровичъ ужъ не слы-

халъ; онъ вышелъ изъ гостиной, хлопнувъ дверьми, прошелъ въ свой кабинетъ, дверьми котораго тоже хлопнулъ, и сверхъ того еще ихъ заперъ и легъ на диванъ.

Марья Антоновна, видѣвшая изъ наугольной, что Сергѣй Петровичъ прошелъ къ себѣ, хотѣла къ нему войти, но дверь была заперта; она торкнулась разъ, два,—отвѣта не послѣдовало; она начала звать мужа по имени, — молчаніе. Нѣсколько минутъ Мари простояла въ раздумьѣ, потомъ пошла къ матери.

— Онъ, мамаша, заперся, — сказала она.

— Что-жь мнѣ, другъ мой, дѣлать, не ломать же дверь? Онъ, можетъ быть, еще и не такіе фарсы начнетъ выдѣлывать; отъ него надобно всего ожидать.

У Мари навернулись слезы.

— Ты-то за что мучишь себя и огорчаешься, другъ мой?

— Какъ-же, маман, если его въ тюрьму посадятъ!

— Ахъ, другъ ты мой, какъ ты молода! Ну гдѣ слыхано, чтобы за семьсотъ рублей въ тюрьму посадили.

— Мамаша, дайте мнѣ, пожалуйста, денегъ.

— Нѣтъ у меня, Маша, для этого безстыднаго челоуѣка денегъ.

Мари разрыдалась. Старуха не выдержала, пошла въ свою комнату и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ пачкою ассигнацій.

— На, Маша, возьми, это твои деньги. Онъ мнѣ прямо давеча сказалъ, что я даже не имѣю права располагать твоимъ состояніемъ.

Мари тотчасъ же перестала плакать, взяла деньги и поцѣловала у матери руку, но зато расплакалась Катерина Архиповна.

— Отдавай ему, мой другъ, хоть все; онъ еще и не то будетъ дѣлать; будетъ, можетъ быть, тебя учить и изъ дому выгнать.

— Нѣтъ, мамаша; онъ не смѣетъ этого и думать, — возразила Мари.

— Онъ все смѣетъ думать; онъ на все можетъ рѣшиться.

— Вы не сердитесь на него, мамаша... онъ, ей-богу, добрый.

— Видѣла я, другъ мой, и очень хорошо поняла его доброту. У него, я думаю, теперь одна мысль въ головѣ, чтобы какъ-нибудь разлучить меня съ тобою и захватить твое имѣніе.

Старуха очень разстроилась и, подобно своему зятю, ушла въ свою комнату и затворилась.

Мари тотчасъ же подошла къ дверямъ мужнина кабинета и начала снова стучаться; но отвѣта, какъ и прежде, не послѣдовало.

— Сержъ! я тебѣ денегъ принесла, — поди сюда! — проговорила она. — Что ты тутъ сидишь одинъ въ темной комнатѣ?

Послышался шорохъ, замокъ щелкнулъ, и дверь растворилась.

— А, это вы, Мари? не узналъ вашего голоса, — сказалъ Хозаровъ, выходя изъ кабинета.

— На деньги, я выпросила у мамашаи.

— Нѣтъ, Мари, послѣ всѣхъ этихъ исторій я не могу принять отъ тебя денегъ.

— На, Сержъ, возьми. Куда же мнѣ ихъ? Я не то брошу ихъ на полъ.

— Ты можешь ихъ бросить, съечь, возвратить

опять своей маменькѣ, но только я ихъ не могу принять.

Говоря это, молодые входили въ гостиную. Сергѣй Петровичъ сѣлъ на диванъ и задумался. Мари встала передъ нимъ и обняла его голову.

— Ну, душа, не сердись... возьми! Мамаша такъ только погорячилась, она очень скупа, — и ей вотъ жаль денегъ.

— Изволь, Мари, я возьму эти деньги, потому что, хотя онѣ и лежатъ у Катерины Архиповны, но все-таки твои, и она ихъ неправильно захватила по правамъ матери.

Сергѣй Петровичъ еще нѣсколько времени бесѣдовалъ съ своею супругою и, по преимуществу, старался растолковать ей, что если она его любитъ, то не должна слушаться матери, потому что маменьки, какъ онѣ ни любятъ своихъ дочерей, только вредятъ въ семейномъ отношеніи, — и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно объявилъ, что онъ съ сегодняшняго дня намеренъ прекратить всякое сношеніе съ Катериной Архиповной и даже не будетъ съ ней говорить. Мари начала было просить его не дѣлать этого, но Хозаровъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Еще письмо Варвары Александровны.

«Я расскажу тебѣ, chère Claudine, одинъ смѣшной и грустный случай: въ прошломъ письмѣ моемъ я тебѣ писала о молодыхъ Хозаровыхъ, и писала, что выдаюсь съ ними почти каждый день; но теперь мы не видимся, и знаешь ли почему? Напередъ тебѣ предсказываю, что ты будешь смѣяться до истерики: старуха-мать меня приревновала къ зятю и отъ имени дочери своей объявила мнѣ, что та боится моего зна-

комства. Она — эта молоденькая женщина — боится, что я могу нарушить ея счастье, когда я, сближаясь съ ними, только и помышляла о счастіи ея. Вотъ тебѣ, *chère Claudine*, люди! Они, видно, всегда и вездѣ одинаковы; а знаютъ ли эти люди, что сердце мое давно уже похоронено въ могилѣ, что въ памяти моей живетъ мертвецъ, которому я принадлежу всеми моими помыслами; но оставимъ мое прошедшее. Я его таю; я никому и никогда, кромѣ тебя, не поднимала еще съ него завѣсы; но пусть они взглянуть на мое настоящее: у меня есть мужъ, котораго я уважаю, если не за сердце, то, по-крайней-мѣрѣ, за умъ; — и вотъ эти люди поняли меня, какъ пустую, вѣтрениую женщину, которая готова повѣситься на шею встрѣчному и поперечному... Я искала одной чистой и благородной дружбы, а они сочли, что мнѣ надобна интрига; но Богъ съ ними! Досадиѣ всего, что изъ-за меня, какъ сказывала ихъ горничная моей дѣвушкѣ, вышла между матерью, Мари и мужемъ цѣлая исторія: укоры, слезы, истерика и тому подобное. Что мнѣ оставалось сдѣлать въ подобномъ положеніи? Въ душѣ моей я ихъ не обвиняю: они только поняли меня ложно. Долго я думала, долго размышляла и, наконецъ, рѣшилась прервать съ ними совершенно знакомство. Молодой человекъ, котораго я и до сихъ поръ еще люблю и уважаю, нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ, но я не велѣла его принимать; Богъ съ ними, пусть будутъ они счастливы. О, *chère Claudine*! я теперь уже начала окончательно бояться людей.

• Barbe Мамплова. •

IX.

Прошло еще два мѣсяца. Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, одѣтый въ щегольскую бекешку, вошелъ въ квартиру дѣвицы Замшевой и прямо прошелъ въ занимаемый хозяйкою номеръ, которую засталъ въ обыкновенныхъ ея утреннихъ разговорахъ съ кухаркою.

— Здравствуйте, почтеннѣйшая, — сказалъ входя мой герой.

— Ахъ, Сергѣй Петровичъ, вскрикнула хозяйка, бросившись убирать нѣкоторыя, не весьма благовидныя принадлежности ея туалета: — ступай и дѣлай такъ, какъ я тебѣ говорила, — прибавила она кухаркѣ.

Стряпуха вышла. Хозаровъ, не снимая бекешки, сѣлъ.

— Я вами очень недоволенъ, почтеннѣйшая; зачѣмъ вы каждый день ходите къ тебѣ и просите, чтобы она заплатила вамъ мой долгъ.

— Сергѣй Петровичъ! Нужда, видитъ Богъ, нужда! Что мнѣ прикажете дѣлать? Никто не платитъ; вы не повѣрите: какъ уѣхалъ Оерапонтъ Григорьичъ, ни съ кого не получила ни копѣйки.

— Это вы все не то говорите, Татьяна Ивановна. Кто вамъ долженъ? — Я. — Слѣдовательно, вы и должны адресоваться ко мнѣ.

— Да, батюшка, Сергѣй Петровичъ, я знаю, что у васъ денегъ нѣтъ. Катерина Архиповна, какъ жила съ вами, прямо мнѣ сказала: «что ты, говорить, къ нему ходишь; у него подушки за душой нѣтъ.»

— Вы все говорите чушь, — возразилъ Хозаровъ. — Развѣ теща моя можетъ знать, есть у меня деньги или нѣтъ?

<http://rcin.org.pl>

— Сергѣй Петровичъ, не обижайтесь на меня, а выслушайте. Я прежде къ вамъ ходила; у самихъ васъ всегда просила; припомните, что вы мнѣ говорили: «подождите, говорили, у меня теперь нѣтъ, а я у маменьки выпрошу». Ну, поэтому я къ нимъ и адресовалась. Заплатите, отецъ мой, право нужда; вѣдь не шуточка восемьсотъ рублей.

— Конечно, по вашимъ понятіямъ, восемьсотъ рублей ужасная сумма, но что это такое значить для мужчины? Плевокъ, нуль... и потому честію завѣряю васъ, что заплачу вамъ, и заплачу даже съ процентами; только, Бога ради, не извольте являться ни къ женѣ моей, ни къ тещѣ за моимъ долгомъ.

— Да гдѣ же вы, Сергѣй Петровичъ, возьмете? Теперь открытое дѣло, что у васъ ничего нѣтъ.

— Скажите какъ вы прекрасно считаете въ чужомъ карманѣ... Полноте, почтенинѣйшая, вздоръ молодоть, не извольте и беспокоиться объ этихъ пустякахъ.

— Милый мой постоялецъ, какъ же мнѣ не беспокоиться? У васъ, вѣдь, право ничего нѣтъ. Ну, хоть бы службу какую имѣли, или, по-крайней-мѣрѣ, у меня квартировали, все бы надежда была впереди.

— У васъ, Татьяна Ивановна, можетъ быть, нѣтъ надежды, а у меня ихъ на милліонъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, не вѣрю, нынче совсѣмъ милліоновъ на свѣтѣ нѣтъ.

— Есть, Татьяна Ивановна, и даже больше чѣмъ милліоны. Припомните только мои обстоятельства передъ свадьбою. А?.. Въ какомъ я тогда былъ положеніи? Ужь, кажется, рѣшительно безъ копѣйки, а что же вышло потомъ? Въ одинъ день хватилъ три тысячи.

— Это случайность, Сергѣй Петровичъ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, вовсе не случайность. Умная вы женщина, а не совсѣмъ жизнь-то понимаете. Вспомните, гдѣ я взялъ денегъ тогда?

— Да что припомнить? Какъ теперь помню, что взяли у Варвары Александровны; закладчикъ-то, у котораго ея вещи, каждый день ходить ко мнѣ.

— Я не про то говорю, почтеннѣйшая, ходитъ или нѣтъ къ вамъ этотъ болванъ закладчикъ; но вы рѣшите мнѣ одинъ вопросъ: неужели же я съ этой же стороны не могу достать и теперь денегъ?

— Не можете, Сергѣй Петровичъ, никакимъ образомъ не можете; тогда было другое дѣло, тогда вы были человѣкъ холостой.

— А если я вамъ представлю доказательство? Не угодно ли взглянуть,—проговорилъ Хозаровъ и подалъ Татьянѣ Ивановнѣ маленькую записку, которую дѣвица Замшева хотя съ трудомъ, но все-таки прочла.

— Ну, ужъ этого дѣла я не знаю, это ваше дѣло,— сказала она.

— Нѣтъ, вы скажите: понимаете ли тутъ главный смыслъ?

— Какъ не понять, извѣстное дѣло: тайное свиданіе будете имѣть. Только, какой вы обманчивый человѣкъ, Сергѣй Петровичъ! Когда женились, такъ думали: вотъ станете боготворить жену; вотъ тебѣ и боготворить! году не прошло еще, а рога приставилъ; не даромъ я васъ звала вѣтренникомъ; сердце мое говорило, что вы опасный для женщинъ человѣкъ.

— Согласенъ, почтеннѣйшая, что опасный человѣкъ, но все-таки скажите, понимаете ли вы результатъ моихъ отношеній къ Барбѣ Мамиловой?

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, наше дѣло темное и понимать ничего не хочу.

— Ну, такъ я вамъ растолкую. Она любитъ меня; вы это видите.

— И напрасно любить,— перебила Татьяна Ивановна.

— Ну, ужъ это ея дѣло; а вы слушайте,— возразилъ Хозаровъ.— Она любитъ и богата: слѣдовательно, любя меня, будетъ давать и денегъ.

— Сомнѣваюсь, Сергѣй Петровичъ, очень сомнѣваюсь,— сказала Татьяна Ивановна.— Если бы вы были холостой человѣкъ, другое дѣло; а теперь ужъ женатый. Женщины къ женатымъ очень недовѣрчивы: это я знаю по себѣ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, умный человѣкъ и женатый умѣетъ поддержать себя. Умный человѣкъ не отступится отъ своихъ правъ. Онъ скажетъ: «если любишь, такъ и дай денегъ, а не то мужу скажу,» такъ не безпокойтесь, расплатится; и расплатится богатѣйшимъ манеромъ.

— Ой, Сергѣй Петровичъ, страшное да и не дворянское вы затѣваете дѣло!

— Я этого не затѣваю; но говорю только одинъ примѣръ, чтобы успокоить васъ. Скажите мнѣ только, успокоились ли вы?

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, все еще сомнѣваюсь. Хоть бы срокъ назначили, отецъ мой! Право, большая нужда.

— Извольте! въ запискѣ, кажется, назначено свиданіе семнадцатаго февраля, въ тотъ же самый день, но только вечеромъ, вы можете пожаловать ко мнѣ, и я съ вами разочтусь самымъ благороднѣйшимъ обра-

зомъ. Adieu, почтеннѣйшая! но только уговоръ лучше денегъ, чтобы къ тещѣ и къ женѣ за деньгами ни шагу.

— Не пойду, Сергѣй Петровичъ, ей-богу не пойду. Хоть и трудно немного, но что же дѣлать, перебыюсь! Хозаровъ ушелъ.

Въ прескверное зимнее утро, семнадцатаго февраля, на Тверскомъ бульварѣ, сошлись мужчина въ бекешкѣ и дама въ салопѣ и шляпкѣ; это были Сергѣй Петровичъ Хозаровъ и Варвара Александровна Мамилова. Оба они, пройдя нѣсколько шаговъ, остановились.

— Сама природа противъ меня, сказалъ Хозаровъ, — протирая глаза, залѣпленные снѣгомъ. — Мнѣ очень совѣстно, что я въ такую погоду обезпокоилъ васъ.

— Ничего, отвѣчала Мамилова, дѣлая доброе дѣло, ненадобно раскаиваться: взойдемте въ кондитерскую, прибавила она, и вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ вошла въ извѣстную, конечно, каждому читателю, бесѣдку на срединѣ бульвара. Усѣлись они въ отдаленной комнатѣ. Мамилова тотчасъ же спросила себѣ огня, закурила папиросу, и предложила такую же своему спутнику. Въ послѣднее время Варвара Александровна сдѣлала еще шагъ въ прогрессѣ эмансипаціи: она стала курить. На первыхъ порахъ этотъ подвигъ былъ весьма труденъ для молодой дамы; у ней, обыкновенно, съ половины выкуренной папиросы начинала кружиться голова до обморока; но чего не сдѣлаетъ женщина, стремящаяся стать въ уровень съ вѣкомъ! Мамилова приучила свои нервы, и въ настоящее время могла уже выкуривать по три папиросы вдругъ.

— Итакъ, Сергѣй Петровичъ, — начала она, за-

куривъ папиросу: — вы писали мнѣ, что у васъ на сердцѣ много горя, и что это горе вы хотѣли бы раздѣлить со мною. Я благодарю васъ за вашу довѣренность и приготовилась слушать. Мое правило — пусть съ горемъ идутъ ко мнѣ всѣ люди; я готова съ ними плакать, готова ихъ утѣшать; но въ радости человѣка мнѣ не надо, да и я ему буду не нужна, потому что не найду ничего съ нимъ говорить.

— Неужели же вы не пожелаете раздѣлить даже счастье друзей вашихъ?

— Да, счастье друзей, это другое дѣло; но и то — нѣтъ; развѣ я не радовалась вашей радости, не хотѣла жить вашимъ счастьемъ? Но какъ это поняли? Ваша теща мнѣ въ глаза сказала, что посвѣщенія мои непріятны ея дочери и неприличны для меня. Я оставила вашъ домъ, я не хотѣла влить капли горя и непріятности въ чашу вашихъ радостей, и съ этой минуты поклялась бѣгать счастливыхъ людей. Я, конечно бы, даже никогда не увидѣлась съ вами, но вы писали мнѣ, что вы несчастливы, — и этого довольно, чтобы я пренебрегла всѣмъ и рѣшилась съ вами видѣться, — и даже нѣсколько романически: на бульварѣ и въ бесѣдкѣ. Ну-съ! рассказывайте мнѣ ваше горе, я слушаю.

— Горе мое, началъ Хозаровъ, нѣсколько театральнымъ голосомъ и бросивъ на полъ недокуренную папироску, — горе мое, — продолжалъ онъ: — выше, кажется, человѣческихъ словъ. Во-первыхъ, теща моя демонъ скупости и жадности; ее можно сравнить съ аспидомъ, который стережетъ сундукъ, наполненный деньгами, и уязвляетъ всѣхъ, кто только осмѣлится приблизиться къ его совровищу.

— Во-первыхъ, Сергѣй Петровичъ, — возразила Мамилова: — это еще не большое горе, потому что теща для зятя, я полагаю, лицо совершенно постороннее, тѣмъ болѣе, что она съ вами ужь не живетъ.

— Это ваша правда, она съ нами не живетъ, — отвѣчалъ Хозаровъ. — Я настоялъ, наконецъ, чтобы она изволила существовать отдѣльно отъ насъ и даже не бывала въ моемъ домѣ, но какая отъ этого польза? Я не вижу только ея прекрасной особы; но ея идеи, ея мысли живутъ въ моемъ домѣ, потому что онѣ вбиты въ голову дочери, которая, къ несчастію, сама собою не можетъ сообразить, что дважды два—четыре.

— Богъ съ вами, Сергѣй Петровичъ! что вы такое говорите, возразила Варвара Александровна, неужели Мари такъ...

— Такъ проста, хотите вы сказать? даже болѣе, чѣмъ проста. Она — глупа, Варвара Александровна, — глупа, какъ вотъ это дерево! проговорилъ грустнымъ голосомъ Хозаровъ и постучалъ по столу рукой.

Мамилова нѣкоторое время ничего не отвѣчала.

— Изъ чего вы заключили, — начала она нѣсколько даже строгимъ голосомъ, — что жена ваша глупа? Что васъ такъ разочаровало въ женщицѣ, которую вы нѣкогда боготворили, которую вы сами избрали въ подружки вашихъ дней и, можно сказать, насильно вырвали ее изъ семейства, гдѣ она была счастлива и безпечна?

— Я этого вопроса съ вашей стороны ожидалъ, Варвара Александровна; имѣя такой возвышенный взглядъ на бракъ, вы не могли меня не спросить объ

этомъ; но когда я вамъ объясню подробно, то вы согласитесь со мною и оправдаете меня. Знаете ли, въ чемъ мы проводимъ все время? Мы или въ дурацкія ладошки играемъ, или бѣгаемъ по комнатѣ, или наконецъ съ котятami возимся,—и больше ничего! Ни одной, знаете, серьезной бесѣды, никакимъ искусствомъ не занимается, — даже на фортепiano не умѣеть сыграть польки. Если бы вы знали, какъ читаетъ она романы: вмѣсто того, чтобы въ романѣ слѣдить за происшествiями, возьметъ, да конецъ и посмотреть. «Я ужь все знаю,» говоритъ, да и броситъ книгу; но я не говорю про русскіе романы; они не могутъ образовать человѣка, но она также читаетъ Дюма и Сю и другихъ великихъ писателей. Вмѣсто того, чтобы образовать себя чтенiемъ, даже заучивать нѣкоторыя хорошія фразы — ничего не бывало! посмотреть конецъ и кончено дѣло.

— Изъ всего, что вы мнѣ, Сергѣй Петровичъ, говорили, — начала Барвара Александровна, закуривъ другую папиросу: — я еще не могу васъ оправдать; напротивъ: я васъ обвиняю. Ваша Мари молода, неразвита, — это правда; но образуйте сами, разверните ея способности. Ахъ, Сергѣй Петровичъ! женщины, которыя бы мыслили и глубоко чувствовали, очень немного на свѣтѣ, и онѣ, я вамъ скажу, самыя несчастныя существа, потому что мужья не понимаютъ ихъ, и потому все, что вы ни говорили мнѣ, одни только слова, слова....

— Прекрасно-съ, — перебилъ Хозаровъ: — я отказываюсь отъ этихъ словъ; но я имѣю другія несчастiя. Вы говорите: образовать? Какъ я могу ее образовать, когда она смотритъ на все глазами матери, понимаетъ

все провинціальнымъ умомъ этой старухи. Скажу вамъ одинъ примѣръ: у Мари состояніе, конечно, небольшое — всего сто душъ и тысячь десячь денегъ; но велико ли, мало ли это состояніе, все-таки оно ея, предоставленное ей по всѣмъ законнымъ правамъ, и потому должно находиться въ общемъ нашемъ распоряженіи, такъ какъ мужъ и жена — это два нераздѣльные существа. Весьма естественно, что я, желая жить самостоятельнымъ семьяниномъ, требовалъ, чтобы Мари взяла отъ матери принадлежащее ей имѣніе, потому что желалъ бы и въ усадьбѣ сдѣлать нѣкоторыя улучшенія и прикупить бы къ ней что нибудь, соображаясь съ мѣстностію; не тутъ-то было: съ первыхъ моихъ словъ начались слезы, истерика, послѣ которыхъ мы не смѣемъ и заикнуться объ этомъ сказать маменькѣ, которой, конечно, весьма пріятно имѣть въ своихъ рукахъ подобный лакомый кусокъ.

— Знаете ли, Сергѣй Петровичъ, что бы я сдѣлала на мѣстѣ вашей жены? — перебила Варвара Александровна. — Я бы взяла, даже потребовала бы своего состоянія отъ матери и отдала бы его вамъ; но уважать бы васъ не стала; и даже, можетъ быть, разлюбила бы...

— Вы не такъ поняли мои слова, Варвара Александровна, — возразилъ Хозаровъ, — вы, можетъ быть, тутъ видите...

— Я тутъ вижу расчетъ, корыстолюбіе, я тутъ вижу то, чего никогда не предполагала видѣть въ васъ и, простите меня, я начинаю въ васъ разочаровываться.

— Послушайте, Варвара Александровна! глядя на этотъ предметъ поверхностно, вы, конечно, въ правѣ

вывести такого рода невыгодное для меня заключеніе, но нужно знать секретныя причины, которыхъ, можетъ быть, человѣкъ, скованный свѣтскими приличіями, и не говоритъ и скрываетъ ихъ въ глубинѣ сердца. Вы, Варвара Александровна, богаты, вы, можетъ быть, съ перваго дня вашего существованія были окружены довольствомъ, комфортомъ, и потому не можете судить о моемъ положеніи.

— Развѣ вы бѣдны?

— А если бы и такъ.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ прямо. бѣдны вы или нѣтъ?

— Я не бѣденъ, я имѣлъ большія средства, но...

— Но вы промотались, не такъ ли?

— Да, можетъ быть, это и такъ, но я хотѣлъ, Варвара Александровна, въ семейной жизни успокоить себя, хотѣлъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, потому что все это мнѣ наскучило. Я женился на существѣ, которое любилъ, но въ то же время имѣлъ въ виду существенное; но какъ же меня поняли, какъ меня третируютъ?— окрестили мотомъ и съ перваго же раза начали опасаться. Я очень любилъ Мари и, конечно, обожалъ бы ее всю жизнь, если бы она поняла меня; но что же прикажете дѣлать, она лучше понимаетъ свою мать и также видитъ во мнѣ мота. Вотъ корень всѣхъ непріятностей между нами, которыя зашли уже очень далеко! Вы только вспомните, какъ эти люди поняли васъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣлились требовать отъ меня, чтобы я манкировалъ вашею дружбою, которая для меня, можетъ быть, дороже всего на свѣтѣ; конечно, я ихъ не послушалъ, однако все-таки въ умахъ ихъ было это нелѣпое намѣреніе. Я все это

перенесъ, но вы спросите меня, каково мнѣ все это было. Вы, конечно, имѣете право думать, что я съ умысломъ избѣгалъ встрѣчи съ вами, потому что занялъ у васъ три тысячи рублей и до сихъ поръ не въ состояніи еще съ вами расплатиться.

— Грустно мнѣ отъ васъ, Сергѣй Петровичъ, это слышать, очень грустно! — сказала Мамилова.

— Нѣтъ, позвольте, это еще не все, — возразилъ Хозаровъ: — теперь жена моя цѣлые дни проводитъ у матери своей подъ тѣмъ предлогомъ, что та больна; но знаете ли, что она дѣлаетъ въ эти ужасныя для семейства минуты? Она цѣлые дни любезничаетъ съ однимъ изъ этихъ трехъ господъ офицеровъ, которые всегда къ вамъ ѣздятъ неразлучно втроемъ, какъ три граціи. Сами согласитесь, что глупо и неприлично

— Послушайте, — сказала Варвара Александровна: — если вы въ самомъ дѣлѣ такъ несчастливы, то я васъ не оставлю: я буду помогать вамъ словомъ, дѣломъ, средствами моими; но только, Бога ради, старайтесь все это исправить, — и вотъ на первый разъ вамъ мой совѣтъ: старайтесь, и старайтесь всѣми силами доказать Мари, какъ много вы ее любите и какъ много въ васъ страсти. Повѣрьте, никто такъ не заставитъ женщину любить, какъ сама же любовь, потому что мы великодушны и признательны!

— Женщинѣ трудно доказать любовь, — возразилъ Хозаровъ: — она часто самой сильной страсти не понимаетъ.

— Никогда!... готова спорить съ цѣлымъ міромъ, что женщина видитъ и чувствуетъ истинную любовь мужчины въ самомъ еще ея зародышѣ. Но чтобы она не поняла сильной страсти, — никогда!

— Я испытываю это, Варвара Александровна, на себя.

— Что-жь вы думаете, что ваша Мари не сознаетъ и не понимаетъ вашей любви, вы если только вѣстивно ее любите?

— Я говорю не про жену,— вы не хотите меня понять.

— Не про жену?... Вы говорите это не про Мари?... Въ такомъ случаѣ я дѣйствительно васъ не понимаю.

— Въ томъ-то и дѣло, Варвара Александровна что, женщины не понимаютъ сильной страсти.

Варвара Александровна нѣсколько минутъ смотрѣла на Хозарова съ удивленіемъ.

— Я васъ сегодня совсѣмъ не понимаю,— проговорила она.

Хозаровъ пожалъ плечами.

— Вы или больны, или очень разстроены, и потому прощайте! — продолжала она вставая.

— Одно слово!—произнесъ Хозаровъ:— позвольте мнѣ сегодня вечеромъ быть у васъ.

— Зачѣмъ? — спросила Мамилова, устремивъ на собесѣдника вопрошающій взоръ.

— Именемъ нашей дружбы заклинаю васъ, позвольте мнѣ.

— Хорошо; но только съ условіемъ, придти въ себя и не говорить того, что вамъ стыдно, а для меня обидно слушать.—Проговоривъ это, она подала Хозарову руку, которую тотъ съ жаромъ поцѣловалъ, но которую Варвара Александровна вырвала стремительно, и проворно вышла изъ кондитерской.

Оставшись одинъ, Хозаровъ цѣлый почти часъ ходилъ, задумавшись, по комнатамъ; потомъ прилежъ на

диванъ, снова всталъ, выкурилъ трубку и выпилъ водки. Видно ему было очень скучно: онъ взялъ было журналъ, но не долго началъ. «Какъ глупо нынче пишутъ, какихъ-то уродовъ выводятъ на сцену!» произнесъ онъ, какъ бы самъ съ собою, оттолкнувъ книгу и потомъ рѣшился заговорить съ половымъ; но сей послѣдній, видно, былъ человѣкъ неразговорчивый; вмѣсто отвѣта онъ что-то бробормоталъ себѣ подъ носъ и ушелъ. Хозаровъ рѣшительно не зналъ, какъ убить время.

— Эй, ты, болванъ! Дай мнѣ листъ почтовой бумаги, перо и чернильницу! — вскричалъ онъ молчаливому половому. Тотъ подалъ, и герой мой принялся писать письмо къ тому пріятелю, къ которому онъ писалъ въ первой главѣ моего романа.

«Незамѣнимый для меня другъ мой, Миша!

«Оба тянемъ мы, дружище, съ тобою одну ляжку; то есть, оба женаты, и потому оба очень хорошо понимаемъ, что вся эта аркадская любовь ни что иное, какъ мыльные пузыри, когда нѣтъ существеннаго, то есть, денегъ! Другой бы на моемъ мѣстѣ упалъ духомъ; но ты знаешь меня: я не люблю хандрить и ходить повѣся носъ, но умѣю всегда присесть къ какому-нибудь развлеченію, которымъ нынче и служить для меня милашка — Мамилова. Она была въ меня еще въ холостаго влюблена до такого сумасшествія, что, ни съ того ни съ сего, подарила мнѣ три тысячи рублей; но тогда я былъ занятъ моей глупой женитьбой, и потому между нами прошло такъ, серьезнаго почти ничего не было, а только знаешь, сантиментальничали въ разговорахъ; но теперь другое дѣло: я постарѣлъ, поуменьлѣ; а главное

— мнѣ нужно развлеченье и деньги. Сегодня было у насъ первое тайное свиданіе, послѣ котораго я тебѣ и пишу. Дѣло идетъ на ладъ; я сдѣлалъ намекъ, послѣ котораго, конечно, сконфузились, даже разсердились немного и тому подобное. Однако я долженъ тебѣ сказать, мой cher, что женщины какое-то неуловимое существо. Это я ясно вижу на Варбе Мамиловой. Вообрази себѣ: любить меня, и любить до безумія; но скрываетъ и говорить, чортъ знаетъ, какія отвлеченности, надъ которыми, конечно, я скоро восторжествую; но при всемъ томъ, досадно и скучно. Сегодня вечеромъ я опять пойду къ ней и сдѣлаю рѣшительный приступъ, о послѣдствіяхъ котораго тебя извѣщу весьма подробно.

«Хозаровъ.»

Для сочиненія и написанія этого письма героемъ моимъ было употреблено полтора часа; потомъ онъ спросилъ себѣ легонькій обѣдъ, бутылку портера и бутылку мадеры, и все сіе употребилъ въ достаточномъ количествѣ. Нетерпѣливость ожиданія грядущаго свиданія съ Варварой Александровной возросла въ немъ до-нельзя, и потому онъ, не ожидая законнаго вечерняго часа, то есть, семи часовъ, отправился въ четыре. Вѣроятно, герой мой былъ въ сильно-возбужденномъ состояніи: пріѣхавъ къ Варварѣ Александровнѣ, онъ даже не велѣлъ доложить о себѣ чело-вѣку и прошелъ прямо въ кабинетъ хозяйки, которая встрѣтила на этотъ разъ гостя не съ обычнымъ радушіемъ, но, при появленіи его, сконфузилась и, чтобы скрыть внутреннее состояніе духа, тотчасъ же закурила папиросу.

— Первое мое слово будетъ просить у васъ извиненія, что я пріѣхалъ не въ урочный часъ. Чтожь мнѣ дѣлать? Я не могу уже болѣе владѣть собою.

— Я васъ рада видѣть всегда, Сергѣй Петровичъ, — отвѣчала хозяйка.

— Послушайте, Варвара Александровна, вы немилосердны ко мнѣ; но какъ бы ни было, какъ бы меня ни поняли, я рѣшился открыть вамъ тайну, которую я до сихъ поръ скрывалъ даже отъ самого себя.

Мамилова взглянула на гостя съ удивленіемъ.

— Вы все-таки еще не пришли сами въ себя, — сказала она, не спуская съ него глазъ: — и все-таки продолжаете говорить смѣшныя нелѣпости.

Хозаровъ былъ на этотъ разъ очень дерзокъ и продолжалъ:

— Всякія чувства можно скрывать нѣкоторое время, но потомъ они должны обнаружиться. Я не люблю моей жены, вы это слышали, и не люблю ее болѣе потому, что боготворю и увлеченъ другою; однимъ словомъ: я люблю васъ, и въ вашихъ рукахъ моя жизнь и смерть.

Последнія слова герой мой произнесъ, уже стоя передъ Варварой Александровной на колѣняхъ. Мамилова нѣсколько минутъ ничего не отвѣчала и не отнимала своей руки, которую Хозаровъ взялъ и цѣловалъ.

— Больно, досадно и грустно мнѣ все это слышать и видѣть, Сергѣй Петровичъ! — сказала она. — Не стойте передо мною на колѣняхъ. Ей-богу, это очень водевильно и смѣшно. Я васъ спрошу только одно: зачѣмъ вы вы все это говорите и дѣлаете?

— Затѣмъ, что я боготворю васъ, — возразилъ Хо-

заровъ, начиная приподниматься съ колѣнопреклоннаго положенія.

— А я васъ не люблю, Сергѣй Петровичъ! Прежде я чувствовала къ вамъ дружбу, искреннюю дружбу, но теперь я васъ презираю, и презираю потому, что вы похожи на другихъ.

Хозаровъ всталъ и, ни слова не говоря, началъ ходить по комнатѣ.

— Изъ всего этого я вижу, — сказалъ онъ: — что вы не понимаете и не хотите понять того, что совершается въ душѣ моей.

— Я боялась это и думать, Сергѣй Петровичъ, и боялась потому, что все-таки васъ уважала. Но если, въ самомъ дѣлѣ, въ васъ закралась эта несчастная страсть, то зачѣмъ вы мнѣ говорите объ этомъ, какую вы думаете имѣть для того цѣль? Вы думали успѣть, вы думали сдѣлать меня вашей любовницей, не такъ ли? О Боже мой, какъ мнѣ горько слышать такое обидное для меня ваше мнѣніе! Но, не смотря на это, я рѣшаюсь объяснить вамъ, что вы ошиблись и жестоко ошиблись во мнѣ. Я люблю не васъ, а другаго, котораго вы не знаете и не можете знать, потому что онъ давно умеръ. Кромѣ того я вамъ скажу словами Татьяны: *я другому отдана и буду ейъ ему вѣрна*; и къ вамъ, Сергѣй Петровичъ, могу питать одно только сожалѣніе.

На эти слова герой мой ничего не отвѣчалъ, но снова всталъ передъ хозяйкою на колѣни, первоначально расцѣловалъ ея руку, и потомъ вдругъ, совершенно неожиданно, обхватилъ ее за талію и обхватилъ весьма дерзко и совершенно неприлично. Варвара Александровна вся вспыхнула и хотѣла было

вырваться; но Хазаровъ держалъ крѣпко; гнѣвъ овладѣлъ молодою женщиною: съ несвойственною ей силою, она вырвала свою руку и ударила дерзкаго безумца по щекѣ. Хазаровъ вскочилъ; Мамилова тоже и выбѣжала изъ комнаты. Нѣсколько минутъ СергѢй Петровичъ простоялъ, какъ полоумный, потомъ, взявъ шляпу, вышелъ изъ кабинета, прошелъ залу, лакейскую и очутился на крыльцѣ, а вслѣдъ затѣмъ, сѣвъ на извозчика, велѣлъ себя везти домой, куда онъ возвратился, какъ и надо было ожидать, сильно взбѣшенный: разругалъ отпиравшую ему двери горничную, опрокинулъ стоявшій немного не на мѣстѣ стулъ и, войдя въ свой кабинетъ, первоначально легъ внизъ лицомъ на диванъ, а потомъ всталъ и принялся писать записку къ Варварѣ Александровнѣ, которая начиналась слѣдующимъ образомъ: «Я не позволю вамъ смѣяться надъ собою, у меня есть документъ — ваша записка, которою вы назначаете мнѣ на бульваръ свиданіе, и которую я сейчасъ же отправляю къ вашему мужу, если вы...» Здѣсь онъ остановился, потому что въ комнатѣ появилась, другой его другъ, Татьяна Ивановна.

— Вотъ я и пришла, СергѢй Петровичъ, сказала дѣвица Замшева.

Герой мой, и безъ того уже разстроенный, при видѣ друга-кредиторши, затрясся отъ досады.

— А вамъ что еще надобно отъ меня!—вскрикнулъ онъ не совсѣмъ ласковымъ голосомъ, такъ что Татьяна Ивановна попятилась нѣсколько назадъ.

— Да все о деньгахъ-то. Вы сами говорили мнѣ: побывать семнадцатаго числа.

<http://rcin.org.pl>

— Какія у меня деньги для васъ? Что такое за деньги?

— Какъ какія деньги? мои деньги, — которыя вы зажили у меня.

— Что у васъ зажито, давно отдано, — и потому извольте, почтеннѣйшая, убираться; я занятъ, мнѣ некогда.

— Какъ отданы? Когда вы это отдали? Что вы это такое говорите? Не стыдно ли вамъ выдумывать этакія нелѣпости? Я думаю, вся Москва знаетъ, какъ я васъ содержала. Что вы это говорите?

— Я говорю, что извольте убираться, почтеннѣйшая, вонъ! Вотъ что я говорю.

— Нѣтъ, позвольте, я не пойду; я пришла за своимъ, а не за вашимъ; у меня есть росписка.

— Убирайтесь къ чорту съ вашей роспиской! Этакихъ животныхъ я по шеѣ имѣю привычку гонять, и съ вами такъ же распоряджусь.

— Видали ли? Со мной такъ распорядиться? — сказала Татьяна Ивановна, тоже вышедшая изъ себя, и показывая Хозарову два кукиша. — Подайте деньги мои, а не то въ тюрьму посажу. Провалиться мнѣ сквозь землю, если я тещѣ не расскажу всѣ ваши подлые намѣренія! Да и Варварѣ Александровнѣ объясню, безстыдникъ этакой, пусть знаютъ, какія вы для всѣхъ козни-то приготавливаете.

— Я говорю тебѣ: убирайся вонъ, пряничная форма! — закричалъ Сергѣй Петровичъ, вскакивая съ своего мѣста.

Почтеннѣйшая Татьяна Ивановна, видно, очень не любила, чтобы называли ее пряничной формой. Лицо

ея поблѣднѣло, руки, ноги задрожали и губы посинѣли.

— Врешь, обольститель, я не пойду! Не смѣешь тронуть, извини: сама плеваться умѣю! — закричала она звонкимъ и рѣзкимъ голосомъ; но Хозаровъ, схвативъ ее за плеча, началъ толкать изъ комнаты.

Дѣвица Замшева, съ своей стороны, защищалась храбро; на получаемые толчки она отвѣчала, на сколько достало у ней силъ, тоже толчками. Но такъ какъ мужчины, дѣйствуя физическою силою, всегда берутъ верхъ надъ слабыми женщинами, то и почтеннѣйшая хозяйка, не смотря на сильный отпоръ, была вытолкана неблагодарнымъ постояльцемъ на крыльцо до самыхъ дверей, которыя передъ самымъ ея носомъ были быстро захлопнуты. Сверхъ того она еще получила такой толчекъ, что не въ состоянїи была устоять на ногахъ и кувыркомъ скатилась съ лѣстницы.

При этомъ паденїи благородная дѣвица, вѣроятно, сильно зашибла ногу, потому что, когда она встала и, залившись горькими слезами, отправилась домой, то весьма замѣтно прихрамывала на правую ногу.

X.

Въ настоящей главѣ я долженъ вернуться нѣсколько назадъ. Послѣ того случая, какъ Мари просила у Катерины Архиповны для мужа денегъ, между зятемъ и тещею окончательно нарушилось всякое родственное расположеніе: Хозаровъ до-нельзя взбѣсился на свою <http://www.vostok.org.ru>

ни стало, выжить ее изъ дому, зная напередъ, что ничѣмъ такъ не можетъ досадить страстной матери. Для этой цѣли онъ первоначально пересталъ съ Катериной Архиповной кланяться, говорить и даже глядѣть на нее; но это не помогало: старуха жила по-прежнему и сама, съ своей стороны, не обращала на зятя никакого вниманія. Хозаровъ рѣшился дѣлать и говорить все на зло ей: проговаривала ли она, что въ комнатѣ холодно, онъ нарочно отпиралъ форточку; если же она говорила, что слишкомъ тепло, — въ ту же минуту открывались всѣ душики; но Катерина Архиповна оставалась хладнокровна, и всѣ эти продѣлки Сергѣя Петровича, направленные на личную особу тещи, не принесли желаемого успѣха. Герой мой рѣшился мучить старуху тѣмъ, что сталъ при ней, на правахъ мужа, бранить Мари, которая была такъ еще молода, что даже не умѣла, съ своей стороны, хорошенько отбраниваться и только начинала обыкновенно плакать. Этого Катерина Архиповна уже не въ состояннн была переносить равнодушно; она обыкновенно заступалась за дочь и пропекала зятя, какъ говорится, на обѣ корки, но въ этомъ случаѣ Хозаровъ уже не обращалъ вниманія и только смѣялся, отчего еще болѣе плакала Мари и выходила изъ себя Катерина Архиповна.

Всѣ такого рода сцены для Мари оканчивались слезами, но для Катерины Архиповны это была пытка. Она доходила до полного ожесточенія; она готова была разорвать зятя на куски и принуждена была ограничиваться только бранью, надъ которой онъ смѣялся.

Далѣе за тѣмъ, въ одно прекрасное утро, герой

Мой затѣялъ еще новую штуку: онъ объявилъ женѣ, что нанялъ для себя особую квартиру, на которой намѣренъ жить, и будетъ приходить къ Мари только тогда, когда Катерина Архиповна спитъ или дома ея нѣтъ, на томъ основаніи, что будто бы онъ не можетъ уже болѣе равнодушно видѣть тещу и что у него отъ одного ея вида разливается желчь.

Маша, какъ водятся, расплакалась, а потомъ пересказала все матери. Старуха сначала смѣялась надъ новой продѣлкой зятя, но дочь плакала, и материнское сердце снова не вытерпѣло: она рѣшилась объяснить съ Сергѣемъ Петровичемъ, но сей послѣдній на всѣ ея вопросы не удостоилъ даже и отвѣтить и продолжалъ собирать свои вещи. Катерина Архиповна, разумѣется, не могла не осердиться на подобнаго рода глупость и, наговоривъ зятю дерзостей, ушла къ себѣ въ комнату, а чрезъ полчаса, призвавъ къ себѣ дочь, объявила ей, что она сама хочетъ переѣхать на другую квартиру, потому что не хочетъ ихъ стѣснять. Мари первоначально испугалась этого рѣшенія матери и начала ее упрашивать не переѣзжать отъ нихъ; но Катерина Архиповна растолковала дочера, что если ея мерзавецъ-муженекъ въ самомъ дѣлѣ переѣдетъ на другую квартиру, то это будетъ весьма неприлично и уже ни на что не будетъ походить. Маша успокоилась. Сергѣй Петровичъ, очень довольный успѣхомъ своей продѣлки, тоже успокоился и снова разложилъ свои вещи.

На другой день старуха переѣхала, но, видно, эта разлука съ идоломъ была слишкомъ тяжела для Катерины Архиповны и, видно, страстная мать справедливо говорила, что съ ней Богъ знаетъ что бу-

детъ, если ошибется въ выборъ зятя, потому что тотчасъ же, по переѣздѣ на новую квартиру, она заболѣла и заболѣла, Богъ знаетъ, какую-то сложную болѣзнь: сначала у нея разлилась желчь, потомъ вся она распухла и, наконецъ, отнялись совершенно ноги. Мари цѣлые дни начала проводить у матери, которая, съ своей стороны, стараясь предостеречь дочь отъ вліянія мужа, безпрестанно толковала ей, какой тотъ мотъ, какой онъ пустой и безчувственный человѣкъ и какъ онъ мало любитъ ее. Маша съ каждымъ днемъ начала болѣе и болѣе соглашаться съ матерью, — тѣмъ болѣе, что Сергѣй Петровичъ дѣйствительно день ото дня становился къ ней холоднѣе: кромѣ того, что часто уходилъ на цѣлые дни изъ дому, но даже когда бывалъ дома, то или молчалъ, или спалъ, и никогда уже съ ней не игралъ — ни въ ладошки ни въ рыжаго кота, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно настаивалъ, чтобы она требовала отъ матери имѣнія.

Последнее время Мари уже цѣлые дни проводила у матери; ей было даже нескучно, потому что къ старухѣ сталъ ходить одинъ изъ числа трехъ офицеровъ — подпоручикъ Пириневскій! Онъ былъ очень милый и веселый молодой человѣкъ и владѣлъ двумя прекрасными способностями; а именно: прекрасно рассказывалъ страшныя сказки о различныхъ царевичахъ и разбойникахъ и неподобно пѣлъ теноромъ подъ гитару многіе новые романсы. Мари онъ очень занималъ. День ото дня молодые люди, сами не замѣчая того, начали сближаться: подпоручикъ началъ уже называть Мари *cousine*, а она его *cousin*. Кромѣ того между ними проявилось еще новое занятіе: они начали для практики танцевать, вновь появившійся

тогда, танецъ *редову*. Катерина Архиповна, смотрѣвшая сначала сквозь пальцы на сближеніе молодыхъ людей, начала супиться и сдѣлалась къ офицеру очень суха; но Мари не обращала вниманія и продолжала звать офицера ходить къ нимъ каждый день. Однажды, это было именно на другой день послѣ свиданія Хозарова съ Мамиловой, Мари оставила своего новаго *cousin* обѣдать у мамыши.

Пирпневскій въ этотъ разъ ее очень занималъ, и когда она его начала просить рассказать ей какую-нибудь еще страшную сказку, то онъ объявилъ, что простыя сказки онъ всѣ пересказалъ, но что сегодня прочтетъ ей наизусть прекрасную сказку Лермонтова про Демона.

Послѣ обѣда молодые люди, одинъ для чтенія, а другая для слушанія, усѣлись рядомъ на диванѣ. Пирпневскій началъ читать и дѣйствительно всю поэму зналъ весьма твердо на память, и кромѣ того произносилъ ее съ большимъ чувствомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ Демонъ говоритъ:

„Я тотъ, которому внимала
 „Ты въ полуночной тишинѣ;
 „Чью мысль ты смутно отгадала,
 „Чей образъ видѣла во снѣ.“

На этомъ мѣстѣ Мари его остановила:

— Перестаньте; страшно, сказала она.

— Ничего-съ, отвѣчалъ офицеръ, дальше будетъ еще страшнѣй.

— Ну такъ не читайте,— страшно, а лучше расскажите мнѣ, что же будетъ дальше,— она его полюбила? -

— Непремѣнно-съ полюбитьъ.

— Да вѣдь какъ же? Онъ, я думаю, страшный!

— Отчего же страшный! Можетъ быть, и не страшный, отвѣчалъ Пириневскій.

— Ай, нѣтъ, онъ долженъ быть гадкій. Я бы его низачто не полюбила.

— А кого же вы бы полюбили? спросилъ молодой офицеръ.

— Конечно, можно полюбить только хорошенькаго... Спойте что-нибудь!

— Я гитары не взялъ.

— Ничего, спойте безъ гитары.

— Но я могу маменьку обезпokoить, онѣ, кажется, почиваютъ.

— Ничего; она не услышитъ — спойте.

Офицеръ повиновался и довольно звучнымъ, чистымъ теноромъ запѣлъ: *ты, душа-ль моя красна дѣвица*. Взоры молодого человѣка ясно говорили, что онъ подъ именемъ красной дѣвицы разумѣетъ Мари, которая, кажется, съ своей стороны все это очень хорошо поняла и потупилась. Затѣмъ молодые люди разсѣлись по дальнимъ угламъ, и нѣсколько времени ни слова не говорили между собою.

— О чемъ вы задумались? —спросила наконецъ Мари.

Офицеръ не отвѣчалъ.

— Вамъ, можетъ, скучно, —заговорила снова она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Я думаю, Марья Антоновна, о томъ, что намъ скоро должно выступить изъ Москвы.

— Куда вамъ выступить?

— Въ Калугу... — отвѣчалъ офицеръ.

— Да вы не ѣздите.

— Нельзя-съ, служба.

— Вотъ какіе вы! Зачѣмъ же вы уѣдете?

— Вамъ развѣ жаль насъ, Марья Антоновна?

— Еще бы, —отвѣчала молодая женщина вспыхнувъ, и офицеръ тоже вспыхнулъ, и затѣмъ воцарилось молчаніе. Пириневскій принялся разсматривать лежавшую на окошкѣ *Библиотеку для Чтенія*, а Мари сидѣла задумавшись.

— Что вы смотрите, —сказала она, подойдя къ офицеру: найдите мнѣ, какое вамъ слово больше нравится?

Подпоручикъ началъ перелистывать журналъ и, наконецъ, въ отдѣлѣ Словесности, видно, отыскалъ желаемое слово и показалъ его Мари, которая, посмотрѣвъ, очень сконфузилась, но впрочемъ взяла у офицера книгу и сама показала ему на какое-то слово и, отойдя отъ него, снова сѣла на прежнее мѣсто. Показанныя молодыми людьми другъ другу слова были весьма значительныя. Офицеръ показалъ на слова: «я васъ люблю», а Мари на слово: «любите». За симъ послѣдовала какая-то странная и необъяснимая сцена. Пириневскій всталъ, прошелся по комнатѣ, и потомъ, неизвѣстно почему, очутился рядомъ съ Мари на диванѣ, протянулъ какъ-то странно руку, въ которой очень скоро очутилась рука Мари...

Но здѣсь я останавлиюсь и попрошу читателя, перейти со мной въ квартиру Варвары Александровны. Послѣ непріятнаго объясненія, которое имѣла она съ Хозаровымъ, ей не спалось всю ночь; и даже на другой день — печальная и грустная, сидѣла она

въ своемъ кабинетѣ. Человѣкъ доложилъ, что пришла какая-то Замшева и желаетъ ее видѣть.

— Преси! сказала Мамилова.

Явилась Татьяна Ивановна, тоже грустная, взволнованная и нѣсколько прихрамывающая на правую ногу. Цѣлую ночь дѣвица Замшева придумывала, чѣмъ бы отомстить Хозарову, и, наконецъ, рѣшилась подать его росписку ко взысканію и насказать на него Маммиловой, отъ которой, она думала, онъ получаетъ деньги.

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ Варварой Александровной, — сказала, входя и присѣдая Татьяна Ивановна.

— Къ вашимъ услугамъ, — отвѣчала Мамилова, закуривая папироску.

— Честь имѣю рекомендоваться: я дѣвица Замшева, у которой Сергѣй Петровичъ, бывши холостымъ, квартировалъ.

— А!... что же вамъ угодно? — произнесла Мамилова, взглянувъ на Татьяну Иванову довольно подозрительно.

— Онъ поручалъ мнѣ, Варвара Александровна, заложить ваши вещи, но теперь уже давно срокъ истекъ, ни капитала, ни процентовъ они не платить, такъ я пришла васъ предупредить.

— Благодарю васъ, моя милая! Въ какой суммѣ мои вещи заложены?

— Двѣ тысячи семьсотъ пятьдесятъ рублей съ процентами; взято было только на одинъ мѣсяць; а теперь вотъ сколько времени прошло безъ всякой уплаты!

— Благодарю васъ... я знаю: мы поправимъ какъ-нибудь это дѣло.

— Сергѣй Петровичъ, вѣроятно, на васъ и надѣялись. Сами они, это ужъ извѣстно, ничего не имѣютъ, но говорятъ, что она отъ васъ тысячъ десять въ годъ могутъ получить.

— Отъ меня получить десять тысячъ...это почему?

— Да, вѣдь какъ? кто ихъ разберетъ; они говорятъ, что могутъ; еще говорятъ, если захочу, такъ и не это получу; какъ липку, говоритъ, обдеру, такъ и тутъ ни слова не скажетъ, потому что влюблена.

Мамилова поблѣднѣла.

— Онъ говорилъ вамъ, что я въ него влюблена? Онъ осмѣлился это сказать вамъ?

— Не мнѣ одной, Варвара Александровна, онъ, я думаю, это цѣлой Москвѣ разблаговѣстилъ.

— Довольно... Бога ради, довольно! Или нѣтъ, скажите!... Я должна выпить горькую чашу до дна... Сядьте и расскажите что онъ вамъ еще говорилъ про меня?

— Варвара Александровна! я очень хорошо понимаю ваше положеніе и потому пришла къ вамъ, сказала Татьяна Ивановна. — Онъ говоритъ ужасныя вещи. Онъ говоритъ, что вы въ него влюблены, или прямо сказать: у васъ съ нимъ интрига, и потому онъ надѣется съ васъ получить деньги. Я сама, Варвара Александровна, имъ обманута, потому-то мнѣ и горько. Сначала вѣдь, какъ бѣсъ какой-нибудь, оболстилъ: ну, пришелъ нарядный, ласковый, вѣжливый, просто прелесть: ну, думала, человекъ съ совѣстью, отчего же не оказать довѣрія. А вотъ что вышло послѣ: во снѣ не снилось такой обиды; на цѣлый

вѣкъ хотѣлъ уродомъ сдѣлать; какъ будто какую-нибудь развратную изувѣчилъ. И съ вами такимъ же образомъ хотѣлъ поступить. «Прибью, говорить, если денегъ не дастъ».

Въ концѣ этого монолога у Татьяны Ивановны, отъ полноты горестныхъ чувствованій, на глазахъ появились слезы.

— Нѣтъ... довольно... заклинаю васъ, довольно!... я не въ состояніи болѣе слушать вашихъ ужасныхъ словъ, — сказала, тоже очень разстроившись, Варвара Александровна. — Нѣтъ, это выше моихъ силъ, сказала она вставая: — я должна сорвать съ него маску, я сама отравлю его семейное счастье, которое устроила; я все расскажу женѣ и предостерегу, по-крайней-мѣрѣ, на будущее время несчастную жертву общей нашей ошибки.

Варвара Александровна была, видно, сильно взволнована, и не помня себя, она даже докурила папироску до-нельзя и обожгла себѣ губы.

— Ничего... — говорила она, какъ будто бы сама съ собою: — люди жгутся больнѣе огня. Не огорчайтесь, моя милая, — продолжала она, обращаясь къ Татьянѣ Ивановнѣ: — мы обѣ обмануты.

— Ваше дѣло, Варвара Александровна, другое; вы имѣете состояніе, а у меня только, вѣдь, собственные труды и больше ничего, — около тысячи рублей для меня не бездѣлица. Не можете ли, благодѣтельница моя, мнѣ хоть частичку уплатить. Васъ онъ, можетъ, посовѣстится и заплатитъ вамъ.

— Ни за него, ни для него я не имѣю денегъ, — отвѣчала Варвара Александровна: — но если выбѣдны, вотъ вамъ пятьдесятъ рублей, но только это отъ меня;

его же вы можете и должны считать подлецомъ на всю жизнь.

Татьяна Ивановна весьма обрадовалась пятидесяти рублямъ; поцѣловала въ восторгѣ у Варвары Александровны руку и потомъ, попросивъ не оставлять ее и на дальнѣйшее время своимъ расположениемъ, отправилась домой.

Варвара Александровна тотчасъ же рѣшилась ѣхать къ старухѣ Ступицыной и, вызвавъ Мари, обнимъ имъ рассказать о низкихъ поступкахъ Хозарова. Нетерпѣніе ея было чрезвычайно сильно: не дожидаясь своего экипажа, она отправилась на извозчикѣ, и даже безъ человѣка, а потомъ вошла безъ доклада. Странная и совершенно неожиданная для нея сцена представилась ея глазамъ. Мари сидѣла рядомъ съ офицеромъ и, въ самую минуту входа Варвары Александровны, уста молодыхъ людей слились въ первый поцѣлуй преступной любви.

Пириневскій и Мари, при появленіи посторонняго лица, отскочили одинъ отъ другаго. Варвара Александровна едва имѣла силы совладать съ собою. Сконфузившись, растерявшись и не зная что начать дѣлать и говорить, спросила она тоже совершенно потерявшуюся Мари о матери, потомъ сѣла, а затѣмъ, услышавъ, что Катерина Архиповна больна и теперь заснула, гостя встала и, почти не простившись, отправилась домой.

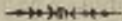
Тамъ написала она слѣдующее письмо къ извѣстной своей пріятельницѣ:

«Chère Claudine!

«Я дура, я сумасшедшая и безумная женщина; я носила до сихъ поръ на глазахъ моихъ повязку, но

которую теперь люди сорвали съ меня, и я уже все ясно понимаю. Я ошибалась, chère Claudine, въ моихъ Хозаровыхъ, они дали мнѣ новый урокъ. Они еще разъ заставили меня выпить горькую чашу разочарованія. Онъ — этотъ юноша, въ которомъ я предполагала столько благородныхъ чувствованій, — онъ отвратительный и жадный заемщикъ чужихъ денегъ, — онъ развратный интриганъ, неспособный даже понять порядочную женщину. Онъ не сумѣлъ даже понять моей дружбы; но хотѣлъ, посмѣйся, Claudine, меня развратить и за порокъ мой заставить меня платить ему деньги. Про эту бабенку я и говорить не хочу. Она, кажется, только и умѣетъ цѣловаться: цѣловалась прежде съ женихомъ и съ мужемъ непрерывно, а теперь начала цѣловаться и съ другими поклонниками. Ахъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду того времени, когда мужъ мой увезетъ меня въ К.... дальше отъ свѣта, дальше отъ людей: ни въ немъ, ни между ними нѣтъ ни дружбы, ни любви!...»

1859 года,
ноября 2-го.

БОЯРЩИНА.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одной изъ сѣверныхъ губерній, въ С..... уѣздѣ есть небольшая волость, въ которой, по словамъ ея обитателей, очень большое, а главное — пріятное сосѣдство. Всякій, кому только Господь Богъ соблаговолилъ повѣздить по святой Руси, всякій, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, какъ пустѣютъ нынѣче усадьбы. Ему, вѣрно, случалось проѣзжать цѣлые уѣзды, не набредя ни на одно жилое барское помѣстье; хотя часто ему метался въ глаза господскій домъ, но—увы!—вѣрно съ заколоченными окнами и съ краснымъ дворомъ, глухо заросшимъ крапивою; но никакъ нельзя было этого сказать про упомянутую волость: усадьбы ея были и въ настоящее время преисполнены помѣщиками; немногіе изъ нихъ заключали по одному владѣльцу, но въ большей ча-

сти проживали цѣлыя семейства. Мѣстечко это еще изстари прозвано было Боярщиной и даже до сихъ поръ, если пріѣдетъ къ вамъ владимірецъ-разнощикъ и вы его спросите:

— Откуда идешь, пробираешься?

— Изъ Боярщины, сударь... Около мѣсяца тамъ плутоваль, — отвѣтитъ онъ вамъ.

— Тамъ?

— Тамъ-съ. Такое ужъ тамъ для насъ мѣсто при-
томанное.

Засѣдатель земскаго суда, какъ, бывало, попадетъ туда на слѣдствіе, такъ мѣсяца два, три и не выѣдетъ: все по гостямъ; а исправникъ, котораго очень всѣ любили, просто не выѣзжалъ оттуда: круглый годъ ѣздилъ отъ одного помѣщика къ другому. На баллотировкахъ Боярщины всегда дѣйствовали заодно и, надобно сказать, имѣли тамъ значительный голосъ, тѣмъ болѣе, что самъ губернской предводитель былъ изъ числа ихъ.

На сѣверномъ краю этой волости есть усадьба Мотилки, которая какъ-то рѣзко отличалась отъ прочихъ усадебъ тѣмъ, что вся обнесена [была толстымъ деревяннымъ заборомъ. Двухъ-этажный, съ небольшими окнами, господскій домъ былъ выкрашенъ сѣрою краскою; отъ самыхъ почти оконъ начиналъ тянуться огромный прудъ, берега котораго густо были обсажены соснами, разросшимися въ огромныя деревья, которыя, вмѣстѣ съ домомъ отражаясь въ тинистой и непрозрачной водѣ, дѣлали прудъ похожимъ на пропасть; далѣе за нимъ слѣдовалъ темный и заглохшій садъ, въ которомъ, кажется, никто и ни когда не гулялъ. Высокіе, покры-

тые острымъ колпакомъ флигеля, также съ маленькими окнами, и посѣрѣвшіе отъ времени, тянулись отъ господскаго дома, по обоимъ бокамъ и заключались скотными дворами, тоже стрыми, которые были обильно, но неаккуратно покрыты соломою. При самомъ почти въѣздѣ въ усадьбу, на правой рукѣ, стояла полуразвалившаяся часовня, около которой возвышалось нѣсколько бугровъ, напоминавшихъ о нѣкогда бывшемъ тутъ кладбищѣ. Однимъ словомъ, все какъ-то было стро и мрачно и навело на васъ грустное и непріятное чувство. Всякій разъ, когда я проѣзжалъ мимо этой усадьбы, меня поражало необыкновенное ея сходство съ раскольничьимъ кладбищемъ. Лѣтъ двадцать назадъ въ этой усадьбѣ жилъ высокій, худошавый старикъ, Егоръ Егорычъ Задоръ-Мановскій, который одинъ изъ всѣхъ сосѣднихъ дворянъ составлялъ какъ бы исключеніе: онъ ни къ кому не ѣздилъ, и у него никто не бывалъ. Про него носились весьма невыгодные слухи: говорили, что, будто бы, онъ уморилъ жену и проклялъ собственнаго сына за то, что тотъ потребовалъ въ свое распоряженіе материнское имѣніе. Но это были одни слухи; достовѣрно же знали только то, что сынъ лѣтъ двѣнадцать не бывалъ у отца.

— Нужно бы намъ подобраться къ Задоръ-Мановскому, — часто говаривалъ губернскій предводитель.

— Нужно бы, ваше превосходительство, — подхватывалъ с....кій исправникъ.

— Да какъ подберешься? — продолжалъ предводитель.

— Именно, какъ подберешься? — заключалъ исправникъ.

Между тѣмъ, покуда они рѣшали этотъ вопросъ, Задоръ-Мановскій скоропостижно умеръ, и послѣ него стало совершаться все то, что обыкновенно совершается по смерти одинокихъ людей: деньги и вещи, сколько возможно, были разворованы домашними, а остальные запечатаны. Нѣкоторые изъ сосѣдей пріѣхали на похороны, пожалѣли о покойникѣ, открыли его нѣсколько рѣдкихъ добродѣтелей, о которыхъ при жизни и помину не было, укоряли наконецъ неблагоударнаго сына, нехотѣвшаго пріѣхать къ умирающему отцу. Пять лѣтъ послѣ того Могилки пустѣли. Наконецъ, въ нихъ пріѣхалъ новый господинъ — сынъ покойника, Михайло Егорычъ Задоръ-Мановскій, — пріѣхалъ не одинъ, а съ молодою женою. Послѣднее обстоятельство не понравилось особенно тѣмъ изъ сосѣдей, у которыхъ на рукахъ были взрослые дочери, потому что Мановскій, не смотря на невыгодные слухи объ отцѣ, былъ очень выгодный женихъ. Всѣ знали, что у него триста незаложенныхъ душъ, да еще, впридачу, на нѣсколько тысячъ ломбардныхъ билетовъ; сверхъ того, былъ полковникъ въ отставкѣ.

— Я думаю, будетъ въ батюшку, и станетъ жить медвѣдемъ, — проговорили многіе.

Но предсказаніе это не сбылось. Въ продолженіе двухъ недѣль послѣ своего пріѣзда, Мановскій посѣтилъ почти всѣхъ сосѣдей и пригласилъ ихъ къ себѣ. Результатомъ такихъ посѣщеній было то, что самъ Задоръ-Мановскій понравился всѣмъ; скажу болѣе, внушилъ къ себѣ уваженіе. Правда, приемы его были нѣсколько угловаты, но вѣжливы; мысли рѣзки, но основательны. Что касается до его наружности, то онъ былъ въ полномъ смыслѣ атлетъ, въ сажень по-

чти ростомъ и съ огромной курчавой головой. По значительному развитію ручныхъ мускуловъ не трудно было догадаться, что онъ имѣлъ львиную силу. Впрочемъ багровый, изжелта, цвѣтъ лица, тусклые, оловянные глаза и осиплый голосъ ясно давали знать, что не въ нѣгѣ и несовсѣмъ скромно провелъ онъ первую молодость; но только желѣзная натура его, еще болѣе закаленная въ нуждѣ, не поддавалась ничему, и онъ, въ сорокъ лѣтъ, остался тѣмъ же здоровякомъ, какимъ былъ и въ восемнадцать.

Но совершенно другое впечатлѣніе произвела на общество его жена. Посѣщая, вмѣстѣ съ мужемъ, сосѣдей, она вела себя какъ-то странно: послѣ обычныхъ привѣтствій, которыя исполняются при новыхъ знакомствахъ и которыя, надо отдать справедливость, Мановская высказывала довольно ловко и свободно, во все остальное время она молчала или только отвѣчала на вопросы, которые ей дѣлали, и то весьма коротко. Болѣе тонкій наблюдатель, съ перваго бы взгляда, замѣтилъ по грустному выраженію лица молодой женщины, что молчаливость ея происходила отъ какого-то тайнаго горя, которое, будучи постояннымъ предметомъ размышленій, отрывало ее отъ всего окружающаго міра и заставляло неволью сосредоточиваться въ самой себѣ. Но не такъ показалось это сосѣдямъ: «она горда», сказали побѣднѣе изъ нихъ; «она глупа», рѣшили богатые. Наружность ея тоже не понравилась. Это была блондинка; черты лица ея были правильны, но она была худа; на щекахъ ея игралъ болѣзненный румянецъ, а тонкія губы были пепельнаго цвѣта. Эти признаки органическаго расстройства и были причиною, что въ наружности

m-те Мановской сосѣди и сосѣдки, привыкшіе болѣе видѣть въ своихъ дочкахъ здоровую красоту, не нашли ничего особеннаго, за исключеніемъ довольно недурныхъ глазъ. Мановскій въ гостяхъ обходился съ женою не очень внимательно, дома же, при постороннихъ, онъ былъ съ ней повелителенъ и даже почти грубъ. Это еще болѣе уронило Мановскую въ глазахъ сосѣдей. «Ее, кажется, и мужъ-то не любитъ», говорили одни; — «и не за что», подтверждали другіе.

Такъ прошли два года. Задоръ-Мановскій сдѣлался однимъ изъ главныхъ представителей между помѣщиками Боярщины. Его всѣ уважали, даже поговаривали, что врядъ ли онъ не будетъ на слѣдующую баллотировку предводителемъ. Дамамъ это было очень досадно: «вотъ ужъ нечего сказать, будетъ у насъ предводительша, даетъ же Богъ этакимъ счастье», говорили онѣ...

Перенесемся однако на нѣсколько времени въ Могилки. Гостиная Мановскихъ была самая большая и холодная комната въ цѣломъ домѣ. Стѣны ея были голы; кожаная, старинная мебель составляла единственное ея убранство. Она была любимымъ мѣстопребываніемъ Михаила Егорыча, который любилъ просторъ и свѣжій воздухъ. Рядомъ съ гостиной была спальная комната, въ которой цѣлые дни просиживала Анна Павловна. Однажды, это было въ началѣ мая, Михайло Егорычъ мѣрными шагами ходилъ по гостиной. На лицѣ его была видна досада. Онъ только-что откуда-то пріѣхалъ. Несмотря на то, что въ комнатѣ, по причинѣ растворенныхъ оконъ, былъ страшный холодъ, Мановскій былъ безъ сюртука, безъ галстука и безъ жилета, въ однихъ только широкихъ

шальварахъ съ красными лампасами. Молодой, лѣтъ двадцати, лакей, въ сѣромъ, изъ домашняго сукна, казакинѣ, перекладывалъ со стула на руку барское платье.

— Вы, этта, соколики,— началъ Мановскій: — ѣздивши съ барыней къ обѣднѣ, весь задокъ отворотили у коляски, шельмы этакіе, и молчатъ еще! Какъ это вамъ нелегкая помогла?

— Лошади разбили-сь. Не то что насъ, барыню-то чуть до смерти не убили,— отвѣчалъ лакей.

— Прахъ бы васъ взялъ и съ барыней! Чуть ихъ до смерти не убили!.. Сахарные какіе!.. А коляску теперь чини!.. Гдѣ кузнецъ-то?.. Свой, вонъ, каналья, гвоздя сковать не умѣеть; теперь посылай въ чужіе люди!.. одолжайся!.. Уроды этакіе! И та-то, вѣдь какъ же, Богу молиться! Богомольщица немудрая, прости Господи! Ступай и скажи сейчасъ Сенькѣ, чтобы ѣхалъ къ предводителю и попросилъ, нельзя ли кузнеца одолжить, дня на два, дескать! Что глаза-то выпучилъ?

— Семена дома нѣтъ-сь,— отвѣчалъ лакей.

— Это какъ? Гдѣ же онъ?

— Въ городъ на почту уѣхалъ; барыня послали.

— Да, вѣдь, я говорилъ,— вскрикнулъ Мановскій, —чтобы ни одна бестія не смѣла ѣздить безъ моего спросу.

— Барыня изволили послать.

— Какъ барынь не послать? помѣщица какая! Хозяйствомъ не занимается, а только письма пишетъ,— писательница! Какъ же, вѣдь, папеньку надобно поздравить съ праздникомъ,— только людей да лошадей гонять! Пошелъ, скажи кучеру, чтобы съѣздилъ за кузнецомъ.

Лакей ушелъ. Михайло Егорычъ, надѣвши только картузь и въ томъ же костюмѣ, отправился на конскій дворъ.

Анна Павловна, сидѣвшая въ своей спальнѣ, слышала весь этотъ разговоръ; но, кажется, она привыкла къ подобнымъ выходкамъ мужа, и только покачала головой съ какою-то горькой улыбкой, когда онъ назвалъ ее писательницею. Она была очень худа и блѣдна. Черезъ четверть часа, Мановскій вернулся и, казалось, былъ еще болѣе чѣмъ-то раздосадованъ. Онъ прямо пошелъ въ спальню.

— Что у насъ теперь дѣлаютъ? — спросилъ онъ, садясь въ уголъ и не глядя на жену.

— Ячмень сѣютъ. Овесъ вчерашній день кончили, отвѣчала та.

— Много ли высѣяно ячменя?

— Сегодня я не знаю.

— Да что-жь вы знаете?—перебилъ Мановскій:— я, кажется, говорилъ вамъ, что бы высами навѣдывались въ поле, а то опять обсѣвки пойдутъ.

— Но я больна, Михайло Егорычъ!

— Вѣчная отговорка: я больна! Надѣли бы шубу, коли очень знобки. Для чего вы здѣсь живете? Последняя коровница, и та больше пользы дѣлаетъ. Людей разсылать да коляски ломать вашедѣло. Будь я подлець, если я не запру всѣ экипажи на замокъ; вонъ навозныхъ телегъ много, на любой извольте кататься! Что это, въ самомъ дѣлѣ, заняться ничѣмъ не хотеть: столоть, что называется, порядочно распорядиться не умѣть! Идетъ, Богъ знаетъ, сколько, а толку нѣтъ! Куда этта, въ два мѣсяца какіе-нибудь, вышелъ пудъ крупчатки? Знаете ли вы

это? Вѣдь ничего не понимаете! Что у насъ, балы, что-ли? Бѣлоручка какая! Я больна!.. Я нездоровал.. Я не могу! Вспомнили бы лучше, много ли приданого-то принесли, — только бабій хвостъ, съ позволенія сказать.

— Зачѣмъ же вы женились на мнѣ?

— Кто васъ зналъ, что вы аферисты этакіе! За меня въ Москвѣ купчихи шли, не вамъ чета, со ста тысячами. Такъ, вѣдь, какъ же, фу ты, Боже мой, какое богатство показывали! Экипажъ— не экипажъ, лошади — не лошади, по Петербургамъ да по Москвамъ разѣзжали, милліонеры какіе, на повѣрку-то вышло—нулы! Этакой подлости мужикъ порядочный не сдѣлаетъ, какъ милый родитель вашъ, а еще генераль!

Послѣднія слова, кажется, болѣе всего оскорбили и огорчили Анну Павловну: она вся вспыхнула и заплакала.

— Какъ же, вѣдь, нюни распустить сейчасъ надобно!.. Ужасно какъ жалко! я вотъ сейчасъ самъ зарыдаю!..

Анна Павловна продолжала плакать.

— За что вы меня мучите,—проговорила наконецъ она грустнымъ голосомъ:—что я вамъ сдѣлала? Я просила и прошу васъ объ одномъ, чтобъ вы не бранили при мнѣ моего отца. Онъ не виноватъ, онъ не зналъ, что вы женитесь не на мнѣ, а на состояніи.

— Скажите пожалуйста! Онъ не зналъ этого, какой малодѣтокъ! Онъ думалъ, что дочку въ одной юпкѣ отпустить благородно? Золото какое! Осчастливилъ!

— Я васъ давно просила отпустить меня. За чѣмъ я вамъ? Вы меня не любите и не уважаете!

— Смѣю ли я васъ не уважать, помилуйте! Глу-

бочайшее почтеніе долженъ питать! Какъ же, вѣдь, такая красавица! такая образованная! Какъ мнѣ васъ не уважать? Вами только и на свѣтѣ существую...— И Мановскій долго еще бранился; но Анна Павловна не говорила уже ни слова; наконецъ, видно, и ему наскучило: онъ замолчалъ и все сидѣлъ насупившись. Молодой лакей вошелъ и сказалъ, что обѣдъ готовъ. Михайло Егорычъ пошелъ первый. Онъ выпилъ первоначально огромную рюмку водки, сѣлъ и, самъ наливши себѣ полную тарелку горячаго, началъ ѣсть почти съ обжорствомъ, какъ обыкновенно ѣдятъ желчные люди. Анна Павловна сидѣла за столомъ больше для виду, потому что ничего не ѣла. Между тѣмъ выраженіе лица Мановскаго, въ той мѣрѣ, какъ онъ наѣдался, запивая каждое блюдо неподслащенной наливкой, дѣлалось какъ будто бы добрѣе. Вставши изъ-за стола, онъ выкурилъ залпомъ три трубки ерѣпкаго турецкаго табаку и легъ въ гостиной на диванъ. Анна Павловна прошла въ спальню.

Мановскій, кажется, думалъ заснуть, но не могъ.

— Анна Павловна! подите сюда!—крикнулъ онъ.

Анна Павловна не отвѣчала. Михайло Егорычъ снова позвалъ ее, но она не шла и даже не откликнулась, а потомъ, потихоньку вставши, хотѣла уйти изъ спальни, но Михайло Егорычъ увидѣлъ ее въ зеркалѣ.

— Куда же вы? говорятъ вамъ, подите сюда!—произнесъ онъ.

Анна Павловна остановилась въ раздумьѣ.

— Подите сюда,—повторилъ Мановскій.

Анна Павловна вошла и сѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи на кресло.

— Сядьте сюда поближе, сказалъ Мановскій.

Анна Павловна не трогалась. Михайло Егорычъ досталъ ее рукою и посадилъ къ себѣ на диванъ. Онъ видимо хотѣлъ приласкаться къ женѣ. У Анны Павловны между тѣмъ лицо горѣло, на глазахъ опять наворачнулись слезы.

— Оставьте меня,—проговорила она, отодвигаясь на другой конецъ дивана.

Михайло Егорычъ молча придвинулъ ее къ себѣ.

— Ну, помиритесь, поцѣлуйте меня,—проговорилъ онъ нѣсколько ласковымъ голосомъ.

Анна Павловна поцѣловала его. Слезы ручьями текли по ея щекамъ.

— О чемъ вы плачете? что за глупости!—проговорилъ Мановскій, и, наклонивъ голову жены, хотѣлъ ее еще поцѣловать. Анна Павловна не въ состояніи была долѣе владѣть собой: почти силой вырвалась она изъ рукъ мужа и, проговоривъ: «оставьте меня!»—ушла. Мановскій посмотрѣлъ ей вслѣдъ озлобленнымъ взглядомъ, и по крайней мѣрѣ около часу просидѣлъ на диванѣ нахмуренный и молчаливый, а потомъ велѣлъ себѣ заложить бѣговья дрожки, и уѣхалъ. Одѣвавшій и провожавшій его молодой лакей вернулся въ прихожую въ какомъ-то раздумьѣ: постоявъ, онъ развелъ что-то руками и легъ на залавокъ.

— Костя! куда баринъ уѣхалъ? спросила горничная дѣвушка Анны Павловны, Матрена, заглянувши въ лакейскую.

— Въ Спиридоново, чай,—отвѣчалъ тотъ.

— Къ Марѣѣ?

— Ну, да.

— Ой, Господи, согрѣшили, грѣшныя,— проговорила горничная въ раздумьѣ.

— Да тебѣ чего тутъ жаль? проговорилъ лакей.

— Барыню больно жаль сидитъ да плачетъ.

— Что плакать-то. Не сегодня у нихъ согласья нѣтъ: все другъ дружкѣ наперекоръ идутъ. Онъ-то, вишь, какой обломъ, а она хвораая.

— Что жъ хвораая? —возразила горничная.

— Что хвораая! извѣстно: мужъ любить жену здоровую, а братъ сестру богатую.

— Да ужъ это такъ,— отвѣчала горничная, и ушла въ дѣвичью.

— Да такъ... Знаемъ тоже и тебя... По што вотъ Марѣѣ попадаетъ, а не мнѣ,— знаемъ! произнесъ самъ съ собой лакей и, прикурнувши головой на лѣвую руку, задремалъ.

II.

Спустя мѣсяць послѣ описаннаго нами происшествія, вся Боярщина собиралась въ домъ у губернскаго предводителя. Это былъ день именинъ его жены. Все почти общество было въ гостиной. Самой хозяйки, впрочемъ, не было дома. Она уже года три жила безъ выѣзда въ Петербургѣ, потому что, по ея собственнымъ словамъ, бывши до безумія страстною матерью, не могла разстаться съ дѣтьми; а другіе толковали такъ, что гвардейскій уланъ былъ тому причиной. Не менѣе того именины ея ежегодно справлялись, въ силу того обычая, что губернскіе предводители, кажется, и послѣ смерти женъ, должны давать обѣды въ день ихъ именинъ. Самъ хо-

зяинъ, маленькій, съденыій старичекъ, съ очень добрымъ лицомъ, въ камлотовомъ сюртукѣ, разговаривалъ съ сидѣвшею съ нимъ рядомъ на диванѣ толстою барынею, Уситковою, которая говорила съ такимъ жаромъ, что, не замѣчая сама того, брызгала слюнами во всѣ стороны. Она жаловалась теперь на становаго пристава. Всѣ кресла, которыя обыкновенно, въ количествѣ полутора дюжинъ, разставляются по обѣимъ сторонамъ дивана, были заняты дамами въ яркихъ шелковыхъ платьяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были въ блондовыхъ чепчикахъ, а другія просто въ гребенкахъ. Лица у всѣхъ по большей части были полныя и слегка у иныхъ подбѣлennыя. Нѣсколько мужчинъ, столпившись у дверей, толковали кой-о-чемъ. Другіе ходили или, заложивши руки назадъ, стояли, и только повременамъ, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ, переглядывались съ своими женами. Сосѣдняя съ гостиною, комната называлась диванная. Въ ней также помѣщались нѣсколько человекъ гостей: приходскій священникъ съ своей попадѣей, которые тихо, но съ замѣтнымъ удовольствіемъ, разговаривали между собою, какъ будто бы для этого имъ рѣшительно не было дома времени; потомъ: жена становаго пристава, которой, кажется, было очень неловко въ застегнутомъ платьѣ; гувернантка Уситковой въ терновомъ капотѣ и съ огромнымъ ридикюлемъ, собственно назначеннымъ не для ношенія платка, а для собиранія на всѣхъ праздникахъ яблокъ, конфектъ и другихъ сладкихъ благодатей, съѣдаемыхъ послѣ, въ продолженіе недѣли; и наконецъ, молодой письмоводитель предводителя, напوماженный и завитой, кото-

рый съ большимъ вниманіемъ глядѣлъ сквозь стекло во внутренность стоявшихъ близъ него столовыхъ часовъ: ему ужасно хотѣлось открыть, — отъ чего это маятникъ безпрестанно шевелится. Кромѣ этихъ лицъ здѣсь были еще три собесѣдника, которые, видимо, удалились изъ гостиной затѣмъ, чтобы свободнѣе предаваться разговорамъ, лично для нихъ интереснымъ. Это были: племянница хозяина, довольно богатая, лѣтъ тридцати, вдова, Клеопатра Николаевна Маурова. Высокая ростомъ, съ открытой физіономіей, она была то, что называютъ *bele femme*, имѣя притомъ какой-то тихій, мелодическій голосъ и манеры довольно хорошія, хотя нѣсколько и жеманныя; но главное ея достоинство состояло въ замѣчательной легкости характера и въ неподдѣльной, — природной веселости. Сидѣвшая съ нею рядомъ особа была совершенно противоположна ей: это была худая, желтая, озлобленная дѣвственница, извѣстная въ околоткѣ подъ именемъ барышни, про которую, впрочемъ, говорили, что у нея было что-то такое въ родѣ мужа, что дома ее колотило, а когда она выѣзжала, такъ стояло на запяткахъ. Третье лицо былъ молодой человѣкъ: онъ былъ довольно худъ, съ густыми, длинными, а-ля-мужикъ и слегка вьющимися волосами; въ блѣдномъ и выразительномъ лицѣ его, если нельзя было прочесть серьезныхъ страданій, то, по-крайней-мѣрѣ, высказывалась сильная юношеская раздражительность. По модному черному фраку и гладко натянутымъ французскимъ палевымъ перчаткамъ, а главное по стеклышку, которое онъ повременамъ вставлялъ въ глазъ, нетрудно было догадаться, что онъ недавно изъ столицы.

Эти три лица разговаривали о чувствахъ и страстяхъ.

— Итакъ, monsieur Эльчаниновъ, вы говорите, что вашъ идеалъ — женщина страдавшая; вотъ ужъ не понимаю, — говорила Клеопатра Николаевна, пожимая плечами.

— Что тутъ непонятнаго? — отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Горе облагораживаетъ и возвышаетъ душу женщины, какъ и человѣка вообще.

— Ахъ, Боже мой! подхватила вдова. — Послѣ этого, всякая женщина можетъ быть идеаломъ, потому что всякая женщина страдаетъ. Полноте, господа! Вы не имѣете идеала. Я видѣла мужчинъ, влюбленныхъ въ такихъ милыхъ, прекрасныхъ женщинъ, и что же послѣ? Они влюблялись въ уродовъ, просто въ уродовъ! Какъ вы это объясните?

— Я могу объяснить только то, что самъ переживалъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Клеопатра Николаевна васъ спрашиваетъ про наружность вашего идеала, — замѣтила барышня съ ядовитою улыбкою, — страдаетъ, вѣдь, всякая женщина, — прибавила она.

— Про наружность я не могу вамъ сказать опредѣлительно, — отвѣчалъ молодой человѣкъ: — впрочемъ, мнѣ лучше нравятся женщины слабыя, не множокъ съ болѣзненнымъ румянцемъ и съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Странный вкусъ, — сказала съ усмѣшкою вдова: — здѣсь есть одна такая женщина, только жаль, что нѣсколько глупа.

— А, понимаю, о комъ вы говорите, замѣтила барышня: — о Зенѣ.

— Конечно, о комъ же больше, — отвѣчала Клеопатра Николаевна.

— Кто такая эта Зе? спросилъ молодой человѣкъ.

— Женщина слабая, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, и вдобавокъ еще — глупенькая, отвѣчала Клеопатра Николаевна.

— Худая и больная женщина, врядъ ли, можетъ быть глупа, — возразилъ молодой человѣкъ. — Всѣ дураки пользуются, обыкновенно, благомъ здоровья: — у нихъ тѣло развивается на счетъ души.

— Желаю вамъ отыскать поскорѣе вашъ идеалъ, сказала вдова, поспѣшно вставая. — Пойдемте, Natalie, прибавила она, взявъ за руку свою соседницу; обѣ дамы пошли въ гостиную.

Не смотря на стараніе скрыть, досада промелькнула въ лицѣ Клеопатры Николаевны.

Молодой человѣкъ съ насмѣшливой гримасой посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Это былъ одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, нѣкто Валерьянъ Александрычъ Эльчаниновъ. Мнѣніе сосѣдей объ немъ было такое, что — матушкинъ баловень, которая возилась съ нимъ, какъ курица съ яйцомъ, и, немного-немало, проучила и прожила на него 200 душъ. Ну, и выучить, конечно, выучили многому, но проку изъ того, кажется, вышло мало, потому что молодой человѣкъ врядъ ли служилъ гдѣ-нибудь и имѣлъ ли даже какой-нибудь чинъ. Послѣ смерти матери онъ жилъ по столицамъ, а теперъ пріѣхалъ на житье въ свою разоренную усадьбу — на какую-нибудь сотню душъ; и вмѣсто того, чтобы какъ-нибудь поустроить имѣніе, только и занимался тѣмъ, что въздилъ по гос-

тямъ, либо ходилъ съ ружьемъ да съ собакой на охоту. Прекрасное занятіе для молодого, образованнаго человѣка.

Шумъ въ залѣ возвѣстилъ о пріѣздѣ новыхъ гостей. Хозяинъ привсталъ съ мѣста. — Въ гостиную вошелъ Мановскій, сопровождаемый женою. Мужчины привѣтливо и съ почтеніемъ подавали руку первому.

— Милости просимъ, дорогой гость, говорилъ хозяинъ, тоже протягивая обѣ руки Задоръ-Мановскому: — Какъ ваше здоровье, Анна Павловна? — прибавилъ онъ.

Мановскій и жена поздравили предводителя съ дорогою имянинницею и справились, давно ли отъ нея получалъ письма.

— Недавно, очень недавно, — отвѣчалъ старикъ и солгалъ.

Новопріѣзжіе разошлись: Анна Павловна, поклонившись нѣкоторымъ дамамъ, сѣла на отдаленное кресло; Задоръ-Мановскій подошелъ къ мужчинамъ.

Въ это время въ гостиную вошелъ Эльчаниновъ, прислонился къ колоннѣ и, стараясь принять нѣсколько изысканное положеніе, вставилъ стеклышко въ глазъ и взоромъ наблюдателя началъ оглядывать общество. Вдругъ глаза его неподвижно остановились на одномъ предметѣ; блѣдноелицо его вспыхнуло.

— Кто эта дама? — спросилъ онъ торопливо и не безъ волненія, схвативъ за руку проходившаго мимо исправника.

— Которая-съ?

— На крайнемъ креслѣ, въ коричневомъ платьѣ.

— Это жена Задоръ-Мановскаго.

— Что-жь, она здѣшняя?

— Нѣтъ, онъ женился тамъ гдѣ-то далеко.

Въ это время мимо ихъ прошла Клеопатра Николаевна съ своей спутницей.

— Вашъ идеаль прїѣхаль, можете адресоваться, сказала она Эльчанинову. Тотъ ей ничего не отвѣтилъ и врядъ-ли даже слышалъ ея замѣчаніе. Онъ, не спуская глазъ, глядѣлъ на Мановскую.

— Какъ имя этой м-ше Мановской? спросилъ онъ исправника.

— Анна Павловна, — отвѣчалъ тотъ.

— Это она, — почти влухъ сказалъ Эльчаниновъ, и быстро пошелъ въ сторону, гдѣ сидѣла Мановская.

Исправникъ съ усмѣшкою посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Ну, теперъ пошелъ, — сказалъ онъ, подмигнувъ стоявшему возлѣ толстому Уситкову и тоже наблюдавшему эту сцену:—видно, Мановскаго еще не видалъ.

— Да, отвѣчалъ тотъ усмѣхнувшись: — тутъ на счетъ этого не безопасно! и не такому жиденькому кости переломають.

Между тѣмъ Эльчаниновъ стоялъ уже передъ Мановской.

— Вы ли это, Анна Павловна? — сказалъ онъ, все еще въ недоумѣніи глядя на молодую женщину.

Мановская взглянула на него, и судорожный трепетъ пробѣжалъ по ея лицу. Она хотѣла что-то отвѣчать, но голосъ ей измѣнилъ.

— Валерьянъ Александрычъ, какъ вы здѣсь? проговорила наконецъ она.

— Я здѣшній уроженецъ! Скажите лучше, какъ вы

попали сюда? сказалъ Эльчаниновъ, садясь около нея.

— Я замужемъ.

— Замужемъ? За кѣмъ? Миѣ говорили...

— За Мановскимъ.

— Но вы больны, голосъ вашъ слабъ, вы не похожи на себя?

Анна Павловна ничего не отвѣчала.

— Неужели мои пророчества, — продолжалъ молодой человекъ, — которыя я предсказывалъ вамъ въ шутку, неужели они сбылись? Неужели вы!..

— Бога ради, не говорите со мною, — прервала шепотомъ молодая женщина: — на насъ смотрятъ. Отойдите отъ меня,

— Я не отойду отъ васъ, покуда вы миѣ не скажете, что съ вами? Отчего эта переменъна? Вспомните, вы называли меня когда-то вашимъ другомъ! Вы должны быть со мною откровенны!..

— Только не здѣсь, Бога ради не здѣсь, — подхватила Анна Павловна.

— Гдѣ же?

— Гдѣ хотите; въ лѣсу, въ полѣ, только не при людяхъ!.. Отойдите!

— По крайней мѣрѣ, назначьте время и мѣсто.

— Я гуляю въ полѣ, близъ Ланинской рощи, сказала шепотомъ Анна Павловна: — будьте тамъ въ пятницу, въ 4 часа!.. Отойдите!

Эльчаниновъ повиновался ей, и первымъ его дѣломъ было — выйти на балконъ. Лицо его горѣло. Нѣсколько минутъ простоялъ онъ, наклонившись надъ перилами, и, какъ бы желая освѣжиться отъ внутренняго волненія, вдыхалъ довольно свѣжій воз-

духъ; потомъ улыбнулся, встряхнулъ волосами и весело возвратился въ гостиную.

— Вамъ нечего меня опасаться, — сказалъ онъ тихо Мановской, проходя мимо ея: — здѣсь всѣмъ извѣстно, что я влюбленъ въ m-me Маурову.

Молодая женщина взглянула на него и, кажется, поняла этотъ намекъ.

Эльчаниновъ подошелъ къ вдовѣ, которая, на этотъ разъ, была одна и сидѣла опять въ наугольной, задумчиво перебирая концы своего шарфа.

— Какъ я радъ, — сказалъ онъ, усаживаясь около нея, — что наконецъ встрѣтилъ васъ безъ вашей гувернантки.

— Это что значить? спросила вдова, внимательно посматрѣвъ на молодаго человѣка.

— Это значить, что я могу съ вами наконецъ говорить откровенно.

— Право?.. А я не замѣчала въ васъ притворства? Напротивъ, вы слишкомъ откровенны.

— А мой идеаль?

— Что жъ вашъ идеаль?

— Я изобрѣлъ его, чтобы скрыть настоящій.

— Или вы тогда хитрили, или теперь хитрите, сказала Клеопатра Николаевна, снова внимательно взглянувъ на молодаго человѣка.

— Она умнѣе, нежели я полагалъ, — подумалъ про себя Эльчаниновъ. Позвольте мнѣ съ вами рядомъ сѣсть за столомъ, сказалъ онъ вслухъ.

— Извольте.

Онъ поцѣловалъ ея руку.

— Еще одна просьба!

— А именно?

— Что бы не было около васъ вашей спутницы.

— Это почему?

— Я ее терпѣть не могу: она сплетница, и я долженъ буду невольно притворяться.

— За что же вы ее не любите? Вотъ что значитъ наружность! Ахъ, господа, господа мужчины!

— Прошу васъ!

— Извольте! Впрочемъ помните, это жертва!

— Мерси, — сказалъ Эльчаниновъ, и снова поцѣловалъ руку Клеопатры Николаевны.

— Вы мнѣ скажете вашъ идеаль, — сказала вдова, не отнимая руки.

— Сжаму, отвѣчалъ молодой человекъ съ притворнымъ смущеніемъ, и сжалъ ей руку.

Они разошлись.

Черезъ полчаса сѣли за столъ. Эльчаниновъ былъ рядомъ съ Клеопатрой Николаевной. Вдова была, говоря безъ преувеличенія, примадонною всѣхъ сѣздовъ Боярщины. Она была исключительнымъ предметомъ вниманія и любезностей со стороны мужчинъ, хоть сколько-нибудь претендующихъ еще на любезность. Причина этому, конечно, заключалась въ независимости ея положенія, въ ея живомъ, развязномъ характерѣ, а больше всего въ кокетствѣ, къ которому она чувствовала чрезмѣрную склонность. Въ числѣ ея поклонниковъ былъ, между прочимъ, и Задоръ-Мановскій, суровый и мрачный Задоръ-Мановскій, и, надобно сказать, что до сего времени Клеопатра Николаевна предпочитала его прочимъ: она часто ѣздила къ нимъ верхомъ, принимала его во всякое время, а главное — терпѣть не могла

его жены, съ которою она, не смотря на дружеское знакомство съ мужемъ, почти не кланялась.

Судьба посадила Задоръ-Мановскаго напротивъ вдовы.

— Кто этотъ молодой человекъ?—спросилъ онъ у своего сосѣда, указывая на Эльчанинова.

— Это сосѣдъ его превосходительства, недавно пріѣхалъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ же онъ живетъ?

— Въ Коровинѣ.

— Въ Коровинѣ?... Что же онъ служить что ли гдѣ-нибудь?

— Богъ его знаетъ, неизвѣстно.

Въ это время Эльчаниновъ что-то съ жаромъ началъ говорить вдовѣ. Она краснѣла нѣсколько. Мановскій сталъ прислушиваться, но, увы, Эльчаниновъ говорилъ по-французски. Задоръ началъ кусать губы.

— Клеопатра Николаевна!—сказалъ онъ не вытерпѣвъ. Отвѣта не было.

— Клеопатра Николаевна! повторилъ еще разъ Мановскій. Вдова взглянула на него.

— Когда же мы съ вами поѣдемъ на охоту?—спросилъ онъ.

— Я не буду больше ѣздить на охоту,—отвѣчала торопливо Клеопатра Николаевна.—Ну, продолжайте, Бога ради, продолжайте; это очень интересно,—прибавила она, обращаясь къ Эльчанинову.

— Почему же вы не хотите ѣздить?—спросилъ неотвязчиво Мановскій.

— Ахъ, Боже мой, почему? Потому что... не хочу.

— А вы ѣздите на охоту?... Странное для дамы удовольствіе, — замѣтилъ съ усмѣшкою Эльчаниновъ.

— А почему оно страннѣе удовольствія—бесѣдовать съ вами?—замѣтилъ дерзко Мановскій.

Эльчаниновъ посмотрѣлъ на своего противника.

— А вамъ это, видно, очень непріятно?—сказалъ онъ опять съ усмѣшкою.

Мановскій только взглянулъ на него своими выпуклыми, сѣрыми глазами.

— Неужели? — подхватила съ громкимъ смѣхомъ вдова: — это очень лестно. Благодарю васъ, monsieur Эльчаниновъ, вы открываете мнѣ глаза.

Эльчаниновъ многозначительно улыбнулся.

Мановскій былъ совершенно уничтоженъ: его не только предпочли, но еще и осмѣяли.

Есть люди, въ душѣ которыхъ вы никакою любовію, никакимъ участіемъ, никакою преданностію съ вашей стороны не возбудите чувства дружбы, но съ которыми довольно сказать два, три слова наперекоръ, для того, чтобы сдѣлать ихъ себѣ смертельными врагами. Таковъ былъ и Задоръ. Ревнивый по натурѣ, онъ тутъ же заподозрилъ вдову въ двусмысленныхъ отношеніяхъ съ молодымъ человѣкомъ и далъ себѣ слово — всѣми силами мѣшать ихъ любви. Такимъ образомъ судьба, какъ бы нарочно, направила пронизательный взоръ этого человѣка совершенно не въ ту сторону, куда бы слѣдовало.

— Кто это такой?—спросилъ Эльчаниновъ Клеопатру Николаевну: — онъ, кажется, неравнодушенъ къ вамъ.

— Не знаю, — отвѣчала она кокетливо и прибавила: — это Задоръ-Мановскій,

— Задоръ-Мановскій, — повторилъ Эльчаниновъ. Последнее извѣстіе его весьма обеспокоило.

Въ это время въ залу вошелъ нѣзвычайный, невзрачный человѣкъ, но съ огромною, какъ обыкновенно бываетъ у карликовъ, головою. Въ одеждѣ его видна была страшная борьба опрятности съ временемъ, щегольства съ бѣдностію. На плоскомъ и широкомъ лицѣ его сіяло удовольствіе. Онъ быстро проходилъ залу, едва успѣвая поклониться нѣкоторымъ изъ гостей. Хозяинъ смотрѣлъ прищурившись, чтобы узнать, кто это былъ новопріѣзжій.

— Честь имѣю, ваше превосходительство, — началъ бойко гость, — поздравить съ драгоцѣннѣйшей именинницею и позвольте узнать, какъ ихъ здоровье?

— Благодарю, Иванъ Александрычъ, благодарю! пишетъ, что здорова, — отвѣчалъ съ обязательною улыбкою Алексѣй Михайлычъ: — прошу покорно садиться!... Малой! поставь приборъ.

— Извините, ваше превосходительство, — продолжалъ Иванъ Александрычъ, — что не имѣлъ времени, поутру засвидѣтельствовать моего поздравленія: дядюшка изволили прибыть.

— Графъ Юрій Петровичъ пріѣхалъ! — почти вскрикнулъ хозяинъ.

— Графъ пріѣхалъ, — повторилось почти во всѣхъ концахъ стола.

— Вчерашній день, — началъ Иванъ Александрычъ, — въ 12 часовъ ночи, совершенно неожиданно. Конечно, онъ мнѣ писалъ, да все какъ-то двусмысленно. Знаете, великіе люди все любятъ загадки загадывать. Домъ-то, впрочемъ, всегда, вѣдь, готовъ. Вдругъ сегодня изъ Каменки ночью верховой... Что такое, братецъ?... Перепугался, знаете, со сна. «Дядюшка, говоритъ, его сіятельство, пріѣхалъ и жадають васъ видѣть.»

Я сейчасъ отправляюсь. Старикъ немножко боленъ съ дороги, ну, конечно, обрадовался. Такъ мы и просидѣли. Пріятное родственное свиданіе!

— А надолго пріѣхалъ Юрій Петровичъ?—спросилъ хозяинъ. Да садитесь около меня, Иванъ Александрычъ!... Эй, переставьте сюда приборъ.

Иванъ Александрычъ сѣлъ.

— Надо полагать, что на годъ, если только не соскучится,—началъ онъ, а потомъ, склонивши голову немного на бокъ, продолжалъ: — Сегодня, за кофеемъ уморилъ меня со смѣху старикъ. «Тѣсенъ, — говоритъ, — Ваня, у меня здѣсь домъ». Каменской домъ тѣсенъ, въ 30 комнатъ!

— Да зачѣмъ же вашъ дядюшка пріѣхалъ такъ надолго? Видно, въ Петербургѣ ужь ненадобенъ?—спросилъ Мановскій.

Иванъ Александрычъ только усмѣхнулся.

— Дядюшка,—началъ онъ внушительнымъ тономъ, — можетъ жить, гдѣ захочетъ и какъ захочетъ.

— Будто? — спросилъ Задоръ.

Иванъ Александрычъ точно не слыхалъ этого вопроса.

— Для здоровья, надо полагать, онъ больше пріѣхалъ, чтобы здоровье свое поправить, которое точно что потратилъ отъ трудовъ своихъ,—проговорилъ онъ, обращаясь къ хозяину.

— Конечно, конечно, — подтвердилъ тотъ.

— Враки!—произнесъ, какъ бы самъ съ собою, впрочемъ довольно громко, Мановскій.

Извѣстіе о пріѣздѣ графа заняло всѣхъ. Во всю остальную часть обѣда, только и говорили объ немъ. Графъ Юрій Петровичъ Сапѣга былъ совсѣмъ боль-

шой баринъ по породѣ, богатству и своему официальному положенію, а по добротѣ его всѣ почти окружные помѣщики или были обязаны имъ, или надѣялись быть обязанными. Сверхъ того, можетъ ли маленькій человѣкъ не почувствовать живаго интереса къ лицу важному. Всѣ себѣ дали слово: на другой же день явиться къ графу для засвидѣтельствованія глубочайшаго почтенія, и только четыре лица не раздѣляли общаго чувства; это были: Задоръ-Мановскій, который, любя управлять чужими мнѣніями, не любилъ ихъ принимать отъ другихъ, Анна Павловна, не замѣчавшая и не видѣвшая ничего, что происходило вокругъ ея,—потомъ Эльчаниновъ, котораго въ это время занимала какая-то мысль,—и наконецъ, вдова, любовавшаяся, въ молчаніи, задумчивымъ лицомъ своего собесѣдника. Что касается до Ивана Александрыча, то онъ былъ просто на небѣ. Всѣ къ нему адресовались съ вопросами, всѣ желали говорить съ нимъ. О такой минутѣ онъ давно и постоянно мечталъ. Въ околоткѣ онъ былъ извѣстенъ не столько подъ своимъ собственнымъ именемъ и фамиліей, сколько подъ именемъ *графскаго племянника*, хотя родство это было весьма сомнительно, и снисканъ нѣкоторымъ вниманіемъ Сапѣгъ онъ собственно былъ за то, что еще въ дѣтствѣ росъ у нихъ въ домѣ, съ назначеніемъ быть карликомъ; но такъ какъ выросъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, то и былъ отправленъ обратно въ свою усадьбу съ назначеніемъ пожизненной пенсіи. Проживая такимъ образомъ лѣтъ около двадцати въ Боярщинѣ, Иванъ Александрычъ какъ будто не имѣлъ личнаго существованія, а былъ какимъ-то телеграфомъ, который разглашалъ помѣщикамъ все, что

дѣлалъ его дядя въ Петербургѣ, или что дѣлается въ имѣніи дяди; какой блистательный балъ давалъ его дядя, на которомъ одинъ ужинъ стоилъ сто тысячъ, и наконецъ, какую къ нему самому пламенную любовь питаетъ его дядюшка. «Да что жъ вы не ѣдете въ Петербургъ?» спрашивали его нѣкоторые изъ сосѣдей, видя его очень небогатую жизнь, которую онъ велъ въ своей деревнюшкѣ.

— А имѣнья-то дяди?—отвѣчалъ Иванъ Александрычъ; хотя при имѣніи былъ особый нѣмецъ-управитель, который, говорятъ, даже не пускалъ и въ усадьбу племянника по какимъ-то личнымъ неудовольствіямъ. Но возвращаюсь къ разсказу моему. Послѣ обѣда Эльчаниновъ тотчасъ же отошелъ отъ вдовы; ему было досадно на себя за нѣсколько колкихъ словъ, которыя онъ, по незнанію, сказалъ Задоръ-Мановскому. «Мнѣ бы надобно было съ нимъ познакомиться, сойтись, сдѣлаться частымъ его гостемъ, а тамъ и пріятелемъ, а теперь... какъ теперь поѣдешь съ визитомъ? Впрочемъ нельзя ли какъ-нибудь еще поправить, думалъ онъ самъ съ собою: — можно съ нимъ опять заговорить, приласкаться, счесться дальнимъ родствомъ и посмѣяться даже надъ вдовой.»

Съ этимъ намѣреніемъ онъ вошелъ въ гостиную. Первый предметъ, представившійся его глазамъ, былъ Задоръ-Мановскій съ картузомъ въ рукахъ. Онъ прощался съ хозяиномъ, отговариваясь болѣзнію жены; невдалекѣ отъ него стояла Анна Павловна уже въ шляпкѣ.

Всѣ надежды рушились... Теперь прошу ожидать, когда удастся встрѣтиться съ Мановскимъ гдѣ-нибудь въ домѣ. Онъ посмотрѣлъ на Анну Павловну и ему,

показалось, что ей тоже не хотѣлось уѣзжать. Какъ она была хороша въ эту минуту и какъ позавидовалъ онъ ей мужу, который поѣдетъ вмѣстѣ съ нею вдвоемъ въ коляскѣ, будетъ ласкать ее, поцѣлууетъ, тогда какъ ему нельзя даже проститься съ ней; хотъ бы еще два слова сказать, хотъ бы еще разъ условиться въ свиданіи. Боже мой! Къ чему эти общественныя понятія, которыя такъ стѣсняють свободу человѣка!... Такъ думалъ Эльчаниновъ, и когда Мановскіе уѣхали, ему сдѣлалась страшная скука. Походя, безъ всякой цѣли, изъ комнаты въ комнату, онъ рѣшился ѣхать домой. А потому, взявшись за шляпу, простился съ хозяиномъ и пошелъ отыскивать Клеопатру Николаевну.

Вдова сидѣла въ диванной съ исправникомъ и еще съ нѣкоторыми мужчинами.

— Это что значитъ?—сказала она, увидѣвъ Эльчанинова со шляпою въ рукахъ.—Вы ѣдете?

— Я еще поутру говорилъ вамъ, что мнѣ послѣ обѣда нужно будетъ ѣхать,—отвѣчалъ онъ, какъ бы стараясь оправдаться.

— Полно, такъ ли?—спросила вдова, устремивъ пронипательный взоръ на молодаго человѣка.— Полноте, не ѣздите.

— Нужно-съ.

— Когда же вы у меня будете?

— Когда прикажете.

— Приѣзжайте завтра.

— Хорошо.

— На цѣлый день?

— На цѣлый день. Adieu.

— Adieu, ужасный человѣкъ.

III.

Чтобъ объяснить читателю тѣ отношенія, въ которыхъ находилась Мановская съ Эльчаниновымъ, я долженъ нѣсколько вернуться назадъ.

Хорошенькій собой и очень умный Валеръ перебивалъ, я думаю, во всѣхъ пансіонахъ московскихъ. Мать вездѣ находила, что или дурно кушать ему даютъ, или строго учатъ.

Лѣтъ 18-ти наконецъ, оставшись послѣ смерти ея полнымъ распорядителемъ самого себя, онъ рѣшился поступить въ тамошній университетъ съ твердымъ намѣреніемъ трудиться, работать, заниматься, и наконецъ образовать изъ себя ученаго человѣка, во славу современникамъ и для блага потомства,— намѣреніе, которое имѣютъ почти всѣ студенты въ начальные мѣсяцы перваго курса. Онъ накупилъ себѣ книгъ, записался во всѣ возможные библіотеки и началъ слушать лекціи; но все пошло не такъ, какъ онъ ожидалъ: на лекціяхъ ему была страшная скука; записывать слова профессора онъ не могъ; попробовалъ читать дома руководства, источники; но это оказалось еще скучнѣе. А между тѣмъ жизнь пахнула уже на него своимъ обаяніемъ: онъ ходилъ въ театры, на гулянья, познакомился съ четырехкурсными студентами, пропировалъ съ ними цѣлую ночь въ трактирѣ и выучился безъ ошибки пѣть *Gaudeamus igitur*. Рядомъ съ нимъ стояла актриса; онъ познакомился съ актрисою и сталъ съ нею декламировать Шекспира. Время между тѣмъ шло: Эльчаниновъ опомнился только передъ экзаменомъ: въ три-

четыре дня списалъ онъ пропущенныя лекціи и, въ одинъ мѣсяцъ, съ свойственною только студентамъ быстротою, приготовился къ экзамену. Его перевели. Этотъ успѣхъ сдѣлалъ то, что Эльчаниновъ, въ продолженіе года, рѣшительно пересталъ думать объ университетѣ. Жизнь сдѣлалась главною его цѣлью. У него были пріятели, были знакомые. Онъ кутилъ, танцевалъ, изъяснялся въ любви, игралъ на домашнихъ театрахъ и писалъ въ безсонныя ночи стихи. Теряя такимъ образомъ въ отношеніи образованія, Эльчаниновъ въ тоже время натирался, что называется, въ жизни: онъ узналъ хорошо женщинъ или, лучше сказать, ихъ слабости и былъ съ ними смѣлъ и даже дерзокъ. Онъ умѣлъ съ перваго взгляда разгадывать людей или по крайней мѣрѣ опредѣлять: богатъ ли человекъ или нѣтъ, питаетъ ли онъ къ своей личности уваженіе или вовсе не дерзаетъ на самолюбіе. Бывая въ разнородныхъ обществахъ, Эльчаниновъ сдѣлался въ нѣкоторой степени тонокъ въ обращеніи съ людьми. Онъ старался поддѣлаться къ тѣмъ, которые были его выше, и не чуждъ былъ давнуть тѣхъ, которыхъ считалъ ниже себя. Но хуже всего Эльчаниновъ, какъ и большая часть людей, понималъ самого себя. Впечатлительный по характеру, энергическій и смѣлый въ своихъ предпріятіяхъ, но слабый при исполненіи ихъ, онъ сталъ предполагать въ себѣ сильныя страсти, а вслѣдствіе ихъ глубокія страданія.

Одинъ изъ пріятелей Эльчанинова познакомилъ его съ своею теткою, радушною старухою, у которой была внучка, только-что выпущенная изъ Смольнаго монастыря. Это была пухленькая брюнетка,

съ розовыми щечками и съ быстрыми, какъ у дикой серны, глазками. Она очень понравилась Эльчанинову. Онъ началъ ласкаться къ старухѣ, болѣе и болѣе сталъ учащать свои посѣщенія и чрезъ мѣсяць сдѣлался уже совершенно домашнимъ человѣкомъ. Все шло, какъ нельзя лучше для студента: старушка его полюбила, маленькая брюнетка часъ отъ часу къ нему привыкла, и вотъ, въ одинъ вечеръ Эльчаниновъ, оставшись на-единѣ съ Вѣрочкой (такъ звали брюнетку), долго и выжкопарно толковалъ ей о любви, а потомъ, какъ бы невольно схвативши ея пухленькую ручку, покрылъ ее сгратными поцѣлуями. Вѣрочка заплакала отъ стыда. Студентъ утѣшалъ ее, умолялъ любить его и говорилъ, что если она сейчасъ же не скажетъ, что любитъ его, такъ онъ пойдетъ и застрѣлится. Вѣрочка испугалась и сказала, что она дѣйствительно его любитъ, что ей безъ него страшная скука и въ заключеніе просила какъ можно чаще ходить къ нимъ. Эльчаниновъ былъ въ восторгѣ: онъ цѣловалъ, обнималъ тысячу разъ свою Лауру (такъ называлъ онъ Вѣру), а потомъ почти не помня себя, убѣжалъ домой. Эта минута была паэосомъ любви его къ Вѣрѣ. Въ послѣдующее затѣмъ время, онъ уже ничего новаго не открывалъ въ своей Лаурѣ: она оставалась такой, какой была въ первую минуту, то есть хорошенькою дѣвушкою, которую съ удовольствіемъ можно цѣловать, ласкать, и которая сама очень мило ласкалась, но затѣмъ больше ничего. Вѣрочка была дѣйствительно не богата внутреннимъ содержаніемъ. Эльчанинову начинало становиться скучно у старой нѣмки, и онъ ходилъ къ ней болѣе уже по привычкѣ. Но вотъ, од-

нажды, это было въ воскресенье, онъ пришелъ къ нимъ обѣдать. Вѣрочка выбѣжала къ нему навстрѣчу.

— Валерьянъ!—сказала она, взявши его за руки:— поздравь меня, Анета пріѣхала. Ахъ, какъ намъ троимъ будетъ весело.—Съ послѣдними словами Вѣра потащила студента въ гостиную.

— Вотъ она,—сказала брюнетка, указывая на молодую дѣвушку, сидѣвшую возлѣ старой нѣмки.

Эльчаниновъ невольно остановился въ смущеніи, несвязно пробормоталъ что-то такое старухѣ и поклонился пріятельницѣ Вѣры, которая поразила его своею наружностью. Она была блондинка. Никогда еще Эльчаниновъ не встрѣчалъ такой нѣжной красоты, никогда еще не видалъ такого кроткаго и спокойнаго взгляда, какимъ взглянула на него дѣвушка своими карими глазами изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Она была такъ стройна и воздушна, что показалась Эльчанинову одною изъ тѣхъ пери, которыя населяютъ заоблачный міръ, и какъ бы нарочно была одѣта въ бѣлое, газовое платье. Это была Анна Павловна, теперь больная, худая Анна Павловна, но тогда счастливая, не знакомая ни съ однимъ изъ жителейскихъ золь, жившая къ кругу людей, которые истинно любили и берегли ее. Анна Павловна вмѣстѣ съ Вѣрою вышла изъ Смольнаго монастыря и теперь только что воротилась изъ деревни, гдѣ почти цѣлый годъ прожила съ отцомъ своимъ. Она, видно, искренно любила пріятельницу свою, потому что на другой же день, по возвращеніи, пріѣхала навѣстить ее. Обѣ дѣвушки, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, далеко были раскинуты общественнымъ положеніемъ. Анна Павловна, какъ дочь одного изъ значительныхъ лю-

дей, стала принадлежать совершенно иному міру, нежели бѣдная Вѣра, которая, бывши же болѣе какъ дочерью полковаго лекаря, поселилась у своей бабушки, съ тѣмъ, чтобы, проскучавъ дѣтъ пять, тоже выйти за какого-нибудь лекаря.

Эльчаниновъ оправился и началъ разговаривать со старухою, между тѣмъ Вѣра, усѣвшись возлѣ пріятельницы, начала ей что-то шептать.

— Кто эта дѣвица?—спросилъ студентъ тихо у старухи.

— Дочь генерала Кронштейна, отвѣчала та. — Очень добрая дѣвушка, — какъ любитъ мою Вѣрочку, дай ей Богъ здоровья. Онъ обѣ вѣдь Смолянки. Это то аристократка, богатая, — прибавила старуха. И слова эти еще болѣе подняли Кронштейнъ въ глазахъ Эльчанинова. Онъ цѣлое утро проговорилъ со старухою и не подходилъ къ дѣвушкамъ, боясь, чтобы Анна Павловна не замѣтила его отношеній съ Вѣрочкою, которыхъ онъ начиналъ уже стыдиться. Но не такъ думала Вѣра.

Послѣ обѣда, старуха ушла въ спальню, а студентъ остался съ дѣвушками.

Онъ сѣлъ по-одалъ.

— Валерьянъ, — сказала Вѣра: — пооди сюда! Анета знаетъ все, я ей рассказала.

Эльчанинову легче было бы провалиться сквозь землю; впрочемъ, онъ совладѣлъ съ собой.

— Вѣра Александровна, — началъ онъ, обращаясь къ Аннѣ Павловнѣ: — могла быть съ вами откровенна; но я не имѣю на это никакого права.

Анна Павловна опять взглянула на него изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ своихъ.

— Я могу желать только одного, продолжалъ Эльчаниновъ,—чтобы вы сами убѣдились, что я достоинъ вашего участія. Позвольте мнѣ съ вами видѣться какъ можно чаще, бывать передъ вами въ горькія и отрадныя минуты моей жизни.

— Я безъ вашей просьбы дала себѣ слово строго наблюдать за вами,—отвѣчала съ легкою улыбкою Анна Павловна.

Такимъ образомъ то, чего боялся Эльчаниновъ, послужило ему въ пользу. Онъ много рассчитывалъ на этомъ дружескомъ сближеніи и все остальное время былъ очень занимателенъ: онъ говорилъ, какъ говорятъ обыкновенно студенты, о любви, о дружбѣ, стараясь всюду выказать благородство чувствъ и мыслей, и въ то же время весьма мало упоминалъ, по извѣстной ему цѣли, о своей любви къ Вѣрѣ. Изъ этой бесѣды онъ увидѣлъ, что Анна Павловна далеко превосходила свою подругу умомъ и образованіемъ, не смотря на равенство лѣтъ и одинаковость воспитанія. Эльчаниновъ возвратился домой совершенно очарованный своею новою знакомою. Планъ его былъ таковъ: сблизившись и подружившись съ молодой дѣвушкой, онъ покажетъ ей, насколько онъ выше ея подруги, и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ ей понять, что, при его нравственномъ развитіи, онъ не можетъ истинно любить такую дѣвушку, какова была Вѣра, а потомъ... потомъ признаться ей самой въ любви, но увы! расчетъ его оказался слишкомъ невѣренъ. Правда, онъ болѣе и болѣе сближался съ Анною Павловною, но въ то же время увидѣлъ, что она чрезвычайно искренно любитъ добренькую и пустую Вѣру, и у него духу даже не достадо: хотѣ бы разъ намекнуть ей,

что онъ не любитъ, а только обманываетъ ея пріятельницу. Онъ увидѣлъ, напротивъ, что чѣмъ болѣе будетъ обнаруживать любви къ Вѣрѣ, тѣмъ выше будетъ становиться въ глазахъ Анны Павловны, и онъ принялся за послѣднее. Благодаря усердному чтенію романовъ, а частію и собственнымъ опытамъ, Эльчаниновъ успѣлъ утончить свои чувства, зналъ любовь въ малѣйшихъ ея подробностяхъ и все это высказывалъ передъ молодыми дѣвушками, изъ которыхъ Вѣра часто дремала при этомъ, но совершенно другое было съ Анною Павловною: она заслушивалась Эльчанинова до опьянѣнія. Онъ видѣлъ это и постоянно старался держать себя на высокомъ строю. Впрочемъ, судьба скоро измѣнила ходъ этой маленькой драмы и надолго растолкнула эти три лица, жившія почти въ продолженіе года въ такихъ тѣсныхъ между собою отношеніяхъ. Вѣра занемогла. Бабушка, Анна Павловна и Эльчаниновъ не отходили отъ больной; но все было тщетно: чрезъ двѣ недѣли она умерла. Эльчаниновъ обнаружилъ сильную горестъ; Анна Павловна утѣшала его, хотя сама гораздо болѣе нуждалась въ этомъ. Почти со слезами умолялъ онъ ее не прекращать съ нимъ дружбы и позволить ему видѣться съ ней. Анна Павловна согласилась; она еще раза два пріѣзжала къ старой нѣмкѣ, которая почти ослѣпла, плача день и ночь по своей внучкѣ. Эльчаниновъ былъ, конечно, тутъ же, и въ оба раза молодая дѣвушка показалась ему нѣсколько странною: она какъ будто бы остерегалась его, боялась за самое себя и безпрестанно говорила о Вѣрѣ. «Она любитъ меня», подумалъ Эльчаниновъ, и надежда снова зародилась въ душѣ его. Дня че-

резъ два онъ пошелъ къ старой нѣмкѣ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ Анну Павловну. Старуха была одна и, по обыкновенію, плакала.

— У меня еще горе, сказала она: — Анна Павловна вчера пріѣзжала ко мнѣ прощаться: она уѣхала навсегда изъ Москвы съ батюшкой. Вамъ она велѣла отдать письмо.

Въ глазахъ потемнѣло у студента, руки и ноги задрожали. Онъ проворно схватилъ записку и проворно пробѣжалъ ея строки, какъ бы стараясь разувѣриться въ томъ, что онъ слышалъ. Письмо было слѣдующее: «Прощайте, добрый и благородный человекъ! я съ вами расстаюсь, и расстаюсь, можетъ быть, навсегда; но, гдѣ бы я ни была, что бы со мною ни было, я сохраню о васъ воспоминаніе, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о моей доброй подругѣ. Да наградитъ васъ Богъ счастіемъ: вы его достойны, по благородству вашихъ чувствъ. Не забудьте меня, я васъ очень любила и буду любить всегда. Adieu!»

Эльчаниновъ почти обезпамятѣлъ: онъ со слезами на глазахъ началъ цѣловать письмо, а потомъ, не простясь со старухою, выбѣжалъ изъ дому, въ который шелъ, за нѣсколько минутъ, съ такими богатыми надеждами, и цѣлую почти ночь бродилъ по-улицамъ. Москва ему опротивѣла. Первымъ его намѣреніемъ было ѣхать въ слѣдъ за Анною Павловною, но гдѣ она будетъ жить и какъ съ нею будетъ видаться? Съ отцомъ онъ незнакомъ, тайныхъ свиданій никакого права не имѣлъ требовать! и этихъ мыслей было достаточно, чтобы онъ отмѣнилъ свое намѣреніе и остался въ Москвѣ; цѣлую недѣлю послѣ того нигде не выходилъ изъ квартиры, не ѣлъ, не спалъ;

однимъ словомъ, страдалъ добросовѣстно, а потомъ, какъ бы для разсѣянія, пустился во вся тяжкія студенческой жизни.

Приближающійся экзаменъ заставилъ его наконецъ опомниться, и онъ принялся готовиться. Необходимость заниматься лекціями, а не собственными чувствами, очень ослабила горестъ впечатлѣнія, которое произвелъ на него отъѣздъ Анны Павловны. Окончивши курсъ, онъ совершенно ужъ не тосковалъ и въ немъ только осталось блѣдное воспоминаніе благороднаго женскаго существа, которое рано или поздно должно было улетѣть въ родныя небеса, и на тему эту принимался нѣсколько разъ писать стихи, а между тѣмъ носилъ въ душѣ болѣе живую и совершенно новую для него мысль: ему надобно было начать службу и онъ ее началъ, но, какъ бѣднякъ и безъ протекціи, началъ ее слишкомъ не блистательно. Его опредѣлили куда-то сверхштатнымъ писцомъ, обѣщаясь впрочемъ, впоследствии, за прилежаніе и когда узнаетъ канцелярскій порядокъ, сдѣлать столоначальникомъ; но не таковъ былъ Эльчаниновъ. Въ двѣ недѣли служба опротивѣла ему на-смерть. И могъ ли онъ, никогда постоянно не трудившійся, убавши первую молодость на интриги съ женщинами, на пирушки съ друзьями, на увлеченія искусствами, могъ ли онъ, говорю я, съ его подвижнымъ характеромъ, привыкнувши бѣжать за первымъ ощущеніемъ, сдружиться съ монотонною обязанностию службы и равнодушно выдерживать канцелярскія сидѣнія, гдѣ еще безпрестанно оскорбляли его самолюбіе, безбожно перемарывая сочиненныя имъ бумаги. Эльчаниновъ началъ падать духомъ: жизнь ему стала казаться не-

сносною. Друзей, этихъ беззаботныхъ, но умныхъ юношей, около него уже не было: всѣ они или разбредлись, или начали, какъ выражался онъ, подлѣть въ жизни; волочиться ему не хотѣлось, или, лучше сказать, не попадалось на глаза женщины, въ выборѣ которыхъ онъ сдѣлался строже. Сначала онъ думалъ выйти въ отставку и жить такъ въ Москвѣ; но разстроенное состояніе не давало ему на то никакой возможности. Ѣхать въ деревню и жениться... На этой мысли Эльчаниновъ остановился; она казалась ему лучшею и единственною: по крайней мѣрѣ онъ будетъ имѣть цѣль, а если достигнетъ ея, такъ войдетъ въ совершенно новыя обязанности. Съ такимъ намѣреніемъ вышелъ онъ въ отставку и пріѣхалъ въ деревню, давъ себѣ слово никого изъ сосѣдей не знакомить съ своимъ формуляромъ и непременно влюбить въ себя какую-нибудь богатую невѣсту. Клеопатра Николаевна была первая женщина, которую онъ замѣтилъ; но она была вдова, ей было 30 лѣтъ, и кромѣ того нѣсколько провинціальныя манеры и легкость побѣды, которую замѣтилъ онъ въ ней, значительно уронили ее въ его глазахъ. Возвести ее на степень своей жены, онъ считалъ недостойною и волочился за нею отъ нечего дѣлать, любя иногда подразнить ее, что было весьма не трудно, потому что вдова замѣтно имъ интересовалась и была немного вспыльчива. Появленіе Мановской показалось Эльчанинову какимъ-то чудомъ, совершившимся для того, чтобы вознаграждать его за всѣ страданія и несчастія, которыхъ онъ себѣ очень много насчитывалъ. Мысль, что она живетъ отъ него въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, обрадовала его, а такъ быстро назначен-

ное тайное свиданіе подало ему полную надежду достигнуть взаимности. Въ одну минуту забылъ онъ свое намѣреніе жениться. Любить эту женщину, заставить ее полюбить себя, вотъ на что онъ рѣшился теперь. У нихъ будутъ тайныя свиданія, будутъ сплетни общества, надъ которыми они станутъ смѣяться и съ помощію Клеопатры Николаевны сбивать всѣхъ съ толку, — вотъ о чемъ онъ мечтаетъ. Небольшая размолвка съ Задоръ-Мановскимъ, стала казаться ему еще въ пользу. «Это лучше,» думалъ онъ: «мы будемъ видаться тайно, а при тайныхъ свиданіяхъ скорѣе можно достигнуть цѣли». Возвратившись домой, онъ совершенно погрузился въ мечтанія о своей любви и будущихъ наслажденіяхъ. Онъ воображалъ, какъ эта женщина, послѣ долгой борьбы, уступитъ, наконецъ, его желаніямъ и предается ему въ полное обладаніе, а далѣе затѣмъ ей самоотверженіе: вотъ онъ дѣлается боленъ, она обманываетъ мужа, пріѣзжаетъ къ нему, просиживаетъ цѣлыя ночи у его изголовья... Мечты его и на этомъ не остановились; ему представлялось, что у нихъ уже есть прекрасный ребенокъ, къ которому, впоследствии, очень кстати, можно будетъ проговорить стихи Лермонтова:

«Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
 Прекрасное дитя, я на тебя смотрю,
 О! еслибъ знала ты, какъ я тебя люблю» и пр.

Этого ребенка надобно будетъ воспитывать. Онъ будетъ его руководителемъ, наставникомъ. Мечтая и размышляя такимъ образомъ, Эльчаниновъ ниразу не подумалъ, отъ чего это такъ измѣнилась Анна

Павловна и не повредитъ ли онъ ей еще болѣе своей любовью? Болѣзненный и печальный видъ Мановской, поразившій его при первой встрѣчѣ, совершенно изгладился изъ его воображенія, когда онъ пересталъ ее видѣть. Онъ мечталъ и думалъ только о себѣ и о своихъ будущихъ наслажденіяхъ.

IV.

Но что было послѣ этого свиданья съ Анною Павловною, о чемъ думала и мечтала она? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, я снова долженъ вернуться назадъ.

Анна Павловна дѣйствительно была нѣкоторымъ образомъ достойна той высоты, на которую возносилъ ее Эльчаниновъ. Нѣмка по отцу, она была дѣвушка умненькая, но болѣе того, — добрая, чувствительная и страшно мечтательная. Въ сердцѣ своемъ она носила самую теплую вѣру въ Провидѣніе. Она любила своихъ подругъ, своихъ наставницъ, страстно любила своего отца и конечно, если бы судьба послала ей добраго мужа, она сдѣлалась бы доброю женою и нѣжной матерью и вся бы жизнь ея протекла въ выполненіи этого чувства любви, какъ бы единственной нравственной силы, которая дана ей съ избыткомъ отъ природы. Въ Эльчанинова она влюбилась съ самаго перваго свиданія, хотя совершенно была увѣрена, что чувствуетъ къ нему только дружбу. Смерть Вѣры какъ бы раскрыла ей самое себя. Она сдѣлалась осторожною въ обращеніи съ Эльчаниновымъ, потому что стыдилась его. Разставшись съ нимъ навсегда и вхавши въ Петербургъ, она всю дорогу обливалась слезами, думая объ немъ. Ни театры, ни

вечера не развлекали ее. Почти съ восторгомъ поѣхала она съ отцомъ въ деревню, рассчитывая мечтать объ Эльчаниновѣ цѣлые дни, никѣмъ не развлекаемая, но и тутъ неудача: съ первыхъ же дней къ нимъ нахлынули офицеры близъ стоящаго полка и стали за ней ухаживать. Они ей были противны. Ей могли нравиться только студенты, потому что Эльчаниновъ былъ студентъ. Новый ударъ окончательно убилъ ее счастье. Старый генералъ объявилъ дочери о предложеніи полковаго командира Мановскаго. Анна Павловна сначала и не поняла хорошенько, что ей предстоитъ, потомъ плакала, страдала, молилась, — отецъ убѣждалъ, просилъ и наконецъ настаивалъ. Результатъ былъ тотъ, что бѣдная дѣвушка, какъ новая Татьяна, полная самоотверженія, чтобъ угодить отцу, любя одного, отдала руку другому, впрочемъ обрекла себя впередъ на полное повиновеніе и вѣрность своему мужу; и дѣйствительно, съ первыхъ же дней, она начала оказывать ему покорность и возможную внимательность, но не понялъ и не оцѣнилъ ничего Мановскій. Это былъ не глупый, но необразованный человѣкъ. Упрямый и злой по природѣ, онъ былъ въ то же время честолюбивъ и жаденъ. Служба польстила первой изъ его страстей и возвела его на степень полковника и полковаго командира; чинъ генерала былъ у него почти подъ рукою; но ему этого было еще мало: онъ хотѣлъ богатства и женитьбою хотѣлъ окончательно устроить свою карьеру. Дочь генерала Кронштейна казалась ему выгодною партиєю. Всѣ очень хорошо знали богатыя помѣстья, которыми владѣлъ старикъ. Мановскій сдѣлалъ предложеніе, не будучи еще самъ увѣренъ въ успѣхѣ

своихъ исканій, но сверхъ ожиданія отецъ согласился, а вскорѣ затѣмъ и невѣста дала слово. Свадьбу назначили чрезъ двѣ недѣли. Въ продолженіе этого времени, Анна Павловна такъ измѣнилась и такъ похудѣла, что, когда она стояла подѣ вѣнцомъ, многіе ее не узнавали. Мановскій еще ни слова не говорилъ тестю о приданомъ и рассчитывалъ на будущее время, какъ вдругъ неожиданный случай разстроилъ всѣ его планы: имѣніе Кронштейна, какъ лопнувшего откупщика, было конфисковано въ казну: у него осталось только шестьдесятъ заложенныхъ душъ. При этомъ извѣстїи съ Задоръ-Мановскимъ сдѣлалось что-то въ родѣ удара; но онъ скрылъ это отъ всѣхъ и выздоровѣлъ, и только съ каждымъ днемъ началъ хуже и хуже обращаться съ женою. Никакой покорностью, никакимъ вниманіемъ не могла она угодить ему. Онъ непрестанно сердился, кричалъ и бранилъ ее. Анна Павловна, никогда не любившая мужа, начала къ нему чувствовать страхъ и отвращеніе. Не смотря на все ея стараніе уничтожить или по-крайней-мѣрѣ скрыть это страшное чувство, Мановскій замѣтилъ, и это былъ послѣдній ударъ, который навсегда уничтожилъ ихъ семейное спокойствіе. Мановскій вынужденнымъ нашелся выйти въ отставку и уѣхать въ свои Могилки. Живши въ полку, посреди молодыхъ офицеровъ, онъ боялся измѣны жены, а кромѣ того, увезя несчастную жертву отъ родныхъ, онъ получилъ болѣе возможности вымещать на ней свою ошибку и нелюбовь къ себѣ. Сцены, которыя я въ началѣ описалъ, повторялись каждодневно. Бѣдная женщина, не видя ничего въ будущемъ, отторгнутая въ настоящемъ отъ всего, что ей было

дорого, сосредоточилась на прошедшемъ и, съ помощію мечтательнаго характера, составила изъ него цѣлый мірокъ. Эльчаниновъ былъ на первомъ планѣ, онъ былъ ея братъ, другъ, покровитель. Въ своемъ уединеніи, посреди хозяйственныхъ заботъ, даже и въ минуты брани и укоровъ мужа, она думала и мечтала объ Эльчаниновѣ. Она шептала ему страстныя рѣчи, припоминала его голосъ, его наружность, пробѣгала въ памяти эти долгія бесѣды, на которыхъ онъ такъ много и такъ прекрасно говорилъ о дружбѣ, о любви. Въ безсонныя ночи, которыя проводила она постоянно, ей казалось, что ея мечтательный другъ стоялъ близъ ея. Она жаловалась ему на судьбу свою; рассказала свои страданія, просила защиты и участія, и въ то же время, какое-то тайное предчувствіе говорило ей, что она рано или поздно встрѣтитъ этого челоуѣка, и вдругъ это предчувствіе сбылось въ самомъ дѣлѣ. Я ужь, конечно, не въ состояніи выразить того, что было съ Анной Павловной въ первыя минуты этого свиданія. Ей сдѣлалось весело, страшно и стыдно; тоска сдавила ей сердце: ей хотѣлось плакать, у ней едва достало памяти, чтобъ попросить его отойти и прекратить разговоръ, который могъ заставить обнаружить тайну передъ обществомъ, передъ нимъ самимъ; но онъ не выходилъ, онъ желалъ говорить, вызывалъ ее на откровенность; что было дѣлать? Не помня себя, она назначила ему свиданье, и, во все остальное время, какъ бы лишилась сознанія: во всемъ тѣлѣ ея былъ лихорадочный трепетъ, лицо горѣло, въ глазахъ было темно, грудь тяжело дышала; но и въ этомъ состояніи она живо чувствовала присутствіе милаго челоуѣка: не глядя на

него, она знала, былъ ли онъ въ комнатѣ или нѣтъ; не слышавши, она слышала его голосъ и, какъ сомнамбула, кажется, чувствовала каждое его движеніе. По пріѣздѣ домой, мысли ея стали мало-по-малу приходить въ порядокъ. Она вспомнила о назначенномъ свиданіи и рѣшилась не ходить на него, рѣшилась никуда не выѣзжать, чтобъ только не встрѣтиться съ Эльчаниновымъ: видѣться съ этимъ человѣкомъ, — чего она такъ давно, такъ страстно желала, — видѣться съ нимъ теперь ей было страшно! Она боялась за самое себя, боялась, что не въ состояніи будетъ скрыть своей тайной любви. Но, Боже мой! ей хотѣлось рассказать ему о своемъ положеніи, попросить у него совѣта. Неужели она должна была отказать себѣ и въ этомъ? Нѣтъ, это выше ея силъ: «я пойду, я буду говорить съ нимъ только о Вѣрѣ... онъ вѣрно любить еще Вѣру; ему пріятно будетъ говорить со мною объ ней, онъ помнитъ еще и меня... Онъ не похожъ на другихъ людей... Я пойду!...»

V.

Село Каменка графа Сапѣги, сдѣлавшееся въ настоящее время главнѣйшимъ пунктомъ вниманія окружныхъ дворянъ, превосходило все прочія усадьбы красивымъ мѣстоположеніемъ и богатствомъ строеній. Огромный каменный домъ стоялъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ. По крутому скату горы, которая начинала склоняться отъ передняго его фаса, разбитъ былъ въ видѣ четверугольника англійскій садъ, съ своими подстриженными деревьями и песчаными дорожками. Весь

садъ былъ обхваченъ чугунию рѣшеткою. Прочія усадебныя строенія и службы были тоже каменные. Село это съ незапамятныхъ временъ находилось во владѣннн Сапѣгъ. Несмотря на то, что владѣльцы никогда не жили въ немъ, оно постоянно поддерживалось и улучшалось, что было, я думаю, не столько по желанію самихъ графовъ, сколько дѣломъ нѣмцевъ-управителей, присылаемыхъ изъ Петербурга. Настоящій владѣлецъ, графъ Юрій Петровичъ Сапѣга всего раза три въ жизнь свою прїѣзжалъ въ Каменку и проживалъ въ ней обыкновенно лѣто.

Часовъ въ шесть по-полудни, это было въ пятницу, графъ, принявши отъ всѣхъ сосѣдей визиты, самъ никуда еще не выѣзжалъ,— и теперь, отобѣдавши, полулежалъ на широкомъ канapé въ своемъ кабинетѣ.

Въ углу, около курильницы, на маленькомъ табуретѣ, въ почтительномъ положеніи, сидѣлъ Иванъ Александрычъ. Сапѣга, какъ видно, былъ въ самомъ пріятномъ, послѣобѣденномъ расположеніи духа. Это былъ лѣтъ шестидесяти мужчина, съ нѣсколько измятымъ лицомъ, впрочемъ съ орлинымъ носомъ и со вздернутымъ кверху подбородкомъ, съ прямыми, рѣдкими и посѣдѣвшими волосами; руки его были хороши, но женоподобны; движенія медленны, хотя въ тоже время сѣрые, пронизательные глаза, покрывавшіеся свѣтлой влагой, показывали, что страсти еще не совершенно оставили графа и что онъ не былъ совсѣмъ старикъ.

— Что, Иванъ, всё ужъ у меня перебивали здѣш-

ніе помѣщикъ?—спросилъ Сапѣга, даже не взглянувъ на того, къ кому относились эти слова.

— Всѣ, ваше сіятельство, рѣшительно всѣ,—отвѣчалъ вытянувшись Иванъ Александрычъ,— или нѣтъ... позвольте, не всѣ... Задоръ-Мановскій не былъ.

— Задоръ-Мановскій? Кто же это Задоръ-Мановскій и почему онъ не былъ?

— Я полагаю, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Иванъ Александрычъ протяжно, придумывая средство оправдать Мановскаго, котораго въ эту минуту считалъ уже погибшимъ.— Я полагаю, что у него или жена умираетъ, или самъ онъ при смерти боленъ.

— Жена умираетъ! повторилъ графъ: — а онъ женатъ?

— Женатъ, ваше сіятельство.

— На хорошенькой?

— Нѣтъ-съ: не очень счастливъ партіей.

— А на комъ онъ женатъ? спросилъ графъ.

— На... на...—дай Богъ память, она не здѣшняя, на... на... на нѣмкѣ какой-то, на Кронштейнъ.

— На дочери генерала Кронштейна?—спросилъ стремительно графъ.

— Именно, ваше сіятельство, должно быть, что генерала Кронштейна.

— Анета Кронштейнъ!—говорилъ графъ, какъ бы припоминая. Глаза его заблестали.—Помню,—продолжалъ онъ:—стройная блондинка, хорошенькая, даже очень хорошенькая. А что, Иванъ, нравится тебѣ она?

— Кто, ваше сіятельство?

— Ну, жена этого Задора, что-ли?

— Задоръ-Мановскаго? Худа очень, ваше сіятельство.

— Да ты знатокъ, Иванъ, въ женской красотѣ?— спросилъ графъ.

— Ха, ха, ха, ваше сіятельство! какъ вамъ сказать, конечно-съ, большихъ красавицъ не случилось видать.

— А развѣ ты не видалъ Анеты Кронштейнъ?

— То-есть, Задоръ-Мановской-съ, ваше сіятельство? какъ же-съ, сколько разъ обѣдывалъ, ночевалъ у нихъ.

— Какъ же ты говоришь, что не видалъ красавицъ? Вотъ тебѣ красавица!

— Красавица, ваше сіятельство?— спросилъ удивленный Иванъ Александрычъ.

— Трудное, братъ, дѣло, понимать женскую красоту; ни ты, да и многіе не понимаютъ ее.

— Конечно, ваше сіятельство, мы люди необразованные.

— Тутъ не образованіе, мой милый, а собственное, внутреннее чутье,— возразилъ графъ.— Видалъ ли ты,— продолжалъ онъ; прищуриваясь:—этихъ женщинъ съ тонкою кожею, подернутою легкимъ розовымъ отливомъ, и у которыхъ до того доведена округлость частей, что членъ почти незамѣтно переходитъ въ другой?

Иванъ Александрычъ слушалъ покраснѣвъ и потупившись.

— А замѣчалъ ли ты,— продолжалъ Сапѣга одушевляясь:— у нихъ эти маленькія уши, сквозь которыя, какъ будто бы, просвѣчиваетъ, или эти длинные и какъ бы безъ костей пальцы?— Сапѣга остановился.

Иванъ Александрычъ рѣшительно не зналъ, что ему отвѣчать.

— Или эта эластичность тѣла, — продолжалъ графъ, какъ бы болѣе самъ съ собою. — Это не опухлость и надутость жира; напротивъ: это полнота мускуловъ! и наконецъ это вліяніе свѣжей, благоухающей женской теплоты? Что Иванъ, темна вода во облацѣхъ? — заключилъ Сапѣга, обратившись къ Ивану Александрычу.

— Вы, ваше сіятельство, такъ говорите, что... — началъ было тотъ.

— Что — что?

— Ничего, ваше сіятельство, я говорю, что вы ужь очень хорошо говорите.

— Словами не передашь всѣхъ тонкостей! — произнесъ графъ взохнувъ и замолчалъ.

— Вотъ, если осмѣлюсь доложить, — началъ Иванъ Александрычъ, ободренный вниманіемъ дяди: — здѣсь есть еще красавица.

— Красавица?

— Да, ваше сіятельство, прелесть женщина, только ухъ какая!

— Какая же?

— Кокетка, ваше сіятельство, ужасная.

— Дѣвушка?

— Вдова, ваше сіятельство.

— Вдова? — произнесъ графъ, — чѣмъ же она красавица?

— Да ужь, этакъ, женщина высокая, бѣлая-сь, — началъ Иванъ Александрычъ: — глаза каріе... нѣтъ, позвольте... голубые, зубы тоже бѣлые.

— Купчиха! — мерзость какая-нибудь, должно

быть! Расскажи лучше, нѣтъ ли другихъ? — перебилъ Сапѣга.

— Другихъ, ваше сіятельство, лучше этой нѣтъ.

— Дрянъ же, братъ, видно, у васъ женщины.

— Извѣстное дѣло, ваше сіятельство, не въ Петербургѣ!

— Нынче и въ Петербургѣ ничего нѣтъ порядочнаго, — возразилъ графъ: — или толстая, или больная!

— Послѣднія, видно, времена приходятъ, ваше сіятельство. Народъ ужь замѣтно очень мельчаетъ.

— Послушай, Иванъ, — перебилъ Сапѣга, — отчего это у меня не былъ этотъ Мановскій?

— Боленъ, должно-быть, ваше сіятельство.

— Кто онъ такой?

— Помѣщикъ-съ.

— Какъ бы заставить его пріѣхать ко мнѣ?

— Заставить, ваше сіятельство? заставить-то трудно: очень упрямъ...

— Упрямъ? — сказалъ графъ, подумавъ — стало быть, онъ не былъ у меня не потому, что боленъ, а потому, что не хочетъ.

Иванъ Александрычъ, пойманный во лжи, поблѣднѣлъ.

— Богатъ онъ? — прибавилъ графъ.

— Богатъ, ваше сіятельство, триста душъ, да денегъ куча! Врядъ ли не будетъ на слѣдующую балотировку губернскимъ.

— Чинъ его?

— Полковникъ-съ.

— Завтра я поѣду къ нему, — сказалъ графъ вставая.

— Къ Задору-Мановскому, ваше сіятельство? —

спросилъ Иванъ Александрычъ, какъ бы не вѣря ушамъ своимъ.

— Да, — отвѣчалъ отрывисто графъ: — ты теперь ступай въ ихъ усадьбу и, какъ можно, аккуратное узнай: будетъ ли дома мужъ и жена? Теперь прощай, я спать хочу!

Графъ легъ на диванъ и повернулся къ стѣнѣ, Иванъ Александрычъ на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета.

— Иванъ! — крикнулъ графъ.

Племянникъ снова появился въ дверяхъ.

— Вели къ 8-ми часамъ приготовить мнѣ карету: я ѣду къ предводителю, а самъ сегодня же исполни, что я говорилъ.

— Будьте покойны, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Иванъ Александрычъ и вышелъ.

— Приготовить карету его сіятельству къ 8-ми часамъ, — сказалъ онъ, проходя важно по официантской.

Нѣсколько слугъ посмотрѣли ему вслѣдъ съ усмѣшкою.

— Вишь, какой командиръ! — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Видно графъ далъ синенькую на бѣдность, такъ и куражится, чучело гороховое! — подхватилъ другой.

VI.

Въ ту самую минуту, какъ Иванъ Александрычъ вышелъ съ порученіемъ отъ графа, по небольшой тропинкѣ, идущей съ большой дороги къ казенной

Ланпинской рошѣ, верхомъ на сѣрой заводской лошади пробирался Эльчаниновъ, завернувшись въ широкій черный плащъ. Онъ ѣхалъ на тайное свиданіе съ Анной Павловной. Лошадь шла шагомъ. Герой мой придумывалъ, какъ начать ему объясненіе въ любви: сказать ли, что прежде любилъ ее, признаться ли ей, что Вѣра была однимъ предлогомъ для того только, чтобы сблизиться съ нею?... но она знала, что онъ Вѣру любилъ, еще не выдавши ее. Гораздо лучше сказать, что теперь она осталась одна для него въ цѣломъ мірѣ, что онъ только ее одну можетъ любить; а что она къ нему равнодушна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнья: онъ замѣтилъ это еще въ Москвѣ, и къ чему бы, въ самомъ дѣлѣ, назначать свиданье; она теперь дама и, какъ видно, не любитъ мужа и несчастлива съ нимъ, а въ этомъ положеніи женщины очень склонны къ любви. Ему только надобно быть рѣшительнымъ. Съ такими мыслями подѣхалъ онъ къ рошѣ, привязалъ лошадь къ дереву и пошелъ пѣшкомъ въ ту сторону, которая прилежала къ могилковскому полю.

Глубокое молчаніе царствовало въ лѣсу, только шумъ его шаговъ да повременамъ взмахъ подымающагося изъ-подъ куста тетерева нарушали тишину. Огромныя сосны, поросшія мохомъ, часто заслоняли ему дорогу своими длинными вѣтвями, такъ что онъ долженъ былъ или нагибаться, или отводить руками упругіе сучья. Съ приближеніемъ къ середину, лѣсъ становился чаще и темнѣе. Подъ ногами у него хрустѣли безпрестанно сухіе сучья, которые покрывали землю цѣлымъ пластомъ. Кромѣ того, ему часто приходилось передѣзывать черезъ толстыя колоды

упавшихъ сухихъ деревь. Преодолѣніе этихъ небольшихъ препятствій нѣсколько отвлекло моего героя отъ главнаго предмета его мыслей; вмѣстѣ съ физическимъ утомленіемъ уменьшилась въ немъ и рѣшительность. Мысли его приняли печальное и нѣсколько боязливое направленіе: «что, если мы разоидемся», подумалъ онъ и посмотрѣлъ въ даль. Передъ нимъ разстилалось широкое, желтѣющее поле, вдали были видны Могилки. «Такъ здѣсь-то живетъ оан,» подумалъ онъ, глядя на высокій домъ, выходящій верхнимъ этажемъ изъ-за стѣнной ограды, которою обнесена была усадьба. «Гдѣ-то ея комната, у котораго сидитъ она у окна? и гдѣ теперь она?» Небольшой шумъ листьевъ прервалъ его размышленія. Онъ обернулся назадъ: передъ нимъ стояла Анна Павловна, въ бѣломъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. Эльчаниновъ, ни слова не говоря, бросился къ ней и началъ цѣловать ея руку.

— Сядемте,—проговорила Анна Павловна, указывая на сухое дерево. Голосъ ея дрожалъ. Видно было, что она дѣлала надъ собой усиліе.— Я хочу съ вами поговорить,—продолжала она:—спросить васъ, не измѣнились ли вы? любите ли вы еще бѣдную Вѣру?

Этого вопроса Эльчаниновъ никакъ не ожидалъ.

— Я... Вѣру?...—пробормоталъ онъ и далѣе ничего не могъ придумать.

Анна Павловна, съ своей стороны, тоже, казалось, не знала, о чемъ ей говорить и что начать.

— Вы ее еще любите, вы не забыли ее? начала наконецъ она:— вы не забыли и меня?

— Нѣтъ, я не забылъ васъ, я не могъ васъ забыть,—подхватилъ Эльчаниновъ и схватилъ себя за голову.

Молодые люди замолчали на некоторое время.

— Но, Боже мой, какъ вы перемѣнились!—произнесъ онъ, всплеснувъ руками и всматриваясь въ лицо Анны Павловны:—вы или больны, или несчастливы!

— Я несчастлива! — отвѣчала она.

— Мужемъ? такъ?..

— Да. Онъ не любитъ и не уважаетъ меня. Я безпрестанно должна выслушивать упреки, что я бѣдна, что его обманомъ женили на мнѣ.

Эльчаниновъ сдѣлалъ движеніе.

— Онъ не позволяетъ мнѣ, — продолжала Анна Павловна, — читать, запретилъ мнѣ музыку. При всемъ моемъ стараніи угодить ему, онъ ничѣмъ не бываетъ доволенъ. Онъ бранилъ меня.

Эльчаниновъ всгаль и началъ ходить.

— Я способенъ убить этого человѣка! Онъ съ перваго раза показался мнѣ ненавистенъ, — вскричалъ онъ задыхающимся голосомъ, и въ эту минуту дѣйствительно забылъ свою любовь, забылъ самого себя. Онъ видѣлъ только несчастную жертву, которую надобно было спасти.

— Нѣтъ, добрый другъ, — возразила Анна Павловна, — убить его нельзя, но вы посовѣтуйте, что я должна дѣлать... Я думала ѣхать къ батюшкѣ, но это его ужасно огорчить; я думала бѣжать, скрыться гдѣ-нибудь въ монастырѣ....

— Но отчего вамъ не разойтись просто съ нимъ? — спросилъ Эльчаниновъ, нѣсколько пришедши въ себя: — отчего вамъ не жить врозь?

— Мнѣ нечѣмъ жить: я бѣдна!

— Но вашъ батюшка?

— Батюшка мнѣ не далъ ничего, потому что все наше имѣніе конфисковано.

— Вы не должны жить съ мужемъ, — началъ Эльчаниновъ рѣшительнымъ тономъ. — Уѣзжайте отъ него на этихъ же дняхъ, сегодня, завтра, если хотите.... У меня есть небольшое состояніе, и съ этой минуты оно принадлежитъ вамъ.

Слезы показались на глазахъ Анны Павловны. Она вся вспыхнула.

— Вы меня очень любите? — невольно проговори-лась она, протягивая ему руку.

Эльчаниновъ на этотъ вопросъ могъ ли не отвѣчать, или открыться во всемъ.

— Вы удостоиваете меня вашей дружбой, — началъ онъ не безъ волненія: — вы почтили меня довѣріемъ; возьмите все это назадъ: я не стою того.

Мановская робко взглянула на него.

— Я не могу быть вашимъ другомъ, я васъ люблю, — произнесъ Эльчаниновъ.

Силы совершенно оставили бѣдную женщину. Она не могла долѣе притворяться, не могла долѣе выдерживать заученной роли и зарыдала. Потомъ, какъ бы обезпамятѣвъ, пристально взглянула на Эльчанинова и схватила его за руку.

— Правду ли вы говорите, не обманываете ли вы меня? поклянитесь мнѣ въ томъ, что вы сказали.

— Клянусь Богомъ! — вскричалъ Эльчаниновъ....

— Хорошо, продолжала Мановская: — любите меня я сама васъ давно люблю! Но теперь прощайте: отпустите меня, я не могу долѣе оставаться.

Эльчаниновъ обезумѣлъ отъ восторга.

— Человѣкъ ты или ангелъ? — вскричалъ онъ, об-

хвативъ за талию Анну Павловну и цѣлуя ее въ лицо.—Я тебя не пушу, ты моя, хоть бы цѣлый міръ тебя отнималъ у меня.

— Пустите меня! я слаба, пощадите меня!

— Но когда я увижу тебя еще? я съ ума сойду, если это будетъ долго!

— Хорошо, я буду здѣсь.

— Но когда же?

— Въ воскресенье.

Раздавшійся въ это время не вдалькѣ голосъ заставилъ ихъ оглянуться. Къ нимъ подходилъ Иванъ Александрычъ.—Эльчаниновъ, какъ можно было судить по его движенію, хотѣлъ бѣжать, но ужь было поздно.

— Наконецъ-то я васъ нашелъ, Анна Павловна,— началъ Иванъ Александрычъ:—бѣгалъ, бѣгалъ, обѣгалъ все поле,—дѣло очень важное. Пріѣзжаю, спрашиваю: дома господа? Одна, говорятъ, только барыня, да и та въ полѣ.—Въ какомъ?—Въ оржаномъ.—Валяй въ оржаное. Наше вамъ почтеніе, Валерьянъ Александрычъ! Вы какъ здѣсь?

— Такъ же какъ и вы,—отвѣчалъ Эльчаниновъ:—пріѣхалъ, говорятъ:—Анна Павловна въ полѣ, я и пошелъ въ поле.

— Вотъ какъ-съ, а я, вѣдь, думалъ, что вы незнакомы съ Михайломъ Егорычемъ. Матушка Анна Павловна, первѣй всего: я, вѣдь, къ вамъ съ важнымъ порученіемъ. Гдѣ супругъ-то?

— Онъ уѣхалъ въ городъ,—отвѣчала Анна Павловна, едва приходя въ себя.

— Пошлите за нимъ, Бога ради, нарочнаго. Зав-

тра вамъ надобно быть дома обоимъ. Его сѣятельство прїѣдетъ къ вамъ. Онъ говоритъ, что знаетъ васъ, и ужасно какъ хвалить.

— Мы будемъ дома, отвѣчала Анна Павловна.
— Пойдемте! доведите меня, Иванъ Александрычъ.

— А мнѣ позвольте проститься, — сказалъ Эльчаниновъ: — я пройду прямо.

— Прощайте.

Эльчаниновъ ушелъ въ лѣсъ; Иванъ Александрычъ подалъ руку Аннѣ Павловнѣ и они пошли.

— Отчего это Валерьянъ Александрычъ не пошелъ въ усадьбу? — спросилъ, будто съ простодушнымъ любопытствомъ, Иванъ Александрычъ.

— Вѣрно не хочетъ.

— А отчего-жь онъ не хочетъ?

— Онъ незнакомъ съ мужемъ; я его прежде знала.

— Прекрасный онъ молодой человекъ, умный, образованный, замѣтилъ Иванъ Александрычъ.

Анна Павловна ничего не отвѣчала и они молча вошли въ усадьбу.

Стало уже смеркаться, когда Иванъ Александрычъ выѣхалъ на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ изъ Могилки.

— Какова соколена! — началъ онъ разсуждать вслухъ: — тихая, вѣдь, кажется, такая; поди ты узнай бабу. А молодець-то... Ловкой малый! Разсказывать или нѣтъ? подожду пока! Кажется, его сѣятельство тутъ того... Слабый старикъ по этой части.

На этихъ словахъ онъ почувствовалъ, что его кто-то схватилъ за воротникъ шинели. Иванъ Александрычъ обернулся. Это былъ верхомъ Эльчаниновъ.

— Ба! вы все еще ѣдете, сказалъ онъ: — не тяните

пожалуйста шинели; сукно тонкое, какъ разъ допнетъ.

— Остановите вашу лошадь, мнѣ нужно съ вами поговорить,—сказалъ мрачно Эльчаниновъ.

Иванъ Александрычъ повиновался.

— Вы никому не должны говорить, что сегодня видѣли меня въ Могилкахъ,—продолжалъ Эльчаниновъ, волотя рукой по сѣдлу:—въ противномъ случаѣ я васъ убью.

— Да мнѣ-то что за дѣло?—возразилъ Иванъ Александрычъ.—Самъ бывалъ въ такихъ передѣлкахъ.

— Нѣтъ, вы должны поклясться.

— Ей-богу, не скажу!—Я не изъ такихъ: не люблю изъ избы выносить сору.

— Хорошо, помните же! проговорилъ Эльчаниновъ и, поворотивши свою лошадь, поскакалъ въ галопъ.

— Вотъ оно, какую передрагу надѣлалъ,—думалъ Иванъ Александрычъ:—дѣлать нечего, побожился. Охъ, хо, хо! Самъ, бывало, въ полку жиду въ ноги кланялся, чтобы не сказывалъ! Подсмотрѣлъ, проклятый Гуда, какъ на чердакѣ цѣловался. Заѣхать было къ Усатковымъ, очень просили сказать, если графъ къ кому нибудь поѣдетъ!—заклучилъ онъ и поѣхалъ рысцою.

VII.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Анна Павловна, совсѣмъ забывшая объ извѣстїи, сообщенномъ Иваномъ Александрычемъ, сидѣла въ гостиной. Она какъ будто бы была повеселѣе, какъ будто бы все измѣнилось въ ея глазахъ. Эта мрачная и темная го-

стина не казалась ей такъ скучна и печальна; ей думалось, что легче наконецъ будетъ жить на свѣтѣ, потому что теперь у ней есть человѣкъ, который поучавствуетъ въ ней, который раздѣлитъ съ ней ея горе. Мужъ, общество, да что ей за дѣло до нихъ? У нея есть другъ, который замѣнитъ ей все, защититъ ее отъ всѣхъ. Онъ самъ говорилъ это: развѣ не доказалъ онъ своего самоотверженія, когда предложилъ ей свое состояніе для того только, чтобы облегчить ея участь.

Пріѣздъ мужа прервалъ эти мысли. Михайло Егорычъ вошелъ въ гостиную и сухо поздоровался съ женой.

— Здоровы ли вы? спросилъ онъ.

— Здорова.

— Ведите дать мнѣ ѣсть.

Анна Павловна вышла. Мановскій осторожно вынулъ какія-то бумаги изъ кармана и заперъ въ стоявшую подъ диваномъ желѣзную шкатулку.

Въ это время на дворѣ раздался шумъ подъѣхавшаго экипажа. Мановскій взглянулъ въ окно: къ крыльцу подъѣзжала запряженная четверней карета.

— Кто это такой?—сказалъ Мановскій, не узнавая гостя по экипажу, и вышелъ на половину залы.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ графъ. Мановскій, не двигаясь съ мѣста, глядѣлъ въ глаза новоприбывшему.

— Честь имѣю рекомендоваться: я графъ Сапѣга,— началъ тотъ, подходя къ хозяину,— сосѣдъ вашъ и пріѣхалъ, чтобы начать знакомство съ вами, которое тѣмъ болѣе интересно для меня, что супруга ваша уже знакома мнѣ. Она дочь моего пріятеля.

— Очень вамъ благодаренъ, ваше сіятельство,

за сдѣланную мнѣ честь, вѣжливо ствѣчалъ Мановскій: —и прошу извиненія, что первый не представился вамъ, но это единственно потому, что меня не было дома: я только-что сейчасъ вернулся. Прошу пожаловать, продолжалъ онъ, показывая графу съ почтеніемъ на дверь въ гостиную. Жена сейчасъ выйдетъ: ей очень пріятно будетъ встрѣтить стараго знакомаго. Просите Анну Павловну, —прибавилъ онъ стоявшему у дверей лакею.

Гость и хозяинъ вошли въ гостиную. Мановскій, очень хорошо знавшій, что графъ ни къ кому еще въ губерніи первый не пріѣзжалъ, съ первыхъ же словъ понялъ, что тотъ пріѣхалъ не для него, а для жены. О сердечныхъ слабостяхъ графа давно уже ходили слухи въ Боярицнѣ. Ревность и оскорбленное самолюбіе забушевали въ душѣ Мановскаго. Впрочемъ, очень хорошо убѣжденный, что Анна Павловна, любя другаго, могла измѣнить ему, онъ въ то же время зналъ, что никогда и ничего не добьется отъ нея Сапѣга, и потому рѣшился всеми средствами способствовать намѣреніямъ графа, а потомъ одурачить его, насколько только возможно. Извинившись еще разъ, что не представился первый, онъ вышелъ изъ гостиной, какъ бы по хозяйственнымъ распоряженіямъ, и прошелъ въ комнату жены.

— Графъ Сапѣга пріехалъ, другъ вашего отца, будьте съ нимъ любезнѣе, онъ человекъ богатый, —сказалъ онъ Аннѣ Павловнѣ. Та пошла. — Пріѣздъ графа ее нѣсколько обрадовалъ. Она помнила, что отецъ часто говорилъ о добромъ графѣ, котораго онъ пользовался нѣкоторой дружбой, и который даже самъ бывалъ у нихъ въ домѣ.

— Здравствуйте, Анна Павловна, сказалъ Сапѣга вставая и подходя къ ея рукѣ.—Помните ли вы меня?

— Помню, графъ, отвѣчала Анна Павловна, мнѣ нельзя забыть васъ. Васъ такъ любитъ мой батюшка.

Графъ и хозяйка усѣлись на диванъ.

— Я такъ былъ удивленъ и обрадованъ,—началь Сапѣга,—что вы здѣсь въ нашемъ сосѣдствѣ, что сейчасъ же поспѣшили пріѣхать, чтобы только скорѣе увидѣть мою милую и добрую знакомую, надѣясь, что она лично сама заплатитъ мнѣ визитъ.

Анна Павловна отвѣчала ему улыбкой.

Между ними завязался обычный при встрѣчѣ старыхъ знакомыхъ разговоръ. Графъ разспрашивалъ ее объ отцѣ, давно ли она вышла замужъ, давно ли переселилась въ эти мѣста?

— Какъ вы худы и болѣзненны, Анна Павловна, сказалъ наконецъ онъ, всматриваясь ей въ лицо. — Не скучаете ли вы въ деревнѣ? Имѣете ли вы книги? Есть ли, наконецъ, у васъ рояль? Я помню, вы премило играли, и покойная ваша матушка подозрѣвала въ васъ рѣшительно музыкальныя дарованія, — это я очень хорошо помню.

— Рояля у меня нѣтъ еще куда, отвѣчала Анна Павловна сконфузившись.

— Какъ это не грѣхъ, какъ это не стыдно! Что-жь смотреть вашъ супругъ?

Въ это время вошелъ Мановскій.

— Вы мало заботитесь, Михайло Егорычъ, объ удовольствіи вашей супруги,—продолжалъ графъ, обращаясь къ нему.—Отчего вы не выпишете для нихъ рояля?

— Всего вдругъ нельзя, ваше сіятельство, отвѣчалъ

Мановскій: — и то вотъ, какъ видите, живемъ въ пустыхъ стѣнахъ и съ необитой почти мебелью.

— Слишкомъ ничтожное оправданіе, возразилъ Сапѣга: — мы съ вами, Анна Павловна, сдѣлаемъ вотъ какой заговоръ противъ вашего мужа: у меня въ домѣ есть довольно порядочный рояль, ѣздите ко мнѣ, старику, какъ можно чаще, занимайтесь музыкою, а мужа оставляйте дома. Соскучится объ васъ, да и купитъ вамъ рояль. Согласны?

— Благодарю васъ, графъ, — отвѣчала Анна Павловна.

— Она и безъ того должна за честь, которую вы ей сдѣлали, быть у вашего сіятельства, — сказалъ Мановскій, — и такъ какъ я нисколько не принимаю ваше посѣщеніе на свой счетъ, то она должна ѣхать одна, а я ужъ буду имѣть честь представиться послѣ.

— Благодарю, — сказалъ графъ, протягивая Мановскому руку. — Вы очень оригинально хотите отомстить мнѣ за любовь къ вашей супругѣ.

— Она сама вамъ отомститъ за эту любовь, отвѣчала съ усмѣшкою Мановскій.

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что наскучитъ вамъ.

— Анна Павловна не наскучитъ мнѣ! сказалъ графъ сладкимъ голосомъ, дѣлая руку хозяйки.

Въ залѣ раздался шумъ: это были новые гости. Въ каждый пріѣздъ графа, между помѣщиками Боярщины заводился странный обычай. Они пріѣзжали обыкновенно вслѣдъ за нимъ во всѣ дома, которымъ онъ дѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ, частью для того, чтобы болѣе сблизиться съ знатымъ туземцемъ, а частью: и для наставленія его бесѣдою.

Новоприбывшіе были: толстый Уситковъ съ женою, той самой барынею въ блондовомъ чепцѣ, которую мы видѣли у предводителя, которая приняла теперь намѣреніе всюду преслѣдовать графа въ видахъ помѣщенія своего седьмаго сынишку въ корпусъ. Ихъ сопровождала молодая чета Симановскихъ, недавно женившаяся по страсти. Мужъ былъ высокій и необыкновенно худой, отставной уланскій корнетъ; м-ше Симановская, не смотря на молодость лѣтъ, уже замѣчательно обнаруживающая въ себѣ практичекія способности, въ силу которыхъ тоже рѣшились искать въ графѣ, для опредѣленія мужа въ какую-нибудь доходную службу, безъ которой онъ будто бы ужасно скучаетъ. При входѣ мужчины отдали почтительный поклонъ Сапѣгѣ, а дамы, присѣвши ему, помѣстились на диванъ съ хозяйкой.

Всѣмъ имъ графъ слегка кивнулъ головой, и на лицѣ его замѣтно отразилось неудовольствіе: ему было досадно, что Анна Павловна, кромѣ его, должна будетъ заниматься съ прочими гостями.

Мановскій, все это, кажется, замѣтившій, сейчасъ же подошелъ съ разговоромъ къ дамамъ, а мужчины, не осмѣливаясь говорить съ графомъ, разсѣлись по уголкамъ. Такимъ образомъ, Сапѣга опять заговорилъ съ Анною Павловною. Онъ рассказывалъ ей о Петербургѣ, припоминалъ съ нею старыхъ знакомыхъ, описывалъ успѣхи въ свѣтѣ ея сверстницъ. Такъ время прошло до обѣда. За столомъ графъ помѣстился возлѣ хозяйки. Мановскій продолжалъ занимать прочихъ.

— Анна Павловна вѣрно прежде была знакома съ графомъ? Она, говорятъ, ему крестница? спросила его Уситкова.

— Крестница, отвѣчалъ Мановскій.

— Михайло Егорычъ, — сказалъ графъ, обращаясь къ хозяину: — когда же вы доставите мнѣ удовольствіе видѣть васъ и Анну Павловну у себя въ домѣ?

— Я сегодня ночью долженъ буду ѣхать въ городъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Мановскій. — Что касается до жены, то она, я полагаю, завтра же должна отплатить вамъ визитъ, чтобы тѣмъ хотъ нѣсколько извинить невольную мою противъ васъ невѣжливость.

— Bravo! вскричалъ графъ: — а вы что скажете, Анна Павловна?

Мановская поблѣднѣла. Она очень хорошо знала, что слово *полагаю* на языкѣ ея мужа значитъ — она пріѣдетъ. Но завтра былъ день, назначенный ею для свиданія съ Эльчаниновымъ.

— Позвольте мнѣ, графъ, пріѣхать къ вамъ въ понедѣльникъ, сказала она: — я чувствую себя не такъ здоровою.

— Зачѣмъ же откладывать, — возразилъ Мановскій, не любившій исполнять ни малѣйшаго желанія жены. Приличіе заставляетъ, кажется, поторопиться.

— Но, можетъ быть, Анна Павловна дѣйствительно дурно себя чувствуетъ, — сказалъ графъ отеческимъ голосомъ, въ душѣ радовавшійся поспѣшности мужа.

— Она постоянно не такъ здорова, отвѣчалъ Мановскій.

Тоска сдавила сердце Анны Павловны. Что ей было дѣлать, на что рѣшиться! Сначала она думала притвориться больной, но въ такомъ случаѣ нельзя будетъ выйти въ поле, тѣмъ болѣе, если мужъ не увидетъ. Эльчаниновъ будетъ ее допытываться, онъ по-

думаетъ, что она не хотѣла сдержатъ обѣщанія. Когда она опять съ нимъ увидится и какъ ему дать знать? Оставалось одно средство: идти и оставить на мѣстѣ записку, въ которой увѣдомить Эльчанинова о случившемся и назначить ему придти туда въ понедѣльникъ. На этомъ намѣреніи она нѣсколько успокоилась и снова начала говорить съ графомъ.

Обѣдъ кончился. Графъ не отходилъ отъ хозяйки и не давалъ ей заниматься съ дамами.

— О чемъ это говоритъ графъ съ Анной Павловной? — шепнула, обращаясь къ мужу, Уситкова, немного тупая на ухо.

— Не знаю, отвѣчалъ тотъ.

— Николай Николаичъ, Николай Николаичъ, отнеслась Уситкова къ Симановскому, смотрѣвшемуся въ зеркало.

Симановскій подошелъ.

— Вы отсюда къ намъ?

— Жена къ вамъ проѣдетъ, а мнѣ надобно въ Новинское на панихиду.

— Къ кому, батюшка? — произнесла съ испугомъ Уситкова.

— Бахуловъ померъ.

— Опекунъ Клеопатры Николаевны? Скажите! Царство небесное! Истинно-добрый былъ человекъ. Что-то теперь Клеопатра Николаевна? Какъ она была имъ довольна! Кого-то ей теперь назначать, потому что, надобно сказать, она порядочно поразстроила дочкино достояніе: для нея это очень важно, кого ей назначать.

— Да врядъ ли не здѣшняго.

— Кого? Михаила Егорыча?

Симановскій подтвердительно кивнулъ головой.

— Посмотрите, посмотрите, продолжала Уситкова, показывая глазами на графа, который цѣловалъ руку у Анны Павловны.

— Да-съ,— отвѣчалъ Симановскій—и взглянулъ на жену, которая спдѣла, въ замѣтно щекотливомъ положеніи, около Анны Павловны.

Вскорѣ послѣ чаю графъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ поднялись и прочіе гости, глубоко обиженные невниманіемъ Сапѣги и предпочтеніемъ, которое оказалъ онъ Аннѣ Павловнѣ.

— Завтра, часу въ двѣнадцатомъ, вы поѣдете къ графу,—сказалъ Мановскій, оставшись одинъ съ женой: — а я послѣ.

— Хорошо, отвѣчала та: — а я теперь, Михайло Егорычъ, пойду гулять, прибавила она съ невольною боязнію.

— Ступайте, отвѣчалъ Мановскій.

Анна Павловна почти вбѣжала въ свою комнату и написала къ Эльчанинову записку: «Простите меня, что я не могла исполнить обѣщанія. Мой мужъ посылаетъ меня къ графу Сапѣгѣ, который былъ сегодня у насъ. Вы знаете, могу ли я ему не повиноваться? Не огорчайтесь, добрый другъ, этой неудачей: мы будемъ съ вами видѣться часто, очень часто. Приходите въ понедѣльникъ на это мѣсто, я буду непременно. Одна только смерть можетъ остановить меня. До свиданья.»

Спрятавши эту записку за перчатку, она вышла и черезъ нѣсколько минутъ была на томъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ встрѣтилась съ Эльчаниновымъ. За-

писка была положена въ трещину дерева такимъ образомъ, что часть ея была видна.

Воротившись домой, она не видала ужь мужа. Онъ что-то писалъ въ гостиной.

VIII.

Въ воскресенье, часу въ третьемъ по-полудни, Эльчаниновъ снова ѣхалъ на своей сѣрой лошади, погруженный въ тихую задумчивость. Онъ предвкушалъ, такъ сказать, наслажденія любви, которыя готовила для него эта женщина, предметъ его страстныхъ мечтаній. Подъѣхавши къ рошѣ, онъ уже не пошелъ на этотъ разъ пѣшкомъ, а объѣхалъ ее кругомъ, и, остановясь невдалекѣ отъ назначеннаго мѣста, посмотрѣлъ вокругъ себя: попрежнему передъ нимъ разстилалось широкое поле, вдали были видны Могилки, которые на этотъ разъ показались ему еще мрачнѣе, еще печальнѣе. Небо покрыто было сѣрыми тучами, которыя, какъ бы перегоня одна другую, гигантскими массами плыли отъ сѣвера. Эльчаниновъ слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее, подошелъ къ сухому дереву, на которомъ сидѣлъ съ Анною Павловною. Еще разъ окинулъ онъ глазами окрестность и сѣлъ: при этомъ движеніи его, записка юркнула въ довольно глубокую трещину, и такимъ образомъ не сбылись надежды Анны Павловны — извѣстіе не дошло по назначенію. Прошло полчаса, безпокойство и скука начали одолѣвать Эльчаниновымъ: напрасно смотрѣлъ онъ на Могилки, напрасно вставалъ на дерево, садился на лошади, верхомъ, даже вставалъ на

сѣдло ногами, чтобъ такимъ образомъ окинуть взоромъ большее пространство,—никого не было видно. Безпокойство и скука все болѣе и болѣе возрастали. «Не больна ли она?» подумалъ онъ: «прошлый разъ она могла простудиться, захворать, и теперь, можетъ быть, умираетъ.» При этой мысли онъ рѣшился идти въ усадьбу: но если встрѣтится съ мужемъ? «Что же такое!» подумалъ Эльчаниновъ: «я могу сказать, что меня сшибла лошадь и убѣжала, могъ же я ѣхать не вдаль.» Съ такимъ намѣреніемъ онъ выбрался на большую дорогу, слѣзъ съ лошади, оборвалъ поводья, свернулъ немного на бокъ сѣдло и ударилъ ее нѣсколько разъ арапникомъ. Лошадь понеслась маршъ маршемъ по дорогѣ. Эльчаниновъ, вымаравъ себѣ, для большаго вѣроятія, въ грязи лицо, платье и руки, отправился въ Могилки. Первая представилась ему толстая баба, съ засученными рукавами, вѣшавшая на заборъ бѣлье.

— Эй, любезная, —сказалъ Эльчаниновъ, подходя къ ней: — нѣтъ ли у васъ кого-нибудь поймать мою лошадь?

Баба посмотрѣла на него съ любопытствомъ и съ удивленіемъ.

— Лошадь!... А кое мѣсто ваша лошадь? спросила она.

— Должно быть, въ здѣшнемъ полѣ. Она меня сшибла и убѣжала.

— Ишь ты!... А вы чьи такіе?

— Я изъ Коровина.

— Такъ, знаемъ. Баринъ что ли?

— Баринъ, моя милая. Кто бы мнѣ лошадь пойма?

— Ой, батюшка, кого посылать-то, развѣ ребяташекъ... большихъ-то нѣтъ дома. Кучера съ барями уѣхали, а другіе на работѣ.

— Съ барями уѣхали? спросилъ Эльчаниновъ. — А куда ваши баря уѣхали?

— А Богъ ихъ знаетъ, куда уѣхали. Неизвѣстно. Барыня, говорятъ, въ Каменки, а баринъ неизвѣстно.

— Куда въ Каменки?

— А вонъ въ село Каменки, къ генералу. Онъ вчера-то былъ здѣсь, такъ, слышь, барыня и поѣхала къ нему, въ каретѣ, шестерикомъ, такая нарядная.

Эльчаниновъ ничего не могъ понять. Онъ догадался, впрочемъ, что Анна Павловна уѣхала къ графу Сапѣгѣ, о которомъ онъ слышалъ отъ многихъ. Но зачѣмъ уѣхала и какъ—одна и въ тотъ именно день, когда назначено было свиданіе? Ему сдѣлалось не на шутку грустно и досадно.

— Ребягишекъ послать что ли? спросила баба, видя, что Эльчаниновъ стоялъ задумавшись.

— Пошли, любезная, сказалъ онъ.

Баба взлѣзла на заборъ.

— Ванька... Оедька... подыте сюда!...—закричала она.—Вонъ изъ Коровина барина лошадь сшибла, такъ пригоньте ее.

На этотъ зовъ за ворота выбѣжали три мальчика въ пестрядинныхъ рубашкахъ, съ грязными руками и ногами. Они все трое стали въ недоумѣніи: имъ нужно было снова растолковать, въ чемъ дѣло.

— Да кое мѣсто лошадь-то? спросилъ старшій изъ нихъ:—поле-то велико.

— Да, поди, чай, у воротецъ къ Коровину, — отвѣчала догадливая баба.

— Такъ туда что-ли бѣжать?

— Вѣстимо, что туда; а можетъ, что и въ бо-
лотъ.

— Пойдемте, — сказалъ старшій, и всѣ впри-
скачку пустились по дорогѣ.

Эльчаниновъ стоялъ въ раздумьѣ.

— Барыня-то есть у васъ? спросила словоохот-
ливая баба.

— Нѣтъ, я не женатъ, — отвѣчалъ Эльчаниновъ, — а
что, у васъ хороша барыня?

— Хороша, добрая такая, только баринъ-то ее
небольно любитъ; у него есть другая, еще и не одна,
пожалуй; да и тѣмъ житье не больно хорошо: коло-
титъ часто.

Послышался конскій топотъ. Это были маль-
чшки, которые, усѣвшись всѣ трое на лошадь Эльча-
нинова, гнали ее во весь опоръ.

— Вотъ и пригнали, — проговорила баба.

— Спасибо, любезные, — сказалъ Эльчаниновъ, са-
даясь на лошадь и одѣля мальчишекъ по пятаку. — Вотъ
и тебѣ, — прибавилъ онъ, давая гривеникъ женщинѣ.
Всѣ поклонились ему.

Эльчаниновъ скорой рысью поѣхалъ обратно; но,
миновавъ Могилковское поле, остановился. Слезы
чуть не брызнули изъ его глазъ, такъ ему было то-
шно. «Вотъ женщины, подумалъ онъ, вотъ любовь ихъ!
Забывать обѣщаніе, забыть мою нетерпѣливую любовь,
свою любовь, — забыть все и уѣхать въ гости! Но
зачѣмъ она поѣхала къ графу и почему одна, безъ
мужа? Можетъ быть, у графа балъ? Конечно балъ, а

чѣмъ женщина не пожертвуетъ для бала? Но какъ бы узнать, что такое у графа сегодня? Заѣду къ предводителю: если балъ, онъ долженъ быть тамъ же.» Принявши такое намѣреніе, Эльчаниновъ прищпорилъ лошадь и поворотилъ на дорогу къ предводительской усадьбѣ. Черезъ полчаса ѣзды онъ вѣхалъ на красный дворъ и отдалъ свою лошадь попавшемуся на встрѣчу кучеру.

— Дома Алексѣй Михайлычъ?—спросилъ онъ.

— У себя-съ,—отвѣчалъ тотъ.

Эльчаниновъ быстро вбѣжалъ на лѣстницу, сбросилъ на полъ плащъ и вошелъ въ гостиную.

Предводитель сидѣлъ въ волтеровскихъ креслахъ и съ величайшимъ стараніемъ сдиралъ съ персика кожицу, которыхъ нѣсколько десятковъ лежало въ серебряной корзинкѣ, стоявшей на кругломъ столѣ. Напротивъ него, на диванѣ, сидѣла Уситкова, по-прежнему въ блондовомъ чепцѣ; толстый мужъ ея стоялъ нѣсколько съ боку и тоже ѣлъ персикъ; на одномъ изъ креселъ сидѣлъ исправникъ съ сигарою въ зубахъ, и наконецъ вдали отъ прочихъ помѣщался, въ довольно почтительномъ положеніи, на стулѣ, молодой человѣкъ, съ открытымъ, хотя нѣсколько грубоватымъ и загорѣлымъ лицомъ, въ синемъ изъ толстаго сукна, сюртукѣ; на ногахъ у него были огромные, прошивные, подбитые на подошвѣ гвоздями, сапоги, которые какъ-то странно было видѣть на паркетномъ полу.

Увидя входящаго Эльчанинова, предводитель нѣсколько приветалъ.

— Здравствуйте, Валерьянъ Александрычъ!—сказалъ онъ.—Но, Господи, что съ вами, вы все въ грязи?

Эльчаниновъ, начавшій уже раскланиваться, тутъ только вспомнилъ, что былъ весь испачканъ.

— Меня сейчасъ сшибла лошадь, — отвѣчалъ онъ.

— Скажите, пожалуйста! ахъ, молодые, молодые люди! произнесъ предводитель. — Долго ли до бѣды. Не ушиблись ли вы однако?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я только, какъ видите, перепачкался, да и про то забылъ, — отвѣчалъ Эльчаниновъ и вышелъ.

— Ну, матушка Татьяна Григорьевна, — продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ Уситковой: — вы начали, кажется, что-то рассказывать?

— Странная, просто странная вещь, — начала та, пожимая плечами: — сидимъ мы третьяго дня съ Карпомъ Ѳедорычемъ за ужиномъ; вдругъ является Иванъ Александрычъ: захопотался, говорить, позвольте отдохнуть, сейчасъ ѣздитъ въ Могилки съ порученіемъ отъ графа.

На этихъ словахъ Эльчаниновъ вернулся и началъ вслушиваться.

— Что такое за порученіе? продолжала Уситкова: — а порученіе, говорить, сказать Михайлу Егорычу, чтобъ онъ завтрашній день былъ дома, потому что графъ хочетъ завтракъ ему пріѣхать. «Какъ, говорить Карпъ Ѳедорычъ, да являлся ли самъ Михайло Егорычъ къ графу?» — «Нѣтъ, говорить, да ужь его сіятельству по добротѣ его души такъ угодно, потому что Анна Павловна ему крестница.» Ну, мы — такъ я и Карпъ Ѳедорычъ, ну, можетъ быть, и крестница.

— Конечно, что-жь тутъ удивительнаго? — сказалъ предводитель: — очень возможно, что и крестница.

— Ну, да-съ, мы и ничего, только я и говорю:

«съѣздимъ-на, говорю, и мы, Карпъ Ѳедорычъ, завтра въ Могилки; я же Анны Павловны давно не видала.» — «Хорошо,» говоритъ. На другой день по-утру къ намъ пріѣхали Симановскіе. Мы имъ говоримъ, что ѣдемъ. «Ахъ, говорятъ, это и прекрасно, и мы съ вами съѣздимъ.» Поѣхали. Графъ ужь тутъ и, ахъ, Алексѣй Михайлычъ! вы представить себѣ не можете, какія сцены мы видали, и я одному только не могу надпиться, какимъ образомъ Михайло Егорычъ, человѣкъ не глупый бы...

— Что-жь такое? что такое? — спросилъ съ любопытствомъ предводитель.

— Это интересно, — отнесся исправникъ къ Эльчанинову, который, казалось, весь превратился въ слухъ.

— Вспомнить не могу, продолжала Уситкова: — ну, мы вошли, поздоровались и начали было говорить, но ни графъ, ни хозяйка ни на кого никакого вниманія не обращаютъ и, какъ голуби, воркуютъ между собою, и только ужь блѣдный Михайло Егорычъ (ему, видно, и совѣстно), суется, какъ угорѣлый, то къ тому, то къ другому: «вотъ тебѣ и смиренница», подумала я.

— Не можетъ, кажется, быть, — нерѣшительно возразилъ предводитель.

— Ахъ, Алексѣй Михайлычъ, не знаю, можетъ или не можетъ быть, — возразила въ свою очередь барыня: — но вы только выслушайте: мало того, что цѣлый день говорили, глазки дѣлали другъ другу, цѣловались; мало этого: условились при всѣхъ, что она сегодня пріѣдетъ къ нему одна и поѣхала; мы встрѣтили ее. Положимъ, что крестница, но все-таки — она молодая женщина, а онъ [человѣкъ холостой](http://ru.wikisource.org/); у него, я думаю,

и горничныхъ въ домѣ нѣтъ... ну ей поправить что-нибудь надобно, башмакъ, чулокъ, кто ей это сдѣлаетъ, — лакей?

— Конечно, — подтвердилъ предводитель, и потомъ шепотомъ прибавилъ: — что графъ къ этому склоненъ, то...

— Безъ всякаго сомнѣнія, — подхватила разсказщица. — Господи! до чего нынче доводятъ себя нынѣшнія женщины. Ну, добро бы молодой человѣкъ — влюбилась бы, а то старикъ: просто развратъ, чтобъ подарилъ что-нибудь.

При послѣднихъ словахъ Эльчаниновъ всталъ.

— Что съ вами, Валерьянъ Александрычъ? — спросилъ предводитель.

— Ничего-съ, это, кажется, послѣдствія паденія, — проговорилъ онъ и вышелъ.

— Савелій, — сказалъ предводитель, обращаясь къ молодому человѣку, тоже, кажется, принимавшему большое участіе въ ихъ разговорѣ: — поди къ Валерьяну Александрычу, посмотри, что тамъ съ нимъ, да спроси, не хочетъ ли онъ прилечь въ моемъ кабинетѣ.

Молодой человѣкъ всталъ и вышелъ въ залу.

— Напрасно вы разсказываете при этихъ дворяншкахъ, — сказалъ исправникъ, показывая глазами на ушедшаго молодаго человѣка: — какъ разъ перенесутъ графу.

— Ай, батюшки, что я надѣлала! — вскричала въ испугъ Уситкова.

— Ты всегда такъ неосторожна на языкъ, — замѣтилъ ей мужъ, махнувъ рукою.

— Нѣтъ, Савелій не такой, я его знаю, — сказалъ предводитель.

— Вы, пожалуйста, скажите ему, чтобы онъ не говорилъ, — сказала Уситкова почти умоляющимъ голосомъ.

— Не безпокойтесь, Савелій не болтунъ.

Молодой человекъ, котораго называли однимъ только полуименемъ Савелій, былъ такой же дворянинъ, какъ Эльчаниновъ, какъ предводитель, какъ даже самъ графъ; но у него было только нѣсколько десятинъ земли и выстроенный на той землѣ маленькій, деревянный флигель. Онъ съ трудомъ умѣлъ читать, нигдѣ не служилъ, но, не смотря на бѣдность, на отсутствіе всякаго образованія, онъ былъ въ высшей степени честный, добрый и умный малый. Онъ никогда и никому не жаловался на свою участь и никогда не позволялъ себѣ, подобно другимъ бѣднымъ дворянамъ, просить помощи у богатыхъ. Онъ неусыпно пахалъ, съ помощью одного крѣпостнаго мужика, свою землю, и такимъ образомъ имѣлъ кусокъ хлѣба. Кроме того, онъ очень былъ искусенъ въ разныхъ ремеслахъ: собственными руками выстроилъ себѣ мельницу, дѣлалъ телеги, починивалъ стѣнные часы и переплеталъ наконецъ книги. Ни отца, ни матери не было у него съ двѣнадцати-лѣтняго возраста. Жилъ онъ въ одной усадьбѣ со вдовою.

Эльчаниновъ между тѣмъ стоялъ на задней галлерей дома, прислонившись къ деревянной колоннѣ, и вовсе не обратилъ вниманія на Савелія, когда тотъ подошелъ къ нему и внимательно посмотрѣлъ на него.

Героя моего мучила въ настоящую минуту ревность, и онъ ревновалъ Анну Павловну къ графу.

Раздосадованный и обманутый ожиданіемъ, онъ повѣрилъ всему. Если бы Анна Павловна поѣхала къ графу не въ этотъ день, въ который назначено было свиданіе, то, можетъ быть, онъ еще усомнился бы въ истинѣ словъ Уситковой; но она забыла его, забыла свое слово и уѣхала. Это явно, что если она не любитъ графа, то все-таки ей пріятно его исканіе; что графъ за ней ухаживалъ, Эльчаниновъ не имѣлъ не малѣйшаго сомнѣнія въ томъ. «Теперь прошу вѣрить въ нравственную высоту женщины, думалъ онъ, если она, казавшаяся ему столь чистою, столь прекрасною, унизила себя до благосклонности къ старому развратнику и предпочла его человѣку, который любитъ ее со всею искренностью, который, мало этого, обожаетъ ее, забыть все прошедшее и увлечься вниманіемъ Сапѣги, который только можетъ ее позорить въ глазахъ совѣсти и людей; бояться со мною переговорить два слова и потомъ безстыдно ѣхать одной къ новому обожателю. О, женщины! ничтожество вамъ имя! — проговорилъ Эльчаниновъ мысленно: — всѣ вы равны: не знаю, почему я предпочелъ это худенькое созданье, напримѣръ, передъ вдовою. Если ужъ входить въ сношенія съ женщиной, такъ ужъ конечно лучше со свободной; — меньше труда, а то игра не стоитъ свѣчъ. Хорошо, Анна Павловна, мы поквитаемся. Вы поѣхали любезничать къ графу, а я поѣду ко вдовѣ.» На послѣдней мысли засталъ его Савелій.

— Алексѣй Михайлычъ приказали мнѣ сказать вамъ, не хотите ли вы прилечь въ его кабинетъ, — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, благодарю, я сейчасъ ѣду, — отвѣчалъ сухо Эльчаниновъ и пошелъ въ гостиную.

— Прощайте, Алексѣй Михайлычъ, — сказалъ онъ, берясь за шляпу.

— Куда это вы? Отдохните лучше.

— Благодарю покорно, мнѣ теперь лучше, а воздухъ меня еще больше освѣжить. — Онъ поклонился гостямъ, вышелъ и чрезъ нѣсколько минутъ былъ ужъ на дорогѣ въ усадьбу Ярцово, гдѣ жила вдова. Лошадь шла шагомъ. Несмотря на стараніе Эльчанинова придать мыслямъ своимъ болѣе вѣтренности и безпечности, ему было грустно. Онъ ѣхалъ ко вдовѣ, потому что былъ ожесточенъ противъ Анны Павловны. Онъ ей хотѣлъ за невѣрность отплатить тою же монетою. Раздавшійся сзади лошадиный топотъ заставилъ наконецъ его обернуться. Его нагонялъ Савелій, ѣхавшій тоже верхомъ на маленькой крестьянской лошаденкѣ.

— Какъ вы тихо ѣдете, — сказалъ онъ, кланаясь съ доброю улыбкою Эльчанинову.

— Мнѣ некуда торопиться, — отвѣчалъ тотъ разсѣянно.

— А куда вы, смѣю спросить, ѣдете? спросилъ Савелій, которому хотѣлось, видно, завести разговоръ.

— Въ Ярцово, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— И я туда же; позвольте мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ вами.

— Сдѣлайте милость, — отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Вы ужъ меня, я думаю, не помните, Валерьянъ Александрычъ, — сказалъ Савелій: — а я съ вами игрывалъ и гащивалъ у васъ съ Коровниѣ.

— Теперь припоминаю, — отвѣчалъ Эльчаниновъ, взглядываясь въ своего спутника и дѣйствительно узнавая въ немъ сына одного бѣднаго дворянина, который часто ѣздилъ къ нимъ въ усадьбу и привозилъ съ собою мальчика, почти ему ровесника.

— Гдѣ вашъ батюшка? — спросилъ онъ.

— Отецъ мой умеръ.

— И вы теперь одинъ?

— Одинъ, — отвѣчалъ Савелій. — Вы много перемѣнились, Валерьянъ Александрычъ! я васъ не узналъ было, — прибавилъ онъ.

— Не мудрено, — произнесъ Эльчаниновъ со вздохомъ: — перемѣнишься, поживши на свѣтѣ, — прибавилъ онъ.

— Да вы много ли еще нажили; развѣ горе какое особенное у васъ есть, а то, чтобы, кажись... — возразилъ Савелій.

— Горе? — повторилъ Эльчаниновъ: — горя нѣтъ, а такъ скучаю!

— Отъ чего же вы скучаете?

— Отъ нечего дѣлать.

Савелій улыбнулся.

— Вотъ какъ, проговорилъ онъ: — намъ работа руки намозолила; а есть на свѣтѣ люди, которымъ скучно отъ того, что дѣлать нечего.

— И очень много, — подхватилъ Эльчаниновъ, — большая часть людей несчастны отъ того, что не знаютъ, что имъ дѣлать. Изъ нихъ же первый — азъ есмь, — заключилъ онъ и зѣвнулъ.

— Вамъ, я думаю, надобно служить, — замѣтилъ Савелій.

— Служить-то бы я радъ, подслуживаться тошно, — проговорилъ съ улыбкою Эльчаниновъ.

— Ну, женитесь.

— Жениться на комъ?

— Я не знаю; а думаю, за васъ пойдетъ хорошая невѣста.

— Сыщите.

— Я не сватъ, — сказалъ съ улыбкою Савелій. — Сыщите сами.

— Легко сказать. Сами вы, напримѣръ, отъ чего не женитесь?

Савелій при этомъ вопросѣ покраснѣлъ.

— Какой я женихъ? За меня дѣвушка, у которой есть кусокъ хлѣба, не пойдетъ.

— А вы бѣдны?

— Три души у меня-съ, изъ нихъ одна моя собственная.

— Чѣмъ же вы живете?

— Да хлѣбопашествомъ больше-съ..

— И сами пашете землю?

— Пашу-съ.

— Это ужасно! — воскликнулъ Эльчаниновъ: — дворянинъ по рожденію...

Молодые люди на нѣкоторое время замолчали.

— Любили ли вы когда-нибудь въ жизни? — спросилъ вдругъ Эльчаниновъ, у котораго поступокъ Анны Павловны не выходилъ изъ головы, и которому ужь начиналъ нравиться его новый знакомый.

— Любилъ ли я женщинъ? — спросилъ Савелій: — нѣтъ еще.

— И не любите.

— Почему же? <http://rcin.org.pl>

— Потому что онѣ этого не стоятъ. Слышали ли вы у предводителя, что говорили про Мановскую? Это еще лучшая изъ всѣхъ.

— Это не правда, что про нее говорили!

— Вы ее знаете?

— Какъ же-съ: сосѣдское дѣло, бываю у нихъ, видалъ ее; а вы ее знаете?

— Я еще ее въ Москвѣ зналъ, она не дурна.

— Да-съ, и очень добрая и негордая, — сказалъ Савелій.

Эльчанинову пришло въ голову сдѣлать Савелью порученіе къ Аннѣ Павловнѣ, но онѣ боялся.

— А когда вы будете опять у нихъ?—спросилъ онѣ.

— Не знаю, какъ случится. А вы ѣздите къ нимъ?

— Нѣтъ, мнѣ не нравится ея мужъ.

— Я поклонюсь ей отъ васъ, коли вамъ угодно, сказалъ Савелій, какъ бы угадывая намѣреніе своего спутника.

— Ахъ, сдѣлайте милость, — сказалъ Эльчаниновъ, обрадованный этимъ вызовомъ: — и скажите, что въ Москвѣ она лучше держала свое обѣщаніе.

— А развѣ она не сдержала какогонибудь обѣщанія?

— Да, пустяки, конечно: обѣщалась у предводителя танцовать со мною кадрили и уѣхала.

— Ее, можетъ быть, мужъ увезъ.

— Очень можетъ быть. Скажете?

— Извольте.

— Только съ глазу на глазъ.

— Это для чего-съ?

— Потому что этотъ господинъ мужъ можетъ подумать Богъ знаетъ что.

— Такъ я лучше ничего не буду говорить, ска-
заль подумавши Савелій.

— Нѣтъ, нѣтъ Бога ради, скажите,—проговорилъ
Эльчаниновъ, испуганный мыслию, что не догады-
вается ли Савелій.

— А вамъ очень хочется? — спросилъ тотъ.

— Очень...

— Да тутъ ничего такого нѣтъ?

— Рѣшительно ничего.

— Хорошо, скажу-съ.

Разговаривая такимъ образомъ, молодые люди
подъѣхали къ Ярцову.

— Прощайте! — сказалъ Савелій.

— Доброй ночи, проговорилъ Эльчаниновъ, —
протягивая ему руку: — приѣзжайте ко мнѣ, мы
старые знакомые.

— Хорошо-съ, — отвѣчалъ тотъ и поворотилъ
лошадь къ своему флигелю, а Эльчаниновъ подъѣхалъ
къ крыльцу дома Клеопатры Николаевны.

При входѣ въ гостиную, онъ увидѣлъ колоссальную
фигуру Задоръ-Мановскаго, который, въ широкомъ
суконномъ сюртукѣ, сидѣлъ, развалившись въ крес-
лахъ; недалеко отъ него на диванѣ сидѣла хозяйка.
По разстроенному виду и безпокойству въ безпечномъ
по обыкновенію, лицѣ Клеопатры Николаевны не
трудно было догадаться, что она имѣла непріятный
для нея разговоръ съ своимъ собесѣдникомъ: глаза
ея были заплаканы. Задоръ-Мановскій имѣлъ необыкно-
венную способность всѣхъ женщинъ заставлятъ пла-
кать.

При появленіи Эльчанинова хозяйка издала воскли-
чаніе:

— Боже мой! М-г Эльчаниновъ! — сказала она:— такъ-то вы исполняете ваше обѣщаніе, прекрасно!

— Извините меня,—началь Эльчаниновъ, не кланяясь Задоръ-Мановскому, который въ свою очередь не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенья. — Я не могъ пріѣхать, потому что былъ боленъ. — Но, кажется, и вы чѣмъ-то разстроены?

— Ахъ, у меня горе, Валерьянъ Александровичъ: мой опекунъ померъ.

— Опекунъ? Зачѣмъ у васъ опекунъ?

— Опекунъ надъ имѣніемъ моей дочери; вы не знаете, съ какими это сопряжено хлопотами. Нужно имѣть другаго; вотъ Михайло Егорычъ, по своей добротѣ, принимаетъ ужь на себя эту трудную обязанность.

— Напротивъ, я полагаю, пріятную, — возразилъ Эльчаниновъ.

— Можетъ быть, это вамъ такъ кажется; для меня ни то, ни другое. Я назначенъ опекою,—проговорилъ Задоръ-Мановскій.

— Что жь тутъ для васъ, Клеопатра Николаевна, за хлопоты? — сказалъ Эльчаниновъ:— все равно, кто бы ни былъ.

Вдова вздохнула.

— Чѣмъ вы были больны? спросила она помолчавъ.

— Я былъ болѣе разстроены, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Нельзя ли узнать, чѣмъ?

— Я полагаю, вы знаете.

Эльчаниновъ нарочно сталъ говорить намеками,

чтобы досадить Мановскому, котораго онъ считалъ за обожателя вдовы.

— Нѣтъ, я не знаю, — сказала вдова.

— Ну такъ я вамъ скажу.

— Когда же?

— Когда будемъ вдвоемъ.

Задоръ-Мановскій поворотился въ креслахъ.

— Позвольте мнѣ остаться у васъ ночевать, сказалъ Эльчаниновъ: я боюсь волковъ, чтобы ѣхать домой.

— Даже прошу васъ.

— Это не предосудительно по здѣшнимъ понятіямъ?

— Нисколько... А вы, Михайло Егорычъ?

— Ночую-сь, — отвѣчалъ тотъ лажонически.

Разговоръ прекратился на нѣсколько минутъ. Веселая и безпечная Клеопатра Николаевна была рѣшительно не въ духъ. Задоръ-Мановскій сидѣлъ, потупя голову. Эльчаниновъ придумывалъ средства, чѣмъ бы разбѣсить своего соперника: объ Аннѣ Павловнѣ... Увы... она не приходила ему въ голову, и въ Задоръ-Мановскомъ онъ уже видѣлъ въ эту минуту не мужа ея, а искателя вдовы.

— Чѣмъ же вы занимались въ это время? спросила Клеопатра Николаевна

— Думалъ, отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— О чемъ?

— О томъ, что наши сѣверныя женщины любятъ какъ-то холодно и расчетливо. Онѣ никогда, подъ вліяніемъ страсти, не принесутъ ни одной жертвы, если только тысячи обстоятельствъ не натолкнутъ ихъ на то.

— Потому что сѣверныя женщины знаютъ, какъ мало цѣнятъ ихъ жертвы.

— Да потому жертвы мало и цѣнятся, что онѣ приходятъ не отъ страсти, а отъ случая.

— Я васъ не понимаю.

— Извольте, объясню подробнѣе, — отвѣчалъ Эльчаниновъ: — положимъ, что вы полюбили бы человѣка, принесли бы вы ему жертву, не пройдя этой обычной колеи вздохомъ, страданій, объясненій и тому подобнаго, а просто, непосредственно отдались бы ему въ полное обладаніе.

— Но надобно знать этого человѣка, — сказала вдова, нѣсколько покраснѣвши.

— Вы его знаете, какъ человѣка, а не знаете только... простите за рѣзкость выраженія... не знаете, какъ любовника.

Задоръ-Мановскій, наблюдавшій молчаніе, при этихъ словахъ посмотрѣлъ на вдову. Она потупилась и ничего не отвѣчала. Эльчанинову показалось, что она боится или, по крайней мѣрѣ, остерегается Мановскаго и онъ съ упорствомъ сталъ продолжать разговоръ въ томъ же тонѣ.

— Что жъ вы на это скажете? — повторилъ онъ снова.

— Какой вы странный, — начала Клеопатра Николаевна: — надобно знать, какой человѣкъ и какія жертвы. Къ тому же я, ей-богу, не могу судить, потому что никогда не бывала въ подобномъ положеніи.

«Она отыгрывается», подумалъ Эльчаниновъ.

— Жертвы обыкновенныя, — началъ онъ: — наприкладъ, рѣшиться на тайное свиданіе, и пусть это будетъ сопряжено съ опасностью общественной огласки, потому что всегда и вездѣ есть мерзавцы, которые подсматриваютъ. <http://rcin.org.pl>

— Я не знаю,—отвѣчала вдова:—всего вѣроятноѣ, что не рѣшилась бы.

— Не угодно ли вамъ, Клеопатра Николаевна, повѣрить со мною описи, такъ какъ я завтра уѣду чѣмъ свѣтъ,—сказалъ вставая Мановскій и вынулъ изъ кармана бумаги.

— Извольте,—отвѣчала Клеопатра Николаевна.— Извините меня, Валерьянъ Александрычъ, прибавила она, обращаясь ласково къ Эльчанинову:—я должна, по милости моихъ проклятыхъ дѣлъ, удѣлить нѣсколько минутъ Михайлу Егорычу.

Они оба вышли.

Эльчаниновъ чуть не лопнулъ отъ досады и удивленія.

— Что это значить? подумалъ онъ:—кажется, сегодня все женщины рѣшились предпочесть мнѣ другихъ: что она будетъ съ нимъ тамъ дѣлать? Ему стало досадно и грустно, и онъ также страдалъ, отъ ревности ко вдовѣ, какъ за нѣсколько минутъ страдалъ, ревнуя Анну Павловну.

Черезъ полчаса вдова и Мановскій возвратились. Клеопатра Николаевна была въ окончательно-разстроенномъ состояніи духа и молча сѣла на диванъ. Мановскій спокойно помѣстился на прежнемъ мѣстѣ.

Эльчаниновъ рѣшился наговорить колкостей Клеопатрѣ Николаевнѣ.

— Отчего вы, Клеопатра Николаевна, не выходите замужъ?—спросилъ онъ.

— Жениховъ нѣтъ,—отвѣчала та.

— Помилуйте:—возразилъ Эльчаниновъ:—мало ли есть любезныхъ, милыхъ, красивыхъ и здоровыхъ помѣщиковъ!

— Вотъ, напримѣръ, самъ г-нъ Эльчаниновъ, — подхватилъ Мановскій.

— Я не считаю себя достойнымъ этой чести; вотъ, напримѣръ, вы, когда овдовѣете — это другое дѣло.

— Тишунъ бы вамъ на языкъ, у меня жена еще не умираетъ, — сказалъ Мановскій.

— Потому что вы, видно, бережете ея здоровье; это впрочемъ не въ тонѣ русскихъ баръ, — замѣтилъ Эльчаниновъ.

— Да изъ боязни, чтобъ, овдовѣвъ, не перебить у васъ Клеопатры Николаевны.

— Господа! — сказала она: — вы, стараясь кольнуть другъ друга, колете меня.

— Что жъ дѣлать, — отвѣчалъ Эльчаниновъ: — мы не можемъ при васъ и объ васъ говорить съ г-мъ Мановскимъ безъ колкостей: въ этомъ виноваты вы.

— Не знаю, какъ вы, а я съ вами говорю просто, — проговорилъ Мановскій.

— Прекратите, Бога ради, господа, этотъ непріятный для меня разговоръ, — сказала Клеопатра Николаевна.

— А мнѣ кажется, онъ долженъ пріятно щекотать ваше самолюбіе. Вамъ принадлежатъ нравственно всё, а вы — никому, — возразилъ, съ удареніемъ на послѣднія слова, Эльчаниновъ.

Вдова не на шутку обидѣлась; но въ это время кончился ужинъ.

— Покойной ночи, господа! — сказала она вставая изъ-за стола: — я васъ прошу переночевать вмѣстѣ, въ кабинетъ моего покойнаго мужа.

Эльчаниновъ очень хорошо замѣтилъ, что при

этихъ словахъ Мановскій нахмурился. Оба они подошли къ рукѣ хозяйки.

— Вы ужасный человѣкъ; я на васъ сердита,—сказала она шепотомъ Эльчанинову.

— Что для васъ значитъ этотъ человѣкъ?—спросилъ онъ тихо.

— Многое!..

Вдова ушла.

Два гостя, оставшись на-единѣ, ни слова не говорили между собою и молча вошли въ назначенный для нихъ кабинетъ. Задоръ-Мановскій тотчасъ раздѣлся и легъ на свою постель. Эльчанинову не хотѣлось еще спать и онъ, сѣвъ въ раздумѣ, сталъ смотрѣть на своего товарища, который, вытянувшись во весь свой гигантскій ростъ, лежалъ, зажмуривъ глаза, и тяжело дышалъ. Грубое лицо его, лежавшее на тонкой наволочкѣ подушки и освѣщенное слабымъ свѣтомъ одной свѣчи, казалось еще грубѣе. Огромная красная рука, съ напряженными мускулами, поддерживала голову; другая была свѣшена. Онъ показался Эльчанинову страшенъ и гадокъ. «Такъ этому-то морскому чудовищу, подумалъ онъ, принадлежитъ нѣжная и прекрасная Анна Павловна. Когда я, мужчина, не могу безъ отвращенія смотрѣть на него, что же должна чувствовать она!» Ему хотѣлось убить Задоръ-Мановскаго. «Зачѣмъ это она поѣхала къ графу. Видно, женщина, при всѣхъ несчастіяхъ, останется женщиной. Когда и какъ я ее увижу! Но отчего же мнѣ не пріѣхать къ нимъ!— Съ мужемъ я уже знакомъ».

Мановскій повернулся.

— А что, вы скоро свѣчу погасите?—проговорилъ онъ.

— Вы, вѣрно, рано любите ложиться спать?—спросилъ Эльчаниновъ.

— Гасите, пожалуйста, поскорѣе,—сказалъ вмѣсто отвѣта Мановскій.

— Я еще не хочу спать, возразилъ Эльчаниновъ. Задоръ-Мановскій, не отвѣчая, повернулся къ стѣнѣ.

«Чорта съ два, познакомишься съ этимъ медвѣдемъ», подумалъ Эльчаниновъ и легъ, рѣшившись не гасить свѣчу, чтобы хоть этимъ досадить Мановскому. Истерзанный душевнымъ волненіемъ, усталый физически, онъ задремалъ. Уже передъ нимъ начиналъ носиться образъ Анны Павловны, который какъ бы незамѣтно принималъ наружность вдовы. Этотъ призракъ улыбался ему, манилъ его и потомъ съ громкимъ смѣхомъ оттягивалъ отъ себя. Голова его закружилась, сердце замерло, онъ чувствовалъ, что падаетъ въ какую-то пропасть, и проснулся. Окинувъ глазами комнату, онъ увидѣлъ, что Задоръ-Мановскій, вставшій въ одной рубашкѣ съ постели, брался за свѣчу.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ онъ.

Мановскій, не отвѣчая ни слова, погасилъ свѣчу и опять легъ на постель.

Эльчаниновъ видѣлъ необходимость повиноваться.

«Этакая скотина»—думалъ онъ, и досада, и тоска не давали ему спать. Прошелъ уже цѣлый часъ въ мучительной безсонницѣ, какъ вдругъ ему послышалось, что товарищъ его начинаетъ приподниматься. Эльчаниновъ напрягъ вниманіе. Задоръ-Мановскій дѣйствительно всталъ съ постели, тихими шагами

подошелъ къ двери, отперъ ее и вышелъ; потомъ Эльчанинову послышалось, что замокъ въ дверяхъ щелкнулъ.

— Что вы дѣлаете?—воскликнулъ было онъ. Отвѣта не было. Эльчаниновъ всталъ съ постели и подошелъ къ двери: она дѣйствительно заперта снаружи. «Что это значитъ?» думалъ онъ и рѣшившись, во что бы то ни стало, разгадать загадку, подошелъ къ окну, которое было створчатое, и отворилъ его. До земли было аршина три, слѣдовательно выпрыгнуть было очень возможно. Одѣвшись на скорую руку, Эльчаниновъ соскочилъ на землю и очутился въ саду. Ночь была темная. Почти ощупью онъ пробрался на главную аллею и вошелъ на балконъ, выходъ на который былъ изъ гостиной, гдѣ увидѣлъ свѣчку на столѣ, Клеопатру Николаевну, сидѣвшую на диванѣ, въ спальномъ капотѣ, и Мановскаго, который былъ въ халатѣ и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Эльчаниновъ приложилъ ухо къ желѣзной форточкѣ въ нижнемъ стеклѣ и сталъ прислушиваться. *

— Я васъ прошу объ одномъ, чтобы вы ушли, потому что онъ можетъ проснуться и придти сюда же, — говорила Клеопатра Николаевна умоляющимъ голосомъ.

— Не придетъ: я его заперъ, — отвѣчалъ Мановскій. — А мнѣ надобно съ вами переговорить.

— Ну, говорите же, по крайней мѣрѣ, я васъ слушаю, — отвѣчала Клеопатра Николаевна и кокетливо завернулась въ платокъ.

Эльчанинову показалось отвратительнымъ это движеніе.

— А говорить то, что я изъ-за васъ въ петлю не полъзу. Если вы ко мнѣ такъ, такъ и я къ вамъ такъ. Считать тоже умѣемъ. Свою седьмую часть вы давно продали. Всего семь сотъ рублей платять за дѣвушку въ институтъ. Прочіе доходы должны идти для приращенія дѣтскаго капитала, слѣдовательно...—говорилъ Мановскій.

— Это ужасно,—воскликнула Клеопатра Николаевна, всплеснувъ руками.

Первымъ движеніемъ Эльчанинова было вступить за бѣдную женщину и для того войти въ гостиную и раскрыть студомъ голову ея учителю. Съ такого рода намѣреніемъ онъ соскочилъ съ балкона, пробрался садомъ на крыльцо и вошелъ въ лакейскую; но тутъ мысли его пришли нѣсколько въ порядокъ, и онъ остановился: вся сцена между хозяйкой и Мановскимъ показалась ему гадкой. Подумавъ немного, онъ вынулъ изъ кармана клочекъ бумаги и написалъ: «Я все видѣлъ и могу только пожалѣть объ васъ; вамъ предстоитъ очень низко упасть. Удержитесь.» Разбудивъ потомъ лакея и велѣвъ ему отдать письмо барынѣ, когда она проснется, спросилъ себѣ лошадь, и черезъ четверть часа скакалъ уже по дорогѣ къ своей усадьбѣ.

IX.

Въ то же самое воскресенье, въ которое, по волѣ судебъ, моему герою назначено было испытать столько разнообразно-непріятныхъ ощущеній, графъ, начавшій ждать Анну Павловну еще съ десяти часовъ утра, ходилъ по своей огромной гостиной. Въ кос-

тюдъ его была замѣтна изысканность и претензія на молодость: на немъ былъ, англійскаго тонкаго сукна, довольно коротенькій сюртучекъ, нѣжный и мягкій платокъ, замысловато завязанный, огибалъ его шею, двѣ брилліантовыя пуговицы застегивали батистовую рубашку съ хитрѣйшими складками. Жилетъ былъ изъ тонкаго индѣйскаго кашемира; рѣдкіе волосы графа были слегка и такъ искусно подвиты, что какъ будто-бы они вились отъ природы. Пробыло двѣнадцать. Графъ начиналъ ходить болѣе безпокойными шагами, посматривая по временамъ въ окно.

Тихими шагами вошелъ Иванъ Александрычъ, съ ногъ до головы одѣтый въ новое платье, которое ему подарилъ Сапѣга, не могшій видѣть, по его словамъ, близъ себя человѣка въ такомъ запачканномъ фракѣ. Графъ молча кивнулъ племяннику головою, и протянулъ руку, которую тотъ схватилъ обѣими руками и поцѣловалъ съ благоговѣніемъ. Улыбка презрѣнія промелькнула въ лицѣ Сапѣги, и онъ снова началъ ходить по комнатѣ. Прошло еще четверть часа молчанія. Графъ посмотрѣлъ въ окно.

— Что, если она не пріѣдетъ!—сказалъ онъ какъ бы про себя.

— Пріѣдетъ, ваше сіятельство, непременно пріѣдетъ, — подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— А ты почему знаешь?

— А ужъ знаю, ваше сіятельство, непременно пріѣдетъ.

— Ничего ты не знаешь.

Въ это время вдали показалась шестерикомъ карета.

— А что, ваше сіятельство, это что? — воскликнулъ Иванъ Александрычъ, смотрѣвшій такъ же внимательно на дорогу, какъ нашъ графъ.

— А что такое? — спросилъ Сапѣга, какъ бы боясь обмануться.

— Это съ карета Задоръ-Мановскаго, вотъ и подсѣдельная ихняя, — я знаю.

— Будто? — сказалъ графъ; глаза его заблестали радостью. — Поди, Иванъ, скажи, чтобы люди встрѣтили.

Иванъ Александрычъ выбѣжалъ.

— Милочка моя, душечка... ахъ, какъ она хороша! глазки какіе! О, чудные глазки! — говорилъ старикъ, потирая руки, и обыкновенно медленныя движенія его сдѣлались живѣе. Онъ принялся было глядѣться въ зеркало, но потомъ, какъ бы немогши сдержать въ себѣ чувства нетерпѣнія, вышелъ въ залу. Анна Павловна, одѣтая очень мило и къ лицу, была уже на половинѣ залы.

— Милости просимъ, моя бездѣнная Анна Павловна, — говорилъ старикъ, протягивая къ ней руки.

Мановская поклонилась.

— Ручку вашу, ручку... или нѣтъ, я старикъ, меня можно поцѣловать... поцѣлуйте меня! —

— Извольте, графъ, — отвѣчала съ улыбкою Анна Павловна.

Они поцѣловались. Графъ подъ руку ввелъ ее въ гостиную. Иванъ Александрычъ остался въ залѣ. (При гостяхъ онъ не смѣлъ входить въ гостиную). Въ этой же залѣ, у дверей къ офиціантской, стояли три лакея въ голубыхъ ливреяхъ.

— Иванъ Александрычъ, Иванъ Александрычъ! кто эта барыня?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

Иванъ Александрычъ ни слова не отвѣчалъ: онъ очень обижался, когда съ нимъ заговаривали графскіе лакеи.

— Иванъ Александрычъ! Что вы, сердиты что ли? а еще старый пріятель, — продолжалъ насмѣшникъ, и лакеи захохотали.

Сконфуженный и раздраженный Иванъ Александрычъ глядѣлъ въ окно.

Между тѣмъ графъ усадилъ гостя на диванъ и самъ помѣстился рядомъ.

— Ахъ, еслибъ вы знали, съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ждалъ, — началъ онъ.

— Благодарю, графъ.

— И... только-то?

Анна Павловна ничего не отвѣчала.

— Я васъ очень люблю! — продолжалъ старикъ, ближе подвигаясь къ Аннѣ Павловнѣ: — дайте мнѣ еще поцѣловать вашу ручку: вы все что-то печальны?.. Скажите мнѣ, любите-ли вы вашего мужа?

Анна Павловна вспыхнула.

— Всякая женщина должна любить своего мужа, — сказала она.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ откровенно, какъ другу вашего отца, какъ человѣку, который дорожитъ вашимъ счастьемъ и который готовъ сдѣлать для васъ все.

— Я люблю моего мужа, — отвѣчала молодая женщина, не рѣшившаяся быть откровенной.

— Нѣтъ, вы не любите вашего мужа, — возразилъ Сапѣга, внимательно смотря на свою гостью: — вы

не можете любить его, потому что онъ самъ васъ не любитъ и не понимаетъ.

— Кто вамъ сказалъ это, графъ?

— Мои собственные наблюденія, милая Анна Павловна. Будьте со мною откровенны, признайтесь мнѣ, какъ бы признались вашему отцу, который, помните, любилъ меня когда-то. Скажите мнѣ, счастливы ли вы?

Анна Павловна начала колебаться: ей казалось, что графъ говорилъ искренно, и слезы невольно навернулись на ее глазахъ.

— Я вижу, вы не любите мужа и онъ васъ не любитъ,— продолжалъ графъ, едва скрывая внутреннее удовольствіе.

Анна Павловна не могла долѣе воздержаться и зарыдала.

— Бѣдная моя,— говорилъ графъ:— не плачьте, ради Бога, не плачьте! Я не могу видѣть вашихъ слезъ; чѣмъ бесполезно грустить, лучше обратиться къ вашимъ друзьямъ. Хотите ли, я разорву вашъ бракъ? Выхлопочу вамъ разводъ, обезпечу ваше состояніе, если только вы нуждаетесь въ этомъ.

— Графъ,— возразила молодая женщина:— я должна и буду принадлежать моему мужу всегда.

Сапѣга увидѣлъ, что онъ слишкомъ далеко зашелъ.

— По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ участвовать въ вашей судьбѣ, облегчать ваше горе, и за все это прошу у васъ ласки, не больше ласки: позвольте цѣловать мнѣ вашу ручку. Не правда ли, вы будете меня любить? Ахъ, если бы вы въ сотую долю любили меня, какъ я васъ! Дайте мнѣ вашу ручку, — и онъ почти силою взялъ ее руку и началъ цѣловать.

Внутреннее волненіе графа было слишкомъ явно: глаза его горѣли, лицо покрывалось красными пятнами, руки и ноги дрожали.

Анна Павловна замѣтила это и неудовольствіе промелькнуло по ея лицу. Она встала съ дивана и сѣла на кресло.

— О, не убѣгайте меня!—говорилъ растерявшійся старикъ, протягивая къ ней руки:—ласки... одной, ничтожной ласки прошу у васъ. Позвольте мнѣ любить васъ, говорить вамъ о любви моей: я за это сдѣлаюсь вашимъ рабомъ, ваша малѣйшая прихоть будетъ для меня закономъ. Хотите, я выведу вашего мужа въ почести, въ славу... я выставлю васъ на первый планъ петербургскаго общества: только позвольте мнѣ любить васъ.

Негодование и горестъ изобразились на кроткомъ лицѣ Анны Павловны.

— Умоляю васъ, графъ, не унижайте меня; я несчастлива и безъ того!—сказала она, заливаясь слезами, и столько глубокихъ страданій, жалобъ и моленія, столько чистоты и непорочности сердца послышалось въ этихъ словахъ, что Сапѣга, не смотря на свое увлеченіе, какъ бы невольно остановился.

Въ первый почти разъ женщина не гнѣвомъ и презрѣніемъ, а слезами просила его прекратить свои исканія, или лучше сказать, въ первый еще разъ женщина отвергнула его, богатаго и знатнаго чело-вѣка. Онъ рѣшился притвориться и ожидать отъ времени. «Ее надобно приучить къ мысли любить дру-гаго, а не мужа,—подумалъ онъ:—а я ей непротивенъ, это видно».

— Простите моему невольному увлеченію и оста-

немтесь друзьями, — сказалъ онъ, подходя къ Аннѣ Павловнѣ и подавая ей руку.

Во весь остальной день графъ не возобновлялъ перваго разговора. Онъ просилъ Анну Павловну играть на фортепiano, съ восторгомъ хвалилъ ея игру, показывалъ ей альбомы съ рисунками, водилъ въ свою картинную галерею, отбиралъ ей книги изъ библіотеки. Узнавши, что она любитъ цвѣты, онъ самъ повелъ ее въ оранжерею, самъ вязалъ для нея изъ лучшихъ цвѣтовъ букеты, однимъ словомъ, — сдѣлался внимательнымъ родственникомъ и больше ничего.

Часу въ шестомъ вечера Анна Павловна начала собираться домой. При прощаніи, графъ, какъ бы не могшій выдержать своей роли, долго и долго цѣловалъ ея руку, а потомъ, почти умоляющимъ голосомъ, просилъ дать ему прощальный поцѣлуй.

На этотъ разъ Анна Павловна исполнила его желаніе почти съ неудовольствіемъ. Провожая ее до крыльца, графъ взялъ съ нея честное слово пріѣхать къ нему чрезъ недѣлю и обѣщался самъ у нихъ быть послѣ перваго визита Задоръ-Мановскаго.

Анна Павловна уѣхала.

Графъ остался одинъ: наружное спокойствіе, которое онъ умѣлъ выдержать въ присутствіи Мановской, пропало.

— Что это значитъ, — думалъ онъ: — она не любитъ мужа — это видно, почему же она отвергаетъ и даже оскорбляется моими исканіями? Я ей не противенъ, никакого чувства отвращенія я не замѣтилъ въ ней... напротивъ! Если я круто повернулъ, и если только это дѣтская мораль, ребяческое предубѣжденіе, то оно

должно пройти современемъ. Да и что же можетъ быть другое? Ужь не любить ли она кого-нибудь?

На этой мысли графъ остановился.

— Отчего я не узналъ, — подумалъ онъ съ досадою: — она начинала быть такъ откровенна. Но узнать ея любовь къ другому отъ нея самой, значить, потерять ее навсегда. Но отъ кого же узнать? Сосѣди... ихъ неловко спрашивать. — Графъ вспомнилъ объ Иванѣ Александрычѣ и позвонилъ въ колокольчикъ.

— Позвать Ивана Александрыча, — сказалъ онъ вошедшему лакею.

Не прошло секунды, Иванъ Александрычъ былъ уже въ гостиной. Онъ давно стоялъ у дверей, но боялся только войти.

— Пойдемъ, Иванъ, въ кабинетъ, — сказалъ графъ, уходя изъ гостиной. Оба родственника вошли въ знакомый уже намъ кабинетъ. Графъ сѣлъ на диванъ. Иванъ Александрычъ всталъ передъ нимъ вытянувшись.

— Говори что-нибудь, Иванъ, — произнесъ графъ.

— Что прикажете, ваше сіятельство?

— Напримѣръ, сплетни здѣшнія.

— Сплетни, ваше сіятельство?

— Да, сплетни; напримѣръ, что здѣсь говорятъ про эту даму, которая у меня была здѣсь сейчасъ.

— Что говорятъ, ваше сіятельство, да мало ли что говорятъ! Хвалятъ-съ, — отвѣчалъ Иванъ Александрычъ, который, видя вниманіе, оказанное графомъ Мановской, счелъ за лучшее хвалить ее.

— За что же хвалятъ?

— За красоту, ваше сіятельство, — отвѣчалъ пле-

мянникъ, припоминая, что графъ называлъ ее красавицей.

— А каково она живетъ съ мужемъ?

— Дѣла семейныя трудно судить, ваше сіятельство, кажется, что не очень согласно; впрочемъ, онъ-то...

— Онъ боровъ!

— Именно боровъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Иванъ Александрычъ, и засмѣялся, чтобъ угодить графу.

— Такъ, стало быть, она не любитъ мужа?

— Не любитъ, ваше сіятельство, будьте спокойны, не любитъ.

— А другаго кого-нибудь не любитъ ли?

— Другаго-съ?

— Да, нѣтъ-ли слуховъ?

— Слуховъ-то нѣтъ, ваше сіятельство!—началъ Иванъ Александрычъ и остановился. Онъ вспомнилъ угрозы Эльчанинова.

— Ну, такъ что же если слуховъ нѣтъ?—повторилъ графъ.

— Слуховъ нѣтъ-съ, а я кой-что знаю,—отвѣтилъ Иванъ Александрычъ. Онъ рѣшительно не въ состояніи былъ скрыть отъ графа узнанной имъ про Анну Павловну тайны, которою тотъ, какъ казалось ему, интересовался.

— Что же такое ты знаешь?—спросилъ Сапѣга съ безпокойнымъ любопытствомъ.

— А знаю, ваше сіятельство... только, Бога ради, не говорите, что отъ меня слышали.

— Не торгуйся,—сказалъ нетерпѣливо графъ.

— Извольте припомнить, какъ вы изволили по-

сылать меня въ Могилки, чтобы извѣстить о вашемъ прїѣздѣ?

— Ну?

— Вотъ я и прїѣзжаю. Спрашиваю: дома господа? Нѣтъ, говорятъ: баринъ уѣхалъ въ городъ, а барыня въ оржаномъ полѣ прогуливается. Ахъ, думаю, что дѣлать?.. Пометался по полю туда-сюда; однако, думаю: дай-ка пойду къ Ланинской рошчѣ; тамъ грибы растутъ: не за грибами ли ушла Анна Павловна? Только подхожу къ опушкѣ, глядь, она какъ тутъ, да еще и не одна.

— Какъ не одна! съ кѣмъ же?

— Съ Валерьяномъ Александрычемъ Эльчаниновымъ.

— Кто такой Эльчаниновъ?

— Помѣщикъ-съ, молодой человекъ, образованный, умный. Ба, ба, думаю себѣ, вотъ оно что! Подхожу; переконфузилась; на обоихъ лица нѣтъ; однако ничего: поздоровались. Я передалъ приказаніе вашего сіятельства. Анна Павловна ничего ужъ и не понимаетъ! Иванъ Александрычъ... Валерьянъ Александрычъ... говоритъ и сама не знаетъ что.

— Ты не лжешь ли, Иванъ?—спросилъ графъ.

— Скорѣе жизни себя лишу, чѣмъ солгу вашему сіятельству! — отвѣчалъ Иванъ Александрычъ.

— Но, можетъ быть, онъ, какъ гость, прїѣхалъ, и они гуляли, — спросилъ Салѣга.

— Вотъ въ томъ-то и штука, ваше сіятельство, что съ мужемъ онъ незнакомъ. Послѣ, какъ поздоровались мы: «пойдемте, говоритъ, Анна-то Павловна, въ усадьбу,» а Эльчаниновъ говоритъ: «прощайте, я не пойду!» «Ну, прощайте», говоритъ. Вотъ

мы и пошли съ нею вдвоемъ. «Что это, говорю я, Валерьянъ Александрычъ не пошелъ въ усадьбу?» «Не хочетъ... говоритъ, не знакомъ съ мужемъ.» А сама такъ и дрожить. Ну, я что-жь, и не стала больше спрашивать; ѣду потомъ назадъ, гляжу, Валерьянъ Александрычъ дожидается и только-что не всталъ передо мной на колѣни. «Вы, говоритъ, благородный человѣкъ, Иванъ Александрычъ! Не погубите насъ, не говорите никому!... Люди мы молодые.» «Что мнѣ, говорю, за дѣло, помиуйте.» «Нѣтъ, говоритъ, побожитесь.» Я и побожился. Да ужь для вашего сіятельства и божба нипочемъ: вамъ сказать, и Богъ проститъ.

Теперь для графа все было ясно: Анна Павловна отвергала его исканія, потому что любила другаго. Мысль эта, которая, можетъ быть, охладила бы пылкаго юношу и заставила бы смиренно отказаться отъ предмета любви своей, эта мысль еще болѣе раздражила избалованнаго старика: онъ далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, обладать Анною Павловною. Первое, что считалъ онъ нужнымъ сдѣлать, это прекратить всякое сношеніе молодой женщины съ ея любовникомъ; лучшимъ для этого средствомъ казалось ему возбудить ревность Мановскаго, котораго, видѣвъ одинъ разъ, онъ очень хорошо понялъ, какого сорту тотъ гусь, и потому очень вѣрно рассчитывалъ, что тотъ сразу поставитъ непреоборимую преграду къ свиданію любовниковъ. Въ деревнѣ это возможно: молодой человѣкъ, послѣ тщетныхъ усилій, утомится, будетъ скучать, начнетъ искать развлеченій и, можетъ быть, даже уѣдетъ въ другое мѣсто. Анна Павловна будетъ еще хуже жить съ мужемъ; она будетъ нуж-

даться въ участіи, въ помощи; все это представитъ ей графъ; а тамъ... На что женщина не рѣшается въ горькомъ и безнадежномъ положеніи, когда будутъ предлагать ей не только избавить отъ окружающаго ее зла, но откроютъ предъ ней перспективу удовольствій, богатства и всѣхъ благъ, которыя такъ чаруютъ молодость! Не удивляйтесь, читатель, тому отдаленному и не совсѣмъ честному плану, который такъ быстро построилъ въ головѣ своей графъ. Онъ не былъ въ сущности злой человѣкъ, но принадлежалъ къ числу тѣхъ сластолюбивыхъ стариковъ, для которыхъ женщины—все, и которые, тонко и вѣчно толкуя о красотѣ женской, имѣютъ въ тоже время объ нихъ самое грубое и матеріальное понятіе. «Но какъ дать знать мужу?» продолжалъ разсуждать графъ: «самому сказать объ этомъ неприлично.» Иванъ Александрычъ былъ избранъ для того.

— Послушай, Иванъ,—сказалъ графъ:—ты скверно поступаешь.

— Я, ваше сіятельство?—спросилъ тотъ удивленный и нѣсколько испуганный.

— Да, ты,—продолжалъ графъ:—ты видѣлъ, что жена твоего сосѣда гибнетъ и не предувѣдомилъ мужа, чтобы тотъ могъ и себя, и ее спасти. Тебѣ слѣдуетъ сказать и сказать, какъ можно скорѣе Мановскому.

— Сказать!.. Да что такое я скажу, ваше сіятельство?

— Что ты видѣлъ его жену въ тайномъ свиданіи съ этимъ, какъ его?..

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не могу, вся ваша воля, не могу; меня тутъ же убьетъ Мановскій. Я

знаю его: онъ шутить не любить!... Да и Эльчаниновъ ужь очень обидится!

— Ты странный болванъ,— сказалъ графъ сердито. —За что же тебя убьетъ Мановскій? Ты еще сдѣлаешь ему добро!... А другой не можетъ этого узнать: какъ онъ узнаетъ?

— Оно такъ, ваше сіятельство! Все-таки, сами посудите: я человѣкъ маленькій!... Меня всякій можетъ раздавить!... Да и то сказать, Богъ съ ними! Люди молодые... по-божески, конечно не слѣдуетъ, а по-человѣчески...

— Поди же вонъ,— сказалъ графъ:—я не люблю мерзавцевъ, которые способствуютъ разврату!

Иванъ Александрычъ чуть не упалъ въ обморокъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, — сказалъ онъ плачевнымъ голосомъ:—я не къ тому говорю... Извольте, если вамъ угодно, я скажу.

— Давно бы такъ!—сказалъ графъ болѣе ласковымъ голосомъ.—Ты, по чувству чести, долженъ сказать, какъ дворянинъ, который не хочетъ видѣть безчестія своего брата.

— Конечно, ваше сіятельство. Я такъ и скажу; скажу, какъ дворянинъ дворянину.

— Такъ и скажи! но обо мнѣ чтобы и помину не было; я только такъ говорю.

— Какъ можно-съ!... Можно ли ваше сіятельство мѣшать въ эти дѣла?

— Ну, ступай!

Иванъ Александрычъ вышелъ изъ кабинета не съ такою поспѣшностію, какъ дѣлалъ это прежде, получая отъ графа какое-либо приказаніе. Въ первый разъ еще было тягостно ему порученіе дяди, въ пер-

вый разъ онъ почти готовъ былъ отказаться отъ него: онъ безъ ужасу не могъ представить себѣ минуты, когда онъ будетъ рассказывать Мановскому; ему такъ и думалось, что тотъ съ первыхъ же словъ пришибетъ его на мѣстѣ.

X

Теперь прошу читателя, вмѣстѣ со мною, перенестись на нѣсколько минутъ въ усадьбу Коровино, принадлежащую Эльчанинову, и посмотрѣть на домашнюю жизнь моего героя. Онъ жилъ въ большомъ, но очень ветхомъ домѣ, выстроенномъ еще его отцомъ. Гостиная этого дома, какъ и въ домѣ Задоръ-Мановскаго, была, по преимуществу, то мѣсто, гдѣ хозяинъ проводилъ свое время, когда бывалъ дома. Странный представляла видъ эта комната, съ тѣхъ поръ какъ поселился въ ней молодой баринъ. Вмѣсто церемонности и чистоты, которыми обыкновенно отличаются гостиныя въ семейныхъ, помѣщичьихъ домахъ, она представляла страшный беспорядокъ: и на столѣ и на диванахъ валялись разныя книги, изъ которыхъ однѣ были раскрыты, другія совершенно лишены переплета. По большей части это были прошлогдніе журналы, переводныя сочиненія и нѣсколько французскихъ романовъ; большимъ почтеніемъ, казалось, пользовались Шекспиръ въ переводѣ Кетчера и полныя сочиненія Гете на вѣмецкомъ языкѣ. Они стояли на стоявшей въ углу этажеркѣ и даже были притиснуты мраморной дощечкой съ сидящею на ней собакой. На кругломъ столѣ стояла матовая лампа;

на полу и на окнѣ были цѣлыя кучи табачнаго пепла и валялось нѣсколько недокуренныхъ сигаръ. На столѣ, подъ зеркаломъ, стоялъ очень хорошій мраморный бюстъ Вальтеръ Скотта. За рамкою портрета отца былъ замкнутъ портретъ Щепкина. Рядомъ съ портретомъ матери висѣла гравюра какой-то полюбуженной женщины. Словомъ, тутъ было все, что бываетъ обыкновенно въ грязныхъ и холодныхъ номерахъ, занимаемыхъ студентами.

Спустя четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ Эльчаниновымъ, онъ, въ длинномъ, польскаго покроя, халатѣ сидѣлъ задумавшись на среднемъ диванѣ; на столѣ, близъ окна, помѣщался Савелій, который другой день ужъ гостилъ въ Коровинѣ. Молодые люди были почти друзья! Случилось это слѣдующимъ образомъ: на другой день, послѣ приѣзда отъ вдовы, Эльчаниновъ проснулся часовъ въ 12. Ему была страшная тоска и скука: онъ грустилъ по Аннѣ Павловнѣ. Забывъ и ревность, и неисполненное обѣщаніе, онъ страстно желалъ ее видѣть. Ъхать прямо не было никакой возможности. Задоръ-Мановскій, конечно, не пустилъ бы его и на крыльцо. Два раза онъ подъѣзжалъ къ Могилкамъ, два раза приходилъ на мѣсто свиданія; обходилъ кругомъ поле, — но все было напрасно. Онъ не видалъ никого...

Грустный и разтерзанный возвратился онъ домой. «Что мнѣ дѣлать, что мнѣ предпринять?» говорилъ онъ самъ съ собою: «нельзя ли послать челоуѣка, но гдѣ и какъ лакей можетъ ее видѣть?» Тутъ онъ вспомнилъ о порученіи, которое сдѣлалъ Савелью: можетъ быть онъ исполнилъ его, можетъ быть онъ былъ тамъ и что-нибудь ему скажетъ.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ послалъ къ Савелью письмо, которымъ приглашалъ его пріѣхать къ нему, посѣтить его больнаго. Въсѣтъ почти съ посланнымъ явился и Савелій. Послѣ первыхъ же привѣтствій, нетерпѣливый Эльчаниновъ спросилъ своего гостя: былъ ли онъ у Мановскаго?

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ тотъ.

— А скоро ли думаете быть?

— Дня черезъ два.

— Зачѣмъ же такъ долго?

— Я велъ Михайла Егорыча. Онъ велѣлъ мнѣ послѣ завтра побывать у него.

Еще два дня, страшные, мучительные два дня долженъ былъ дожидаться Эльчаниновъ въ скукѣ; въ гости ѣхать онъ никуда не могъ.

— Не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе? — сказалъ онъ, обращаясь къ своему гостю.

— Какое?

— Пробудьте эти два дня у меня.

— Работа у насъ теперь спѣшная: сѣнокосъ-съ.

— Я къ вамъ пошлю двухъ-трехъ мужиковъ, сколько вы хотите, — сказалъ Эльчаниновъ

— Хорошо, — отвѣчалъ Савелій, и остался.

Молодые люди начали разговаривать. Эльчаниновъ много говорилъ о женщинахъ, объ обязанностяхъ человѣка, объ различіи состояній, о правахъ состояній, однимъ словомъ, — обо всемъ томъ, о чемъ говоритъ современная молодежь. Савелій слушалъ со вниманіемъ и только изрѣдка дѣлалъ небольшія замѣчанія и, — странное дѣло, при каждомъ изъ этихъ замѣчаній, сказанномъ простымъ и необразованнымъ человѣкомъ, Эльчаниновъ сбивался съ толку, мѣшался,

и принужденъ былъ иногда перемѣнять предметъ разговора. Результатомъ этой бесѣды было то, что Эльчаниновъ началъ съ полнымъ уваженіемъ смотрѣть на Савелья. Онъ видѣлъ въ немъ очень умнаго человека. Цѣлый день друзья проговорили безъ умолку. Ночью Эльчанинову пришло въ голову попросить Савелья передать Аннѣ Павловнѣ письмо. Съ этой мыслию онъ проснулся часу въ девятомъ. Савелій, привыкши рано вставать, давно уже сидѣлъ, одѣвшись, у окна.

— Вы поздно встаете, — сказалъ онъ хозяину.

— Привычка, — отвѣчалъ Эльчаниновъ: — впрочемъ я вчера долго не спалъ. Мнѣ было грустно.

— О чемъ?

— Я много имѣю причинъ грустить.

Савелій молча смотрѣлъ на него.

— Напримѣръ, мнѣ теперь ужасно хочется видѣться съ одною женщиною, — продолжалъ Эльчаниновъ: — и не имѣю на это никакихъ средствъ.

— Что же вамъ мѣшаетъ?

— Что обыкновенно мѣшаетъ въ этихъ случаяхъ... мужъ!...

Савелій улыбнулся.

— Вы говорите про Анну Павловну? — проговорилъ онъ.

— Однако вы догадливѣе, нежели я думалъ, — сказалъ Эльчаниновъ, рѣшившійся окончательно посвятить въ свою тайну Савелья, въ благородство котораго онъ уже вѣрилъ.

— Да не трудно и догадаться, — сказалъ тотъ.

— Я надѣюсь, — сказалъ Эльчаниновъ, пожимая руку новому повѣренному.

Савелій ничего не отвѣчалъ. Въ лицѣ его видно было какое-то странное выраженіе.

— Я васъ хотѣлъ попросить, Савелій Никандровичъ,— началъ Эльчаниновъ, съ небольшимъ волненіемъ: — не передадите ли вы отъ меня письмо Аннѣ Павловнѣ?

Удивленье изобразилось въ лицѣ Савелья.

— Письмо!— сказалъ онъ...— Развѣ вы переписываетесь?

— Я зналъ ее еще въ Москвѣ и тамъ уже любилъ ее. Шесть лѣтъ, какъ я люблю ее одну, шесть лѣтъ какъ для меня не существуетъ другой женщины.

— Отчего же вы не женились на ней?

— Насъ разлучили!... И притомъ же она была дочь богатаго человѣка!

— А можетъ, она и пошла бы за васъ?

— Можетъ быть; но дѣло въ томъ, что насъ разлучили совершенно нечаянно: отецъ ея почти въ одинъ день собрался и уѣхалъ въ свое имѣніе.

— Отъ чего же вы за ними не поѣхали?

— Я не зналъ, куда уѣхали.

— А развѣ этого нельзя было узнать?

Эльчаниновъ смѣшался.

— Я и самъ не знаю, какъ это случилось,— началъ онъ, поправившись: — но только мы потеряли другъ друга изъ вида. Три года прожилъ я въ адскихъ мученіяхъ, какъ вдругъ услышалъ, что она здѣсь; бросилъ все, бросилъ службу, всѣ надежды на будущность и пріѣхалъ сюда, чтобъ только жить близъ этой женщины, видѣться съ нею; но и на этотъ разъ удачи нѣтъ. Маленькая неприятность, которую я имѣлъ недавно <http://reim.org.ru> не позволяетъ мнѣ

бывать у нихъ въ домѣ. Переписка осталась единственнымъ утѣшеніемъ; но и та, безъ вашей помощи, невозможна. Не откажитесь, добрый другъ, сдѣлать человѣка счастливымъ, дайте возможность хоть нѣсколько вознаградить мои страданія. Вы себѣ представить не можете, какъ это ужасно! Желать!... стремиться!...

Эльчаниновъ замолчалъ. Савелій слушалъ его очень внимательно.

— А Анна Павловна васъ любитъ?—спросилъ онъ.

— Это очень щекотливый вопросъ,—отвѣчалъ Эльчаниновъ:—впрочемъ я самъ скажу: она любитъ меня.

— Она очень несчастна въ замужествѣ!—сказалъ Савелій.

— Знаю,—отвѣчалъ мрачно Эльчаниновъ.—Я готовъ былъ почти убить этого господина, но что изъ этого—какая можетъ быть польза! Скажите лучше, другъ, исполните ли вы мою просьбу?

— Извольте! — отвѣчалъ Савелій.

Эльчаниновъ бросился его обнимать.

Весь остальной день пріятели только и говорили что объ Аннѣ Павловнѣ или, лучше сказать, Эльчаниновъ одинъ безпрестанно говорилъ объ ней: онъ описывалъ рѣдкія качества ея сердца; превозносилъ ея умъ, ея образованіе и, всякій почти разъ, приходилъ въ ожесточеніе, когда вспоминалъ, какому она принадлежитъ тирану. Ночью онъ изготовилъ къ ней письмо такого содержанія:

«Богъ вамъ судья, что вы не исполнили обѣщанія. Боюсь отыскивать тому причины и заставляю себя думать, что вы не могли поступить иначе.—Безнадежность увидѣться съ вами заставляегь меня риско-

вать: письмо это посылаю съ С... Н... Онъ добрый и благородный человѣкъ, въ глубокомъ значеніи этого слова. Чтобы не умереть отъ грусти, я долженъ съ вами видѣться. Если пройдетъ нѣсколько дней и я не увижусь съ вами, не ручаюсь, что со мной будетъ... Я не застрѣлюсь... Нѣтъ! Я просто умру съ печали... Прощайте, до свиданья».

Савелій ушелъ по утру, обѣщаясь въ тотъ же день принести Эльчанинову отвѣтъ.

XI.

Въ Могилкахъ между тѣмъ шло, по-видимому, прежнимъ порядкомъ. Задоръ-Мановскій только-что пріѣхалъ изъ города. Анна Павловна не такъ хорошо себя чувствовала и почти лежала въ постели. Приѣмъ графа сдѣлалъ на нее самое непріятное впечатлѣніе. Оскорбленная его обращеніемъ, она едва въ состояніи была скрыть непріятное чувство, которое начала внушать ей этотъ человѣкъ, и свободно вздохнула тогда только, какъ выѣхала отъ него и очутилась одна въ своей каретѣ; а потомъ мысли ея снова устремились къ постоянному предмету мечтаній — къ Эльчанинову, къ честному, доброму и благородному Эльчанинову. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, не перемѣнивъ даже платья, пошла она къ Ланинской рошѣ, въ нетерпѣніи скорѣе узнать, взялъ ли онъ письмо, и нѣтъ ли еще его тамъ, потому что было всего восемь часовъ вечера; но никого не нашла. Со вниманіемъ начала она осматривать то мѣсто дерева, гдѣ положена была записка — тамъ ее не было. На сердцѣ

Анны Павловны начинало становиться легче; но вдругъ она замѣтила что-то бѣлое, лежавшее на днѣ трещины и съ помощію прутика вытащила бумажку. — Это была ея записка. Всѣ надежды рушились: она не будетъ его видѣть завтра, можетъ быть, никогда. Онъ разсердился и оставилъ ее одну, опять одну, среди ея мукъ, въ то время, когда ей угрожаетъ еще новая опасность отъ графа. Не помня почти себя, она возвратилась домой и бросилась на кровать. Тысяча средствъ было придумано, чтобы извѣстить Эльчанинова, но ни одно не было возможно, и такимъ образомъ прошли три страшные, мучительные дня; отъ Эльчанинова не было ни вѣсточки. Въ припадкѣ изступленія, Анна Павловна рѣшилась идти пѣшкомъ въ усадьбу его, которая, она слыхала, въ десяти всего верстахъ; идти туда, чтобы только видѣться съ нимъ и выпросить у него прощеніе въ невольномъ проступкѣ, и, вѣроятно бы, рѣшилась на это; но пріѣхалъ мужъ, и то сдѣлалось невозможно. Сама не зная что дѣлать, бѣдная женщина притворилась больной и легла въ постель. Михайло Егорычъ возвратился на этотъ разъ въ болѣе, казалось, добромъ и веселомъ расположеніи духа, нежели обыкновенно. Узнавши о болѣзни жены, онъ вошелъ въ ея спальню и, чего никогда еще не бывало, довольно ласково спросилъ, чѣмъ именно она больна, и потомъ даже посовѣтовалъ ей обтереться виномъ съ перцомъ, единственнымъ лекарствомъ, которымъ онъ самъ пользовался и въ цѣлительную силу котораго вѣрилъ.

— Ужь не сіятельныя ли любезности уложили тебя въ постель? — сказалъ онъ шути.

Анна Павловна ничего не отвѣчала.

Постоявъ еще немного въ спальнѣ, Мановскій вышелъ, отобѣдалъ и потомъ, вытянувшись на диванѣ въ гостиной и подложивъ подъ голову жесткую кожаную подушку, началъ дремать; но шумъ мужскихъ шаговъ въ залъ заставилъ его проснуться.

Это былъ Савелій.

— Здорово, братъ, — сказалъ хозяинъ, не поднимаясь съ дивана и протягивая свою огромную руку гостю.

Мановскій обходился съ Савельемъ ласково, потому что часто нуждался въ немъ по хозяйству.

— Здравствуйте, — отвѣчалъ тотъ, садясь на ближайшее кресло.

— Что скажешь новенькаго?

— Вы говорили мнѣ побывать у васъ.

— Да, похимости, братъ, у меня на мельницѣ; чортъ ее знаетъ, что сдѣлалось: не промалываетъ. Мои-то дурачье никакъ въ толкъ взять не могутъ.

— Камни плохи.

— Новые: съ полгода, какъ вудзль. Посмотри, пожалуйста; сегодня некогда, а завтра.

— Мнѣ до завтра нельзя остаться.

— Ну, полно, Савелій, погости, братецъ; скажи-ка лучше, здорова ли сосѣдка твоя Клеопатра Николаевна?

— Я ее не видалъ. А ваша Анна Павловна?

— Больна, братецъ; должно быть простудилась. Хилая она вѣдь такая.

— И очень больна? — спросилъ Савелій.

— Да, лежитъ.

«Увижу ли я ее, подумалъ Савелій: придется ночевать. Авось утромъ выйдетъ».

— Кто тамъ?—закричалъ Мановскій, услышавши небольшой шумъ.

Вмѣсто отвѣта въ комнату вошелъ Иванъ Александрычъ, блѣдный, на цыпочкахъ, какъ бы удерживая дыханіе.

— А, ваше сіятельство!—сказалъ хозяинъ:—прошу покорнѣйше пожаловать! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались.

Мановскій былъ въ счень добромъ расположеніи духа.

Но Иванъ Александрычъ вмѣсто отвѣта только кланялся.

— Что это вы такіе пересовращенные? Ужь не уѣхалъ ли вашъ дядюшка?

— Никакъ нѣтъ-съ. Его сіятельство еще долго проживутъ.

— Благодареніе Господу!.. Садитесь, батюшка Иванъ Александрычъ.

Иванъ Александрычъ сѣлъ.

— Разскажите-ка намъ, что подѣлываетъ вашъ сіятельнѣйшій дядюшка, каково поживаетъ, каково кушаетъ?

— То-есть, каково здоровье его сіятельства?

— Да, хоть каково здоровье?

— Очень хорошо-съ.

— Благодареніе Господу! Да сохранить Онъ его на долгіе дни!

Иванъ Александрычъ переминался.

— Я имѣю вамъ, Михайло Егорычъ, нѣчто сказать, — проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Миѣ?... А что бы такое?

— Я могу сказать только одинъ на одинъ.

— Странно!... Ужь не хотите ли у меня для дя-дюшки попросить денегъ займы? Впередъ говорю: не дамъ.

— У его сѣятельства у самихъ денегъ цѣлыя горы.

— Такъ чтобы такое это было?

— При людяхъ не могу, Михайло Егорычъ, ей-богу, не могу...

— При людяхъ не можете?.. Дѣлать нечего... видь, братъ Савелій, пройди къ женѣ въ спальню... Знаешь гдѣ?

— Знаю, — сказалъ Савелій, обрадованный случаемъ повидаться съ Анною Павловною, и вышелъ.

— Ну, говорите, — сказалъ Мановскій.

Иванъ Александрычъ медлилъ, лицо его было блѣдно, руки и ноги дрожали.

— Да что это съ вами?—спросилъ Задоръ-Мановскій, видя смущеніе его.

— Михайло Егорычъ, началъ наконецъ дрожащимъ голосомъ Иванъ Александрычъ:— я дворянинъ, не богатый, но дворянинъ; понимаете, въ душѣ дворянинъ!

— Чортъ васъ знаетъ, что у васъ тамъ въ душѣ?—сказалъ Мановскій, котораго начинали бѣсить загадочныя рѣчи сосѣда.

— Въ душѣ у меня сердце, Михайло Егорычъ, — продолжалъ тотъ:— я дворянинъ... мнѣ горько, когда другаго дворянина обижаютъ.

— Что за околесица: дворянинъ... дворянина обижаютъ! Да что вы такое городите?

— Михайло Егорычъ! вы не знаете, а васъ обижаютъ.

— Меня обижаютъ? Кто меня обижаетъ?

— Валерьянъ Александрычъ Эльчаниновъ, — отвѣчалъ Иванъ Александрычъ.

— Эльчаниновъ... да вамъ кой чортъ на беретъ это написалъ? — сказалъ, покраснѣвши, Мановскій, думая, что Иванъ Александрычъ хочетъ говорить про происшествіе у вдовы.

— Я самъ видѣлъ, Михайло Егорычъ.

— Сами видѣли... да гдѣ же и что вы видѣли?

— Видѣлъ ихъ вмѣстѣ.

— Гдѣ вмѣстѣ?

— Здѣсь, въ полѣ, и, кажется, цѣловались.

При послѣднихъ словахъ досада и безпокойство показались на лицѣ Мановскаго.

— Да по кой чортъ въ поле-то они сюда зашли? — спросилъ онъ.

— Видно такъ согласились; я ихъ нашелъ вдвоемъ и послѣ съ ней пришелъ сюда въ Могилки.

— Сюда? Да сюда зачѣмъ же?

— Она меня пригласила къ себѣ.

— Ну такъ вы ль не-бы и шли.

— Я и пришелъ къ нимъ.

— Какъ пришелъ къ нимъ? Да вѣдь кто васъ пригласилъ?

— Анна Павловна-съ...

— Жена моя? — произнесъ Мановскій.

— Супруга ваша-съ, — отвѣчалъ Иванъ Александрычъ.

— Да ее-то гдѣ вы видѣли?

— Я вамъ докладывалъ, что я ихъ видѣлъ въ полѣ съ Валерьяномъ Александрычемъ.

— Такъ это жена моя была... Ты ее видѣлъ съ Эльчаниновымъ? — началъ глухимъ голосомъ Манов-

скій, приподнимаясь съ дивана — и глаза его налились кровью и страшно взглянули на Ивана Александрыча, который ни живъ ни мертвъ сидѣлъ на стулѣ и не могъ даже ничего отвѣчать.

— А, милостивая государыня, — сказалъ Мановскій, переломивши первое движеніе гнѣва: — такъ вотъ ты чѣмъ больна? Эй! — закричалъ онъ.

Явился лакей.

— Пошли сюда барыню, сейчасъ же... сію секунду. Иванъ Александрычъ поднялся со стула.

— Прощайте, Михайло Егорычъ, — проговорилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Сидите, вы мнѣ нужны, — сказалъ Мановскій повелительнымъ голосомъ.

Иванъ Александрычъ сѣлъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ гостиную вошла Анна Павловна, съ довольно веселымъ лицомъ: она сейчасъ получила письмо отъ Эльчанинова. Велѣдъ за ней вошелъ и Савелій.

— Поди сюда ближе, — сказалъ Мановскій. — Этотъ человекъ, — продолжалъ онъ, указывая на Ивана Александрыча: — говоритъ, что видѣлъ тебя съ любовникомъ въ здѣшнемъ подѣ... уличи его, что онъ лжетъ.

Смертная блѣдность покрыла лицо блѣдой женщины; дыханіе остановилось у ней въ груди.

— Вы, Иванъ Александрычъ... — начала она, но голосъ ея прервался.

— Говорятъ тебѣ, оправдывайся или я тебя убью! — заревѣлъ Мановскій, и схватилъ ее одною рукою за воротъ капота, а другою замахнулся. Въ первый еще разъ поднималъ онъ на жену руку. Негодованіе и какое-то отчаяніе отразилось на блѣдномъ ея лицѣ.

— Онъ не лжетъ, я люблю того человѣка и ненавижу васъ! — вскричала она почти безумнымъ голосомъ, и въ ту же минуту раздался сильный ударъ пощечины. Анна Павловна, какъ пласть, упала на полъ. Мановскій вскочилъ и, приподнявъ свою громадную ногу, хотѣлъ, кажется, сразу придавить, ее; но Савелій успѣлъ несчастную жертву схватить и вытащить изъ гостиной. Она почти не дышала.

— А! — ревъль Мановскій: — такъ ты такъ-то!.. и обратился было къ Ивану Александрычу, но тотъ ужь скрылся и, что есть силы, гналъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ Каменку.

— Люди, — произнесъ Мановскій, какъ бы обезпамятѣвъ отъ гнѣва и садясь на диванъ.

Въ комнату вошелъ блѣдный лакей.

— Сейчасъ выгнать ее изъ моего дома! — сказалъ онъ какимъ-то страшно-спокойнымъ голосомъ.

Въ дверяхъ показался Савелій.

— Михайло Егорычъ, вспомните, что вы дѣлаете! — сказалъ онъ: — куда пойдетъ Анна Павловна?

— Къ чорту! Пускай идетъ къ любовнику.

— Богъ васъ накажетъ, Михайло Егорычъ, вы и себя, и ее губите.

Мановскій не отвѣчалъ.

— Малой! — крикнулъ онъ.

Въ комнату явился прежній лакей.

— Выгнали ли?

— Барыня лежатъ въ обморокъ, — произнесъ робко лакей.

— Вытащить ее на рукахъ! — проревѣлъ Мановскій.

— Михайло Егорычъ, — произнесъ Савелій.

— Убирайтесь къ чорту! — продолжалъ Мановскій.

— Михайло Егорычъ! я на васъ донесу предводителю!

— Хо, хо, хо! Ахъ ты, лапотникъ! Пошелъ вонъ!

— Вспомните, Михайло Егорычъ, Бога! Не раскайтесь! — сказалъ Савелій и вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ страшная сцена совершилась на Могильскомъ дворѣ. Двое лакеевъ несли безчувственную Анну Павловну на рукахъ; сзади ихъ шелъ мальчикъ съ чемоданомъ. Дворовыя женщины и даже мужики, стоя за углами своихъ избъ, навзрыдъ плакали, провожая барыню. Мановскій стоялъ на крыльцѣ; на лицѣ его видна была безчувственная холодность. Мщеніе его было удовлетворено. Онъ зналъ, что обрекалъ жену или на нищету, или на позоръ. Между тѣмъ двое слугъ, несшихъ Анну Павловну, прошли Могильское поле и остановились.

— Ужъ не умерла ли она?

— Боюсь, Сеня, дальше то идти; положимъ здѣсь, авось опомнится и добредетъ куда-нибудь...

— Да только бы опомнилась.

— Ну, такъ класть что ли? Лучше ночью можно сбѣгать сюда.

Въ это время изъ опушки лѣса вышелъ Савелій.

— Оставьте, братцы, ее, — сказалъ онъ: — какъ опомнится, я доведу ее куда-нибудь.

— Доведите, Савелій Никандрычъ, — сказали лакеи: — мы ужъ въ той надеждѣ будемъ.

Они сложили свою ношу. Мальчикъ положилъ возлѣ небольшой чемоданъ.

— Прощайте, матушка Анна Павловна, — сказалъ Сеня, цѣлуя безчувственную руку госпожи.

Всѣ они отправились въ обратный путь. Савелій одинъ остался съ Анной Павловной. Что было ему дѣлать? Куда отвести? Къ кому-нибудь изъ сосѣдей? Онъ зналъ, что всѣ ее не любятъ и не дадутъ прибѣжища, тѣмъ болѣе, когда узнаютъ причину ея изгнанія. Къ Эльчанинову? Но это было... Онъ холостой человѣкъ, онъ любовникъ ея: скажутъ, что она убѣждала къ нему. Къ себѣ? Не все ли это равно, что къ Эльчанинову. Отвести ее къ графу и просить его покровительства и защиты? Это казалось ему всего лучше. А что скажетъ Эльчаниновъ? Да и куда захочетъ она сама?

Размышленія его были прерваны стономъ, вырвавшимся изъ груди Анны Павловны. Она опомнилась и приподнялась съ земли.

— Гдѣ я? — проговорила, страдалица, обводя вокругъ себя мутнымъ взоромъ.

— Здѣсь, со мной, Анна Павловна, — сказалъ Савелій.

— Здѣсь... Гдѣ здѣсь? Мнѣ помнится, онъ кричалъ на меня... онъ хотѣлъ убить меня.

— Да-съ... — отвѣчалъ Савелій; на глазахъ его навернулись слезы. — Но теперь вы однако успокойтесь: вамъ лучше. Пойдемте.

— Идти, — куда? Домой?

Савелій ничего не отвѣчалъ.

— Куда же мы пойдемъ? Я не пойду домой. Мнѣ страшно.

— Мы не пойдемъ въ Могилки, — отвѣчалъ Савелій.

— Куда же идти?

— Мы пойдемъ... куда вы захотите.

— Погодите... Я понимаю... мужъ меня выгналъ, онъ не убилъ меня, а только выгналъ, и за что? за то, что я сказала, что люблю этого человѣка... Что же? Ведите меня къ нему. Я хочу его видѣть, хочу рассказать ему, какъ меня выгналъ мужъ за него. Ведите меня, я давно его не видала, я обманула его.

— Но, Анна Павловна, какъ же это?... неприлично, — возразилъ было Савелій.

— Ведите меня къ нему: у меня никого кромѣ него нѣтъ! Бога ради, ведите! — воскликнула бѣдная женщина, почти вставая передъ Савельемъ на колѣни.

— Ну, суди меня Богъ, — проговорилъ онъ, махнувъ рукою, и потомъ поднялъ ее и почти на рукахъ понесъ въ Коровино, къ Эльчанинову.

БОЯРЩИНА.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло два мѣсяца послѣ того дня, какъ въ Могилкахъ разыгралась страшная драма. Она исключительно была предметомъ разговоровъ всѣхъ сосѣдей. Въ настоящее время ихъ удивляло то странное положеніе, въ которомъ держали себя лица, заинтересованныя въ этомъ происшествіи, котороеразсказывалось слѣдующимъ образомъ: Анна Павловна еще до замужества вела себя двусмысленно — причина, по которой Мановскій дурно жилъ съ женою. Графъ, знавшій ее по Петербургу и, можетъ быть, уже бывшій съ нею въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ, пріѣхавъ въ деревню, захотѣлъ возобновить съ нею прошедшее, а потому первый пріѣхалъ къ Мановскому. Михайло Егорычъ, ничего не подозрѣвая собственно на счетъ графа, <http://ruin.org>пустилъ ее въ Каменки одну. Но

Анна Павловна отвергнула на этотъ разъ исканіе графа, потому что ужъ любила другаго, молодаго, Эльчанинова. Графъ, изъ ревности, велѣлъ присматривать за нею Ивану Александрычу, который засталъ молодыхъ людей въ лѣсу и сказалъ объ этомъ Мановскому. Михайло Егорычъ, очень естественно, вышелъ изъ себя, и сказалъ сторяча женѣ, чтобъ она оставила его домъ, и Анна Павловна, воспользовавшись этимъ, убѣжала къ своему любовнику, захвативши съ собою всѣ брилліантовыя вещи, съ тѣмъ, чтобы бѣжать за-границу, — самое удобное, какъ извѣстно, мѣсто для убѣжища незаконныхъ любовниковъ. До сихъ поръ все это было очень понятно, но далѣе становились втупикъ самые пронцательные умы. Анна Павловна не уѣзжала за-границу, а жила, къ стыду и поношенію своего мужа, въ усадьбѣ Эльчанинова. Михайло Егорычъ, человекъ съ амбиціей, все это терпѣлъ и допускалъ ее жить невдалекѣ отъ него. Съ часу на часъ ожидали всѣ съ его стороны какого-нибудь рѣшительнаго поступка; но онъ не предпринималъ ничего и никуда не выѣзжалъ. Къ нему же ѣхать никто не смѣлъ. Не менѣе того удивлялъ и графъ. Въмѣсто того, чтобъ бросить и забыть измѣнившую ему Анну Павловну, онъ вездѣ и всѣмъ ее хвалилъ и совершенно извинялъ и оправдывалъ ее поступокъ и, при всей своей деликатности, называлъ Мановскаго мерзавцемъ.

Между тѣмъ какъ въ обществѣ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ развязки, менѣе всего, кажется, думали о своемъ положеніи главныхъ дѣйствующихъ лица. Почти цѣлыя сутки послѣ страшной катастрофы, Анна Павловна находилась въ какомъ-то безчувствен-

номъ состояніи. Наконецъ, къ ней возвратилось сознание, и первый человекъ, котораго она увидѣла и узнала, былъ блѣдный и худой Эльчаниновъ. Она настоятельно просила рассказать ей обо всемъ случившемся. Эльчаниновъ повиновался. Выслушавъ рассказъ, она протянула руку къ своему покровителю и со слезами благодарила за данное ей убѣжище.

— Анна! — вскричалъ въ изступленіи Эльчаниновъ. — Самъ Богъ вырвалъ тебя изъ рукъ злодѣя и отдалъ мнѣ. Ты на вѣки моя и должна мнѣ принадлежать, какъ собственность.

— У меня никого нѣтъ, кромѣ тебя. Я хочу и должна принадлежать тебѣ! — сказала бѣдная женщина, и безъ борьбы, безъ разкаянія бросилась въ пропасть, въ которую увлекалъ ее энергическій, но слабый и вѣтренный человекъ. Но, какъ бы то ни было, съ этой минуты для нихъ началось блаженство. Цѣлые дни проходили незамѣтно: они гуляли по полямъ, съ лихорадочнымъ трепетомъ читали и перечитывали, какіе только были у нихъ подъ рукой, романы, которые имъ напоминали ихъ собственные чувства, и наконецъ цѣловались и глядѣли, по цѣлымъ часамъ, другъ на друга. Они забыли о толкахъ людей, о дусмысленности своего положенія, объ опасностяхъ, о будущемъ. Одинъ только человекъ сталъ нарушать счастье Эльчанинова, — это Савелій. Съ тѣхъ поръ какъ выздоровѣла Анна Павловна, онъ непрестанно говорилъ своему пріятелю о необходимости куда-нибудь уѣхать, объ опасности со стороны Мановскаго, который не остановится на этомъ. Но Эльчаниновъ никуда не могъ тронуться съ мѣста: у него не было денегъ. Сначала онъ скрывалъ истинную причину

отъ своего пріятеля и старался выдумывать различные предлоги отложитъ отъѣздъ. Наконецъ долженъ былъ признаться откровенно. Лицо Савелія нахмурилось. Въ первый еще разъ онъ увидѣлъ для любовниковъ опасность съ этой стороны. «При самомъ началѣ они нуждаются, думалъ онъ, но что же будетъ дальше?»

— Когда же у васъ будутъ деньги?— спросилъ онъ Эльчанинова.

— У меня должны быть скоро небольшія... Впрочемъ, можно заложить имѣніе,— отвѣчалъ Эльчаниновъ и солгалъ. Имѣніе было давно заложено. Кроме того онъ имѣлъ еще долги, о которыхъ, съ тѣхъ поръ какъ пересталъ видѣть своихъ кредиторовъ, почти совершенно забылъ.

— Ну, такъ поѣзжайте и заложите скорѣе,— говорилъ Савелій.

— Да, я поѣду скоро,— отвѣчалъ Эльчаниновъ чтобъ что-нибудь сказать.

Анна Павловна не знала этихъ разговоровъ, которые происходили между друзьями, и только замѣчала, что Эльчаниновъ, всякій разъ поговоривши съ Савельемъ, становился скучнымъ, но, впрочемъ, это проходило очень скоро.

Между тѣмъ время шло. Савелій попрежнему настаивалъ объ отъѣздѣ; Эльчаниновъ по прежнему отыгрывался. Наконецъ онъ, казалось, началъ избѣгать оставаться вдвоемъ съ своимъ пріятелемъ, и всякій разъ, когда это случалось, онъ или кликалъ слугу, или самъ выходилъ изъ комнаты, или призывалъ Анну Павловну. Савелій замѣчалъ, хмурился и все-таки старался найти случай возобновить свои

убѣжденія; но Эльчанпновъ былъ ловчѣе въ этой игрѣ: Савелью ни разу не случилось остаться наединѣ съ нимъ.

Неожиданное обстоятельство нѣсколько измѣнило порядокъ ихъ жизни. Однажды, это было уже спустя два мѣсяца, отъ графа привезли письмо. На конвертѣ было написано: «Аниѣ Павловнѣ, въ собственныя руки». Оно было слѣдующее:

«Милая моя Анна Павловна!

«Съ прискорбіемъ и радостью услышалъ я о постигшей васъ участи и о перемѣнѣ въ вашей жизни. Не могу васъ судить, потому что въ глубинѣ сердца оправдываю вашу поступокъ. Но за что же вы забыли меня? За что же вы поставили меня наряду съ людьми, которые вамъ сдѣлали много зла и желаютъ еще сдѣлать? Зачѣмъ же вы, отторгнувшись отъ нихъ, отторглись и отъ меня? Я съ этими людьми не раздѣляю и вообще мнѣній, а тѣмъ болѣе мнѣнія о васъ. Я—старый другъ вашего отца! Не отвергайте моей отеческой привязанности, которую питаю къ вамъ. Можетъ быть, она послужитъ вамъ въ пользу, особенно въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Пріѣзжайте ко мнѣ и пріѣзжайте съ нимъ! Я хочу видѣть, достоинъ ли онъ любви вашей. Скажите ему, что я начинаю уже любить его, потому что онъ любимъ вами.

«Остаюсь преданный вамъ

«Графъ Салъга.»

Анна Павловна, прочитавши письмо, отдала его

Эльчанинову. Оно ей было неприятно. Инстинктъ женщины очень ясно говорилъ, что участіе графа было не безкорыстное и не родственное, такъ что она не хотѣла было отвѣчать; но совершенно иными глазами взглянулъ на это Эльчаниновъ. Не смотря на то, что Анна Павловна пересказала ему еще прежде объ объясненіяхъ графа и объ его предложеніяхъ, онъ обрадовался повровительству Сапѣги, которое могло быть очень полезно въ ихъ положеніи, потому что хоть онъ и скрывалъ, но въ душѣ ужасно боялся Задоръ-Мановскаго.

— Мнѣ кажется, графъ любитъ тебя просто,—сказалъ онъ:—иначе къ чему бы ему предлагать при теперешнихъ обстоятельствахъ свое участіе?

Анна Павловна ничего не отвѣчала.

— Что-жь мнѣ написать къ нему? —спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Поблагодарить и принять приглашеніе; я самъ поѣду съ тобой,—отвѣчалъ Эльчаниновъ, рѣшившійся впрочемъ никогда не отпускать Анну Павловну одну къ графу, и тотчасъ же продиктовалъ ей отвѣтъ:

«Милостивый государь,

«графъ Юрій Петровичъ!

«Благодарю васъ за ваше участіе. Богъ вамъ заплатитъ за него! Я не забывала васъ, я не отторгалась отъ признательной дружбы; я помнила васъ всегда, цѣнила и надѣялась на васъ, но не обращалась къ вамъ потому, что только теперь еще едва поправляюсь отъ тяжелой болѣзни. Принимаю ваше приглашеніе и буду у васъ съ милъ, когда вы при-

кажете; прошу только, чтобы намъ не встрѣтиться въ вашемъ домѣ съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей, такъ враждующихъ теперь противъ насъ. Еще разъ повторя мою благодарность, имѣю честь пребыть

«обязанная вами и проч.»

Письмо это было запечатано и отдано посланному.

Вскорѣ послѣ того пришелъ Савелій. Эльчаниновъ на этотъ разъ не избѣгалъ остаться съ нимъ наединѣ. Савелій тотчасъ воспользовался удобнымъ случаемъ.

— Наконецъ я васъ поймалъ, — сказалъ онъ. — Когда же вы, Валерьянъ Александрычъ, поѣдете закладывать имѣніе?

— Теперь, Савелій Никандрычъ, не нужно ѣхать: оставаться здѣсь больше нѣтъ опасности.

— Какъ не нужно? Мановскій живехонекъ; вчера видѣлъ: къ Клеопатрѣ Николаевнѣ пріѣзжалъ!

— Онъ можетъ жить, сколько ему угодно; но дѣло въ томъ, что сегодня графъ прислалъ къ намъ письмо и совѣтовалъ быть спокойными, обѣщая своимъ покровительствомъ охранить насъ отъ всего.

— Я не понимаю, какимъ манеромъ онъ можетъ охранить васъ и особливо Анну Павловну отъ мужа.

— Ахъ, Савелій Никандрычъ, какъ вы мало знаете жизнь! — вскричалъ Эльчаниновъ. — Богатый и знатный человекъ... Да чего онъ не можетъ сдѣлать! Знаете ли, что одного его слова достаточно, чтобы усмирить мужа и заставить его навсегда отказаться отъ жены.

— Мужа, хоть бы и какого-то ни было, врядъ ли кто можетъ заставить отказаться отъ жены, а

ужь Мановскаго и подавно! Вы, ей-богу, Валерьянъ Александрычъ, очень ужь какъ-то безпечны.

— Не безпеченъ я, а только лучше васъ знаю людей, и знаю, какъ они терпѣливы въ подобнымъ проступкамъ.

— Такъ вы и не думаете уѣхать отсюда?

— Не вижу надобности.

— Валерьянъ Александрычъ, уѣзжайте! — сказалъ умоляющимъ голосомъ Савелій: — Бога ради, уѣзжайте! Что такое васъ удерживаетъ?.. Неужели вамъ жаль денегъ?

При послѣднихъ словахъ Эльчаниновъ вспыхнулъ.

— Я не далъ вамъ, кажется, повода такъ думать обо мнѣ. Я рискую для этой женщины, оставаясь здѣсь, можетъ, быть жизнью; такъ что тутъ значать деньги?

— Зачѣмъ же рисковать жизнью! Лучше уѣзжайте!.. Отчего же вы не ѣдете?

— Невозможно!

— Отчего невозможно?

— Во-первыхъ, оттого, что Анна Павловна больна, во вторыхъ... да я не вижу: какая будетъ польза, если мы уѣдемъ? Мановскій, если захочетъ сдѣлать зло, сдѣлаетъ вездѣ: будемъ ли мы здѣсь, въ Петербургѣ, или Москвѣ! Тамъ, еще болѣе!... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, покровитель!..

— Какъ это можно! Въ городѣ большая разница, — возразилъ Савелій. — Тамъ вы будете у него не на глазахъ. Вы можете жить по разнымъ домамъ!.. Будетъ подозрѣніе, да улики, по крайности, не будетъ...

А покровитель? Помните, что вы сами мнѣ говорили объ этомъ покровителѣ?

— Что-жъ такое?.. Это была ошибка съ моей стороны. Я самъ хорошо вижу, что графъ ее любитъ какъ другъ ея отца, тѣмъ больше, что онъ ей дальній родственникъ.

При этомъ словѣ Савелій только усмѣхнулся.

— Увѣжайте, Валерьянъ Александрычъ,—повторилъ онъ:—вы еще, видно, и не знаете, что можетъ быть.

— Что-жъ можетъ быть?—произнесъ Эльчаниновъ съ поддѣльною безпечностію.

— А то можетъ, что Мановскій, говорятъ, хочетъ выписать тестя, да и пріѣдетъ сюда съ нимъ!.. Каково это будетъ для Анны Павловны? А не то, пожалуй, и къ правительству обратится.. Не скроешь этого дѣла.

При послѣднихъ словахъ Эльчаниновъ поблѣднѣлъ.

— Я знаю, все знаю,—проговорилъ онъ—но что-жъ мнѣ дѣлать, если я не имѣю, съ чѣмъ мнѣ теперь бхаться.

— Поѣзжайте и заложите имѣніе, а тамъ поступите на службу..

— Но какъ я поѣду? Какъ ее оставлю одну? Я не могу съ нею разстаться. Это выше моихъ силъ.

— Поѣзжайте вмѣстѣ.

— Вмѣстѣ? Но вмѣстѣ... на это у меня просто не хватитъ денегъ,—сказалъ растерявшись Эльчаниновъ.

— Графъ вамъ обѣщалъ покровительство; попросите у графа, — сказалъ Савелій.

— У графа? Никогда! Да онъ и не дастъ.

— Можетъ и дать!.. Вы сами говорите: онъ любить Анну Павловну и родственникъ ей. Вы объясните ему откровенно.

— Ни за что на свѣтѣ, чтобы я унижилъ себя до того, чтобы у подобнаго господина сталъ хаяжить денегъ! Ни за что! — произнесъ рѣшительно Эльчаниновъ.

— Что-жь тутъ за униженіе?—возразилъ Савелій. Не хотите только!.. Кабы я зналъ, я бы лучше отвезъ Анну Павловну въ городъ къ отцу протопопу знакомому... онъ, можетъ, поддержалъ бы ее, пока она своему папенкѣ написала.

— Благодарю васъ, что вы такъ меня понимаете, — сказалъ обиженнымъ голосомъ Эльчаниновъ.

— Что мнѣ васъ понимать? Я человѣкъ простой, а вы образованный!.. Взялъ я только на свою душу грѣхъ!..

— Очень сожалѣю, что приняли для меня на свою душу грѣхъ, — сказалъ Эльчаниновъ, начинавшій уже окончательно выходить изъ терпѣнія.

Приходъ Анны Павловны прекратилъ ихъ разговоръ.

Дня чрезъ четыре графъ прислалъ человѣка съ письмомъ, въ которомъ въ тотъ же день приглашалъ ихъ къ себѣ и увѣдомлялъ, что онъ весь день будетъ одинъ. Часу въ двѣнадцатомъ Анна Павловна, къ соблазну всѣхъ сосѣдей, выѣхала съ Эльчаниновымъ, какъ бы съ мужемъ, въ одной коляскѣ.

— Я встрѣтилъ сейчасъ новобрачныхъ!—сказалъ исправникъ губернскому предводителю, пріѣхавши къ нему и повстрѣчавши действительно нашихъ любовниковъ.

-- Какихъ новобрачныхъ?—спросилъ тотъ.

— Эльчанинова съ Мановской.

— Неужели они обвѣнчались?

— Нѣтъ-съ я шучу,—сказалъ исправникъ.—Только вдутъ вдвоемъ и поворотили въ Каменки.

— Господи, — твоя воля!—сказалъ предводитель. Что это такое дѣлается?.. Этакая безстыдница!..

— Да, ваше превосходительство, нечего сказать, еще и небывало такой!.. Что-то Мановскій?

— Богъ его знаетъ, сидитъ,—сказалъ предводитель.

— Да ужъ онъ что-нибудь и высидитъ,—замѣтилъ исправникъ.

— Но мнѣ всѣхъ тутъ страннѣе графъ,—продолжалъ предводитель: — то онъ дѣйствуетъ такъ, то иначе.

— Непонятно, — подхватилъ исправникъ.

Одно и тоже почти говорили во всѣхъ домахъ, съ тою только разницею, что мужчины старались больше понять и разгадать, а дамы просто бранили Анну Павловну, объясняя все тѣмъ, что она женщина безъ всякихъ правилъ.

Между тѣмъ графъ часу въ первомъ по-полудни былъ попрежнему въ своей гостиной: хотя туалетъ его былъ все также изысканъ, но онъ, казалось, въ этотъ разъ былъ въ болѣе спокойномъ состояніи духа, чѣмъ передъ первымъ визитомъ Анны Павловны; онъ не ходилъ по комнатѣ тревожными шагами, не заглядывалъ въ окно, а спокойно сидѣлъ на диванѣ и передъ нимъ лежала раскрытая книга. Ивана Александрыча не было около него. Графъ прогналъ его вскорѣ послѣ того, какъ онъ произвелъ кутерьму у Задоръ-Мановскаго, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе на счетъ участія въ открытіи тайны. Бѣдный пле-

мянникъ скрывалъ это отъ всѣхъ и притворился больнымъ. Вошедшій слуга доложилъ о прїѣздѣ Анны Павловны и Эльчанинова.

— Просить! — сказалъ графъ и привсталъ съ дивана.

Анна Павловна вошла первая, а за нею Эльчаниновъ.

— Здравствуйте, гордая Анна Павловна! — сказалъ графъ. — Нѣтъ, я опять за старое, поцѣлуйте!

Анна Павловна повиновалась.

— Здравствуйте и вы, тоже гордый молодой человекъ, — прибавилъ онъ, протягивая Эльчанинову руку, которую тотъ принялъ съ нѣкоторымъ волненіемъ: ему было какъ-то совѣстно своего положенія.

— Здоровы ли вы?.. Поспокойнѣе ли? — спросилъ графъ Анну Павловну, усадивши ее на диванъ. Эльчаниновъ сѣлъ поодаль.

— Я здорова, графъ, — отвѣчала она.

— Васъ я не спрашиваю, — продолжалъ Сапѣга, обращаясь къ Эльчанинову: — вы должны быть здоровы, потому что счастливы. Сядьте къ намъ поближе.

Эльчаниновъ пересѣлъ на ближнее кресло.

— Вы давно живете въ деревнѣ? — спросилъ его графъ.

— Полгода, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Только полгода? — повторилъ графъ, посмотрѣвши на Анну Павловну. — А прежде гдѣ вы жили?

— Въ Москвѣ.

— Служили тамъ?

— Сначала учился въ университетѣ, а потомъ служилъ.

— А!.. — произнесъ протяжно графъ, и потомъ, какъ

бы самъ съ собою, прибавилъ: въ Москвѣ собственно службы для молодыхъ людей нѣтъ.

— Кажется, или по-крайней-мѣрѣ я это на себѣ очень чувствовалъ, — подхватилъ Эльчаниновъ. — Меня сдѣлали сверхъ-штатнымъ писцомъ, тогда какъ я и сноснаго почерка не имѣю.

Графъ, съ улыбкою, покачалъ головой.

— Вы, вѣроятно, не имѣли никакихъ связей, — произнесъ онъ совершенно равнодушнымъ голосомъ.

— Рѣшительно никакихъ, ваше сіятельство, кромѣ добросовѣстнаго желанія трудиться, — отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Богъ дастъ, вамъ и придетъ это время трудиться, а теперь покуда мы васъ не отпустимъ на службу; живите здѣсь, въ деревнѣ, честолюбіе отложите въ сторону, вамъ весело и безъ службы.

— Мнѣ надобно бы служить, графъ, хоть за тѣмъ, чтобы уѣхать отсюда.

— Да, я понимаю, что вы хотите сказать, — проговорилъ Сапѣга: — но я думаю, что я такъ люблю Анну Павловну и что покуда я здѣсь, то зорко буду слѣдить за ея спокойствіемъ; а тамъ, Богъ дастъ, переѣдемъ и въ Петербургъ, гдѣ я тоже имѣю нѣкоторую возможность устроить васъ.

Будь другой человекъ на мѣстѣ Эльчанинова, онъ бы, можетъ, понялъ, на что билъ графъ; онъ бы понялъ, что Сапѣга съ намѣреніемъ будилъ въ немъ давно уснувшее честолюбіе; онъ бы понялъ, что тотъ хочетъ его удержать при себѣ, покуда самъ будетъ жить въ деревнѣ, а потомъ увезти вмѣстѣ съ Анной Павловной въ Петербургъ. Но, увы! Эльчанинову только мелькнула богатая перспектива, которую можетъ от-

крыть ему покровительство такого человѣка, каковъ былъ графъ. Въ первый разъ еще мой герой вспомнилъ о службѣ, о возможности жить ею въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Анной Павловной, и привязался къ этой мысли.

— Мнѣ очень нужно служить, ваше сіятельство, — сказалъ онъ.

— Увидимъ, увидимъ, — отвѣчалъ графъ. — Не помѣшаетъ ли еще намъ Анна Павловна? Мы еще ее не спрашивали, да и не будемъ спрашивать покуда.

Во весь остальной день, Сапѣга, бывши очень ласковъ съ Анною Павловной, много говорилъ съ Эльчаниновымъ и говорилъ о серьезныхъ предметахъ. Онъ рассказывалъ, между прочимъ, какъ много въ настоящее время молодыхъ людей единственно посредствомъ службы вышло въ знать и составляютъ теперь почти главныхъ дѣятелей по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Такъ прошелъ цѣлый день. Молодые люди уѣхали послѣ ужина.

Графъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Услышавши о страшной развязкѣ, которою кончилось объясненіе Ивана Александрыча съ Мановскимъ, и о бѣгствѣ Анны Павловны къ Эльчанинову, Сапѣга, удивленный этимъ, еще болѣе раздражился. Старческая прихоть превратилась въ страсть; но въ то же время онъ видѣлъ, что дѣйствовать рѣшительно нельзя, а надобно ожидать отъ времени. Привязать къ себѣ участіемъ молодыхъ людей, гонимыхъ всѣми, казалось ему первымъ шагомъ, а тамъ возбудить въ душѣ молодого человѣка другую страсть — честолюбіе, которая, по мнѣнію его, должна была вытѣснить всѣ другія. Оставленная мужемъ, забытая любовникомъ,

Анна Павловна не могла уйти отъ него; Мановскаго онъ боялся и не боялся, какъ бояться и не бояться медвѣдей. Но, однако, мы замѣтимъ, что графъ выждалъ цѣлый мѣсяцъ войти въ прямыя сношенія съ молодыми людьми, и, въ продолженіе этого времени, только хвалилъ и защищалъ Анну Павловну; но Мановскій ни къ чему не приступалъ, и графъ началъ.

II.

Прошло еще три мѣсяца. Дѣйствующія лица моего разсказа оставались въ прежнемъ положеніи. Анна Павловна все также жила у Эльчанинова; графъ приглашалъ ихъ къ себѣ и самъ къ нимъ ѣздилъ; Мановскій молчалъ и бывалъ только у Клеопатры Николаевны, къ которой поэтому всѣ адресовались съ вопросами, но вдова говорила, что она не знаетъ ничего. Болѣе любопытные даже пріѣзжали къ ней въ усадьбу, чтобы посмотреть на оставленнаго мужа, но имъ никогда не удавалось встрѣтить Мановскаго, хотя они и слышали, что въ этотъ самый день онъ проѣжалъ въ Ярково.

У предводителя назначенъ былъ обѣдъ. Общество было прежнее, за исключеніемъ Мановскаго и Эльчанинова. Клеопатра Николаевна сидѣла на диванѣ между Уситковою и Симановскою. Передъ ними стоялъ исправникъ. Прочія дамы сидѣли на креслахъ. Мужчины стояли и ходили. Всѣ ожидали графа.

— Давно ли вы видѣли вашего несчастнаго опекуна? — спросилъ исправникъ Клеопатру Николаевну.

— Онъ былъ вчера у меня, — отвѣчала Клеопатра Николаевна. — Почему же несчастнаго? — прибавила она.

— Да какъ же? Жену отняли! — возразилъ исправникъ.

— Онъ, кажется, забылъ объ ней и думать; впрочемъ я съ нимъ никогда объ этомъ не говорю.

— Я ее встрѣтилъ, — сказалъ исправникъ: — пополнила, такая хорошенькая.

— Желая ей, — отвѣчала съ презрѣніемъ вдова: — всѣ подобныя ей — хорошенькія, и вамъ, мужчинамъ, обыкновенно, нравятся.

— Оно лучше; а то что толку, напримѣръ, въ васъ, Клеопатра Николаевна? Ни Богу, ни людямъ! — замѣтилъ съ усмѣшкою исправникъ, немного волонита по характеру и нѣкогда тоже ухаживавшій за Клеопатрою Николаевною, но не успѣвшій и теперь слегка подсмѣивающійся надъ ней.

— Пожалуйста, избавьте меня отъ такихъ сравненій, — отвѣчала вдова обиженнымъ тономъ.

— Я васъ не смѣю и сравнивать, — сказалъ исправникъ.

— Графъ ѣдетъ! — произноситъ громко Уситковъ, уже давно смотрѣвшій въ окно.

При этомъ извѣстїи мужчины встали: дамы начали поправляться и сѣли попрямѣе; на всѣхъ лицахъ было небольшое волненіе. Одна только Клеопатра Николаевна не увлеклась этимъ общимъ движеніемъ и еще небрежиѣ развалилась на диванъ. Хозяинъ былъ въ наугольной. Услышавъ о прибытіи графа, онъ проворно пробѣжалъ гостиную и, вышедши въ залу, остановился невдалекъ отъ дверей изъ лакейской. За нимъ послѣдовали почти все мужчины. Графъ быстро, но гордо прошелъ залу, привѣтствовалъ хозяина, поклонился на обѣ стороны мужчинамъ и во-

шелъ въ гостиную. Казалось, это былъ другой человекъ, а не тотъ, котораго мы видѣли въ домашнемъ быту, при посѣщеніи Анны Павловны и даже при собственномъ его визитѣ Мановскому. На лицѣ его, бывшемъ тогда привѣтливымъ и радушнымъ, написана была теперь важная холодность. Онъ сдѣлалъ общій поклонъ дамамъ и, сопровождаемый хозяиномъ, подошелъ къ дивану. Двѣ звѣзды свѣтились на его фракѣ. Уситкова проворно вскочила, чтобъ уступить ему свое мѣсто.

— Не безпокойтесь, сударыня, — сказалъ графъ, вѣжливо поклонившись, и сѣлъ на пустое кресло, стоявшее у того конца дивана, гдѣ сидѣла Клеопатра Николаевна. Вдова сдѣлала движеніе, чтобы повернуться къ нему лицомъ: она еще въ первый разъ видѣла графа. Хозяинъ и нѣсколько мужчинъ стояли на ногахъ передъ Сапѣгою.

— Какъ здоровье вашего сіятельства? — спросилъ хозяинъ.

— Благодарю васъ, я здоровъ, только скучаю.

— Что мудренаго, ваше сіятельство, послѣ Петербурга, — замѣтилъ Уситковъ: — вотъ наше дѣло привычное, да и тутъ...

— Меня не любятъ здѣшнія дамы! — прибавилъ графъ, искоса взглянувъ на вдову. Ни одна изъ нихъ не посѣтила меня.

— Дамы, вѣроятно, боятся обезпокоить васъ, графъ, — сказала съ жеманною улыбкою вдова.

— Въ томъ числѣ и вы, сударыня? — спросилъ Сапѣга.

— Я не имѣю чести быть знакома съ вами,

графъ,—отвѣчала Клеопатра Николаевна, приподнявъ съ гордостью голову.

Графу видимо понравился тонъ этого отвѣта.

— Такъ позвольте же мнѣ завтрашній день устранить это препятствіе и сдѣлать вамъ визитъ.

— Много обяжете, графъ.

— Вашъ супругъ?

— Я вдова, и потому боюсь, что вамъ скучно будетъ у меня.

— Вы позволили мнѣ быгъ у васъ?—сказалъ графъ съ легкимъ наклоненіемъ головы.

Вдова отвѣчала улыбкою: она торжествовала.

Послѣ этого легкаго разговора, графъ всталъ и пошелъ къ балкону, чтобы разсмотрѣть окружные виды. Лицо его, одушевившееся нѣсколько при разговорѣ съ Клеопатрою Николаевною, сдѣлалось попрежнему важно и холодно. Вслѣдъ за нимъ потянулись мужчины; графъ началъ разговаривать съ хозяиномъ.

— Мнѣ говорила, что онъ совершенный старикъ! сказала Клеопатра Николаевна Симановской.

— Какой же старикъ; я вамъ говорила,—отвѣчала та:—теперь еще что? а посмотрѣли бы вы на него у Мановскихъ.

Вдова сдѣлала гримасу.

— Каждый мужчина съ подобными женщинами бываетъ любезнѣе, потому что онѣ сами вызываютъ ихъ на то,—сказала она съ презрительною улыбкою.

Въ это время въ гостиную вошелъ высокій мужчина. Удивленіе и любопытство показались на всѣхъ лицахъ. Это былъ Задоръ-Мановскій. Онъ прямо подошелъ къ хозяину, отдалъ вѣжливый поклонъ графу, на который Сапѣга отвѣчалъ сухо, потомъ, покло-

нившись дамамъ, подалъ нѣкоторымъ мужчинамъ руку, и началъ съ ними обыкновенный разговоръ. При его приходѣ, Клеопатра Николаевна нѣсколько измѣнилась въ лицѣ; физіономія графа сдѣлалась еще важнѣе и серьезнѣе. Что касается до хозяина и прочихъ гостей, то они чувствовали нѣкоторый страхъ и не знали, какъ себя держать. Оказать вниманіе Мановскому? но какъ покажется это графу, который называлъ его мерзавцемъ и покровительствовалъ его женѣ. Не замѣчать Мановскаго они не могли, потому что чувствовали къ нему невольное уваженіе; кромѣ того, имъ хотѣлось поговорить съ нимъ и, если возможно, вывѣдать, что у него на душѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ замѣтили перемѣну въ лицѣ Мановскаго. Онъ какъ-будто бы постарѣлъ, обрюзгъ и похудѣлъ. Недоумѣвая такимъ образомъ, всѣ однакожь были суше обыкновеннаго съ Михаиломъ Егорычемъ; но онъ какъ бы не замѣчалъ этого, и, поговоря съ мужчинами, подошелъ къ дамамъ, спросилъ нѣкоторыхъ о здоровьѣ и сѣлъ около Клеопатры Николаевны, которая опять нѣсколько сконфузилась.

— Поздравьте меня, Михайло Егорычъ, — сказала она: — ко мнѣ завтра будетъ графъ.

— Зачѣмъ? — спросилъ Мановскій, взглянувши пристально на вдову.

— Самъ напросился.

— Знаю я, какъ онъ напросился, — сказалъ Михайло Егорычъ насупившись. — Мнѣ бы нужно переговорить съ Алексѣемъ Михайлычемъ, — продолжалъ онъ помолчавъ.

— Съ дядей?

— Да.

— О чемъ?

— Чортъ знаетъ, — говорилъ Мановскій, не отвѣчая на вопросы Клеопатры Николаевны: — никогда нельзя пріѣхать по дѣлу: вѣчно полонъ домъ сволочи... гдѣ его кабинетъ?

— Изъ корридора первая комната, стекляныя двери.

— Тамъ никого нѣтъ?

— Я думаю.

— Я теперь пойду туда, позовите его ко мнѣ; я ему имѣю кой-что сказать.

Проговора это, Мановскій всталъ и ушелъ.

— О чемъ это съ вами говорилъ Михайло Егорычъ? — спросила Клеопатру Николаевну Симановская, давно уже обмиравшая отъ любопытства.

— Все по этой проклятой опеке, — отвѣчала вдова.

— А о женѣ ничего не говорилъ?

— Отвяжитесь вы, Бога ради, съ этой женой, — отвѣчала Клеопатра Николаевна, которая послѣ разговора съ Мановскимъ была не въ духъ.

— Ахъ, какъ интересно знать, что онъ думаетъ о женѣ, произнесла Симановская.

— Спросите сами.

— Сохрани Богъ!

— Напрасно, я бы совѣтовала...

— Я могу обойтись и безъ вашихъ совѣтовъ, — возразила, вспыхнувши отъ досады, Симановская, и затѣмъ обѣ дамы замолчали. Клеопатра Николаевна, посидѣвъ немного, вышла въ диванную и пришла въ дѣвичью, гдѣ, поздоровавшись съ цѣлою дюжиною горничныхъ дѣвушекъ и справившись, что теперь онѣ работаютъ, объявила имъ, что она своими горнич-

ными очень довольна и что на прошлой недѣлѣ купила имъ всѣмъ на платья прехорошенькой холстинки. Послѣ того, она снова вернулась въ гостиную и, подошедши къ дядѣ, который съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ графа, ударила его потихоньку по плечу. Старикъ обернулся.

— Васъ спрашиваютъ, mon oncle!

— Зачѣмъ, душа моя?

— Нужно-съ.

Старикъ, извинившись передъ графомъ, пошелъ было въ диванную.

— Въ кабинетъ, mon oncle.

— Завертѣла ты меня,—говорилъ старикъ, повернувшись.

— Я люблю командовать!—проговорила, какъ бы ни къ кому собственно не обращаясь, Клеопатра Николаевна.

— Право?—спросилъ графъ, весьма хорошо понявший, что эта фраза сказана была собственно для него.

— Очень... Однако я у васъ отняла слушателя, позвольте мнѣ занять его мѣсто?—сказала Клеопатра Николаевна, вставая на мѣсто дяди.

— Вы очень снисходительны, сударыня,—сказалъ графъ съ улыбкою:—мы говорили о весьма скучномъ для молодой дамы предметѣ.

— О какомъ же это?

— О хозяйствѣ.

— Ахъ, Боже мой! Я очень люблю сельское хозяйство, хочу даже у себя сдѣлать эту шестипольную систему. Это очень удобно и выгодно.—Клеопатра Ни-

колаевна, видимо, хотѣла похвастать передъ графомъ своими агрономическими свѣдѣніями.

— Ба!... да вы большая агрономка, — сказалъ графъ.

— Нѣтъ! я только деревенская жительница.

— У Клеопатры Николаевны всегда родится прекрасный хлѣбъ! — замѣтилъ Уситковъ.

— Это въ новомъ вкусѣ, — замѣтилъ графъ: — молодая, прекрасная и — образованная хозяйка.

— Благодарю, графъ, за насмѣшку.

— Почему-жъ такая недовѣрчивость къ моимъ словамъ?

— Недовѣрчивость?... — повторила съ довольно милой гримасой вдова. — Мужчинамъ нельзя довѣрять не только въ важныхъ вещахъ, но даже и въ пустякахъ.

— Я принадлежу къ старому поколѣнію.

— Это все равно: никому нельзя довѣрять, и я одному только человѣку въ жизнь мою вѣрила.

— А именно?

— Моему мужу.

— А теперь?

— А теперь никому не вѣрю, не вѣрила и не буду вѣрить.

— Это ужасно!

— Ничего нѣтъ ужаснаго!.. «Я, мертвецу святыней слова обречена!» произнесла съ полунасмѣшкою Клеопатра Николаевна и хотѣла еще что-то продолжать, но въ это время вошелъ хозяинъ съ озабоченнымъ и сконфуженнымъ лицомъ. Онъ значительно посмотрѣлъ на Клеопатру Николаевну и подошелъ къ графу.

— Вы не dokonчили вашей мысли, — сказалъ Сапѣга замолчавшей Клеопатрѣ Николаевнѣ.

— Нѣтъ, я все сказала; отвѣчала та, взглянувъ искоса въ залу и увидѣвъ входящаго Мановскаго. — Теперь мое мѣсто опять займетъ дядюшка.

Съ этими словами Клеопатра Николаевна отошла, сѣла на прежнее мѣсто и начала разговаривать съ Уситковой. Михайло Егорычъ подошелъ къ толпѣ мужчинъ, окружавшей графа, и, казалось, хотѣлъ принять участіе въ разговорѣ. Сапѣга отошелъ и сѣлъ около дамъ. Онъ много шутилъ, заговаривая по-преимуществу съ Клеопатрою Николаевной, которая, впрочемъ, была какъ-то не въ духъ. Мановскій уѣхалъ, поклонясь хозяину и графу, и сказалъ что-то на ухо Клеопатрѣ Николаевнѣ. Вдова, по отъѣздѣ его, сдѣлалась гораздо веселѣе и любезнѣе и сама начала заговаривать съ графомъ, и вечеромъ, когда уже солнце начало садиться и общество вышло въ садъ гулять, графъ и Клеопатра Николаевна стали ходить вдвоемъ по одной изъ отдаленныхъ аллей.

— Отчего вы намъ, графъ, не дадите бала?—сказала она.

— У меня нѣтъ хозяйки! возразилъ графъ.

— Ахъ, Боже мой! Каждая изъ насъ готова съ радостію принять на себя эту обязанность.

— Напримѣръ, если я васъ попрошу.

— Съ большимъ удовольствіемъ, только съумѣю ли? Впрочемъ вы меня научите.

— Я буду самъ васъ слушаться.

— Желала бы хоть ненадолго повелѣвать вами.

— Скоро соскучитесь; старики, какъ дѣти, скоро надоѣдаютъ.

— Ихъ ненадобно дразнить.

— А какимъ образомъ вы это сдѣлаете?—спросилъ графъ.

— Очень просто: надобно ихъ, какъ и дѣтей, то пожурить, то приласкать, отвѣчала вдова.

— Вы опасная для стариковъ женщина!—проговорилъ Сапѣга.

— И они для меня опасны!

— Желалъ бы убѣдиться въ томъ.

— Испытайте. Но впрочемъ вамъ невозможно, вы не старики!—объяснила Клеопатра Николаевна.

Графъ посмотрѣлъ на нее: не совсѣмъ скромное и хорошаго тона кокетство ея, благодаря красивой наружности, начинало ему нравиться. Въ подобныхъ разговорахъ день кончился. Графъ уѣхалъ поздно. Онъ говорилъ, по большей части, со вдовою. Предпочтеніе, которое оказалъ Сапѣга Клеопатрѣ Николаевнѣ, не обидѣло и не удивило прочихъ дамъ, какъ случилось это послѣ оказаннаго имъ вниманія Аннѣ Павловнѣ. Всѣ давно привыкли сознавать превосходство вдовы. Она уѣхала вскорѣ послѣ графа, мечтая о завтрашнемъ его визитѣ.

Хозяинъ послѣ разговора съ Мановскимъ былъ цѣлый день чѣмъ-то озабоченъ. Часа въ два гости всѣ разъѣхались, остался одинъ только исправникъ.

— Вы, Алексѣй Михайлычъ, изволите сегодня быть какъ будто разстроены!—сказалъ онъ, видя, что предводитель сидѣлъ, потупя голову.

— Будешь разстроены,—ствѣчалъ старикъ: —непріятность на непріятности.

— Что такое случилось?

— Какъ что? Видѣли, соколъ-то пріѣзжалъ.

— Какой?

— Мановскій. Господи Боже! что это за человекъ!

— Да что такое?—повторилъ исправникъ, сильно заинтересованный.

— Просить у меня... да вы, пожалуйста, никому не говорите... просить, дай ему удостовѣреніе въ дурномъ поведеніи жены. Хочетъ производить формальное слѣдствіе и хлопотать о разводѣ. Вы, говорить, предводитель, должны знать домашнюю жизнь помѣщиковъ! А я... Богъ ихъ знаетъ, что у нихъ тамъ такое!... она мнѣ ничего не сдѣлала.

— Какъ же вы намѣрены поступить?

— Самъ не знаю; теперь покуда отдѣлался, скажаль, что даже и не слыхалъ ничего; такъ, говорить, сдѣлайте дознаніе. Что прикажешь дѣлать! Придется дать. Всѣмъ извѣстно, что она живетъ у Эльчанинова; такъ и напишу, что дѣйствительно живетъ, а въ какихъ отношеніяхъ — не знаю.

— Да, такъ и напишите, что точно живетъ, а какъ? — не извѣстно.

— Оно такъ, да все кляузы.

— Конечно кляузы, и кляузы непріятныя; а мы, вотъ, ваше превосходительство, земская полиція, вѣкъ живемъ на этакихъ кляузахъ.

— И не говорите ужь лучше!—подтвердилъ добродушно старикъ.

III.

Въ Коровинѣ тоже происходили своего рода сцены. Эльчаниновъ, послѣ поѣздки къ графу, сдѣлался за-

думчивѣе и разсѣяннѣе противъ прежняго. Казалось, какая-то мысль занимала его. Онъ не говорилъ уже безпрестанно съ Анной Павловной и часто не отвѣчалъ даже на ея ласки. Съ Савельемъ онъ былъ какъ-то сухъ и, по-прежнему, избѣгалъ оставаться съ нимъ наединѣ. Впрочемъ тотъ однажды нашелъ случай и спросилъ его: придумалъ ли онъ какое нибудь средство уѣхать, но Эльчаниновъ, рассказавъ очень подробно весь свой разговоръ съ графомъ, рѣшительно объявилъ, что онъ безъ воли Сапѣги ничего не хочетъ дѣлать и во всемъ полагается на его совѣты. Послѣ этого Савелій пересталъ говорить и только иногда долго и долго смотрѣлъ на Анну Павловну какимъ-то страннымъ взоромъ, потомъ вдругъ опускалъ глаза и тотчасъ послѣ того уходилъ. Посѣщенія его стали рѣже, но продолжительнѣе: какъ будто бы ему было тяжело придти, а, пришедши, — трудно уйти.

Анна Павловна начала замѣчать перемену въ Эльчаниновѣ. Сперва она думала, что онъ боленъ, и безпрестанно спрашивала, каково онъ себя чувствуетъ. Эльчаниновъ клялся, божился, что онъ здоровъ, и послѣ того старался быть веселымъ, но потомъ вскорѣ впадалъ опять въ разсѣянность. Мой герой думалъ о службѣ.

Жизнь въ столицѣ, — обширное поле дѣятельности; наконецъ, богатство и почти несомнѣнная надежда достигнуть всего этого чрезъ покровительство знатнаго человѣка, — вотъ что занимало его теперь. Любовь, не представлявшая ничего рельефнаго, ничего пышлаго, что обыкновенно дѣйствуетъ на характеры впечатлительныя, но неглубокіе, не могла

уже увлекать Эльчанинова; онъ былъ слишкомъ еще молодъ, да и по натурѣ врядъ-ли способенъ къ семейной жизни. Ему хотѣлось перемѣнъ, новыхъ впечатлѣній и онъ думалъ, что все это можетъ доставить ему служба, и думалъ о томъ безпрестанно. Были даже минуты, когда ему приходило въ голову, что какъ бы было хорошо, еслибы онъ былъ совершенно свободенъ — не связанъ съ этой женщиною; какъ бы могъ онъ воспользоваться покровительствомъ графа, который могъ ему доставить мѣсто при посольствѣ; онъ поѣхалъ бы за границу, сдѣлался бы секретаремъ посольства, и такъ далѣе... Увлечшись, онъ начиналъ вѣрить, что Сапѣга оказываетъ ему ласки и общаетъ покровительство за личныя его достоинства. Въ этой мысли поддерживалъ его самъ графъ, который, бывши съ нимъ весьма любезенъ, постоянно и тонко намекалъ на его необыкновенныя способности и жалѣлъ только о томъ, что подобный ему человекъ не служитъ и даромъ губитъ свой вѣкъ. Эльчаниновъ очень часто ѣздилъ въ Каменки и каждый разъ возвращался погруженный въ самого себя.

Когда Анна Павловна убѣдилась, что Эльчаниновъ здоровъ, вдругъ страшная мысль, что онъ разлюбилъ ее, пришла ей въ голову. Ей представилось, что онъ тяготится ею, онъ, единственный человекъ, который остался у ней въ мѣрѣ. Это было выше силъ. Она хотѣла молиться, чтобы хотя нѣсколько облегчить свои муки, и не могла. О, какъ эти страданія далеко превосходили всѣ прежнія. Ее опять не любить близкій человекъ, и какой близкій, котораго она сама страстно любила, привязанность къ которому наполняла все ея сердце. Онъ, можетъ быть,

не позволить ей любить себя. Ея ласки будутъ ему въ тягость. Онъ бросить ее одну, безъ имени, безъ средствъ — и что будетъ тогда съ нею? Цѣлуюночь она протрадала и проплакала и, проснувшись, была такъ худа и блѣдна, какъ бы послѣ тяжкой болѣзни. Эльчаниновъ замѣтилъ это.

— Что съ тобою, Анета?—спросилъ онъ.

— Я дурно спала,—отвѣчала Анна Павловна слабымъ голосомъ.

— Ты на себя не похожа,—продолжалъ Эльчаниновъ, вглядываясь ей въ лицо.—Что съ тобою?

— Я ночью думала: что если ты меня разлюбишь, повинешь?...

— Къ чему эти мысли, ангель мой?... Я люблю тебя и буду любить!—отвѣчалъ довольно холодно Эльчаниновъ.

Анна Павловна не могла долѣе скрывать мучительной для нея мысли. Въ невыносимомъ волненіи упала она головой на колѣни Эльчанинова и зарыдала.

— О, не покидай меня!—вскричала она—Я вижу, ты скучаешь со мною?... Я тебѣ въ тягость?... Ты разлюбилъ меня?

Этого сильнаго движенія отчаянія и мольбы, которыя, сверхъ обыкновенія, обнаружила Анна Павловна, слишкомъ было достаточно, чтобы снова, хоть на нѣкоторое время, возбудить въ Эльчаниновѣ остывающую страсть. Онъ схватилъ ее въ объятія.

— Мнѣ разлюбить тебя! Когда моя жизнь, мои надежды, вся моя будущность сосредоточены въ тебѣ! Оттолкнуть тебя!... О, Господи!... Скорѣй я сдѣлаюсь самоубійцею!... Anette! Anette! И ты могла по-

думать?... Это горько и обидно!... Откуда пришли тебѣ эти черныя мысли?...

— Ты былъ все это время печалень и задумчивъ! — говорила, нѣсколько успокоившись, молодая женщина.

— Задумчивъ?... Да знаешь ли ты, о чемъ я думалъ?—началь Эльчаниновъ.—Я думалъ о тебѣ, о твоей будущности; думалъ, какъ бы окружить тебя всѣми удобствами, всѣми благами жизни; думалъ сдѣлать себя достойнымъ тѣхъ надеждъ, которыя ты питаешь ко мнѣ. А ты меня ревнуешь къ этимъ мыслямъ?.. Это горько и обидно!—И онъ снова обнялъ ее, и посадилъ съ собою на диванъ.

— Прости меня, — сказала Анна Павловна: — ты былъ задумчивъ, и я подумала...

— Подумала... Вотъ какъ вы, женщины, дурно знаете насъ. Но ты не должна быть похожа на другихъ. Наша любовь ни съ кѣмъ ничего не должна имѣть общаго: изъ любви ко мнѣ, ты должна мнѣ вѣрить и надѣяться; изъ любви къ тебѣ, я буду работать, буду трудиться. Вотъ какова должна быть любовь наша!

Говоря это, Эльчаниновъ не лгалъ ни слова и въ эти минуты онъ дѣйствительно такъ думалъ; въ голосъ его было столько неотразимой убѣдительности, что Анна Павловна сразу ему повѣрила и успокоилась. Во весь остальной день онъ не задумывался и говорилъ съ нею. Онъ рассказывалъ ей всѣ свои надежды; съ восторгомъ описывалъ жизнь, которую онъ намѣренъ былъ вести съ нею въ Петербургѣ. Вечеромъ пришелъ Савелій. Лицо его было мрачнѣе обыкновеннаго; онъ молча поклонился и сѣлъ.

— На меня, сегодня поутру, разсердилась Анна Павловна,—сказалъ Эльчаниновъ.

Савелій посмотрѣлъ на Мановскую.

— За что-съ?—спросилъ онъ.

— За то, что я иногда задумывался.

Савелій ничего на это не сказалъ.

— Тогда какъ,—продолжалъ Эльчаниновъ, какъ бы стараясь оправдаться передъ пріателемъ:—я и задумывался о ней самой, объ ея будущности.

— Что же вы думали объ ихъ будущности?—сказалъ Савелій и потушился.

Эльчаниновъ нѣсколько замаялся; впрочемъ, послѣ минутнаго размышленія, онъ началъ:

— Во-первыхъ, я думалъ о моей службѣ въ Петербургѣ. Я буду получать двѣ тысячи рублей серебромъ, это вѣрно, — графъ сказалъ. И если къ этому прибавить мои тысячу рублей серебромъ, значитъ, я буду имѣть три тысячи рублей; — сумма весьма достаточная, чтобы жить вдвоемъ.

Что-то въ родѣ улыбки пробѣжало по лицу Савелья; но Эльчаниновъ, увлеченный своею мыслію и потому ничего уже не замѣчавшій, что вокругъ него происходило, продолжалъ:

— Какъ это будетъ хорошо!—воскликнулъ онъ.— А тутъ, Богъ дастъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Савелью:—и вы, мой другъ Савелій Никандрычъ, перѣдете къ намъ въ Петербургъ. Мы вамъ отведемъ особую комнату и найдемъ приличную службу. Что, чортъ возьми, губить свой вѣкъ въ деревнѣ?... Дай-ка вамъ дорогу съ вашимъ умомъ, такъ вы далеко уйдете.

Савелій опять ничего не отвѣчалъ. Видимо, что ему было даже досадно слушать этотъ вздоръ.

— Мнѣ бы съ вами надобно переговорить, Валерьянъ Александрычъ!—сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, и самъ всталъ.

— Что такое? — спросилъ Эльчаниновъ, ужь нахмурившись.

— По одному моему дѣлу,—отвѣчалъ Савелій, показывая головой на зало.

— Ну, старыя пѣсни, подумалъ Эльчаниновъ, — и оба пріятели вышли.

— Вчера я былъ на почтѣ,—началъ Савелій, и встрѣтилъ тамъ человѣка Мановскаго. Онъ получилъ письмо съ черною печатью. Я, признаться сказать, попросилъ мнѣ показать. На конвертѣ написано, что изъ Кременчуга, а тамъ живетъ папенька Анны Павловны. Я боюсь, не умеръ ли онъ?

— Если онъ и умеръ, я въ этомъ совершенно невиноватъ. Что же мнѣ дѣлать? — отвѣчалъ Эльчаниновъ, пожавъ плечами.

— Вы прикажите, по-крайней-мѣрѣ, чтобы оно не дошло какъ-нибудь до Анны Павловны.

— Дойти до Анны Павловны оно никогда образомъ не можетъ. Я давно такъ распорядился, чтобы собаки изъ Могилокъ сюда не пускали.

— Да вы вѣдь такъ только это говорите! А тутъ смотришь...—проговорилъ Савелій, и не докончивъ фразы, ушелъ вскорѣ домой.

— О чемъ съ тобою по секрету говорилъ Савелій Никандрычъ?—спросила Анна Павловна.

— Хлѣба у меня займы просилъ. бѣднякъ, вѣдь, онъ ужасный!—отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Онъ очень добрый и хорошій человекъ,—сказала Анна Павловна.

— О, это идеаль честности и благородства!—отвѣчалъ Эльчаниновъ и потомъ, обнявъ и прижавъ къ груди Анну Павловну, началъ ей снова говорить о службѣ, о петербургской жизни.

Анна Павловна тоже была счастлива, потому что единственный другъ ея любилъ ее по-прежнему.

Проснувшись на другой день, Эльчаниновъ совершенно забылъ слова Савелья о какомъ-то письмѣ и поѣхалъ въ 12-ть часовъ къ графу. Анна Павловна, всегда скучавшая въ отсутствіе его, напрасно принималась читать книги, ей было грустно. Въ цѣломъ домѣ она была одна: прислуга, благодаря неаккуратности Эльчанинова, не имѣла привычки сидѣть въ комнатахъ и прелюбополучно проводила время въ перебранкахъ и въ разговорахъ по избамъ. Кашель и шаги въ залѣ вывели Анну Павловну изъ задумчивости.

— Кто тамъ?—спросила она. вмѣсто отвѣта слышались снова шаги. Анна Павловна вышла.

— Здравствуйте, матушка Анна Павловна! Еще привелъ Богъ васъ видѣть,—говорилъ могилковскій Сенька, подходя къ рукъ ея.

Анна Павловна вся поблѣднѣла.

— Что тебѣ надобно?—сказала она испуганнымъ голосомъ.

— Баринъ прислалъ вамъ письмо,—отвѣчалъ Сенька, и подалъ ей большой конвертъ.

— Отъ кого?—говорила Анна Павловна, принимая дрожащими руками конвертъ.

— Не знаю, сударыня-матушка, вчерась я барину привезъ съ почты, не знаю.

— Благодарю, — сказала Мановская, стараясь скрыть безпокойство. — Вотъ тебѣ, — продолжала она, взявъ сѣненькую бумажку изъ брошеннаго бумажника Эльчанинова, вотъ тебѣ.

Сенька взялъ ассигнацію, поклонился и ушелъ. Анна Павловна вошла въ гостиную. Тайное предчувствіе говорило ей, что письмо было для нея роковое. Она едва имѣла силы разломить печать. Изъ конверта вынали два письма. Одно изъ нихъ было отъ мужа, другое написано женскою рукой. Анна Павловна схватила послѣднее и быстро пробѣжала глазами, но болѣзненный стонъ прервалъ ее чтеніе, и она безъ чувствъ упала на полъ и долго ли бы пробыла въ этомъ положеніи, неизвѣстно, если бы Эльчаниновъ не вернулся домой. Увидѣвъ Анну Павловну одну, безъ чувствъ, онъ сначала не могъ сообразить, что такое случилось, и сталъ кликать людей! Старуха-включница, прибѣжавшая на его зовъ, переложила безчувственную Анну Павловну на постель и стала на нее брызгать водою съ камушка, думая, что барыню кто-нибудь изурочилъ. Эльчаниновъ, какъ полоумный, вошелъ въ гостиную. Ему попались на глаза письма. Вспомнивъ тутъ о предостереженіяхъ Саведья, онъ схватилъ ихъ и прочиталъ.

— Левъ просыпается! воскликнулъ онъ, схвативъ себя за голову.

Левъ, дѣйствительно, начиналъ просыпаться. Одно письмо было его руки и такого содержанія:

«Посылаю вамъ, милостивая государыня, письмо вашей тетки, извѣщающее о смерти вашего отца,

которая послѣдовала сейчасъ же по полученіи имъ извѣстія о побѣгѣ вашемъ въ настоящее мѣстожителство ваше. Остаюсь извѣстный вамъ

«Задоръ-Мановскій.»

Теткинo письмо было слѣдующее:

«Почтеннѣйшій Михайло Егорычъ!

«Ужасное извѣстіе ваше о побѣгѣ отъ васъ недостойной моей племянницы мы получили, и бѣдный Павелъ Петровичъ, не въ состояніи будучи вынести посярмленія чести своей фамиліи, получилъ параличъ и одночасно скончался. Я и прочіе родные навсегда отказываемся отъ дочери почтеннаго Павла Петровича, который лежитъ теперь спокойно въ сырой землѣ. Не могу вамъ описать, въ какую повержена я горестъ. Теперь жду изъ гимназіи племянниковъ; за ними я тотчасъ же послала послѣ смерти ихъ родителя. Похороны справили, какъ слѣдуетъ, хоть и пришлось занять. Послѣ покойнаго осталось всего 15 руб.; а одинъ покровъ стоилъ полтораста. Не забывайте насъ и не поможете ли намъ чѣмъ-нибудь.

«Остаюсь съ почтеніемъ

«тетка ваша Марья Кронштейнъ.»

Прошло полчаса. Анна Павловна начинала приходить въ чувство, а Эльчаниновъ все еще продолжалъ бѣсноваться. Сидя въ гостиной, онъ рвалъ на себѣ волосы, проклиналъ себя и Мановскаго, хотѣлъ даже разбить себѣ голову объ ручку дивана, потомъ отложилъ это намѣреніе до того времени, когда Анна Павловна умретъ; затѣмъ, нѣсколько успокоившись, заглянулъ въ спальню больной и, видя, что она от-

крыла уже глаза, махнулъ ей только рукой, чтобъ она не тревожилась, а самъ воротился въ гостиную и легъ на диванъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ спросилъ себѣ трубку, крикнувъ при этомъ довольно громко, и снова началъ думать о петербургской жизни и о службѣ при посольствѣ.

IV.

На другой день послѣ предводительскаго обѣда, часу въ первомъ, Сапѣга, въ богатой вѣнской коляскѣ, шестерикомъ, ѣхалъ въ Ярцово съ визитомъ къ Клеопатрѣ Николаевнѣ. Онъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ видѣлъ прямую возможность приволочнуться за очень милою дамой, въ которой замѣтилъ важное, по его понятіямъ, женское достоинство — *эластичность тѣла*.

Клеопатра Николаевна встрѣтила графа въ залѣ и ввела его въ гостиную. На тѣхъ же самыхъ широкихъ креслахъ, какъ и при посѣщеніи Эльчанинова, сидѣлъ Задоръ-Мановскій. При входѣ графа, онъ всталъ, поклонился и опять сѣлъ на прежнее мѣсто. Гость и хозяйка усѣлись на диванѣ. Графъ началъ разговоръ о балѣ, который намѣренъ былъ дать и на которомъ Клеопатрѣ Николаевнѣ предстояло быть хозяйкою. Онъ думалъ этимъ вызвать вдову на любовь, но Клеопатра Николаевна конфузилась, мѣшалась въ словахъ и не отвѣчала на вопросы, а между тѣмъ была очень интересна: полуоткрытыя руки ея изъ-подъ широкихъ рукавовъ капота блестя близной; глаза ея были подернуты какою-то

масляною и мягкою влагою; кромѣ того, полная грудь вдовы, какъ грудь совершенно разившейся тридцатилѣтней женщины, покрытая легкими кисейными складками, тоже производила свое впечатлѣніе. Графъ начиналъ таять. Задоръ-Мановскій, ни слова не проговорившій, но въ то же время, кажется, внимательно слѣдившій за гостемъ и хозяйкой, вдругъ всталъ и взялся за картузь.

— Куда вы?—спросила съ живостію Клеопатра Николаевна.

— Домой! — отвѣчалъ Мановскій.

Въ лицѣ его было что-то видно въ родѣ улыбки.

— Посидите, — проговорила вдова.

Мановскій, не отвѣчая, поклонился графу и вышелъ.

Клеопатра Николаевна какъ будто ожила.

— Слава Богу!—сказала она, не могши удержать радостнаго движенія.

— Какъ я радъ, что вы раздѣляете со мною одно чувство къ этому человѣку! — замѣтилъ Сапѣга.

— Ахъ! да...—произнесла Клеопатра Николаевна:— я до того его ненавижу, что не могу ни думать, ни говорить ничего при немъ.

— Зачѣмъ же вы принимаете его?—сказалъ графъ, взглянувъ пристально на вдову.

— Онъ опекунъ моей дочери, — отвѣчала Клеопатра Николаевна.

— Обожатель вашъ! прибавилъ графъ съ улыбкой.

— *Fi donc!* — вскричала вдова. — Онъ не смѣетъ этого и подумать. Забудемте его. Я еще не поблагодарила васъ за ваше посѣщеніе.

— Готовъ съ вами забыть всѣхъ, кромѣ васъ! — отвѣчалъ Сапѣга.

— Не льстите, графъ, а то я не стану вѣрить вашимъ словамъ.

— Одному слову только повѣрьте.

— Какому?

— Вы прекрасны.

Вдова жеманно опустила голову.

— Вѣрите? — спросилъ графъ.

— Къ чему вы это говорите?— сказала Клеопатра Николаевна.

— Сердце заставляетъ говорить меня.

Вдова сдѣлала кокетливую гримасу.

— Знаете ли, какую горькую истину я скажу вамъ про ваше сердце? Оно влюбчиво, — проговорила она внушительнымъ тономъ.

— Да, это была бы правда, если бы всѣ женщины походили на васъ.

— А развѣ Мановская похожа на меня?

Графъ немного смѣшался.

— Что жъ Мановская?—проговорилъ онъ.—Я покровительствую ей, и больше ничего.

— А изъ чего вы ей покровительствуете?

— Боже мой! она дочь моего старого друга,—сказалъ графъ совершенно невиннымъ голосомъ.

— Желала бы вѣрить, — проговорила Клеопатра Николаевна, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— О, вѣрьте, вѣрьте мнѣ во всемъ!—подхватила Сапѣга.

— Въ чемъ еще?—спросила вдова, какъ бы удивленная.

— Въ то, что я васъ люблю,—прошепталъ старикъ, прижимая руку къ сердцу.

Клеопатра Николаевна вздрогнула.

— Меня, графъ?—повторила она, какъ бы совершенно растерявшись.—Что вы это говорите?... Къ чему вы это говорите?... Вы меня?... Такъ скоро?... Нѣтъ, графъ, это невозможно!...

— Люблю васъ! — воскликнулъ Сапѣга и, сразу схвативъ Клеопатру Николаевну за руки, началъ ихъ цѣловать и прижимать къ груди.

— Пустите, графъ, пустите! Нѣтъ, это ужасно!... Это невозможно, — говорила Клеопатра Николаевна, слабо вырывая у него руки; но графъ за нихъ крѣпко держался.

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы въ гостиную не вошелъ вдругъ Задоръ-Мановскій. Графъ и вдова отскочили въ разныя стороны. Последняя не могла на этотъ разъ сохранить присутствія духа и выбѣжала вонъ.

— Я забылъ мои бумаги,—говорилъ, какъ бы незамѣтившій ничего, Мановскій. Онъ началъ первоначально смотрѣть по окнамъ, а потомъ будто не съскававъ того, что ему было нужно, прошелъ въ спальню вдовы, примыкавшую къ гостиной, гдѣ осмотрѣлъ тоже всю комнату, потомъ сѣлъ, наконецъ, къ маленькому столику, вынулъ изъ кармана клочекъ бумаги и написалъ что-то карандашомъ. Оставивъ эту записочку на столѣ, онъ вышелъ.

Между тѣмъ графъ сидѣлъ въ гостиной, совершенно растерявшись.

Не находя, что бы такое предпринять, онъ вздумалъ приласкаться къ Мановскому и постараться придать всему происшествію видъ легкой шутки.

— Какъ вы насъ перепугали!—сказалъ онъ. — Я позволилъ себѣ маленькую шалость съ хозяйкой; она очень милая и веселая дама!.. Вы, я думаю, удивились.

Мановскій посмотрѣлъ на графа.

— Ни крошки, —отвѣчалъ онъ спокойнымъ тономъ. —Я и самъ съ нею шучивалъ.

— Право? спросилъ графъ.

— Да; она, вѣдь, ужъ давно такая!.. Вчера со мной, сегодня съ вами, а завтра съ третьимъ. Ужъ такая у нея натура, —проговорилъ Мановскій и вышелъ.

Между тѣмъ Клеопатра Николаевна забѣжала на мезонинъ и сѣла за небольшія стоящія тамъ ширмы. Она, видно, знала, что ее будутъ искать. Не прошло десяти минутъ, какъ стукъ отъѣзжавшаго экипажа заставилъ наконецъ ее переменить положеніе.

Она бросилась къ окну и, увидѣвъ выѣзжавшаго Мановскаго, тотчасъ же сбѣжала внизъ, выглянула изъ спальни въ гостиную, чтобы посмотрѣть, не уѣхалъ ли графъ, но Сапѣга сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. Клеопатра Николаевна, не смотря на внутреннее безпокойство, поправила приведенный въ безпорядокъ туалетъ и хотѣла войти въ гостиную, какъ вдругъ глаза ея остановились на оставленной Мановскимъ запискѣ. Она схватила ее, прочитала и окончательно растерялась.

Мановскій ей писалъ:

«Прошу васъ, къ будущему четвергу, приготовить все бриліантовыя, хозяйственныя и усадебныя вещи, по составленной послѣ смерти вашего мужа описи. Я намѣренъ принять и приступить къ управленію имѣніемъ, а равнымъ образомъ прошу васъ выѣхать изъ усадьбы, въ которой не считаю нужнымъ, по

случаю отсутствія вашей дочери, освѣщать, отопливать домъ и держать горничную прислугу, чтобы тѣмъ прекратить всякіе излишніе расходы, могущіе, при вашей жизни въ оной, послѣдовать изъ имѣнія малолѣтней, на какое вы не имѣете никакого права.

«Задоръ-Мановскій.»

Что было дѣлать Клеопатрѣ Николаевнѣ?.. Прибѣгнуть къ графу—казалось ей единственнымъ средствомъ. Съ этимъ намѣреніемъ, она, взявши письмо, вошла въ гостиную и молча бросилась, въ отчаяніи, на диванъ; горестъ ея на этотъ разъ была неподдѣльная.

— Успокойтесь, успокойтесь,—говорилъ графъ.

— Ахъ, я погибла!—отвѣчала вдова и подала ему письмо Мановскаго.

Графъ прочиталъ письмо.

— Я дурно понимаю, отвѣчалъ онъ.

— Ахъ!—отвѣчала вдова:—онъ опекунъ моей дочери; онъ выгоняетъ меня изъ этой усадьбы; мнѣ нечѣмъ будетъ жить!.. Все, что вы видите, все это принадлежитъ моей дочери!.. Покойный мужъ мой устранилъ меня отъ опекунства!..

Сапѣга думалъ. Теперь онъ понялъ все: Мановскій былъ опекуномъ Клеопатры Николаевны, и интриговалъ съ нею; но, вѣрно, наскучилъ вдовѣ и она хочетъ отдѣлаться отъ него,—и это возможно въ такомъ случаѣ, когда Михайло Егорычъ будетъ устраненъ отъ опекунства. Ему легко будетъ это сдѣлать. И за это одолженіе можно будетъ получить отъ вдовы все, что только онъ желалъ отъ женщины, особенно, если прибавить къ тому обѣщаніе, — взять

ее въ Петербургъ съ собою. Кромѣ того, онъ зама-скируетъ этимъ себя передъ обществомъ и Мановскимъ, который станетъ подозрѣвать его въ интригѣ съ Клеопатрою Николаевной, а въ участіи къ Аннѣ Павловнѣ будетъ видѣть одно дружеское расположе-ніе.

Обдумавъ все это и очень хорошо понимая, съ какою женщиною имѣетъ дѣло, графъ началъ прямо:

— Ваши обстоятельства очень непріятныя!.. Я могу помочь вамъ.

— Ахъ, помогите, помогите, графъ! Я буду вамъ всю жизнь благодарна!

— Благодарна? — этого мало.

— Я васъ буду любить, — отвѣчала вдова, кото-рой обращеніе графа возвратило веселость и кокетство.

— Вы будете любить? Я самъ васъ буду любить. Дайте мнѣ васъ обнять.

Вдова повиновалась.

Графъ обнялъ ее и потухшій въ глазахъ его огонь снова заблисталъ.

— Поцѣлуйте меня! — произнесъ онъ.

Вдова поцѣловала.

— Вы избавите меня отъ Задоръ-Мановскаго?

— А вы будете любить меня?

— Буду, только избавьте меня поскорѣе, — до этого я не могу любить васъ.

— Нѣтъ! Напередъ вы полюбите меня, а тамъ и я для васъ сдѣлаю все, что только захотите.

— А вы меня будете любить, графъ?

— Я васъ люблю и буду любить.

— Вы возьмете меня въ Петербургъ? Безъ васъ я не въ состояніи буду здѣсь остаться.

— Я васъ никогда не оставлю.

— Вы демонъ!— сказала Клеопатра Николаевна и склонила голову себѣ на грудь.

Графъ уѣхалъ изъ Ярцова часу въ двѣнадцатомъ. Клеопатра Николаевна, оставшись одна, долго и даже очень долго сидѣла задумавшись; въ лицѣ ея показалось даже что-то въ родѣ страданій. Потомъ взяла она съ своего туалетнаго столика портретъ молоденькой дѣвочки, поцѣловала и проговорила: «простишь ли ты когда-нибудь меня?» Это былъ портретъ ея дочери. Поставивъ его на прежнее мѣсто, она вынула изъ ящика небольшой альбомъ, развернула его. На одной изъ страницъ приклеено было знакомое намъ письмо Эльчанинова, которое онъ написалъ ей, уѣзжая отъ нея ночью. «Прости и ты меня!» сказала Клеопатра Николаевна, глядя на записку и цѣлуя ее; потомъ опустилась на диванъ и снова задумалась. Правственный инстинктъ женщины говорилъ въ ней, какъ бы помимо ея воли.

Графъ тоже возвратился домой въ какомъ-то странномъ расположеніи духа. «Однако мнѣ здѣсь не такъ скучно, какъ я ожидалъ», сказалъ онъ, усаживаясь на диванъ. Но потомъ сдѣлалъ презрительную гримасу и задумался.

Дня черезъ два послѣ того становой привезъ Мановскому указъ изъ опеки объ устраненіи его отъ опекуинства надъ имѣніемъ малолѣтней Мауровой.

— Я еще не принималъ имѣнія,—сказалъ Мановскій, подавая описи, крѣпости и другіе документы становому:—а получилъ только бумаги. Вотъ онѣ, передайте ихъ, кому будетъ слѣдовать.

— А знаете, кто назначенъ на ваше мѣсто?

— Нѣтъ, не знаю.

— Иванъ Александрычъ Гуликовъ. Нечего сказать, славный опекунъ. Я сейчасъ везу къ нему указъ.

Мановскій ничего не отвѣчалъ.

V.

Время шло. Анна Павловна очень грустила объ отцѣ, считая себя виновницею его смерти; но старалась это скрыть и когда слезы одолѣвали ее, она поспѣшно уходила и плакала иногда по цѣлымъ часамъ, не переставая. Положеніе Эльчанинова въ свою очередь тоже дѣлалось день ото дня несноснѣе; онъ, не скрываясь, хандрилъ. Анна Павловна начинала окончательно терять въ его глазахъ всякую прелесть; она стала казаться ему и собой не хороша, и малообразована, и безъ всякаго характера. Онъ не находилъ, что съ нею говорить; ему было скучно съ нею сидѣть и даже глядѣть на нее. Уединенная и однообразная жизнь, къ которой онъ вовсе не привыкъ и на которую обреченъ былъ обстоятельствами, сдѣлалась ему невыносима. «Хоть бы выѣхать куда-нибудь къ сосѣдямъ,» думалъ онъ, стыдно... да, пожалуй, встрѣтишься еще съ Мановскимъ.» Уѣхать куда-нибудь съ Анною Павловною, гдѣ бы онъ могъ по крайней мѣрѣ выѣзжать изъ дому, — но на это не было никакой возможности, потому что у него ни копѣйки не было денегъ. Однажды, это было поутру, Анна Павловна сидѣла въ гостиной на креслахъ. Савелій стоялъ и смотрѣлъ въ окно. Эльчаниновъ лежалъ внизъ лицомъ на диванѣ.

— Что ты, Валеръ, все лежишь?— проговорила Анна Павловна.

— Такъ, — отвѣчалъ Эльчаниновъ и позевнулъ. — Кажется, и не дождешься этого счастливаго дня, — продолжалъ онъ: — когда выберешься отсюда. Мнѣ, наконецъ, никакого терпѣнія недостаетъ здѣсь жить.

— Тебѣ скучно? — проговорила Анна Павловна. Голосъ ея дрожалъ.

— Нѣтъ, мнѣ не скучно, съ тобой я никогда не могу скучать; но это ожиданіе, эта неопредѣленность положенія—это ужасно!

— Чего же вы ожидаете? — спросилъ Савелій.

— Мѣста, которое могло бы обезпечить мою и Анны Павловны будущность и которое обѣщаль мнѣ дать графъ.

— Отчего же онъ не даетъ? — замѣтилъ Савелій.

— Ахъ, Господи Боже мой, да развѣ это можно заочно сдѣлать? Это не то, что опредѣлить куда-нибудь писцомъ или становымъ приставомъ.

— Но какое же вамъ хочетъ дать мѣсто графъ?

— Какое? Я не знаю собственно какое, — отвѣчалъ съ досадою Эльчаниновъ, которому начинали уже надоѣдать допросы пріятеля, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствительно не зналъ, потому что графъ, обѣщаясь, никогда и ничего не говорилъ опредѣлительно; а самъ онъ безпрестанно мѣнялъ въ головѣ своей мѣста: то воображалъ себя правителемъ канцеляріи графа, которой у того впрочемъ не было; то начальникомъ какого-нибудь отдѣленія, то чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ и даже секретаремъ посольства.

— Я знаю только то, присовокупилъ онъ:—что графъ можетъ дать мѣсто и выгодное, и видное.

Савелій, кажется, хотѣлъ что-то возразить ему, но, взглянувъ въ окно, вдругъ остановился и проговорилъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Михайло Егорычъ, кажется, сюда ѣдетъ!

Эльчаниновъ вскочилъ и поблѣднѣлъ какъ мертвецъ. Анна Павловна задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Эй, люди! не пускать тамъ, кто пріѣдетъ, — вскрикнулъ было Эльчаниновъ.

— Нельзя не пускать. Ступайте туда и задержите его въ залѣ; говорите, что Анны Павловны у васъ нѣтъ,—перебилъ Савелій, и почти вытолкнулъ пріятеля, захлопнулъ за нимъ дверь, а самъ взявъ проворно Анну Павловну за руку и увелъ въ заднія комнаты. Къ крыльцу подѣхалъ Мановскій, съ которымъ рядомъ сидѣлъ исправникъ, а на передней скамейкѣ помѣщался у нихъ стряпчій, карявѣйшая физіономія, когда-либо существовавшая въ мірѣ. Всѣ втроемъ они вошли въ залу. Эльчаниновъ блѣдный, но, насколько возможно, владѣя собой, встрѣтилъ ихъ и спросилъ, что имъ угодно?

Исправникъ началъ сконфуженнымъ голосомъ, показывая на Мановскаго:

— Мы пріѣхали по поданному прошенію Михайла Егорыча, что супруга ихъ проживаетъ въ здѣшней усадьбѣ.

— Что-жъ вамъ собственно нужно отъ меня?—болтнулъ Эльчаниновъ и самъ не зная хорошенько, что говоритъ.

— Приступайте къ слѣдствію; что тутъ разговаривать? — проговорилъ Мановскій и сѣлъ.

— Конечно, лучше къ слѣдствію,—подтвердилъ стряпчій и нюхнулъ, отвернувшись въ сторону, табаку, при чемъ одну ноздрю зажалъ, а въ другую втянулъ всю щепотку, а потомъ, вынувъ изъ бокового кармана бумагу, подалъ ее исправнику, проговоря: «Вопросные пункты.» Исправникъ нѣкоторое время переминался:

— Не угодно ли вамъ,—началъ онъ, подавая Эльчанинову бумагу:—отвѣтить на эти вопросы.

Эльчаниновъ взялъ. Кровь бросилась у него въ голову, онъ готовъ былъ въ эти минуты убить всѣхъ троихъ, если бы достало у него на это силы.

— Можетъ быть, вамъ угодно, чтобы я здѣсь при васъ отвѣчалъ,—проговорилъ онъ съ нѣкоторою гордостью.

— По закону слѣдуетъ здѣсь, въ присутствіи гг. слѣдователей,—произнесъ стряпчій и опять нюхнулъ.

Эльчаниновъ взялъ чернильницу, поставилъ ее на ближайшій столъ, сѣлъ и началъ писать. На вопросъ: какъ его зовутъ, какой онъ вѣры и проч., онъ отвѣтилъ сейчасъ же; но далѣе его спрашивали: дѣйствительно ли Анна Павловна бѣжала къ нему отъ мужа, живетъ у него около года и находится съ нимъ въ любовномъ отношеніи? Эльчаниновъ остановился. Что было отвѣчать на это? Припомнивъ, впрочемъ, слова Савелья, онъ поставилъ одну общую скобку и написалъ: «ничего не знаю.» Исправникъ взялъ у него потомъ отвѣты дрожащими руками, и стряпчій заглянулъ ему черезъ плечо.

— Стало быть, г-жа Мановская и теперь проживаетъ не въ вашемъ домѣ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Эльчанинову.

— Я ужь на это отвѣтилъ и съ вами разговаривать больше не желаю,— сказалъ тотъ, съ презрѣніемъ взглянувши на стряпчаго. Мановскій всталъ молча, взялъ отвѣты у исправника, прочелъ ихъ и произнесъ ровнымъ голосомъ.

— Я прошу васъ, господа, сдѣлать обыскъ въ усадьбѣ и въ домѣ. Исправникъ пожалъ плечами и обратился къ стряпчему, проговоря: «слѣдуетъ-ли?»

— Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ; желаніе истца на то есть,— отвѣчалъ тотъ и какъ-то значительно откашлялся и плюнулъ въ сторону, какъ бы желая этими движеніями намекнуть Мановскому: «помни же мои услуги.»

Слѣдователи и Мановскій пошли по дому. Эльчаниновъ потерялся: онъ прислонился къ косяку окошка и не могъ ни говорить, ни двинуться съ мѣста.

— Это шаль моей жены! — говорилъ Мановскій, проходя по гостиной и видя лежавшій на диванѣ платокъ Анны Павловны:—залишите,— отнесся онъ въ стряпчему.

— Помню и такъ, безъ записки, — подхватилъ тотъ.

Пройдя наугольную въ чайную, они вошли въ спальню.

— Это женинъ салопъ,— сказалъ Мановскій стряпчему.

— Вижу, вижу, — отвѣчалъ тотъ.

— Женино платье, заключилъ Михайло Егорычъ, отворивъ шкафъ и вынувъ оттуда два-три платья Анны Павловны.

Изъ спальни слѣдователи перешли въ другую комнату. Михайло Егорычъ осматривалъ каждый

уголь, заставляя отпирать кладовыя, чуланы; лазилъ въ подвалъ, и все-таки Анны Павловны не нашли.

Осмотрѣвъ домъ, Мановскій пошелъ по избамъ, лазилъ на полати, заглядывалъ въ печи и все ничего.

— Гдѣ моя жена? — спросилъ онъ, проходя по двору, попавшюся ему на встрѣчу бабу.

— Въ горницѣ, поди, чай, батюшка, — отвѣчала та простодушно и низко кланяясь.

— Записать это надо? сказалъ Мановскій, обращаясь опять къ стряпчему.

— Непремѣнно, неперемѣнно, — отвѣчалъ тотъ.

— Куда уѣхала Анна Павловна? озадачилъ Мановскій проходившаго мимо Эльчаниновскаго кучера.

— Ничего я не знаю-съ, — отвѣчалъ тотъ бойко.

— Скотина, — произнесъ Мановскій и пошелъ далѣе.

Потомъ они возвратились въ залу, гдѣ Эльчаниновъ стоялъ все еще на прежнемъ мѣстѣ.

— Составьте постановленіе нашему осмотру, — проговорилъ Михайло Егорычъ.

— Сейчасъ, сію секунду, — отвѣчалъ стряпчій, понюхалъ табаку, откашлянулся, сѣлъ и написалъ въ минуту пять листъ кругомъ.

— Прочитайте вслухъ, — сказалъ Мановскій.

Стряпчій прочиталъ.

— Подпишите, — проговорилъ Михайло Егорычъ.

Слѣдователи подписались.

— Ну, теперь и вы удостовѣрьте, что все это справедливо, иначе мы повторимъ осмотръ, — отнесся Задоръ къ Эльчанинову.

— Извольте, ствѣчалъ тотъ, совершенно уже потерянный и подписалъ постановленіе.

— Ну, пока будетъ, сказалъ Мановскій и пошелъ. Исправникъ и стряпчій пошли за нимъ. Черезъ минуту они всё уѣхали.

— Вы куда теперь? — спросилъ Михайло Егорычъ исправника.

— На минуточку къ вамъ, а тутъ къ графу на балъ.

— Чортъ бы дралъ ихъ съ ихъ балами!... Смотрите, не болтайте тамъ о дѣлѣ.

— Чтой-то, Господи, не молодой мальчикъ, отвѣчалъ исправникъ.

— Послѣ поблагодарю, — продолжалъ Мановскій, а теперь надо другой еще разъ, хоть на той недѣлѣ наѣхать, чтобы обоихъ захватить.

— Для видимости въ дѣлѣ непременно надо обоихъ захватить, — подтвердилъ стряпчій.

Исправникъ только вздохнулъ. Эльчаниновъ между тѣмъ вошелъ въ гостиную, бросился на диванъ и зарыдалъ. Это было выше силъ его! Въ настоящую минуту онъ рѣшительно не думалъ объ Аннѣ Павловнѣ; онъ думалъ только, какъ бы ему спасти самого себя, и мысленно проклиналъ ту минуту, когда онъ сошелся съ этой женщиной, которая принесла ему крупицу радостей и горы страданій.

Черезъ четверть часа вошелъ къ нему Савелій, который спасъ Анну Павловну отъ свиданія съ мужемъ тѣмъ, что выскочилъ съ нею въ окно въ садъ провелъ по захолустной аллеѣ въ ржаномъ полѣ, гдѣ оба они, наклонившись, чтобы не было видно головъ, дошли до луговъ: Савелій посадилъ Анну Павловну въ стогъ сѣна, обложилъ ее такъ, что ей только-что

можно было дышать, а самъ опять подползъ ржанымъ полемъ къ усадьбѣ и сталъ наблюдать, что тамъ дѣлается. Видя, что Мановскій увѣхалъ совсѣмъ, онъ сбѣгалъ за Анной Павловной и привелъ ее въ усадьбу.

— Что они тутъ дѣлали?— спросилъ онъ Эльчанинова. Тотъ едва въ состояннн былъ рассказать. Савелій нѣсколько времени думалъ.

— Поѣзжайте сейчасъ же къ графу, Валерьянъ Александрычъ, и просите, чтобы онъ или взялъ къ себѣ Анну Павловну, либо помогъ бы вамъ какъ-нибудь, какъ знаетъ, а то Мановскій сегодня же ночью, пожалуй, опять прїѣдетъ.

Эльчаниновъ всплеснулъ руками и схватилъ себя за голову.

— Боже мой, Боже мой, что я за несчастный человѣкъ! воскликнулъ онъ и зарыдалъ.

— Да полно вамъ ревѣть! точно женщина какая! хуже Анны Павловны, ей-богу, та смѣлѣ васъ. Одѣвайтесь! — проговорилъ съ досадою Савелій.

Эльчаниновъ какъ бы механически повиновался ему. Онъ началъ одѣваться и велѣлъ закладывать лошадей. Савелій прошелъ къ Аннѣ Павловнѣ, которая сидѣла въ гостиной.

— Что Валерь? — спросила она.

— Ничего, одѣвается, хочетъ сейчасъ ѣхать къ графу и пожаловаться ему на исправника.

— А я одна останусь? Я боюсь, Савелій Никандрычъ,— произнесла бѣдная женщина.

— Ничего-съ; я у васъ останусь, отвѣчалъ Савелій.

— Добрый другъ, — произнесла Анна Павловна протягивая ему руку, которую Савелій въ первый

еще разъ взялъ и поцѣловалъ, покраснѣвъ при этомъ какъ маковъ цвѣтъ.

Эльчаниновъ вошелъ совсѣмъ одѣтый, во фракъ и раздушенный, какъ обыкновенно онъ ѣздилъ къ графу.

— Что Валерь? спросила Анна Павловна, протягивая къ нему руку.

— Ничего, вздоръ, — отвѣчалъ онъ, какъ-то судорожно поеживаясь и торопливо цѣлуя ея руку, и тотчасъ же уѣхалъ.

VI.

Въ тотъ самый день, какъ Эльчаниновъ ѣхалъ къ графу, у того назначень былъ балъ, на которомъ хозяйкою должна была быть Клеопатра Николаевна. Пробыло семь часовъ. Эльчаниновъ первый подѣхалъ къ графскому крыльцу.

— Дома его сіятельство? — спросилъ онъ, войдя въ офиціантскую, гдѣ стояла цѣлая стая лакеевъ, одѣтыхъ въ парадные ливрейные фраки и штиблеты.

— У себя съ, въ гостиной, — отвѣчалъ вѣжливо одинъ изъ нихъ. Эльчаниновъ пошелъ.

— Ахъ, m-g Эльчаниновъ, — произнесъ ласково графъ, сидѣвшій уже во фракъ и завитой, на диванъ, ожидая гостей. — Очень радъ васъ увидѣть на моемъ вечерѣ, хоть я не звалъ васъ по нежеланію вашему встрѣчаться съ здѣшними господами.

— Знаю, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Эльчаниновъ: — и пріѣхалъ собственно не на балъ, а съ просьбой.

— Съ просьбой. — повторилъ графъ? — Все, что

только могу, повѣрьте, будетъ исполнено, прибавилъ онъ.

Эльчаниновъ хотѣлъ-было начать разсказъ, но раздавшійся сзади голосъ остановилъ его.

— Я исполнила, графъ, ваше желаніе и нарочно пріѣхала раньше за тѣмъ, чтобы занять свою должность.

— *Je vous remercie, madame, je vous remercie*, сказалъ графъ, вставая. Эльчаниновъ обернулся. Это была Клеопатра Николаевна въ дорогомъ кружевномъ платьѣ, присланномъ къ ней по послѣдней почтѣ изъ Петербурга, и наконецъ въ цвѣтахъ и брилліантахъ. Въ этомъ нарядѣ она была очень представительна и произвела на героя моего самое выгодное впечатлѣніе. Съ нѣкогорога времени всѣ почти женщины стали казаться ему лучше и прекраснѣе его Анны Павловны.

— Валерьянъ Александрычъ! васъ ли я вижу? полувскрикнула Клеопатра Николаевна.

— А вы знакомы? — спросилъ графъ.

— Мы были друзья, — отвѣчала Клеопатра Николаевна; по крайней-мѣрѣ я могу это сказать про себя, но м-г Эльчаниновъ за что-то разлюбилъ меня.

— Напротивъ, но... — началъ было Эльчаниновъ.

— Забудемте прошлое, мы еще съ вами объяснимся, — перебила Клеопатра Николаевна, подавая ему руку.

— О, да между вами что-то интересное, замѣтилъ съ улыбкою графъ.

— Что дѣлать? Валерьянъ Александрычъ самъ очень интересенъ для женщинъ; это не одна я такъ

думаю, — произнесла вдова съ кокетливою улыбкою. Видимо, что она заискивала въ Эльчаниновъ.

— Или эта женщина дьяволъ, или она невинна, подумаль тотъ про себя и обратился къ графу.

— Могу ли я съ вами поговорить, ваше сіятельство? мнѣ очень нужно.

— Если очень нужно... — произнесъ графъ.

— Нужно, вашесіятельство, — повторилъ Эльчаниновъ.

— Извольте, — отвѣчалъ Сапѣга. — Pardon, madame, прибавилъ онъ, кивнувъ головой Клеопатрѣ Николаевнѣ и вышелъ съ Эльчаниновымъ въ кабинетъ.

Герой мой пересказалъ ему все, съ нѣкоторыми даже прибавленіями, и описалъ въ такихъ яркихъ краскахъ, что графъ, слушая, пожималъ только плечами.

— Для счастья, для спасенія этой женщины я долженъ уѣхать отсюда! заключилъ Эльчаниновъ.

Графъ прошелся нѣсколько разъ по кабинету.

— Да, вамъ надобно уѣхать и не мѣшкай, — произнесъ онъ.

Эльчаниновъ замеръ отъ восторга.

— Меня одно только беспокоить, ваше сіятельство, — началъ онъ: — какъ она?

— Да, но это ужъ ваше дѣло, — проговорилъ Сапѣга.

— Она не согласится, она будетъ проситься со мною. Да и какъ дѣйствительно ее оставить?

— Оставить вамъ ее нѣтъ никакой опасности. Мановскій ничего не можегъ сдѣлать, когда васъ не будетъ, да къ тому же и я здѣсь. Но вамъ съ собою ее брать не вижу ни малѣйшей возможности. Этимъ

вы и себя свяжете и ей повредите. Вамъ надобно по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время разлучиться совершенно, чтобы дать позатихнуть всей этой исторіи.

— Рѣшительно надобно разстаться, — подхватилъ Эльчаниновъ, но я напередъ знаю, она не будетъ отпущать.

— Урезоньте.

— Я думаю ее обмануть, ваше сіятельство.

— Ложь позволительна, если служить ко спасенію; разрѣшаю вамъ. Но чѣмъ же вы ее обманете?

— Я скажу, что поѣду закладывать имѣніе, чтобы имѣть деньги, съ чѣмъ подняться.

— Хорошо!.. А въ-самомъ-дѣлѣ, есть ли у васъ деньги? — спросилъ графъ.

Эльчаниновъ покраснѣлъ и не отвѣчалъ.

— Нѣтъ?.. Что тутъ за скрытность, *fi, mon cher!* позвольте мнѣ вамъ услужить этой мелочью.

— Графъ...

— Безъ церемоніи, другъ... Когда же вы думаете выѣхать?

— Послѣ-завтра.

— Что-жь, можно и послѣ-завтра. Заѣзжайте ко мнѣ, и я снабжу васъ рекомендательными письмами и деньгами.

— Графъ, чѣмъ мнѣ отблагодарить васъ? — сказалъ Эльчаниновъ.

— Любите меня и слушайтесь, — отвѣчалъ старикъ и хотѣлъ было идти, но Эльчаниновъ переминался и, видно, хотѣлъ еще что-то сказать.

— Я даже и теперъ, ваше сіятельство, — началъ онъ съ принужденною улыбкою: — боюсь ѣхать домой,

потому что сегодня-завтра ожидаю, что господинъ Мановскій посѣтитъ меня.

Графъ опять прошелся по кабинету.

— Ни сегодня, ни завтра не будетъ этого, потому что всѣ эти здѣшнія гг. власти будутъ у меня, и я ихъ остановлю, а вы подождите, побудьте у меня. Я скажу вамъ, когда можно будетъ ѣхать.

— Слушаю, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Эльчаниновъ.

Графъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ относительно Анны Павловны пока выжидавшій, очень обрадовался намѣренію Эльчанинова уѣхать. Онъ очень хорошо видѣлъ, что тотъ не любитъ уже Мановскую и скучаетъ ею, а пріѣхавши въ Петербургъ, конечно сейчасъ же ее забудетъ, а потомъ... потомъ графъ составилъ, по обыкновенію, планъ, исполненіе котораго мы увидимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа.

Сопровождаемый Эльчаниновымъ, онъ возвратился въ гостиную. Тамъ уже были всѣ почти званые гости, пріѣхавшіе ровно въ восемь часовъ, какъ было назначено въ пригласительныхъ билетахъ, и всѣ были разряжены, насколько только могли: даже старуха Усигкова была въ корсетъ, а мужъ ея напонадилъ такой пахучей помадою, что даже самому было это неприятно. М-ше Симановская пріѣхала съ красными и распухшими глазами: она два дня ихъ не осушала, не получивъ къ сроку изъ губернскаго города бальнаго платья, которое она заказала на послѣднія деньги. Старая дѣвица-барышня была въ легкомъ платьѣ и совершенно обнаживши костлявую шею. Молодыхъ дѣвицъ было очень много привезено, и въ этомъ случаѣ, должно отдать справедливость, преобладала порода

Марковыхъ, двухъ братьевъ, одного вдовца, а другаго женатаго, у которыхъ было по семи дочерей у каждаго. Изъ кавалеровъ были лучшими два молоденькіе брата, мичманы Жигаловы, только-что пріѣхавшіе къ больной матери въ отпускъ и бывшіе совершенно увѣренными, въ простотѣ юношескаго сердца, что балъ собственно и устроился по случаю пріѣзда ихъ. Графъ всѣхъ и каждаго опривѣтствовалъ и, открывъ потомъ польскимъ съ Клеопатрою Николаевною балъ, пригласилъ молодыхъ людей продолжать танцы, а самъ началъ ходить то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей, которые были постарше и попочтеннѣе. Проходя мимо исправника и другихъ уѣздныхъ чиновниковъ, которые пріѣхали въ мундирахъ, Саува произнесъ: «о, господа, это немножко лишнее, къ чему эта церемонія въ деревнѣ», а потомъ, тутъ же обратившись къ исправнику, сказалъ мимоходомъ вполголоса: «потрудитесь придти черезъ четверть часа въ мой кабинетъ, мнѣ надобно съ вами поговорить». Исправникъ поблѣднѣлъ; предчувствіе говорило ему, что на него пожаловался Эльчаниновъ. Желая приласкаться къ нему и поразспросить его, онъ подошелъ было къ моему герою и началъ:

— Меня графъ зачѣмъ-то зоветъ въ кабинетъ... Но Эльчаниновъ въ отвѣтъ на это отвернулся отъ него.

Исправникъ только вздохнулъ и, проведя потомъ мучительные четверть часа, отправился наконецъ въ кабинетъ, гдѣ увидѣлъ, что графъ стоитъ, выпрямившись и опершись одною рукою на спинку креселъ, и въ этой позѣ онъ оиятъ какъ-будто былъ другой человекъ, какъ будто сдѣлался выше ростомъ; при-

поднятый подбородокъ, кажется, еще выше поднялся, ласковое выраженіе лица перемѣнилось на такое строгое, что какъ-будто лицо это никогда даже не улыбалось.

Исправникъ окончательно растерялся и сталъ на вытяжку, какъ говорится, руки пошвамъ.

— Извините, что я васъ обезпокоилъ, — началъ графъ очень серьезнымъ тономъ: — я хотѣлъ васъ спросить, какой вы въ усадьбѣ и въ домѣ г-на Эльчанинова дѣлали обыскъ?

— Ваше сіятельство, такъ какъ отъ г. Мановскаго поступило прошеніе въ томъ, что супруга ихъ не живутъ съ ними и имѣютъ мѣстожителство въ домѣ г-на Эльчанинова, — отвѣчалъ исправникъ, сун руками туда и сюда.

На весь этотъ отвѣтъ его, графъ только кивнулъ головою.

— А вамъ извѣстны причины, по которымъ г-жа Мановская не живетъ съ мужемъ? — спросилъ онъ.

Исправникъ молчалъ.

— Вы знаете это, — повторилъ графъ и слегка притопнулъ своей небольшой ногой.

— Какъ не знать, ваше сіятельство, всѣ знаемъ-съ, — отвѣчалъ и исправникъ.

— Какъ же — вы знаете, и что дѣлаете? — началъ Сапѣга. — Вы приѣзжаете въ усадьбу, производите обыскъ, какъ въ домѣ какихъ-нибудь дѣлателей фальшивыхъ монетъ или въ вертепѣ разбойниковъ; вы ходите по кладовымъ, открываете всѣ шкафы, сундуки, выкидываете оттуда платье, бѣлье, наконецъ, ходите по усадьбѣ, какъ мародеры! Такъ служить, мой милый, нельзя!

Исправникъ начиналъ замирать.

— Если, наконецъ, эта несчастная женщина и тутъ, вы должны были только бумагой ее спросить, потому что въ законѣ прямо сказано: больныя и знатныя женщины по уголовнымъ даже слѣдствіямъ не требуются лично, а спрашиваются письменно, — произнесъ Сапѣга.

— Ваше сіятельство, я тутъ ничего... видитъ Богъ, ничего...—говорилъ исправникъ, почти со слезами на глазахъ:— тутъ у насъ все стряпчій: онъ всё дѣла этакія дѣлаеть, хотъ кого извольте спросить.

— Слова ваши о стряпчемъ, мой милый, даже смѣшны, —возразилъ Сапѣга, —вы полицейская власть, вы цензоръ нравовъ, а не стряпчій.

— У меня, ваше сіятельство, есть удостовѣреніе на предводителя дворянства, — отвѣчалъ исправникъ: —какъ мнѣ было тутъ дѣлать, а собственно я ничего, спросите хотъ Валерьяна Александрыча, я бы никогда не позволилъ себѣ такъ сдѣлать. Я третьи выборы служу и ни одинъ дворянинъ отъ меня никогда никакой обиды не видалъ...

— Попросите сюда Алексѣя Михайлыча и сами пожалуйте, — перебилъ его съ досадою графъ.

Исправникъ юркнулъ въ двери и чрезъ минуту онъ и предводитель вошли. Графъ сейчасъ же посадилъ Алексѣя Михайлыча и самъ сѣлъ.

— Я хочу васъ, ваше превосходительство, просить, — началъ Сапѣга, — нельзя ли какъ-нибудь затушить это непріятное дѣло Мановскихъ. Вы, какъ предводитель, лучше другихъ знаете, кто тутъ виноватъ.

— Знаю, ваше сіятельство, все знаю, отвѣчалъ Алексѣй Михайлычъ:—но что жъ мнѣ дѣлать? —продолжалъ онъ, разводя руки.— Еще отецъ этого Манов-

скаго былъ божеское наказаніе для меня, а сынъ — просто мое несчастіе!

— Именно несчастіе, ваше сіятельство, — похватилъ исправникъ, и теперь вотъ они съ страпчимъ сошлись, а отъ стряпчаго мы ужь давно всѣ плачемъ... Алексѣй Михайлычъ это знаетъ: человекъ онъ дѣйствительно знающій, но эхидный и неблагонамѣренный до послѣдняго волоса: ни дня, ни ночи мы не имѣемъ отъ него покоя, онъ, то и дѣло, пишетъ на насъ доносы.

— Вашъ страпчій, мой любезнѣйшій, можетъ писать доносы, сколько ему угодно, — перебилъ опять съ оттѣнкой легкой досады графъ: — дѣло не въ томъ; я васъ прошу обоихъ, чтобы дѣло Мановскихъ такъ или иначе, какъ вы знаете тамъ, было затушено, потому что оно исполнено величайшей несправедливости, и вы за него будете строго отвѣчать. Оберегитесь.

— Какъ затушить: я ужь и не знаю, можно ли теперь? — спросилъ Алексѣй Михайлычъ, взглянувъ на исправника.

— Можно, — отвѣчалъ тотъ.

— И прекрасно, — подхватилъ графъ. Потомъ, обратившись къ исправнику, прибавилъ: — а я васъ прошу еще, чтобы нога ваша не была въ усадьбѣ г-на Эльчанинова, иначе мы съ вами поссоримся.

— Зачѣмъ мнѣ ѣздить! — отвѣчалъ исправникъ.

Графъ попросилъ его возвратиться въ гостиную наклоненіемъ головы, а Алексѣя Михайлыча движеніемъ руки.

— Какъ намъ дѣлать? — спросилъ выходя старикъ-предводитель исправника.

— Какъ дѣлать? — скажу, что первый обыскъ по-

терялъ, а больше не поѣду; пускай хоть въ Сибирь ссылаютъ.

Пова происходили всё эти сцены въ кабинетѣ, въ залѣ танцовали ужь польку. Бойцами на этомъ поприщѣ оказались только два мичмана, изъ коихъ каждый танцевалъ по крайней-мѣрѣ съ девятой барышней. Мѣстные кавалеры, по новости этого танца, не умѣли еще его. Впрочемъ длинный Симановскій принялся было, но оказалось, что онъ танцевалъ одну польку, дама—другую, а музыка играла третью, такъ что никакого складу не вышло.

Клеопатра Николаевна, какъ игравшая роль хозяйки дома, не танцевала, но сидѣла и наблюдала, чтобы никто не скучалъ.

— Валерьянъ Александрычъ, — сказала она Эльчанинову, одиноко ходившему по залѣ.

Тотъ подошелъ и сѣлъ около нея.

— Дайте мнѣ посмотрѣть на васъ, — продолжала Клеопатра Николаевна: — вы еще интереснѣе стали.

— Право? — спросилъ небрежно Эльчаниновъ, но внутренно довольный этимъ замѣчаніемъ.

— Въ лицѣ у васъ какая-то грусть, — отвѣчала Клеопатра Николаевна и сама о чемъ-то вздохнула.

— Не мудрено, я много страдалъ, — проговорилъ Эльчаниновъ.

— Но были и счастливы.

— Очень рѣдко.

— Зато вполнѣ.

— Конечно.

— Вы на меня сердитесь? Отчего вы тогда уѣхали?—продолжала Клеопатра Николаевна, почти уже шепотомъ.

Эльчаниновъ посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Я не хотѣлъ вамъ мѣшать, — отвѣчалъ онъ.

Клеопатра Николаевна вспыхнула.

— Чему мѣшать?—спросила она.

Эльчаниновъ не отвѣчалъ на этотъ-вопросъ.

— Довольны ли вы вашимъ опекуномъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Которымъ?

— Разумѣется, Мановскимъ.

— Ахъ, Боже мой, какую вы старину вспомнили. Мой опекунъ давно ужъ Иванъ Александрычъ. Вотъ онъ, легокъ на поминѣ. Приблизьтесь ко мнѣ, милый мой Иванъ Александрычъ!—продолжала Клеопатра Николаевна, обращаясь къ графскому племяннику, который входилъ въ это время въ залу и хотѣлъ было уже подойти на этотъ зовъ; но вдругъ быстро повернулся назадъ и почти бѣгомъ куда-то скрылся.

— Онъ вѣрно васъ испугался,—сказала Клеопатра Николаевна Эльчанинову,—скажите, какой мерзавецъ!

— Здѣсь много такихъ господъ,—отвѣчалъ тотъ.—Зачѣмъ вы смѣнили вашего опекуна; вы, кажется, съ нимъ начинали такъ ладить?

— Это съ чего пришло вамъ въ голову?

— Припомните хорошенько ту ночь, когда я отъ васъ уѣхалъ, — сказалъ Эльчаниновъ, устремивъ на вдову пронизательный взглядъ.

— Что же такое?

— Онъ имѣлъ съ вами тайное свиданіе.

Клеопатра Николаевна опять нѣсколько покраснѣла.

— Да вы почему это знаете?—спросила она, впрочемъ довольно спокойно.

— Я подсмотрѣлъ въ окно.

— Что-жь вы изъ этого заключили?

— Заключилъ, что обыкновенно заключаютъ изъ этого.

— Подите отъ меня! я не думала, чтобы вы были обо мнѣ такого мнѣнія,—проговорила Клеопатра Николаевна, обиженнымъ голосомъ.

Эльчаниновъ посмотрѣлъ ей въ лицо, въ которомъ не замѣтилъ ни малѣйшаго разстройства.

— Однакожь онъ былъ у васъ?—сказалъ онъ.

— Былъ! Ему нужно было взять у меня бумаги, а вечеромъ онъ забылъ, и поутру хотѣлъ чѣмъ свѣтъ уѣхать. Онъ прислалъ за мной горничную, чтобы я вышла, и я вышла въ гостиную. Вотъ вамъ и исторія вся.

— О чемъ же вы плакали?—спросилъ Эльчаниновъ.

— Плакала о томъ, что онъ, человекъ жадный, скупой и аккуратный, сталъ учитывать меня рѣ каждой копѣйкѣ — какъ мнѣ было не плавать, когда я самая дурная, я думаю, въ мірѣ хозяйка.

— Желалъ бы вѣрить,—проговорилъ Эльчаниновъ. Клеопатра Николаевна потупилась.

— Если бы я что-нибудь за собой чувствовала, — начала она:—неужели бы я могла говорить объ этомъ такъ равнодушно? Ахъ, какъ вы меня мало знаете! Богъ вамъ судья за это подозрѣнье.

При послѣднихъ словахъ Эльчанинову показалось, что у ней какъ будто бы навернулись слезы.

— Какъ вы меня, я думаю, презирали,—продолжала вдова, послѣ минутнаго молчанія и взявъ себя рукой за лобъ: — получивши вашу записку, я рѣшительно была въ недоумѣннн и догадалась только, что

вы меня въ чемъ-то подозрѣваете и, видите Богъ, какъ я страдала. Этотъ человѣкъ, думала, меня презираетъ, и за что же?

Разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ. Клеопатра Николаевна на этотъ разъ очень ловко держала себя съ Эльчаниновымъ; она не кокетничала ужь съ нимъ, а просто хвалила его, удивлялась его глубокой привязанности къ Аннѣ Павловнѣ, говоря, что такъ чувствовать можетъ только человѣкъ съ великой душою. Словомъ, она всеми средствами щеготала самолюбіе молодого человѣка.

Эльчаниновъ окончательно съ ней помирился: онъ разсказалъ ей о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, повѣрялъ ей отчасти свои надежды, просилъ ее писать къ нему, обѣщался къ ней самъ прежде написать. Клеопатра Николаевна благодарила его и дала слово навѣщать больную Анну Павловну, хоть бы весь свѣтъ ее за это проклиналъ.

Въ залу вошелъ графъ и прямо подошелъ къ Эльчанинову. Тотъ всталъ.

— Ваше дѣло устроено, — сказалъ вполголоса Сапѣга, — вы можете свободно ѣхать и собираться въ путь, а тамъ ко мнѣ заѣдете.

Эльчаниновъ глубокимъ поклономъ поблагодарилъ графа и отошелъ. Сапѣга занялъ его мѣсто. Эльчаниновъ, впрочемъ, не поѣхалъ сейчасъ домой; онъ даже протанцовалъ одну кадрили и передъ ужиномъ, проходя въ буфетъ, въ одномъ, довольно темномъ, корридорѣ встрѣтилъ Клеопатру Николаевну.

— Ахъ, это вы, — сказала она, и протянула Эльчанинову руку, которую тотъ взялъ и поцѣловалъ. Вдова, желая ему отвѣтить обыкновеннымъ поцѣлуемъ

въ голову, какъ-то второпяхъ поцѣловала его довольно искренно въ губы. — Прощайте! — проговорила она.

— Прощайте!... — отвѣчалъ онъ ей съ чувствомъ.

Въ продолженіе всего ужина Эльчаниновъ переглядывался съ Клеопатрою Николаевною какимъ-то грустнымъ и многозначительнымъ взоромъ. Ночевать, по деревенскому обычаю, у графа остались только Алексѣй Михайлычъ, никогда и ниоткуда не ѣздившій по ночамъ, и Клеопатра Николаевна, которая хотѣла было непременно уѣхать, но графъ ее рѣшительно не пустилъ, убѣдивъ ее тѣмъ, что онъ не понимаетъ возможности, какъ можно по деревенскимъ проселочнымъ дорогамъ ѣхать дамѣ одной, безъ мужчины, надѣясь на однихъ кучеровъ.

VII.

Эльчаниновъ возвращался домой, волнуемый различными чувствованіями: уѣхать въ Петербургъ, оставить эти мѣста, гдѣ онъ претерпѣлъ столько непріятностей, гдѣ столько скучалъ, все это приводило его рѣшительно въ восторгъ: но для этого надобно было обмануть Анну Павловну, а главное — обмануть Савелія. — Что-жь такое, — думалъ онъ: — это не долго, я могу тотчасъ, по полученіи мѣста, вызвать ее къ себѣ въ Петербургъ, а оставаться здѣсь и дожидаться, пока она выздоровѣетъ, нѣтъ никакой возможности. Надобно только пролабировать поискунѣй, — сказалъ онъ самъ себѣ, входя на крыльцо дома.

Въ гостиной встрѣтили его Савелій.

— Тихе,— сказалъ тотъ, когда Эльчаниновъ довольно громко и неосторожно вошелъ въ комнату.

— Что Анна?—спросилъ ужъ шепотомъ Эльчаниновъ.

— Ничего, поразстроились, а теперь заснули, отвѣчалъ Савелій.

Пріятели нѣкоторое время молчали.

— Савелій Никандръчъ, — началъ Эльчаниновъ, усаживаясь на диванъ:—посидимте здѣсь рядомъ, мнѣ нужно съ вами поговорить.

Савелій сѣлъ.

— Я хочу ѣхать отсюда.

Савелій посмотрѣлъ на него.

— Во-первыхъ, всѣ эти дрызги,—продолжалъ Эльчаниновъ: —графъ прекратилъ сейчасъ же. У него былъ балъ, былъ, между прочимъ, и исправникъ, и такую получилъ головомойку, что, какъ сумасшедшій, куда-то ускакалъ, и графъ говоритъ, что оставаться мнѣ такъ вдвоемъ съ Анною Павловною превышаетъ всякія мѣры приличія и что мы должны, по-крайней-мѣрѣ, на полгода разойтись, чтобы дать хоть немного позатихнуть всей этой скандальной исторіи.

— А Анна Павловна, стало быть, останется здѣсь у васъ же въ домѣ? — возразилъ Савелій.

— Нѣтъ, не у меня, а у себя, и это имѣнье ей продалъ, подарилъ, оно не мое, а ея.

— Кто-жь этому повѣритъ?

— Нѣтъ, повѣрятъ, потому что я изъ перваго же города пришлю крѣпость на ея имя: удостовѣреніе, кажется, вѣрное; одной ей здѣсь ничего не могутъ сдѣлать, но оставаться и жить такимъ образомъ, какъ мы до сихъ поръ жили, это безуміе.

— Не знаю, какъ хотите, такъ и дѣлайте, я и самъ съ вами разуму лишился,—возразилъ Савелій и махнулъ рукой.

Эльчаниновъ испугался, что Савелій разсердился.

— Простите меня и ее, мой добрый Савелій Никандрычъ,—подхватилъ онъ, протягивая пріятелю руку: — но что жъ дѣлать, если кромѣ васъ и графа у насъ никого нѣтъ въ мірѣ? — васъ Богъ наградитъ за ваше участіе. Дѣло теперь уже не въ томъ: уѣхать я долженъ, но какимъ образомъ я скажу объ этомъ Анетѣ, на это меня рѣшительно не хватитъ.

Савелій молчалъ.

— Савелій Никандрычъ, скажите ей, предувѣдомьте, продолжалъ Эльчаниновъ.

— Что же я ей скажу?

— Ну, скажите... скажите, что я долженъ ѣхать непременно, обманите ее, скажите, что я ѣду закладывать это имѣніе, всего на двѣ недѣли.

Савелій думалъ: жить молодымъ людямъ вмѣстѣ дѣйствительно было невозможно: совѣтъ графа разстаться на нѣсколько времени, казался ему весьма благоразумнымъ. Неужели же Эльчаниновъ такой гнусный человѣкъ, что бросить и оставить совершенно эту бѣдную женщину въ ея несчастномъ положеніи. Онъ вѣтренъ, но не подлъ,—рѣшилъ Савелій и проговорилъ:

— Извольте, я скажу.

Эльчаниновъ бросился обнимать его.

Анна Павловна проснулась на другой день часовъ въ девять. Она была очень слаба.

— Подите, Савелій Никандрычъ,—сказалъ Эльча-

ниновъ, почти толкая въ спальню пріятеля,—подите, говорите.

Савелій вошелъ.

— Онъ пріѣхалъ, я слышала его голосъ,—говорила Анна Павловна.

— Валерьянъ Александрычъ пріѣхалъ, онъ сейчасъ придетъ, — отвѣчалъ Савелій.

— А гдѣ же онъ?

— Онъ вышелъ.

— Мнѣ хочется видѣть его, поскорѣе.

— Онъ сейчасъ придетъ, поговорите лучше со мной. Я скажу вамъ новость, мы всѣ скоро отсюда уѣдемъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! мнѣ здѣсь страшно; что если онъ опять пріѣдетъ... Куда же мы уѣдемъ?

— Въ Москву, Анна Павловна.

— А скоро?

— Скоро, только выздоравливайте, а Валерьянъ Александрычъ прежде съѣздитъ одинъ и заложитъ имѣніе, — говорилъ Савелій.

— А я? — спросила Анна Павловна.

— А мы съ вами послѣ.

— Нѣтъ, я безъ Валера не останусь, я умру безъ него.

— Но какъ же? вы больны, вамъ ѣхать нельзя.

— Мнѣ теперь лучше; съ чего вы это взяли?—говорила Анна Павловна: — ей-богу лучше, я могу ѣхать съ нимъ.

— Какъ же вамъ ѣхать, Анна Павловна?... это нехорошо, вы не бережете своего здоровья для Валерьяна Александрыча, ему это будетъ непріятно.

— Такъ онъ хочетъ меня оставить одну... Что-жь

онъ не идетъ? Я упрошу его взять меня съ собою,—произнесла Анна Павловна и залилась горячими слезами.

— Успокойтесь, Анна Павловна, успокойтесь,—говорилъ Савелій, съ глазами, полными слезъ: — Валерьянъ Александрычъ ѣдутъ только на двѣ недѣли.

— На двѣ недѣли! нѣтъ, я поѣду съ нимъ, я пойду за нимъ пѣшкомъ, если онъ не возьметъ меня.

— Отпустите, Анна Павловна: Валерьянъ Александрычъ ѣдетъ всего на двѣ недѣли, это необходимо для его счастья.

— Ахъ, какъ я желаю счастья Валеру,—говорила Анна Павловна.

— Ну вотъ видите, а не хотите его отпустить на двѣ недѣли.

— Да, я не могу, вы видите, я не могу,—произнесла она раздирающимъ голосомъ, прижавъ руки къ груди.

— Укрѣпитесь, Анна Павловна, вы должны это сдѣлать для счастья и спокойствія Валерьяна Александрыча.

— Когда же онъ ѣдетъ?

— Послѣ-завтра.

— Послѣ-завтра?... отчего онъ неѣдетъ! Скажите ему, чтобъ онъ пришелъ по-крайней-мѣрѣ. Пошлите его.

Эльчаниновъ, стоявшій у дверей и слушавшій весь разговоръ, вбѣжалъ въ комнату.

— Анна! другъ мой!—вскричалъ онъ, обнимая и цѣлуя ее.

Анна Павловна ничего не могла говорить и только

крѣпко обвила его голову руками и прижала къ груди.

— Ты ѣдешь?—проговорила она.

— Ъду, мой ангелъ! это необходимо, чтобы упрочить общую нашу будущность.

— Поѣзжай, это необходимо для твоего счастья; я буду молиться за тебя.

— Я поѣду не надолго, мой ангелъ; скоро увидимся,—сказалъ Эльчаниновъ: — мнѣ надо заложить только мое имѣніе, и ты пріѣдешь ко мнѣ.

— Да, чтобы не долго, пожалуйста, не долго! Сядь ко мнѣ поближе, посмотри на меня. Ахъ, какъ я люблю тебя!—и она снова обвила голову Эльчанинова своими руками и крѣпко прижала къ груди.—Завтра тебя не будетъ уже въ это время, ты будешь далеко, а я одна... одна...—И она снова залилась слезами.

— Съ тобой останется Савелій Никандрычъ, онъ будетъ тебя утѣшать,—говорилъ растроганный Эльчаниновъ, готовый почти отказаться отъ своего намѣренія и опять остаться въ деревнѣ и скучать. Всю ночь просидѣлъ онъ у кровати больной, которая, не въ состояніи будучи говорить, только глядѣла на него—и, Боже! сколько любви, сколько привязанности было видно въ этомъ потухшемъ взорѣ. Она скорѣе похожа была на мать, на страстно-любящую мать, чѣмъ на любовницу. Во всю ночь, не смотря на убѣжденія Савелія, на просьбы Эльчанинова, Анна Павловна не заснула.

Начинало уже разсвѣтать.

— Дай мнѣ руку, Валеръ,—сказала она. Эльчаниновъ подалъ. Она долго держала ее въ своихъ сла-

быхъ рукахъ, прижимая ее къ своей груди, и потомъ, залившись слезами, произнесла: — Не оставляй меня, не оставляй, Валерь! мнѣ сердце говоритъ, что я безъ тебя умру!

— Анета! другъ мой, успокойся!—говорилъ Эльчаниновъ, самъ готовый плакать.

— Да, я буду спокойна, ты этого хочешь, и я буду!.. Поѣзжай съ Богомъ. Въ чемъ же ты поѣдешь, велѣлъ ли ты приготовить экипажъ?

— Я куда поѣду въ коляскѣ.

— Непремѣнно же въ коляскѣ, тебѣ будетъ спокойнѣе! А кто съ тобой поѣдетъ?

— Я думаю взять Николая.

— Возьми Николая, онъ любитъ тебя. Позовите ко мнѣ Николая: я попрошу, чтобъ онъ тебѣ хорошо служилъ.

Эльчаниновъ вышелъ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился, вмѣстѣ съ лакеемъ лѣтъ 40, рябымъ, но добродушнымъ изъ лица и съ серебряною серьгою въ ухѣ.

— Николай, ты поѣдешь съ бариномъ, успокойвай его и береги,—начала больная.

— Будьте спокойны, Анна Павловна, все исправимъ.

— Ахъ, какъ ты счастливъ, Николай: ты поѣдешь съ Валеромъ, ты будешь видѣть его, ты счастливѣе меня, Николай.

— Не пожалуемся, господа любить,—огвѣчалъ тотъ.

— Ты будешь беречь Валера, если онъ сдѣлается боленъ, ты мнѣ сейчасъ же напиши, и я тотчасъ приѣду.

— Будьте покойны, Анна Павловна!... слава Богу, намъ не въ первый разъ.

— А готово ли у васъ?

— Коляску вытащили, теперь укладываемся. Какую прикажете, Валерьянъ Александрычъ, на пристяжку? Кучера говорятъ, что каурая очень шибко хромаетъ.

— Какую хотите, — отвѣчалъ Эльчаниновъ. — Ему было невыносимо грустно. — Савелій Никандрычъ, попробуйте распорядиться, — прибавилъ онъ.

Савелій и Николай вышли.

Анна Павловна обняла Эльчанинова. Онъ чувствовалъ, какъ на лицо его падали горячія ея слезы, какъ она силилась крѣпче прижимать его своими слабыми руками. Прошло нѣсколько минутъ въ глубокомъ и тяжеломъ молчаніи.

Вошелъ Савелій.

— Ужь начали запрягать, — сказалъ онъ.

— Пора! — проговорила больная удушливымъ голосомъ: — собирайся и ты, Валерь; что ты надѣнешь? Одѣвайся теплѣе.

Эльчаниновъ вышелъ; ему хотѣлось только одного, чтобы какъ можно поскорѣй уѣхать.

— Проворнѣе, — сказалъ онъ попавшемуся на встрѣчу Николаю, одѣтому уже въ дорожную шинель.

— Готово-съ, прикажете подавать?

— Подавайте!

— Люди хотятъ проститься, Валерьянъ Александрычъ, — присовокупилъ Николай.

— Посылай! — произнесъ съ досадою Эльчаниновъ.

Николай вышелъ, и вслѣдъ за нимъ вошло чело-вѣкъ двѣнадцать дворовыхъ бабъ и мужиковъ.

— Прощайте, батюшка Валерьянъ Александрычъ, — говорили они, подходя къ рукъ барина.

— Прощайте, прощайте, — повторялъ торопливо Эльчаниновъ и забылъ даже напомнить имъ беречь Анну Павловну и слушаться ея. Надѣвъ теплый дорожный сюртукъ, онъ вошелъ въ спальню больной. Анна Павловна сидѣла на кровати, Савелій стоялъ у окна въ задумчивости.

— Ты совсѣмъ? — сказала больная, довольно спокойнымъ голосомъ.

— Прощай, Анета, до свиданья! — проговорилъ Эльчаниновъ, цѣлуя ея руку.

— Прощай! — тихо проговорила она: — дай мнѣ обнять тебя, я тебя провожу.

— Не дѣлай этого, Анета, ты слаба.

— Позволь мнѣ хоть проводить тебя, дай мнѣ руку, — и она встала, опираясь на руку Эльчанинова.

— Прощайте, Савелій Никандрычъ, — говорилъ тотъ, подавая свободную руку пріятелю.

— Прощайте, Валерьянъ Александрычъ, — отвѣчалъ Савелій, крѣпко сжавъ руку друга.

Они поцѣловались, и всѣ трое вышли въ залу.

— Постой, — сказала Анна Павловна, какъ бы вспомнивъ что-то: — ты будешь писать ко мнѣ?

— Буду, другъ мой!

— А часто-ли?

— Часто.

— Пиши два раза въ недѣлю, непременно пиши. Теперь благослови меня.

Эльчаниновъ перекрестилъ ее.

— Прощай, Анета, останься здѣсь, ты слаба.

— Я провожу тебя на крыльцо.— Анна Павловна хотѣла идти, но силы ее совершенно оставили.

— Не могу... Прощай!— произнесла она, и ужь въ безпамятствѣ обхватила Эльчанинова за стань.

— Примите ее,—сказалъ Эльчаниновъ, разводя ее холодныя руки, и почти бѣгомъ выбѣжавъ на крыльцо, вскочилъ въ коляску.

— Пошелъ скорѣе въ Каменки!—крикнулъ онъ.

Кучеръ ударилъ по лошадамъ, и коляска съ шумомъ выѣхала въ поле. Эльчанинову стало легче; какъ бы тяжелое бремя спало у него съ души; минута разставанья была скорѣй досадна ему, чѣмъ тяжела.

«Какъ эти женщины слабы,» думалъ онъ, «я люблю ее не меньше, да что-жь такое? такъ необходимо, и я повинуюсь.» Размышляя такимъ образомъ, онъ мало-по-малу погрузился въ мечты о будущемъ. Впрочемъ, надо отдать справедливость, что онъ выѣхалъ изъ своей усадьбы съ твердымъ намѣреніемъ выписать Анну Павловну при первой возможности.

Между тѣмъ графъ только-что еще проснулся и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

— А! вы ужь совсѣмъ,—сказалъ онъ, увидя входящаго Эльчанинова въ дорожномъ платьѣ. Исправны. Присядьте. Какъ здоровье Анны Павловны? Какъ она васъ отпустила?

— Не спрашивайте лучше, ваше сіятельство, одна только неизбѣжная необходимость заставила меня не отказаться отъ моего намѣренія,—отвѣчалъ Эльчаниновъ.

— Честь вашей волѣ! Это прекрасно въ молодомъ

человѣкъ. Повѣрьте: все къ лучшему! Вамъ надобны теперь письма и деньги.

Съ этимъ словомъ графъ подошелъ къ письменному столу и началъ писать. Черезъ полчаса онъ вручилъ Эльчанинову четыре пакета и 200 рублей серебромъ.

— Извините, что мало,—сказалъ онъ, подавая деньги:— тамъ, по письму, вы можете, въ случаѣ нужды, адресоваться къ моему повѣренному.

Эльчаниновъ всталъ и началъ раскланиваться.

— Прощайте, милый другъ,—говорилъ графъ, обнимая молодаго человѣка: — не забывайте меня, пишите; могу ли я бывать у Анны Павловны?

— Графъ! я васъ хотѣлъ просить объ этомъ. Позвольте мнѣ предоставить ее въ полное ваше покровительство. Вы одинъ, можетъбыть, въ цѣломъ мірѣ...

— Все будетъ хорошо! все будетъ хорошо!—говорилъ старикъ, еще разъ обнимая Эльчанинова, и когда тотъ, въ послѣдній разъ раскланявшись, вышелъ изъ кабинета, графъ опять сѣлъ на свое канише и задумался. Потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то, нехотя позвонилъ.

Въ кабинетъ вошелъ камердинеръ, въ модномъ синемъ фракѣ.

— Какой сегодня день?

— Четвергъ, ваше сіятельство.

— А когда почта въ Петербургъ?

— Сегодняшній день, ваше сіятельство.

— Вели приготовить верховаго въ городъ.

Камердинеръ вышелъ. Графъ снова подошелъ къ бюро и началъ лѣниво писать.

«Любезный Федоръ Петровичъ!

«Къ тебѣ явится съ моими письмами, отъ 5 сентября, молодой человекъ Эльчаниновъ. Онъ мнѣ здѣсь мѣшаетъ, затяни его въ Петербургъ, и для того—или приищи ему службу повиднѣй и потруднѣй, но онъ врядъ ли къ этому способенъ, а потому выдавай ему денегъ, понемногу, чтобы было ему на что фланерствовать. Сведи его непременно съ Надей. Скажи ей отъ меня, чтобы она занялась имъ, я ей заплачу; а главное, чтобы она вызвала его на переписку, и письма его къ ней пришли ко мнѣ. Надѣюсь, что исполнишь.

«Графъ Сапѣга.»

Написавши письмо, графъ опять позвонилъ нехотя. Вошелъ тотъ же камердинеръ.

— Отправить страховымъ,—сказалъ Сапѣга, и началъ ходить скорыми шагами по комнатѣ, вздыхая повременамъ и хватаясь за лѣвый бокъ груди. Ему не столько нездоровилось, сколько было совѣстно своихъ поступковъ, потому что, опять повторяю, Сапѣга былъ добрый въ душѣ человекъ, — но женщины! — женщинъ онъ очень любилъ, и любилъ, конечно, по-своему.

VIII.

Спустя недѣлю послѣ отъѣзда Эльчанинова, графъ пріѣхалъ въ Коровино. Анна Павловна была по большей части въ безпамятствѣ. Савелій встрѣтилъ графа въ гостиной.

— Могу ли, любезный, я видѣть больную?—спросилъ графъ, принявъ Савелія за лакея.

— Она въ безпамятствѣ теперь, ваше сіятельство, — отвѣчалъ почтительно Савелій.

— Все-таки я могу войти?

— Пожалуйте.

Графъ вошелъ въ спальню.

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ онъ, всплеснувъ руками, — ахъ, какъ она больна! она въ отчаянномъ положеніи! Кто же ее лечитъ? Кто за ней ходитъ?

— Я за ней хожу, ваше сіятельство, отвѣчалъ Савелій.

— Но какъ же ты можешь ходить? Это неприлично даже, — ты мужчина,

— Мнѣ поручилъ ее Валерьянъ Александрычъ, отвѣчалъ Савелій.

— Очень несмотрительно сдѣлалъ Валерьянъ Александрычъ; ты можешь любить госпожу, быть ей вѣренъ, но никакъ не ходитъ за ней больною.

Савелій не отвѣчалъ.

— Какъ сыро, какъ холодно въ комнатѣ! — продолжалъ графъ: — бѣдная... моя Анета! Часто ли ѣздитъ къ ней по-крайней-мѣрѣ лекаръ?

— Лекаръ не ѣздитъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Савелій.

— Господи, Боже мой! — вскричалъ графъ: — что вы съ нею дѣлаете! вы хотите просто ее уморить! Это ужасно! Сегодня же, сейчасъ же перевезу ее къ себѣ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, возразилъ было Савелій.

— Что такое нѣтъ? Оставить вамъ ее здѣсь уморить? — перебилъ его графъ.

— Я не могу отпустить Анны Павловны: она мнѣ поручена, сказалъ съ твердостью Савелій.

— А я не могу оставить ее здѣсь, — отвѣчалъ графъ, нѣсколько удивленный дерзостью Савелія. — Оставить, когда у ней нѣтъ ни доктора, ни прислуги даже, которая могла бы ходить за ней.

Слова его были отчасти справедливы. Служанки, рѣдко бывавшія въ комнатахъ и въ бытность Эльчанинова, теперь совершенно поселились въ избахъ. Одинъ только Савелій былъ безотлучно при больной. Пригласить медика не было никакой возможности; Эльчаниновъ, уѣхавши, оставилъ въ домѣ только десять рублей. Савелій, никакъ не предполагавшій подобной безпечности со стороны пріятеля, узналъ объ этомъ послѣ. Услышавши намѣреніе графа взять къ себѣ Анну Павловну, онъ сначала не хотѣлъ отпускать ее, не зная, будетъ ли на это согласна она сама и не разсердится ли на то; но, обдумавши весь ужасъ положенія больной, лишенной всякаго пособія, и не зная, что еще будетъ впереди, онъ началъ колебаться.

— Я не знаю, ваше сіятельство, — началъ онъ не съ прежнею твердостью, — захочетъ ли больная перѣхать къ вамъ.

— Чего тутъ больная! она умираетъ, а ее спрашивать, хочетъ ли она помощи. Я сейчасъ возьму ее.

— Я не могу совсѣмъ оставить Анны Павловны; если вамъ угодно взять ее, то позвольте и мнѣ быть при нихъ.

— Ты можешь навѣдываться, пожалуй.

— Я долженъ быть непрестанно при нихъ. Я поклялся въ этомъ Валерьяну Александрычу.

— Это совершенно не нужно; у Анны Павловны и безъ тебя будетъ много прислуги.

— Я не слуга, ваше сіятельство, — сказалъ, наконецъ, Савелій, вынужденный объявить свое настоящее имя.

Графъ съ удивленіемъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка.

— Но кто же вы? — спросилъ онъ.

— Я знакомый Валерьяна Александрыча, — отвѣчалъ Савелій.

— Фамилія ваша?

— Молотовъ

— Имя ваше, званіе?

— Савелій Никандрычъ, а званіе — дворянинъ-съ.

— И вы говорите, что Валерьянъ Александрычъ поручилъ вамъ Анну Павловну?

— Да, ваше сіятельство.

— Но я полагаю, что это не мѣшаетъ мнѣ взять къ себѣ въ домъ Анну Павловну; вы можете бывать у меня, сколько вамъ угодно.

— Нѣтъ ужъ, ваше сіятельство, позвольте — я буду при нихъ неотлучно.

— Какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ Сапѣга, слегка пожавъ плечами, и потомъ прибавилъ: — потрудитесь велѣть подать карету.

Савелій вышелъ.

«Что это за человѣкъ? — подумалъ графъ: — онъ, кажется, очень привязанъ къ больной и пользуется до-вѣріемъ Эльчанинова. Онъ можетъ повредить мнѣ во многомъ, но все-таки оттолкнуть его покуда невозможно, а тамъ увидимъ.»

Савелій воротился.

— Карета готова, ваше сіятельство.

— Ну, теперь прикажите положить постель, я полагаю—это необходимо.

— Я уже все сдѣлалъ, теперь только вынести Анну Павловну.

— Одѣньте ее Божаради потеплѣе,— произнесъ графъ.

— Одѣну-съ, — отвѣчалъ Савелій и вышелъ.

Графъ еще разъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка и вышелъ въ гостиную.

Между тѣмъ Анна Павловна, бывшая съ открытыми глазами, ничего въ то же время не видѣла и не понимала, что вокругъ нея происходило. Савелій позвалъ двухъ горничныхъ, приподнялъ ее, надѣлъ на нее все, какое только было, теплое платье, обернулъ сверхъ того въ ватное одѣяло и вынесъ на рукахъ. Черезъ нѣсколько минутъ она была уложена на перинѣ вдоль кареты.

Графъ сѣлъ съ другой стороны.

— Позвольте ужъ и мнѣ, ваше сіятельство,—сказалъ Савелій, влѣзая вслѣдъ за графомъ въ экипажъ.

Но тотъ ничего не отвѣчалъ и только продолжалъ съ удивленіемъ смотрѣть на него.

Отъ Коровина до Каменки было не болѣе семи верстъ, но такъ какъ графъ, по просьбѣ Савелія, велѣлъ ѣхать шагомъ, чтобъ не обезпокоить больной, то переѣздъ ихъ продолжался около двухъ часовъ. Во всю дорогу Савелій и графъ молчали; первый со всей внимательностью слѣдилъ за больной; что же касается до Сапѣги, то его занимала, кажется, какая-то особенная мысль. Часа въ два пополудни карета остановилась у крыльца, графъ вышелъ первый и

тотчасъ распорядился, чтобъ была приготовлена отдѣльная комната, близъ библіотеки, и велѣлъ сію же секунду скакать верховому въ городъ за медикомъ. Анну Павловну перенесли и уложили въ постель, двѣ горничныя поставлены были на безсмѣнное дежурство къ ней; однако, Савелій, не смотря на это, послѣдовалъ за ней и помѣстился на дальнемъ стулѣ. Графъ прошелъ въ свой кабинетъ; его беспокоило, что скажетъ Анна Павловна, придя въ чувство, и не захочетъ ли опять вернуться въ Коровино. Онъ придумывалъ различныя средства, которыми могъ бы заставить ее остаться у него. Кромѣ того, его начиналъ беспокоить Савелій, котораго живое участіе казалось весьма ему подозрительнымъ. Сапѣга еще дорогой рѣшился подслушать, что будетъ говорить больная съ своимъ повѣреннымъ, и такимъ образомъ узнать, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою молодые люди. Онъ съ намѣреніемъ помѣстилъ Анну Павловну рядомъ съ библіотекою, въ которую никто почти никогда не входилъ, и въ которой, надъ однимъ изъ шкафовъ, было сдѣлано круглое окно, весьма удобное для наблюденія, что дѣлалось и говорилось въ комнатѣ больной. Теперь Сапѣга размышлялъ, кому поручить подслушать. Ему самому невозможно; для этого, можетъ быть, нужно будетъ просидѣть цѣлый день, ночь въ библіотекѣ и взлѣзть наконецъ на шкафъ, надъ которымъ было окно. Употребить для того кого-нибудь изъ людей, — графъ не хотѣлъ; Иванъ Александрычъ лучше всѣхъ оказался удобнымъ исполнить это порученіе... За нимъ былъ посланъ гонецъ, и чрезъ полчаса изгнанный

племянникъ, въ восторгѣ отъ возвращенной къ нему милости, стоялъ въ кабинетѣ.

— Мнѣ до тебя маленькая надобность, Иванъ, — сказала графъ ласково. — Сядь поближе.

Иванъ Александрычъ сѣлъ.

— Какой есть дворянинъ Молотовъ, Савелій, кажется, Макарычъ, что ли? — продолжалъ Сапѣга.

— Савелій, ваше сіятельство, точно такъ-съ, — подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— Что жъ онъ такое за господинъ? — спросилъ Сапѣга.

— Какой господинъ, ваше сіятельство, бѣднякъ, дѣтъ тридцати дубина, нигдѣ еще не служилъ. Дѣлаетъ, вонъ, телеги, — подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— Онъ часто бываетъ у Эльчанинова?

— Не могу знать, ваше сіятельство.

— Онъ теперь у меня, вмѣстѣ съ Мановской, я ее больную привезъ къ себѣ.

— У васъ, ваше сіятельство?

— Да, у меня. Я ихъ обоихъ привезъ изъ Коровина; больная въ безпамятствѣ. Хочешь посмотреть?

— Для чего же, ваше сіятельство, не посмотреть!

— Ну такъ ступай въ бібліотеку, знаешь, тамъ окно надъ шкафомъ, взлѣзь на шкафъ и посмотри.

— На шкафъ взлѣзть, ваше сіятельство? нѣтъ, Богъ съ ними. Нельзя ли какъ-нибудь въ щелочку?

— Не нарочно же для тебя дѣлать щели.

— Ну, такъ и не надо, ваше сіятельство, я не хочу.

— Ты-то не хочешь, да я хочу. Мнѣ надобно знать, что будетъ говорить больная, когда придетъ въ себя. Сослужи мнѣ эту службу.

— Помилуйте, ваше сіятельство, если вамъ угодно, такъ я сейчасъ же... Я, вѣдь, думалъ, что вы говорите это такъ, для меня-съ.

— Именно сейчасъ-же, только вотъ въ чемъ дѣло: тебѣ, можетъ быть, придется просидѣть цѣлую ночь да и завтрашній день.

— Это ничего, ваше сіятельство, лишь бы вамъ было угодно.

— Ну значить, спасибо, только слушай: ты какъ можно внимательнѣе долженъ смотрѣть, что будутъ они дѣлать и что говорить. Я нарочно оставилъ ихъ вдвоемъ.

— Съ кѣмъ же вдвоемъ, ваше сіятельство?

— Да я тебѣ говорилъ, съ этимъ Молотовымъ.

— Понимаю-съ, понимаю-съ теперь, а то никакъ еще въ умъ-то хорошенько немогъ сразу взять, — подхватилъ Иванъ Александрычъ.

— Тебѣ нечего тутъ въ умъ и брать, — перебилъ его графъ: — твое дѣло будетъ только подслушать и подсмотрѣть все, что будетъ дѣлаться въ комнатѣ, и мнѣ все передать, хотя-бы стали бранить меня. Понимаешь?

— Понимаю, ваше сіятельство.

— Ну такъ пойдемъ... я тебя запроу въ библіотекѣ.

— Только ночью-то, ваше сіятельство, больно темно тамъ будетъ.

— Да что ты, чертей что ли боишься?

— Маленькаго нянька напугала, вотъ теперь,

если комната чуть-чуть побольше, да темно, такъ ужъ ужасно боюсь.

— Полно вздоръ молоть, пойдемъ.

Графъ и племянникъ вошли въ библіотеку. Начи-
нало уже смеркаться. Невольно пробѣжала холодная
дрожь по всѣмъ членамъ Ивана Александрыча, когда
они очутились въ огромной и пустой библіотекѣ, въ
которой чутко отдались ихъ шаги; но надобно было
еще взлѣзть на шкафъ. Здѣсь оказалось немаловажное
препятствіе: малорослый Иванъ Александрычъ ни-
какъ не могъ исполнить этого безъ помощи другаго.

— Дай, я тебя подсажу, — сказалъ графъ.

— Вы, ваше сіятельство?... какъ это можно вамъ
беспокоиться. Позвольте ужъ, я лучше сбѣгаю за
стуломъ.

— Давай сюда ногу.

— Не могу, ваше сіятельство, грязна очень, я,
признаться сказать, пріѣхалъ безъ калошъ.

— Говорятъ тебѣ, давай, несносный человѣкъ.

Иванъ Александрычъ вынулъ изъ кармана носо-
вой платокъ, обернулъ имъ свой сапогъ и въ та-
комъ только видѣ осмѣлился поставить свою ногу
на руку графа, которую тотъ протянулъ. Сапѣга съ
небольшимъ усиліемъ поднялъ его и посадилъ на
шкафъ. Иванъ Александрычъ въ этомъ положеніи
сталъ очень походить на мартышку.

— Ну, прощай, смотри хорошенько, я побываю
у тебя, — сказалъ графъ, выходя, и заперъ дверь.

Ивану Александрычу сдѣлалось очень страшно, и
онъ рѣшился все вниманіе обратить на сосѣдную
комнату, въ которой уже показался огонь.

Салъга вошелъ въ комнату больной.

— Вы здѣсь? — сказалъ онъ, подходя къ Савелію и сядя на ближній диванъ.

— Я попрошу позволенія провести здѣсь всю ночь.

Салъга хотѣлъ что-то отвѣчать, но пріѣхавшій медикъ прервалъ ихъ разговоръ. Онъ объявилъ, что Анна Павловна въ горячкѣ, но кризисъ болѣзни уже совершился.

— Когда она придетъ въ себя? — спросилъ заботливо графъ.

— Я полагаю, сегодняшнюю ночь или поутру.

— Сегодняшнюю ночь, — повторилъ графъ. — Послушайте, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Савелію, — мнѣ кажется, вамъ лучше одному остаться у больной, чтобы видъ незнакомыхъ лицъ, когда она придетъ въ себя, не испугалъ ее.

— Это очень хорошо, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Савелій.

— Мы такъ и распорядимся... вы сегодня не будете дежурить, — сказалъ Салъга горничной: — впрочемъ, не нужно ли чего-нибудь сдѣлать? — спросилъ онъ медика.

— Теперь ни къ чему нельзя приступить, надобно ожидать отъ природы, я долженъ остаться до завтрашняго дня, — отвѣчалъ медикъ.

— Благодарю; стало быть, мы можемъ уйти. До свиданья. — Хозяинъ, медикъ и горничная вышли изъ комнаты.

Савелій, оставшись одинъ въ спальнѣ, сейчасъ пересѣлъ ближе къ больной. Глаза его, полные слезъ, съ любовію останавливались на блѣдномъ лицѣ страдальцы, которой казалось, стало лучше, по-

тому что она свободнѣе дышала, на лбу у нея показалась капля испарина, этотъ благодѣтельный признакъ въ тифозномъ состояніи. Прошло нѣсколько минутъ. Савелій все еще смотрѣлъ на нее, и потомъ, какъ бы не могли удержать себя, осторожно взялъ ея худую руку и тихо поцѣловалъ. При этомъ поступкѣ лицо молодого человѣка вспыхнуло, какъ обыкновенно это бываетъ у людей, почувствовавшихъ тайный стыдъ. Онъ проворно опустилъ руку, всталъ съ своего мѣста и пересѣлъ наотдаленное кресло.

Предсказаніе врача сбылось: больная часа черезъ два пришла въ себя; она открыла глаза, но, видно, зрѣніе ея было слабо, и она не въ состояніи была вдругъ осмотрѣть всей комнаты. Савелій подошелъ.

— Это вы? сказала она слабымъ голосомъ.

— Я, Анна Павловна, слава Богу, вамъ лучше, — отвѣчалъ Савелій.

— Погодите, — начала больная, осматриваясь и водя рукой по лбу, какъ бы припоминая что-то, и глаза ея заблестали радостью. — Гдѣ мы? Вѣрно въ Москвѣ, у Валера, — сказала она съ живостью. — Мы пріѣхали къ нему, гдѣ же онъ? Бога ради, скажите, гдѣ онъ?

— Мы не у Валерьяна Александрыча, а только скоро къ нему поѣдемъ.

— Такъ не у него! Господи, я его не увижу! Гдѣ же мы?

— Мы у графа, Анна Павловна.

— У графа! — вскрикнула она: — зачѣмъ же мы у графа? Поѣдьте, Бога ради, поѣдьте поскорѣе, я не хочу здѣсь оставаться.

— Вамъ здѣсь покойнѣе, Анна Павловна, — ска-

залъ Савелій. — Графъ нарочно перевезъ васъ; онъ очень заботится, пригласилъ медика и вотъ — вамъ ужь лучше.

— Увѣдте, Бога ради, увѣдте, — просила она: — мнѣ здѣсь нехорошо.

— Если мы поѣдемъ въ Коровино, вамъ опять будетъ хуже, вамъ нельзя будетъ ѣхать къ Валерьяну Александрычу, а ужь онъ, я думаю, скоро напишетъ.

— Мнѣ будетъ и тамъ лучше, я буду беречь себя, я буду лечиться тамъ.

— Вамъ нельзя будетъ лечиться, у васъ нѣтъ денегъ; это я виноватъ, Анна Павловна: мнѣ оставилъ Валерьянъ Александрычъ 200 рублей, а я ихъ потерялъ.

— Вамъ Валеръ оставилъ 200 рублей? какой онъ добрый!... мы напишемъ ему, онъ еще пришлетъ намъ, только увѣдте отсюда.

— Куда же мы будемъ писать, Анна Павловна? мы не знаемъ еще, гдѣ Валерьянъ Александрычъ. Поживите здѣсь покуда.

— Здѣсь? Ахъ, нѣтъ, я не могу, не вѣрьте графу, я боюсь его.

— Но чего же вамъ опасаться, Анна Павловна? Я при васъ неотлучно буду.

— Нѣтъ, увѣдте, Бога ради, увѣдте, мнѣ сердце говорить. Вы не знаете графа, онъ дурной человѣкъ, онъ погубить меня.

— Анна Павловна, вспомните, что вы будете здѣсь жить для Валерьяна Александрыча, чтобы поскорѣ выздоровѣть и ѣхать къ нему.... Что если онъ напишетъ и станетъ ждать васъ, а вы не сможете ѣхать?

— Ахъ, какъ мнѣ тяжело! — сказала бѣдная женщина и закрыла лицо руками.

— Мы останемся здѣсь не долго... Богъ дастъ, Валерьянъ Александрычъ напишетъ, мы и поѣдемъ. До тѣхъ поръ я буду безпрестанно около васъ.

— Да, будьте, непременно будьте. Я безъ васъ здѣсь не останусь, не отходите отъ меня ни на минуту, графъ ужасный человѣкъ.

Вся эта сцена, съ малѣйшими подробностями, была Иваномъ Александрычемъ передана Сапѣгѣ, который вывелъ изъ нея три результата: во-первыхъ, Савелій привязанъ къ Аннѣ Павловнѣ не простымъ чувствомъ, во-вторыхъ, Анна Павловна гораздо болѣе любила Эльчанинова, нежели онъ предполагалъ, и наконецъ третье, что его самого боятся и не любятъ. Все это весьма обезпокоило графа.

IX.

О переѣздѣ Анны Павловны въ Каменки, точно ворона на хвостѣ разнесла въ тотъ же почти день по всей Боярщинѣ: «ай да соколена,—говорили многіе, попреимуществу дамы: — не успѣлъ еще бросить одинъ, а она ужъ нашла другаго...» — «Да вѣдь она больна,—осмѣливались возражать нѣкоторые подобрѣе,—говорять, просто ѣсть было нечего, графъ взялъ изъ человѣколюбія...» — «Сдѣлайте милость, знаемъ мы это человѣколюбіе!» восклицали имъ на это.—«Что-то Михайло-то Егорычъ, батюшки мои, что онъ-то ничего не предпринимаетъ!...» — «Какъ

не предпринимаетъ, онъ и съ полиціей прїѣзжалъ-было», и затѣмъ слѣдовальъ разсказъ, какъ Мановскій наѣзжалъ съ полиціей и какъ исправника распекъ за это графъ, такъ что тотъ теперь лежитъ больнехонекъ, и при этомъ разсказѣ большая же часть восклицали: «прахъ знаетъ, что такое дѣлается на свѣтѣ, не поймешь ничего». Впрочемъ, переѣздъ Мановской къ графу чувствительнѣе всѣхъ поразилъ Клеопатру Николаевну. Помирившись съ своей совѣстью и испытавши удовольствіе быть любимую богатымъ старикомъ, она рѣшительно испугалась пребыванія въ домѣ графа Мановской, которую она считала своей соперницей. Очень естественно, что она навсегда утратитъ покровительство Сапѣги, который оставитъ и не возьметъ ее съ собою въ Петербургъ, чего ужасно ей хотѣлось, и оставитъ, наконецъ, въ жертву Мановскому, о которомъ одна мысль приводила ее въ ужасъ. Подъвліяніемъ этихъ опасеній, она рѣшилась объясниться съ графомъ и написала къ нему письмо, которымъ умоляла его прїѣхать къ ней; но получила холодный отвѣтъ, извѣщавшій ее, что графъ занятъ дѣлами и не можетъ быть впредь до свободнаго времени. Она послала еще письмо, на которое ничего ужъ ей не отвѣчали. Видя тщетность писемъ, что еще болѣе усилило ее опасенія, она сама рѣшилась ѣхать къ графу и узнать причину его невниманія.

Между тѣмъ какъ все это происходило, одинъ только Задоръ Мановскій, къ которому никто не ѣздилъ, ничего не зналъ.

Въ Воздвиженевъ день бываетъ праздникъ въ Могилковскомъ приходѣ. Михайло Егорычъ, впро-

чемъ, былъ дома и обходилъ свои поля, потомъ онъ пришелъ къ комнаты и легъ, по обыкновенію, въ гостиной на диванъ. Вошла тихими шагами дѣтъ двадцати-пяти горничная дѣвка въ китайчатомъ капотѣ и въ шелковой косынкѣ, повязанной маленькой головкой, какъ обыкновенно повязываются купчихи. Это была уже знакомая намъ горничная Анны Павловны, Матрена, возведенная въ степень ключницы и называемая теперь отъ двора Матреною Григорьевною, хотя баринъ попрежнему продолжалъ называть ее Матрешкой. Постоявши немного и видя, что Михайло Егорычъ не замѣчаетъ ее, она кашлянула.

— Кто тамъ?— спросилъ Мановскій.

— Я, батюшка, — отвѣчала Матрена.

— Ты? — повторилъ Михайло Егорычъ.

— Я-съ, — отвѣчала ключница. — Благодаримъ покорно за лошадку, — прибавила она, подходя и цѣлуя руку барина.

— Ну, что тамъ?

— Ничего, батюшка, молились, таково было много народу! Сосѣди были, — отвѣчала ключница. Она была, кажется, немного на-веселѣ и, чувствуя желаніе поговорить, продолжала: — Николай Николаичъ Симановскій съ барыней былъ, Надежда Петровна Карина, да еще какой-то баринъ, я ужъ и не знаю, въ аналетахъ.

— Да что вы долго? Поди, чай, по деревнямъ ѣздили?

— Ой, полноте, батюшка, — возразила Матрена: — какъ это можно, тихо ѣхали-съ, да я и не люблю: что? Богъ съ ними. Только и зашли, по совѣсти

сказать, къ предводительскому вольноотпущенному, къ Иринарху Алексѣвичу,—изволите знать? рыбой еще торгуеть. Онъ, признаться сказать, увидѣлъ меня въ окошко, да и закликалъ. «Матрена Григорьевна, говорите, сдѣлайте ваше одолженіе, пожалуйста.» Тутъ только, батюшка, и поспѣѣла.

— Только?

— Только-съ. Да я бы, вѣдь, и тутъ бы не засидѣлась,— нечего сказать, домъ гребтить,— да разговоръ такой ужъ зашелъ, что нельзя было....

— Какой-же?

— Про нашу Анну Павловну, батюшка.

— Про жену?

— Да-съ.

— Что-жъ такое?

— Да изволите видѣть,— начала Матрена, вздохнувъ и приложивши руку къ щекѣ:— тутъ былъ графскій староста, простой такой, изъ мужиковъ. Они, сказать такъ, съ Иринархомъ Алексѣвичемъ пріатели большіе, такъ по секрету и сказалъ ему, а Иринархъ Алексѣвичъ, какъ тотъ уѣхалъ, послѣ мнѣ и говорить:

«Матрена Григорьевна, гдѣ у васъ барыня?»

— А я вотъ, признаться сказать, передъ вами, какъ передъ Богомъ, и говорю: «что, говорю, не скроешь этого, въ Коровинѣ живетъ.»—«Нѣтъ, говорить, коровинскаго барина и дома нѣтъ, уѣхалъ въ Москву.»

— Какъ въ Москву?—проговорилъ Мановскій, приподнимаясь съ дивана.

— Да, батюшка, въ Москву, а барыня наша ужъ другой день перѣехала въ Каменки.

Мановскій, какъ бы не могшій еще придти въ себя, посмотрѣлъ на ключницу какимъ-то страннымъ взглядомъ.

— Какъ въ Москву? Какъ въ Каменки? — повторилъ онъ, болѣе и болѣе краснѣя.

— Да, въ Москву, — отвѣчала Матрена, поблѣднѣвъ въ свою очередь.

— Такъ что-жь ты мнѣ, бестія, прежде этого не сказала? — заревѣлъ вдругъ Мановскій, вскочивши съ дивана и опрокинувши при этомъ круглый столъ.

— Батюшка, Михайло Егорычъ, лопни мои глаза, сегодня только узнала.

— Заговоръ! Мошенничество! — кричалъ Мановскій. — По праздникамъ только ѣздить, пьянствовать!...

— Отецъ мой, Михайло Егорычъ, успокойтесь, можетъ и неправда.

— Пошла воцъ!.. Уѣхалъ! переѣхала!.. Старая-то крыса эта! А!.. Это его штуки... его продѣлки. Уѣхалъ!.. Врешь, нагоню, уморю въ дюрьмѣ! — говорилъ Мановскій, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ вдругъ вошелъ въ спальню, тамъ попались ему на глаза приданья ширмы Анны Павловны: однимъ пинкомъ повалилъ онъ ихъ на полъ, въ нѣсколько минутъ исщипалъ на куски, и вслѣдъ за этимъ началъ бить окна, не колотя по стекламъ, а ударяя по переплету, такъ что отъ одного удара разлеталась вся рама. Послѣ трехъ, четырехъ приемовъ, въ спальнѣ не осталось ни одного стекла, и Мановскій, видно уже обезсилѣвшій, упалъ на постель. Холодный вѣтеръ, пахнувшій въ разбитыя стекла, а можетъ быть, и физическое утомленіе затушили его горячку. Почти цѣлый часъ пролежалъ онъ, не измѣ-

нивъ положенія, и, казалось, что-то обдумывалъ, потомъ крикнулъ:

— Эй, кто тамъ!

Вошла опять та же Матрена.

— Вели сейчасъ лошадей готовить,--проговорилъ онъ. Матрена ушла.

Часу въ двѣнадцатомъ ночи Михайло Егорычъ былъ уже въ уѣздномъ городѣ, взялъ тамъ почтовыхъ лошадей и поскакалъ въ губернской городъ.

Въ этотъ же самый день графъ Сапѣга сидѣлъ въ своей гостиной и былъ въ очень дурномъ расположеніи духа. У него не выходила изъ головы сцена, происходившая между Савеліемъ и Анной Павловной и пересказанная ему Иваномъ Александрычемъ. «Какъ она любитъ его,» думалъ онъ и невольно оглянулся на свое прошедшее; ему сдѣлалось горько и какъ-то совѣстно за самого себя. Любила ли его хоть разъ женщина такимъ образомъ! Все было наемное, купленное. Вотъ теперь онъ, старый холостякъ, ему около 60 лѣтъ; онъ, можетъ быть, скоро умереть... Умереть!... Какъ это страшно! Да, онъ чувствуетъ, что силы его часъ отъ часу слабѣютъ, и что же онъ дѣлаетъ? Интригуетъ съ одной женщиной и хочетъ соблазнить другую. На этихъ печальныхъ мысляхъ доложили ему о пріѣздѣ Клеопатры Николаевны.

Графъ сдѣлалъ гримасу и, когда вдова вошла и подала ему, по обыкновенію, руку, онъ едва привсталъ съ мѣста.

Клеопатра Николаевна сѣла.

— Извините меня, графъ, — начала она, — что я не могла себѣ отказать въ желаніи видѣть васъ, хоть вамъ это и неприятно.

— Напротивъ, я всегда радуюсь вашему посѣщенію, — возразилъ Салѣга.

— Вы не хотѣли однако исполнить моей просьбы и пріѣхать ко мнѣ, вы даже не хотѣли отвѣчать мнѣ... Богъ съ вами! — проговорила вдова.

— Я не имѣлъ времени, — отвѣтилъ графъ, и оба они замолчали на нѣкоторое время.

— Опасенія мои, кажется, сбываются, — начала Клеопатра Николаевна.

— Какія опасенія? — спросилъ Салѣга.

— Въ вашемъ домѣ, — продолжала Клеопатра Николаевна, какъ бы отвѣчая на вопросъ: — живетъ женщина, которую вы любите и для которой забудете многое.

— Не обижайте этой женщины, — перебилъ ее строго графъ, — она дочь моего стараго друга, и полумертвая живетъ въ моемъ домѣ. Въ любовницы выбираютъ здоровыхъ.

Клеопатра Николаевна вспыхнула, она поняла намекъ графа.

— Простите мою ревность, — начала она, скрывая досаду, — но что же дѣлать, вы мнѣ дороги.

— И вы мнѣ дороги, — сказалъ двусмысленно графъ.

Клеопатра Николаевна поняла тоже и этотъ валамбуръ. Она ясно видѣла, что графъ хочетъ отъ нея отдѣлаться, и рѣшилась на послѣднее средство — притвориться страстно влюбленною и поразить старика драматическими эффектами.

— Теперь я понимаю, графъ, — сказала она, — я забыта... презрѣна... вы смѣтаетесь надо мной!... За что же вы погубили меня, за что же вы отняли у меня спокойную совѣсть! Зачѣмъ вы старались внушить

къ себѣ довѣріе, любовь, которая довела меня до забвенія самой себя, своего долга, заставила забыть меня, что я мать.

— Отчего вы не адресовались съ подобными вопросами къ Мановскому, — спросилъ насмѣшливо графъ. Это превышало всякое терпѣніе. Клеопатра Николаевна сначала думала упасть въ обморокъ, но ей хотѣлось еще поговорить, оправдаться и снова возбудить любовь въ старикѣ.

— Это клевета, графъ, обидная, безбожная клевета, — отвѣчала она: — я Мановскаго всегда ненавиждѣла, вы сами это знаете.

— Тѣмъ хуже для васъ, — возразилъ Сапѣга.

— Графъ! Я вижу, вы хотите обижать меня, но это ужасно! Если вы разлюбили меня, то скажите лучше прямо.

— А вы меня любили? — спросилъ немилосердно Сапѣга.

— И вы, графъ, имѣете духу меня объ этомъ спрашивать, когда я принесла вамъ въ жертву свою совѣсть, утратила свое имя. Современемъ меня будетъ проклинать за васъ дочь моя.

— Что-жь вамъ собственно отъ меня угодно? — просилъ Сапѣга.

— Я хочу вашей любви, графъ, — продолжала Клеопатра Николаевна: — хочу, чтобъ вы позволили любить васъ, видѣть васъ иногда, слышать вашъ голосъ. О! не покидайте меня! — воскликнула она и упала передъ графомъ на колѣни.

Презрѣніе и досада выразились на лицѣ Сапѣги.

— Встаньте, сударыня, — началъ онъ строго, — не

заставляйте меня думать, что вы къ вашимъ качествамъ прибавляете еще и притворство! Къ чему эти сцены?

— Ахъ!—вскрикнула вдова и упала въ обморокъ, чтобы доказать графу непритворность своей горести.

Сапѣга только посмотрѣлъ на нее и вышелъ въ кабинетъ, рѣшившись не посылать никого на помощь, а самъ, между тѣмъ, сѣлъ противъ зеркала, въ которомъ видна была та часть гостиной, гдѣ лежала Клеопатра Николаевна, и сталъ наблюдать, что предприметъ она, ожидая тщетно пособія.

Прошло нѣсколько минутъ, Клеопатра Николаевна лежала съ закрытыми глазами. Графъ начиналъ уже думать, не въ самомъ ли дѣлѣ она въ обморокъ, какъ вдругъ глаза ея открылись. Осмотрѣвши всю комнату и видя, что никого нѣтъ, она поправила немного лѣвую руку, на которую, видно, неловко легла, разстегнула верхнюю часть своей роскошной груди, и снова, закрывши глаза, притворилась безчувственною. Всѣ эти продѣлки начинали тѣшить графа, и онъ рѣшился еще ожидать, что будетъ дальше. Прошло около четверти часа, терпѣнія не стало болѣе у Клеопатры Николаевны.

— Гдѣ я? — произнесла она, приподымаясь съ полу, какъ приподымаются послѣ обморока въ театрахъ актрисы, но, увидя, что попрежнему никого не было, она проворно встала и начала подходить къ зеркалу. Графъ, не ожидавшій этого движенія, не успѣлъ отвернуться, и глаза ихъ встрѣтились въ зеркалѣ. Сапѣга, не могшій удержаться, покатился со смѣху. Клеопатра Николаевна вышла изъ себя,

и съ раздраженнымъ видомъ почти вбѣжала въ кабинетъ.

— Что это вы со мной дѣлаете! Подлый человѣкъ! Развратный старичишка! Мало того, что обезчестилъ, еще насмѣхается!...—кричала она, забывши всякое приличіе и задыхаясь отъ слезъ.

— Тихе! тихе, сумасшедшая женщина! — говорилъ графъ.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, ты сумасшедшій, низкій человѣкъ!

— Тихе, говорятъ, не кричите.

— Нѣтъ, я буду кричать на весь домъ, чтобы слышала твоя новая любовница. — Последнія слова она произнесла еще громче.

— Поди же вонъ!—сказалъ въ свою очередь взбѣсившійся Сапѣга, и взявши вдову за плечи, повернулъ къ дверямъ въ гостиную и вытолкнулъ изъ кабинета, замкнувши тотчасъ дверь.

Х.

На тѣхъ же самыхъ дняхъ, поутру, начальникъ губерніи сидѣлъ, по обыкновенію, тайно и въ своемъ кабинетѣ. Это уже былъ старикъ и, какъ по большей части водится, плѣшивый. Смолоду, говорятъ, онъ извѣстенъ былъ какъ масонъ, а теперь сильно страдалъ ипохондріей. Слывя за человека не глупаго и дальновиднаго, особенно въ сношеніяхъ съ сильными лицами, онъ вообще былъ изъ хигрецовъ меланхолическихъ, самыхъ, какъ извѣстно, непроходимыхъ.

Часовъ около двѣнадцати дежурный чиновникъ доложилъ:

— Полковникъ Мановскій.

— Просите,—сказалъ губернаторъ съ нѣкоторою даже строгостью.

Задоръ вошелъ.

— Здравствуйте, полковникъ,—произнесъ губернаторъ, ласково указывая ему на стулъ. Тотъ сѣлъ и видимо былъ чѣмъ-то встревоженъ. Губернаторъ, между тѣмъ, устремилъ грустный взоръ на виднѣвшуюся передъ нимъ рѣку, тоже какъ-то мрачно взъерошенную осеннимъ вѣтромъ.

— Какая погода скверная,—произнесъ онъ.

— Не хороша,—отвѣчалъ Мановскій: — и меня вотъ третій день такъ ломаетъ, чортъ знаетъ, что такое и отчего.

— Погода, повѣрьте, — рѣшилъ губернаторъ.

Мановскій на это вздохнулъ и, помолчавши, началъ официальнымъ тономъ.

— Я къ вамъ съ просьбой, ваше превосходительство.

— Что такое?—спросилъ губернаторъ, не смотря на свою меланхолю, не совсѣмъ равнодушнымъ тономъ. Онъ давно уже слышалъ объ ужасныхъ неприятностяхъ Мановскаго въ семейной жизни.

— У меня жена убѣжала,—отвѣчалъ Михайло Егорычъ, съ свойственною ему твердостью и рѣзкостью, хотя въ тоже время все лицо его покрылось красными пятнами.—Цѣлый годъ уже,—продолжалъ онъ:—она не только что не живетъ со мной въ супружескомъ сожитіи, но даже мы не видались съ ней.

Губернаторъ грустно посмотрѣлъ на него.

— Не смотря на это,— снова продолжалъ Мановскій: — я извѣстился, что она находится въ беременномъ состояніи, а потому просилъ бы ваше превосходительство объ освидѣтельствованіи ея чрезъ кого слѣдуетъ, и выдать мнѣ на то документъ, такъ какъ и именемъ своимъ не хочу покрывать этой распутной женщины и желаю имѣть съ ней разводъ.

Губернаторъ думалъ.

— А гдѣ же ваша супруга теперь проживаетъ? — спросилъ онъ вдругъ, и вопросъ этотъ озадачилъ немного Мановскаго.

— Она живетъ теперь въ усадьбѣ графа Сапѣги, — отвѣчалъ онъ.

— Живетъ ужь? — повторилъ губернаторъ и позволилъ. Вошелъ дежурный чиновникъ.

— Потрудитесь, любезный, принести мнѣ отъ правителя конфиденціальное письмо графа Сапѣги, запечатанное въ пакетъ, — проговорилъ онъ кротчайшимъ голосомъ. Чиновникъ поклонился и вышелъ.

— А, отъ графа есть письмо по моему дѣлу? — спросилъ Мановскій.

— Есть, — отвѣчалъ значительно губернаторъ, и чтобы не распространить далѣе разговора, началъ опять грустно смотрѣть въ окно. Чиновникъ принесъ дѣло. Губернаторъ, взявъ отъ него, выслалъ его изъ кабинета и приказалъ поплотнѣй притворить дверь.

— Это самое письмо и есть, собственной рукой графа написанное, — продолжалъ губернаторъ таинственнымъ голосомъ: — позвольте прочесть вамъ? — прибавилъ онъ.

Мановскій кивкомъ головы изъявилъ согласіе.

Губернаторъ началъ: «Сверхъ чаянія, зажившись въ губерніи, ввѣренной управленію вашего превосходительства, я сдѣлался довольно близкимъ свидѣтелемъ одной непріятной семейной исторіи. Сосѣдъ мой, г. Мановскій, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, до того мучилъ и тиранилъ свою жену, женщину весьма милую и образованную, что та вынуждена была бѣжать отъ него и скрылась въ усадьбѣ другаго моего сосѣда, Эльчанинова, молодаго человѣка, который, если и справедливы слухи, что влюбленъ въ нее, то во всякомъ случаѣ смѣло могу завѣрить, что между ними нѣтъ еще такой связи, которая могла бы положить пятно на имя г-жи Мановской. Не смотря на это, мѣстная полиція, подкупаемая варваромъ-мужемъ, производила совершенно выходящіе изъ предѣловъ ихъ власти въ усадьбѣ г. Эльчанинова обыски, пугая несчастную женщину и производя отвратительный безпорядокъ въ домѣ. Прекративъ всѣ эти незаконныя дѣйствія, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставляю себѣ долгомъ увѣдомить о томъ и ваше превосходительство, для надлежащаго съ вашей стороны распоряженія, которымъ вы удержите полицію отъ дальнѣйшихъ ея притязаній и примете подъ непосредственное ваше покровительство несчастную женщину, въ пользу которой все сдѣланное съ вашей стороны я приму за безконечное и собственно для меня сдѣланное одолженіе.»

При чтеніи этихъ строчекъ Мановскій только блѣднѣлъ.

— Что-жь мнѣ дѣлать послѣ того, ваше превосходительство?—проговорилъ онъ.

— А мнѣ-то тоже что дѣлать?—спросилъ губернаторъ.

— Поѣду теперь, значитъ, въ Петербургъ,—проговорилъ Мановскій: — и буду тамъ ходатайствовать. Двадцать пять лѣтъ, ваше превосходительство, я служилъ честно. Я на груди своей ношу знаки отличія и надѣюсь, что не позволятъ и воспретятъ марать какой-нибудь позорной женщиной мундиръ и кресты офицера. При послѣднихъ словахъ у Михайла Егорыча навернулись даже слезы. Губернаторъ развелъ руками и потупилъ голову.

— Самый лучший и единственный путь, проговорилъ онъ.

— Я и на васъ, ваше превосходительство, буду жаловаться, извините меня,—продолжалъ Мановскій, уже вставая: — такъ какъ вы выдаете хоть бы насъ, дворянъ, допуская въ домахъ нашихъ дѣлать развратъ кому угодно, оставляя насъ беззащитными. Передъ закономъ, полагаю, должны быть всѣ равны: что я, что графъ какой-нибудь. Принимая присягу, мы не то говоримъ передъ крестомъ.

— Ваше дѣло будетъ жаловаться, а мое будетъ отвѣчать,—возразилъ на это губернаторъ съ замѣтною сухостью, и Мановскій, поклонившись ему гордо, вышелъ. Не смотря на свою свирѣпую запальчивость, онъ на этотъ разъ себя сдержалъ, на сколько могъ, понимая, что губернаторъ не захочетъ да и не можетъ даже ничего сдѣлать тутъ. Выйдя изъ губернаторскаго дома и проходя бульваромъ, онъ, какъ бы желая освѣжиться, шелъ безъ шапки и все что-то хватался за голову.

Остановился онъ на этотъ разъ на квартирѣ

какъ и всегда, у одного бѣднаго приказнаго, который уже нѣсколько десятковъ лѣтъ ко всему ихнему роду чувствовалъ какую-то рабскую преданность, за которую вознаграждаемъ былъ ежегодно нѣсколькими пудами муки и еще кой-чѣмъ изъ домашняго запаса. Пришедши на квартиру, Мановскій спросилъ себѣ обѣдать, впрочемъ ничего почти не ѣлъ и все пилъ воду; потомъ прилежъ важъ бы заснуть; но не прошло и полчаса, какъ знакомый нашъ Сенька, вмѣсто обычнаго барскаго крива: — «эй, малой!» — услышалъ какое-то мычаніе и, вошедши въ спальню, увидѣлъ, что Михайло Егорычъ лежалъ вверхъ лицомъ. При входѣ его, онъ хотѣлъ, видно, встать, но вмѣсто того упалъ на правую руку.

Сенька постоялъ немного, поглядѣлъ и, видя, что ничего ему не приказываютъ, опять ушелъ въ свою маленькую прихожую.

— Хмѣленъ, видно!... ловко, знать, гдѣ-то попало!... привстать-то даже не сможетъ, — рѣшилъ онъ, мотнувъ головой.

Такъ прошло время до трехъ часовъ; хозяинъ-чиновникъ, возвратясь изъ должности, зашелъ, какъ дѣлалъ онъ это каждодневно, на половину Михайла Егорыча, ради того, чтобъ изъяснить ему свое почтеніе, а другое, можетъ быть, и для того, что не удастся ли рюмочку-другую выпить водочки, которая у Мановскаго была всегда отличная.

— А что, ихъ милость дома или нѣтъ? — спросилъ онъ у Сеньки.

— Дома-то, дома, хмѣленъ только, — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, вотъ на здоровье; поживать, значить, теперь изволить.

— Богъ его знаетъ, спитъ—не спитъ, а лежитъ да глазами только хлопаетъ. Слышите, вонъ замычалъ.

— Ай, батенька, Царица небесная! да чтой-то это такое, поглядѣть надо,—проговорилъ добрякъ и заглянулъ въ спальню. Михайло Егорычъ лежалъ вверхъ лицомъ, сначала неподвижно, потомъ приподнялъ лѣвой рукой правую, подержалъ ее на воздухѣ и отпустилъ: она какъ плеть упала на постель.

— Отцы мои! да у него владѣнья, знать, нѣтъ,—вскрикнулъ приказный, всплеснувши руками—Отецъ мой! Михайло Егорычъ! — произнесъ онъ, подходя къ постелѣ.

— Хмы! хмы! хмы! — мычалъ Мановскій.

— Не сходить ли за докторомъ, Михайло Егорычъ?

Мановскій мотнулъ головой.

— Сейчасъ, батюшка,—сказалъ добрякъ и выбѣжалъ. Поди къ барину-то,—произнесъ онъ Сенькѣ, пробѣгая лакейскую.

Вскорѣ пріѣхавшій съ нимъ лекарь осмотрѣлъ Мановскаго и велѣлъ ему пустить кровь и растирать правую сторону щетками.

— Что это такое, батюшка, что такое съ благодѣтелемъ-то случилось?—спросилъ приказный, когда они вышли изъ спальни.

— Ничего, параличъ,—отвѣчалъ мрачно и лаконически докторъ и потомъ, сѣвши на дрожки, проговорилъ самъ съ собою: — скоты этакіе, зовутъ и не платятъ.

Положеніе графа въ свою очередь тоже становилось часъ отъ часу непріятнѣе. Конечно, ему писали изъ Петербурга, что Эльчаниновъ пріѣхалъ туда и

съ первыхъ же дней началъ пользоваться петербургскою жизнью, а о деревнѣ, кажется, забылъ и думать, тѣмъ болѣе, что познакомился съ Надинькой и цѣлые вечера просиживалъ у ней; кромѣ того, Сапѣга зналъ уже, что и Мановскій, главный врагъ его, разбитъ параличемъ и полумертвый привезенъ въ деревню. Не смотря на всѣ эти благопріятныя извѣстия обстоятельства, Сапѣга болѣе и болѣе терялъ надежду склонить Анну Павловну на свои исканія. Горесть ея была такъ велика, такъ непритворна, что онъ даже никогда не рѣшался намекнуть ей о любви своей, чему еще, надобно сказать, мѣшалъ и Савелій, оттолкнуть котораго не было никакой возможности, а между тѣмъ Иванъ Александрычъ пересказывалъ дядѣ всевозможныя сплетни, которыя сочинялись въ Боярщинѣ на счетъ его отношеній къ Аннѣ Павловнѣ. Терпѣніе Сапѣги начинало ослабѣвать, роль безкорыстнаго покровителя рѣшительно была не въ его духѣ. Онъ начиналъ не на шутку скучать и досадовать. Онъ даже жалѣлъ, что расстался съ Клеопатрой Николаевной, и рѣшился было снова возобновить съ ней прежнія отношенія, но вновь полученныя письма изъ Петербурга измѣнили его планы. Ему писали, что, по приказанію его, Эльчаниновъ былъ познакомленъ, между прочимъ, съ домою Неворскаго и понравился тамъ всѣмъ дамамъ до безконечности своими разказами объ ужасной провинціи и о смѣшныхъ помѣщикахъ, среди которыхъ онъ жилъ и живетъ теперь графъ, и всѣмъ этимъ заинтересовалъ даже самого старика въ таковой мѣрѣ, что тотъ велѣлъ его зачислить къ себѣ чиновникомъ особыхъ порученій и пригласилъ его каждый день ходить къ нему

объдать, и что, наконецъ, на дняхъ прїѣзжалъ самъ Эльчаниновъ, сначала очень разстроенный, а потомъ трювенно признавшійся, что не можетъ и не считаетъ почти себя обязаннымъ ѣхать въ деревню или вызывать къ себѣ извѣстную даму, передъ которой просилъ даже солгать и сказать ей, что онъ умеръ, и въ доказательство чего отдалъ послать ей кольцо его и локонъ волосъ. Прочитавъ эти извѣстія, даже графъ удивился.

— Ахъ, какой дрянной и вѣтренный мальчишка, — проговорилъ онъ.

Чтобъ оправдать хоть сколько-нибудь моего героя, я долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельстве. Вскорѣ послѣ его прїѣзда въ Петербургъ, Клеопатра Николаевна писала ему:

«Добрый другъ!»

«Не могу удержаться, чтобъ не извѣстить васъ объ одномъ, конечно, непрїятномъ для вашего сердца случаѣ; но призовите, добрый другъ, на помощь религію, вашъ разсудокъ, и будьте благоразумны. Женщина, которую вы любите, не стоитъ того. Ахъ! еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело это сказать! Она на другой же день переѣхала къ графу и теперь очень спокойно живетъ у него. Нужно ли говорить, въ какихъ они отношеніяхъ? Теперь очень понятно поведеніе этого ужаснаго старика. Какъ можно теперь вѣрить женщинамъ! Мы еще иногда обвиняемъ мужчинъ, но они противъ насъ, просто, ангелы. Услышавши, что эта особа переѣхала въ Каменки пеще кой-что, я рѣшилась сама убѣдиться въ томъ и поѣхала къ графу, но жестоко была наказана за мое

любопытство. Когда я вошла въ гостиную, то увидѣла совершенно аркадскую сцену, отъ которой ужась овладѣлъ мною, и я тогчасъ уѣхала. Не огорчайтесь и не отчаявайтесь, добрый другъ! Вы мужчина, должны быть тверды, должны забыть недостойную. Я очень боюсь, чтобы вы не предпріяли чего-нибудь рѣшительнаго и не захотѣли бы кровью отмстить коварному вашему покровителю. Конечно, онъ стоитъ смерти, но поберегите себя, хоть для меня, если по-прежнему считаете меня вашимъ другомъ.

«Любившая и любящая васъ

«Cleopatre.»

Эльчаниновъ, получившій это письмо и желавшій въ душѣ, чтобы это было такъ, повѣрилъ всему безусловно. Считая потомъ себя въ правѣ окончательно отказаться отъ этой женщины, нагаль при этомъ случаѣ, сколько только возможно нагаль. Графъ между тѣмъ разсуждалъ самъ съ собой: что дѣлать?... Объявить ли Аннѣ Павловнѣ о мнимой смерти Эльчанинова, раскрыть передъ нею страшную перспективу бѣдности, униженія и обѣщать ей все это исправить, при извѣстныхъ условіяхъ? Неужели же эта женщина скорѣе рѣшится умереть съ голоду, чѣмъ приневолить себя полюбить его? Конечно, благоразуміе требовало бы въ которой постепенности, надобно, чтобъ она привыкла къ мысли, что для нея болѣе не существуетъ любимый человекъ; но можетъ быть это продолжится еще долго,—заклучилъ графъ и принялъ намѣреніе дѣйствовать не отлагая времени и рѣшительно. Слѣдующая ночь была избрана для того, потому что

Савелій только на это время и оставлялъ Анну Павловну одну и уходилъ спать въ отдаленную комнату.

Съ приближеніемъ рѣшительной минуты, графомъ начало живѣй и живѣй овладѣвать безпокойство. Разсудокъ говорилъ о безразсудной его дерзости, совѣтовалъ повыждать для болѣе вѣрнаго успѣха; но извѣстенъ законъ, что самые запальчивые и безразсудные люди въ любви — это старики и молодые юноши. Когда пробило на часахъ двѣнадцать и все въ домѣ, казалось, улеглось и заснуло, Сапѣга вышелъ изъ кабинета, почти бѣгомъ пробѣжалъ корридоръ и тихонько отворилъ дверь въ спальню Анны Павловны. Ночная лампада слабо освѣщала комнату, и только ярко блестѣлъ золотой окладъ старинной иконы. Графъ невольно отвернулъ глаза отъ образа и взглянулъ на кровать: Анна Павловна крѣпко спала; на блѣдномъ лицѣ ея видна была улыбка, какъ будто бы ей снились пріятныя грезы; изъ-подъ бѣлаго одѣяла выставлялась, почти до плеча, голая рука; нѣсколько прядей волосъ выбивались изъ подъ ночнаго чепчика. Этого было достаточно, чтобы графа оставило всякое другое чувство. Онъ быстро подошелъ къ кровати и поцѣловалъ спящую Анну Павловну въ лобъ. Она открыла глаза и болѣзненно вскрикнула.

— Тише, Бога ради, тише, — началъ графъ, — я пришелъ къ вамъ говорить, я буду говорить о Валерьянѣ Александрычѣ, я о немъ вамъ скажу.

Анна Павловна не могла еще опомниться.

— Я сейчасъ получилъ о Валерьянѣ Александр-

рычѣ извѣстіе, я хочу съ вами говорить, — продолжалъ торопливо Сапѣга.

— О Валерѣ?... Вы отъ Валера получили письмо? Онъ меня вѣрно зоветъ, — сказала Анна Павловна, приподымаясь. — Покажите мнѣ письмо, дайте мнѣ поскорѣе; Боже! неужели это правда! Дайте, гдѣ оно у васъ? — И она хватала графа за руки.

— Позвольте мнѣ сѣсть около васъ, — сказалъ тотъ, садясь на кровать.

— Дайте мнѣ письмо! Здоровъ ли Валерѣ? Дайте поскорѣе.

— Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ Сапѣга: — только вы прежде скажите мнѣ, за что вы его такъ любите?

— Графъ! — воскликнула уже со слезами бѣдная женщина: — вы терзаете меня, вы злой человѣкъ, я не хочу съ вами говорить.

— Нѣтъ, Анна Павловна, я долженъ съ вам говорить, — произнесъ съ твердостью Сапѣга, уже овладѣвши собою.

— Покажите мнѣ письмо Валера.

— Покажу, но прежде позвольте мнѣ сказать вамъ хоть нѣсколько словъ о себѣ. Знаете ли, какъ я васъ люблю, какъ я страдалъ за васъ; вы ничего этого не видите, вы не чувствуете даже ко мнѣ благодарности.

— Я благодарна вамъ.

— Нѣтъ, и этого нѣтъ: вы только опасаетесь и почти ненавидите меня. Вы не понимаете, чего мнѣ стоило покровительство вашему любимцу, когда я самъ въ васъ влюбленъ. Поставьте себя хоть на минуту въ мое положеніе.

— Графъ!..

— Дайте мнѣ говорить: я цѣлые полгода скрывалъ себя, я обрекъ себя на полное самоотверженіе. Любя васъ, я покровительствовалъ вашей любви къ другому человѣку, потому что думалъ, что въ этой любви ваше счастье.

— Я буду вамъ вѣчно признательна, графъ, — покажите мнѣ письмо.

— Еще два слова: я думалъ, что если она и не любитъ меня, то по-крайней-мѣрѣ благословить когда нибудь мою память, но Богъ не далъ мнѣ и этого: я не сдѣлалъ васъ счастливою, я обманулъ, какъ обманулись и вы. Въ этой любви ваша гибель, если только вы сами не будете благоразумны.

— Графъ, выйдите вонъ! — сказала Анна Павловна съ какой-то несвойственной твердостью. — Вы нарочно сюда пришли, выйдите; иначе я закричу, вы обманываете меня, вы не получили письма.

— Извольте, я уйду, но только я получилъ письмо, — отвѣчалъ хладновровню Салъга, и всталъ.

— Пойдите! — вскричала Анна Павловна, останавливая его рукою. — Покажите мнѣ письмо, Бога ради, покажите!

— Поцѣлуйте меня за это, такъ и покажу, — проговорилъ Салъга, какъ бы съ отеческою улыбкою.

— Извольте, я буду цѣловать, сколько хотите, — отвѣчала Анна Павловна, и сама, обнявъ его шею руками, начала торопливо цѣловать.

У графа опять кровь бросилась въ голову, онъ обхватилъ ее за талию, цѣловалъ ея шею, глаза... Анна Павловна поняла опасность своего положенія. Чувство стыда и самосохраненія, овладѣвшее

ею, заставило забыть главную мысль. Она сильно толкнула графа, но тотъ держалъ ее крѣпко.

— Помогите! — вскрикнула бѣдная женщина.

— Не кричите, или вы погибли, — началъ шепотомъ Сапѣга: — я васъ оставлю одну, на нищету, на позоръ, забуду мою любовь и предамъ васъ мужу. Любовникъ вашъ умеръ, вотъ извѣстiе о его смерти, — прибавилъ онъ и выбросилъ изъ кармана особо присланное письмо повѣреннаго, извѣщавшее о смерти Эльчанинова. Все забывши, Анна Павловна схватила его, развернула, и при этомъ выпали кольцо и волосы Эльчанинова. Прочитавъ первыя жѣ строки, бѣдная женщина что-то приостановилась. Графъ съ невольнымъ удивленiемъ взглянулъ ей въ лицо, на которомъ какъ бы мгновенно изгладилось всякое присутствiе мысли и чувства: ни горя, ни испуга, ни удивленiя, ничего не было видно въ чертахъ; глаза ея, взглянувъ на икону, неподвижно остановились, ротъ полураскрылся, опустившіяся руки вытянулись.

— Анна Павловна, что съ вами? — спросилъ Сапѣга, взявъ ее за руку.

Отвѣта не было.

— Господи! что съ вами? Анна Павловна, придите въ себя, перекреститесь, — продолжалъ онъ испуганнымъ тономъ, поднимая ея руку и складывая пальцы въ вѣрсть.

— Дайте мнѣ письмо, дайте, — проговорила больная, какимъ-то страшнымъ голосомъ.

— Письмо у васъ, но вы ему не вѣрьте, это все ложь. Эльчаниновъ живъ, онъ только измѣнилъ вамъ, но я заставлю его силой полюбить васъ, если

вы этого хотите! но только теперь, Бога ради, прилягте, успокойтесь,—говорилъ окончательно растерявшійся старикъ, взявъ Анну Павловну за плеча и стараясь уложить ее.

— Прочь! — закричала она раздирающимъ голосомъ, сильно толкнувъ Сапѣгувъ грудь.—Миѣ душно! жарко! — кричала она. Графъ тутъ только догадался, что Анна Павловна помѣшалась.

— Душно! жарко! —продолжала она кричать, метаясь по кровати:—охъ, душно!

Графъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, ужасъ, совѣсть и жалость почти обезумили его самого. Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, но вмѣсто того прошелъ въ свой кабинетъ и въ изнеможеніи упалъ на диванъ. Ему все еще слышалось, какъ несчастная кричала: «душно! жарко!» Сапѣга зажалъ себѣ уши. Прошло нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ криковъ не было слышно.

— Она умерла!—проговорилъ онъ и, вскочивши съ дивана, что есть силы началъ звонить въ колокольчикъ: вбѣжалъ полусонный камердинеръ.

— Вели... бѣги... постой... я слышалъ въ комнатѣ Анны Павловны крикъ, пооди, попроси Савелія Никандрыча сюда. Нѣтъ,—говорилъ Сапѣга, но въ это время снова раздался крикъ, и онъ опять упалъ на диванъ и зажалъ уши. Ничего не понимавшій камердинеръ не трогался съ мѣста.

— Пошли, говорятъ тебѣ, Савелія Никандрыча, произнесъ взбѣшеннымъ голосомъ графъ. Камердинеръ вышелъ и скоро возвратился со свѣчею.

— Савелій Никандрычъ у Анны Павловны,—проговорилъ онъ.

— Что съ ней, что она? — спросилъ дрожащимъ голосомъ Сапѣга.

— Не могу доложить, ваше сіятельство, должно быть хуже, Савелій Никандрычъ укладываютъ ихъ въ постель.

Крики снова раздались.

— Господи, сохрани ее!—воскликнулъ графъ.—Послушай, теперь можно ѣхать.

— Куда, ваше сіятельство?

— Въ Петербургъ; вели готовить лошадей, я сейчасъ ѣду въ Петербургъ.

Камердинеръ стоялъ въ недоумѣніи.

— Сейчасъ ѣду,—повторилъ графъ,—вы пріѣдете послѣ. Вели готовить лошадей.

Камердинеръ вышелъ.

Оставшись одинъ, графъ подошелъ къ рабочему бюро и взялъ было сначала письменный портфель, видно, съ намѣреніемъ писать; но потомъ, какъ бы что-то вспомнивъ, вынулъ изъ шкатулки пукъ ас-сигнацій и началъ ихъ считать. Руки его дрожали, онъ безпрестанно ошибался. Вошелъ камердинеръ, и графъ, какъ пойманный школьникъ, поспѣшно бросилъ отсчитанную пачку опять назадъ въ шкатулку.

— Вамъ угодно переодѣться? — спросилъ тотъ.

— Приготовь.

Камердинеръ вышелъ.

Сапѣга вынулъ изъ портфеля листъ почтовой бумаги и написалъ скорѣй какими-то каракулями, чѣмъ буквами:

«Мой любезный Савелій Никандрычъ! Нечаянное извѣстіе заставляетъ меня сію минуту ѣхать въ Петербургъ. Я слышалъ, что Аннѣ Павловнѣ хуже, посылаю вамъ двѣ тысячи рублей. Бога ради сейчасъ поѣзжайте въ городъ и пользуйте ее; возьмите мой экипажъ, но только не теряйте времени. Я не хочу больную обезпокоить прощаньемъ и не хочу отвлекать васъ. Прощайте, не оставляйте больную, теперь она попреимуществу нуждается въ вашей помощи. Эльчаниновъ оказался очень низкимъ человѣкомъ.

«Сапѣга.»

Графъ торопливо свернулъ письмо, вложилъ въ конвертъ и запечаталъ.

— Лошади готовы-съ,—сказалъ вошедшій камердинеръ.

Сапѣга проворно переодѣлся въ дорожное платье,
— Отдай это письмо Савелію Никандрычу, сказалъ онъ, подавая ему пакетъ, и вели управителю дать ему мой экипажъ, онъ съ больной скоро уѣдетъ. Вы соберитесь послѣ-завтра.

Эти слова графъ говорилъ, уже проходя залу, и послѣдуемый камердинеромъ, который несъ за нимъ шкатулку и портфель. Лѣстницу Сапѣга пробѣжалъ бѣгомъ.

— Пойдите, ваше сіятельство,—раздался голосъ сверху. — Скажите, живъ или нѣтъ Валерьянъ Александрычъ?

— Живъ,—отвѣчалъ графъ. — Пошелъ!—крикнулъ онъ, и экипажъ помчался.

На крыльцѣ остался блѣдный Савелій, въ рукахъ

у него было письмо Эльчанинова, найденное имъ на постели больной.

— Его сіятельство приказали вамъ отдать письмо!—сказалъ камердинеръ, подавая ему письмо графа.

— Куда уѣхалъ графъ?

— Въ Петербургъ.

— Анна Павловна очень тоскуетъ,—послышался голосъ горничной.

Савелій бросился въ комнаты.

IX.

Савелій снова поселился въ своемъ домикъ. Вмѣстѣ съ нимъ жила больная и помѣшаная Анна Павловна. Графъ, растерявшійся, какъ мы видѣли, вконецъ, написалъ къ Савелію письмо, въ которомъ упоминалъ о деньгахъ, но самыя деньги забылъ вложить. Савелій, пораженный припадкомъ безумія Анны Павловны, потомъ извѣстіемъ о смерти Эльчанинова, нечаяннымъ отъѣздомъ самого графа и, наконецъ, новымъ извѣстіемъ, что Эльчаниновъ живъ, только на другой день прочиталъ это письмо и остался въ окончательномъ недоумѣніи. Онъ началъ было спрашивать людей, не оставилъ ли кому-нибудь графъ, но тѣ отвѣчали, что его сіятельство приказали приготовить только экипажъ для отъѣзда Анны Павловны, куда ей будетъ угодно. Поступокъ графа крайне удивилъ его. Онъ вѣрно былъ ночью у Анны Павловны и показалъ письмо о смерти Эльчанинова, а теперь, когда она помѣшалась, онъ бѣжалъ, будучи не въ состояніи выгнать ее при себѣ изъ дома; но какъ

же въ деньгахъ-то, при его состояніи, сподличать, это ужъ невѣроятно!... Подумавъ, Савелій въ тотъ же день потребовалъ экипажъ и перевезъ больную къ себѣ въ Ярцево.

Флигелекъ его раздѣлялся на двѣ половины, въ одной изъ нихъ жилъ его мужикъ съ семействомъ и пускались по зимамъ коровы и овцы, а другую занималъ онъ самъ. Последняя была, въ свою очередь, разгорожена на двѣ комнатки — на прихожую и спальню, въ которой онъ помѣстилъ больную.

Прошла недѣля, Аннѣ Павловнѣ было все хуже. Савелій спдѣлъ, облокотясь на деревянный некрашенный столъ и понутивъ голову. Боже! какъ измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ первый разъ съ нимъ встрѣтились: здоровый и свѣжій цвѣтъ лица его былъ блѣденъ, густые волосы, которые онъ прежде держалъ всегда въ порядкѣ, теперь безобразными клокочками лежали на головѣ; одѣтъ онъ былъ во что попало; занятый, какъ видно, тяжелыми размышленіями, онъ впрочемъ не переставалъ прислушиваться что дѣлалось въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ дверь оттуда тихо отворилась: вышла баба въ нагольномъ тулупѣ и ситцевомъ повойникѣ.

— Что, Аксинья? — спросилъ Савелій.

— Мечется, сердечная, больно, — отвѣчала та.

— Что-то Кузьма, скоро ли пріѣдетъ? — проговорилъ Савелій.

— Ну, гдѣ еще скоро, поди, чай, дешево даютъ. Только мнѣ жаль больно, Савелій Никандрычъ, кобылы-то: корова, пускай, не што! плоха была къ молоку, кобылы-то больно жаль, славная была и же-
реба еще къ тому!

— Ну, что тутъ вздоръ жалѣть, лекаръ бы только пріѣхалъ.

— Охъ, ужъ вы съ вашими лекарями-то; ну, что ономнясь: постоялъ да и уѣхалъ, а еще красненькую дали.

— Холодной водой хотѣлъ попробовать обливать, проговорилъ Савелій, какъ бы самъ съ собою.

— Вонъ еще, холодной водой обливать, словно пьянаго мужика, — подхватила баба. — Послушались бы меня, отслужили бы учетный молебенъ: ей вчерась, послѣ причастья, словно полегче стало. Отецъ Василій больно вонъ гораздъ служить. Я спосылаю парнишку.

— Спосылай! — отвѣчалъ Савелій.

Баба ушла, воротилась и опять прошла въ спальню. Савелій все сидѣлъ, не перемѣняя своего положенія; наконецъ Аксинья снова вышла.

— Батюшка, Савелій Никандрычъ, — начала она: — голубушка-то наша что-то ужъ больно тяжело дышитъ, и ручки вытянула, ужъ не кончается ли она.

Савелій вскочилъ и торопливо пошелъ въ спальню. Аксинья послѣдовала за нимъ.

Больная лежала вверхъ лицомъ, глаза ея были закрыты, безжизненное выраженіе лица безумной замѣнилось какимъ-то спокойствіемъ. Она дѣйствительно тяжело дышала. Савелій приблизился и взялъ ее за руку, больная взмахнула глазами; Савелій едва не вскрикнулъ отъ радости: въ глазахъ ея не было прежняго безумія.

— Анна Павловна! узнали ли меня? — спросилъ онъ.

Но она только ласково улыбулась и, ничего не

отвѣтивъ, снова закрыла глаза. Богъ судилъ ей въ послѣдній разъ придти въ себя и посмотрѣть на истинно любящаго ее человѣка. Дыханье ея стало учащаться, лицо болѣе и болѣе блѣднѣло.

Пріѣхаль священникъ и вмѣсто учетнаго молебна началъ читать отходную. Черезъ нѣсколько минутъ она скончалась. Аксинья завывала во весь голосъ, священникъ, не смотря на привычку, прослезился. Окончивъ отходную, онъ отеръ глаза бумажнымъ платкомъ и въ какомъ-то раздумьѣ сѣлъ на стулъ. Савелій стоялъ, прислонясь къ косяку, и глядѣлъ на покойницу.

— Умерла она, батюшка?—спросилъ онъ священника.

— Померла, сударь, пріяла успокоеніе,—отвѣчалъ священникъ:—сномъ праведника почила, на рѣдкость у младенцевъ такой тихой кончины.

— Холоднешенька, моя родная,—говорила Аксинья, щупая руки умершей и заливаясь слезами.

Савелій вышелъ въ другую комнату и сѣлъ на прежнее мѣсто. Аксинья ушла позвать на помощь сосѣдокъ, обряжать покойницу. Священникъ зажегъ нѣсколько восковыхъ свѣчей и началъ кадить ладаномъ.

Вошелъ воротившійся Кузьма.

— Лекарю-то некогда, къ нему какой-то генералъ пріѣхаль, такъ, слышь, все и сидитъ у него, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, видя, что баринъ ничего его не спрашиваетъ.

— А продалъ ли, что я велѣлъ? спросилъ наконецъ Савелій.

— Пропродалъ, Савелій Шикандринъ, да только де-

шево дали, за обѣихъ-то 75 рублей. — Съ этими словами онъ положилъ деньги на столъ.

— Довольно на похороны? спросилъ Савелій священника.

— Да вѣдь какъ повернете? Надо полагать, что довольно.

Савелій вздохнулъ.

Въ Могилкахъ тоже были слезы. Въ той же самой гостиной, въ которой мы въ первый разъ встрѣтили несокрушимаго, казалось, физически и нравственно Михайла Егорыча, молодцовато и сурово ходившаго по комнатѣ, онъ уже полулежалъ въ креслахъ на колесахъ; правая рука его висѣла, какъ плеть, правая сторона щеки и губъ отвисла. Матрена, еще болѣе пополнившая, поила барина чаемъ съ блюдечка, поднося его, видно, не совсемъ простывшимъ, такъ что больной, хлебнувъ, только морщился и трясъ головою.

— Что попъ?... помолиться, — проговорилъ намеками Михайло Егорычъ.

— Послали, батюшка... не замѣшкуютъ, придутъ, — отвѣчала Матрена. — Похороны, слышь у нихъ сегодня! — прибавила она, вздохнувъ.

— Чьи? — намекнулъ Михайло Егорычъ.

Матрена нѣкоторое время медлила.

— Нашей Анны Павловны, батюшка, — отвѣтила наконецъ она.

Мановскій вдругъ заревѣлъ на весь домъ.

— Батюшка! да о чемъ это? Что это, полноте..

— Миѣ жаль ее, — промычалъ явственно Мановскій и продолжалъ рыдать.

Пришли священники и стали служить всеошную

Михайло Егорычъ крестился лѣвой рукой и все что-то шепталъ губами, а когда служба кончилась, онъ подозвалъ къ себѣ Матрену, показалъ ей рукой на что-то подъ диванъ. Та, видно знавшая, вынула оттуда желѣзную шкатулку.

— Топри, топри, — бормоталъ Михайло Егорычъ.

Матрена отперла ключемъ, навязаннымъ на носовомъ платкѣ барина. Мановскій вынулъ лѣвой рукой пукъ ассигнацій и подалъ священнику.

— Ради чего это? спросилъ тотъ Матрену.

— За покой души! Памятникъ!... — намекнулъ Мановскій.

— Чьей, сударь, души? — спросилъ священникъ.

— Аннушки! Миѣ жаль ее, — промычалъ Михайло Егорычъ и опять заревѣлъ.

XII.

Прошелъ годъ послѣ смерти Анны Павловны. Предводительша возвратилась изъ Петербурга; Боярщина еще чаще стала ѣздить въ Кочарево. Возвратившаяся хозяйка принимала гостей по большей части въ диванной, которую она въ послѣднее время полюбила передъ прочими комнатами, потому что меблировала ее привезенною изъ Петербурга премиленькою мебелью.

Однажды вечеромъ, она полулежала на маленькомъ диванѣ; это была очень еще не старая дама, искренно или притворно чувствительная и вѣчно страдавшая нервами, въ доказательство чего, даже въ настоящую минуту, она держала флаконъ съ одеколономъ въ рукахъ. Около ея ногъ, на креслахъ

помѣщался старый ея супругъ, съ какой-то собачьей преданностью смотрѣвшій ей въ глаза. Изъ гостей были самые частые ихъ гости: Симановская съ мужемъ, Уситкова въ своемъ безсмѣнномъ блондовомъ чепцѣ и, наконецъ, самъ Уситковъ, по загорѣлому и красному цвѣту лица котораго можно было догадаться, что недавно возвратился изъ дальней дороги.

— Наконецъ, вы помѣстили вашего ребенка, — сказала хозяйка, обращаясь къ нему, и онъ разинулъ уже было ротъ, чтобы отвѣчать, но жена перебила его.

— Ничего бы ему не помѣстить, кабы не графъ и не мои къ нему просьбы, — проговорила она.

— А вы видѣли графа?—спросила предводительша Уситкова.

— Видѣлъ-съ, какъ же: постарѣлъ очень, узнать, нельзя, говорить, что какъ пріѣхалъ изъ деревни, все хвораетъ: простудился.

— А еще кого-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ не видали ли?—спросила молоденькая Симановская, имѣвшая склонность, по извѣстному свойству характера, знать какъ можно больше и больше.

— Да кого еще изъ знакомыхъ-то, — отвѣчалъ съ разстановкою Уситковъ. — Эльчанинова видѣлъ, — прибавилъ онъ.

— Что-жь онъ тамъ дѣлаетъ?—спросилъ хозяйинъ.

— Сочинителемъ сдѣлался, сочиненья, говоритъ, пишетъ... только въ тонкихъ, кажется, обстоятельствахъ: послѣ третьяго же слова денегъ попросилъ въ займы, — отвѣчалъ Уситковъ.

— Эльчанинова?—повторила хозяйка, прищуривъ глаза и обращаясь къ мужу. — Не о немъ ли, папаша,

ты писалъ ко мнѣ еще какое-то *романическое приключеніе*, что-то такое, онъ увезъ кого-то, женился что-ли?

— Да, у Задоръ-Мановскаго жену увезъ.

Предводительша произнесла: — а! — и съ какимъ-то особымъ выраженіемъ сжала губы.

— Что, господа, не видали ли кто Михайло Егорыча?—продолжалъ старикъ, обращаясь къ гостямъ.

— Я на дняхъ заѣзжалъ и видѣлъ, —отвѣчалъ Симановскій:—жалко смотрѣть-то стало: изъ этакого сильнаго мужчины сдѣлался какой-то малый ребенокъ.

— Богъ знаетъ, что дѣлаетъ!—произнесла Уситкова, качнувъ головой: — хотя конечно, — прибавила она, — по милости женушки въ такомъ положеніи.

— Что-жь ему женушка сдѣлала?—спросила предводительша.

— Какъ, Софья Михайловна, помилуйте, что сдѣлала?—возразила Уситкова, почти обиженнымъ голосомъ:—осрамила на весь міръ: ну, человекъ съ амбиціей — не вынесъ этого и свалился, хотя опять-таки скажу: Богъ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Гдѣ-жь теперь она? — спросила хозяйка.

— Она, и сама, бѣдненькая, умерла, — отвѣчала грустнымъ голосомъ Симановская.

— Очень бѣдненькая! какъ этакихъ бѣдненькихъ жалѣть, такъ жалости не достанетъ. Была въ связи съ Эльчаниновымъ, тотъ бросилъ, поддѣлалась къ графу, а тутъ и къ лапотнику перешла!—произнесла Уситкова.

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила Симановская: — что у графа и у Савелія она жила, лишившись разсудка, это я навѣрное знаю.

— Да вѣдь и я тоже знаю, не моложе васъ и, можетъ быть, поопытнѣй,—возразила Уситкова.

— У васъ никто и не перебиваетъ вашего права, возразила Симановская.

— Она тутъ, у этого бѣдняка Савелія и умерла?— перебила ихъ хозяйка, обращаясь къ Симановской.

— Тутъ и умерла,—отвѣчала та.

Предводительша вздохнула.

Незадолго до моего отъѣзда изъ Петербурга, одна дѣвушка умерла рѣшительно отъ любви, — произнесла она, и разговоръ на нѣкоторое время прекратился.

— Про графа, кажется, тутъ пустяки говорили... — началъ было хозяинъ.

— Неужели еще онъ думаетъ нравиться женщинамъ?— перебила его стремительно и съ нѣкоторымъ негодованіемъ предводительша.

— Какъ же,—отвѣчалъ старикъ:— онъ и за нашей Клеопашей ухаживалъ.

— Неужели? Ахъ, это мило! Что-жь она?

— Конечно, мазала по губамъ.

— Ахъ, да, она ужасная шалунья въ этихъ случаяхъ, не всѣ имѣютъ такіе легкіе характеры,— произнесла хозяйка и опять вздохнула.

— Клеопатра Николаевна, при всей своей веселости, женщина съ правилами,—начала Уситкова, имѣвшая привычку и хвалить, и бранить человѣчество — рѣзко, гдѣ, по ея расчетамъ, было это нужно.— Я недавно была у нея цѣлый день и не могла налюбоваться, какъ она обращается съ своей дочерью: что называется и строго, и ласково, какъ слѣдуетъ матери,—прибавила она, чтобъ угодить хозяевамъ,

но предводительша не обратила никакого вниманія на ея слова, потому что терпѣть ее не могла, испытавъ на собственномъ имени остроту ея зубовъ.

— Меня все занимаетъ это романическое приключеніе, — начала она: — гдѣ-жь этотъ Савелій? я у тебя, Alexis, его не вижу, отчего онъ не ходитъ къ тебѣ?

— Въ службу, милушка, ушелъ, на Кавказъ, — отвѣчалъ предводитель: — едва и дворянство-то ему выхлопотали.

— Славный будетъ служака, — замѣтилъ Уситковъ.

— Малый здоровый, пѣшкомъ ушелъ на Кавказъ-то, — произнесъ Симановскій, пожившись отъ непрерывной ревматической ломоты въ сухихъ своихъ ногахъ.

— Пѣшкомъ? Ахъ, бѣдненькій; ему вѣрно не на что было ѣхать, — произнесла предводительша и покачала головой.

1845 года. Сентября 30.

Москва.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

INSTYTUT

BADAŃ LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat

Tel. 26-68-63

OKAZALSIENIE W TOMA

FORBES

ОГЛАВЛЕНІЕ II-ГО ТОМА.

БОЯРЩИНА.

	СТР.
Часть первая	1
Часть вторая	325

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА

СОДЕРЖАНИЕ

F

24.186/1-2